ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужь замолкшія давно...
Князь Вяземскій.

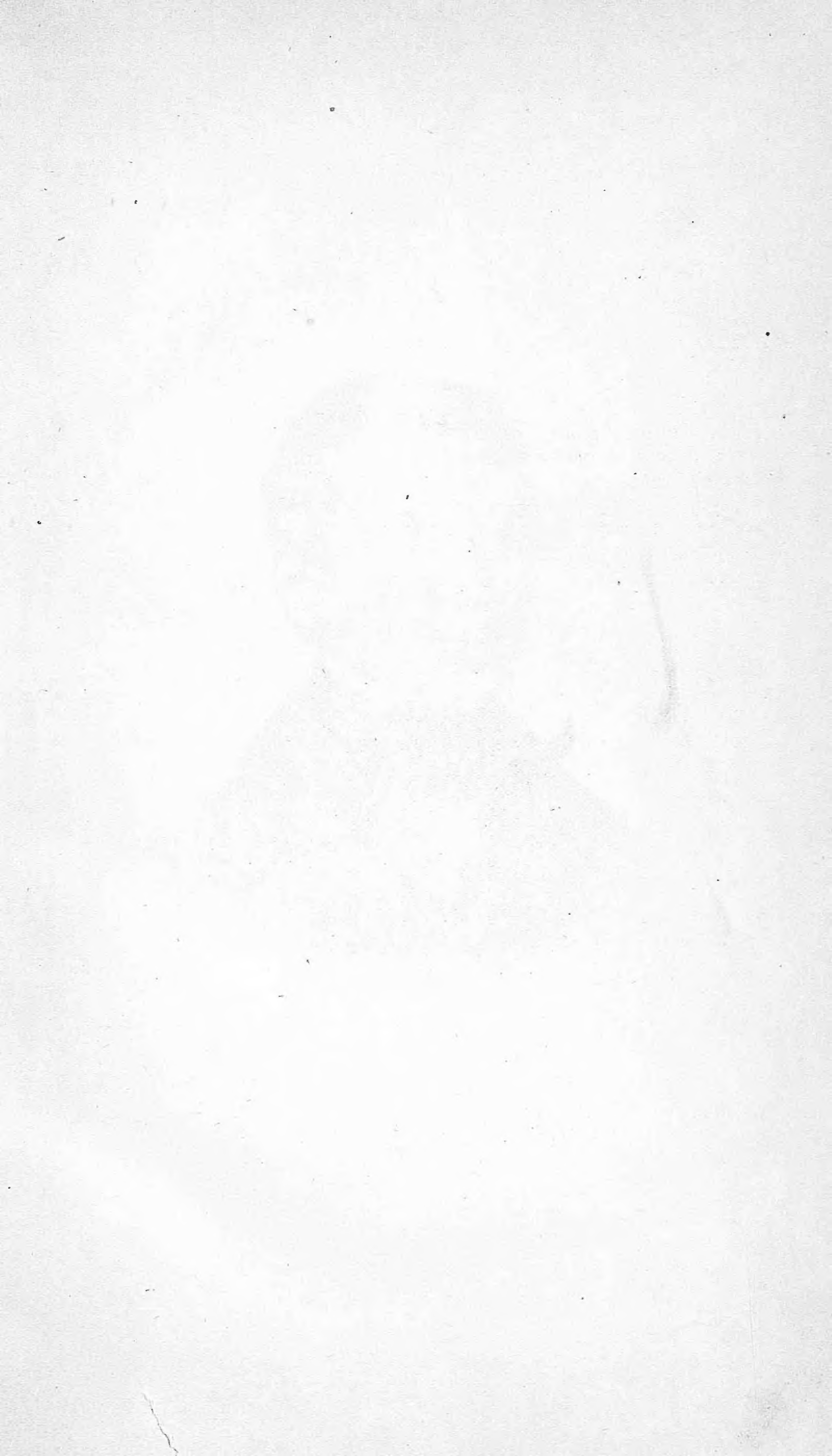
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ
АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВИЧА И ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА
ПОГОДИНЫХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Спб., Вас. Остр., 2 лин., 7.
1888.



М. Погодинъ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

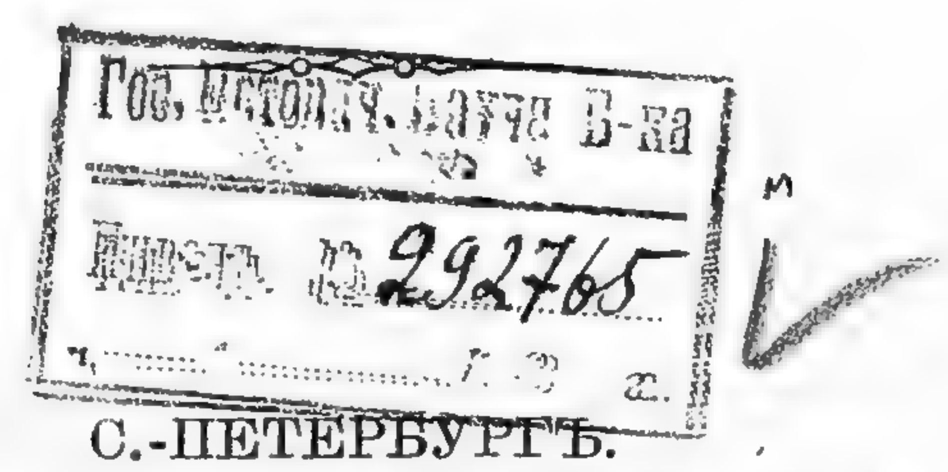
Дни минувшіе и рѣчи,
Ужь замолкшія давно...
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ
АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВИЧА И ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА
ПОГОДИНЫХЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Спб., Вас. Остр., 2 лин., 7,
1888.

1471

Отъ дней моей юности, три мужа, достопамятные въ лѣтописяхъ Русской Исторіи, наполняли мою душу и вызывали въ моемъ сердцѣ неудержимое желаніе начертать ихъ жизнеописанія, въ поученіе и разумъ грядущимъ поколѣніямъ.

Митрополитъ Московскій Филаретъ — это болѣе чѣмъ за полвѣка руководитель церковной жизни и мысли Россіи и всего Православнаго Востока, величавому слову котораго внимали и благочестивые цари, и вселенскіе патріархи, и государственные сановники, и бояре, и простолюдины.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій — это носитель историческихъ и литературныхъ преданій почти за цѣлое столѣтіе, пережившій много эпохъ въ мірѣ политическомъ и въ литературномъ. Много видѣлъ онъ колебаній въ томъ и другомъ: политическія и литературныя свѣтила предъ нимъ восходили и заходили; но на все это смотрѣлъ онъ какъ мудрецъ, поучающійся въ дѣлахъ Божьяго міра. Это поэтъ, дышущій глубиною чувства и блистающій красотою слова, тонкій мыслитель, прозорливый политикъ, освѣщав-

шій событія въ ихъ неотразимомъ значеніи для будущаго и, по признанію Гоголя, обладавшій всѣми качествами, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ. Знатный бояринъ, проникнутый преданіями своего древняго рода и въ то же время съ братскою любовію и христіанскимъ смиреніемъ относившійся къ своимъ собратіямъ по литературѣ, не обращая вниманія къ какому званію и состоянію принадлежалъ каждый изъ нихъ, и къ нуждающемуся брату дружелюбно простиравшій руку помощи,—онъ умѣлъ привлекать къ себѣ возвышеннымъ умомъ, простодушіемъ и, по мѣткому выраженію другого Поэта, *добрѣйшимъ взглядомъ подъ строгою бровью.* Однимъ словомъ, Князь Петръ Андреевичъ былъ средоточіемъ всего возвышеннаго цѣлой эпохи, и сочиненія его, издаваемыя графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Шереметевымъ, послужатъ, по счастливому выраженію Плетнева, «въ назиданіе тѣмъ, которые нѣкогда полюбятъ размышленіе и истину».

Павелъ Михайловичъ Строевъ -- это человѣкъ, принесшій въ жертву *вся красная міра сего* смиренной области Русской Археографіи и ради ея проведшій лучшіе годы свои въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ нашей Древней Письменности, въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда, по его же словамъ, «груды древнихъ книгъ и свитковъ снесены были какъ будто для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истребить ихъ удобнѣе и скорѣе», и такимъ образомъ посвятившій свои дарованія и жизнь сохраненію и обнародованію источниковъ нашей Древней Письменности. Но, *не жалѣйте о томъ* сказалъ, слав-

ный въ историкахъ, Леопольдъ Ранке, *кто занимается этимъ, повидимому, сухимъ трудомъ и черезъ то лишаетъ себя житейскихъ наслажденій... Правда, эти бумаги мертвы, но въ нихъ тлѣетъ остатокъ жизни. Смотрите пристальнѣе: изъ нихъ возрождается жизнь столѣтій.*

И дѣйствительно, какъ повидимому ни скромна подобная дѣятельность, она важна по своему смыслу и значенію для нашего умственнаго и нравственнаго спасенія и обновленія. «Сокрушимы всѣ силы человѣческія», сказалъ неложно нашъ незабвенный Шевыревъ, «на несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя, противъ адскихъ орудій истребленія изобрѣсти другія болѣе истребительныя. Но несокрушимы силы Русскія будутъ, пока *силы небесныя съ нами.* Вотъ наше вѣрованіе», а источникъ его въ нашей Древней Письменности.

Завѣтная мечта моя осуществилась только отчасти: мнѣ удалось представить очеркъ *Жизни и Трудовъ П. М. Строева,* въ книгѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1878 году; митрополитъ же Филаретъ и Князь Вяземскій остались для меня неприступными идеалами.

За то, какъ бы въ вознагражденіе за мое доброе, но дерзновенное стремленіе, мнѣ выпалъ счастливый жребій напомнить соотечественникамъ о жизни и трудахъ Михаила Петровича Погодина, который также жилъ и трудился болѣе полувѣка, предъ которымъ также прошелъ преемственно цѣлый рядъ поколѣній, и, повѣствуя о Погодинѣ, невозможно умолчать ни о Митрополитѣ Филаретѣ, ни о Князѣ Вяземскомъ, ни о П. М. Строевѣ. Да къ тому же имя Погодина, какъ и вообще имена старыхъ профессоровъ Московскаго Университета, было мнѣ почтенно и

любезно съ самаго дѣтства. Отецъ нашъ, питомецъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, учился у Погодина, и въ теченіе всей долгой жизни, въ своемъ сельскомъ уединеніи, съ любовію слѣдилъ за дѣятельностію его, восхищался его патріотическими статьями, гордился, что имѣлъ такого наставника и оплакивалъ его кончину; а съ 1867 года я сталъ лично извѣстенъ М. П. Погодину, и съ тѣхъ поръ пользовался его довѣріемъ и расположеніемъ.

По кончинѣ М. П. Погодина, послѣдовавшей 8 декабря 1875 года, достопочтенная супруга его Софія Ивановна задалась благою мыслію почтить память сего замѣчательнаго человѣка начертаніемъ его жизнеописанія и съ этою цѣлію собрала и сохранила всѣ оставшіяся послѣ его смерти бумаги, могущія служить источникомъ для таковаго жизнеописанія; а для бо́льшей сохранности передала сіе архивное богатство въ Московскій Публичный и Румянцевскій музеи. Зная мои отношенія къ покойному Михаилу Петровичу, Софія Ивановна, чрезъ посредство Александра Ивановича Кошелева и Алексѣя Егоровича Викторова, обратилась ко мнѣ съ просьбою написать жизнеописаніе ея супруга. Не безъ колебаній рѣшился я возложить на себя это бремя и 5 ноября 1882 года, въ Москвѣ, между нами состоялось условіе, засвидѣтельствованное А. И. Кошелевымъ и А. Е. Викторовымъ. Въ силу сего условія, всѣ оставшіяся послѣ смерти М. П. Погодина бумаги, а именно: дневники, переписка, автографы нѣкоторыхъ сочиненій и проч., переданы были мнѣ изъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ,

для извлеченія потребныхъ для жизнеописанія матеріаловъ *).

Такимъ образомъ, въ мои руки перешелъ громадный *Погодинскій Архивъ*, обнимающій собою три четверти XIX столѣтія.

Прежде всего надлежало потрудиться надъ самимъ Архивомъ и отдѣлить *пшеницу* отъ *плевелъ*.

При этомъ я не могу не вспомнить съ сердечною признательностью о селѣ Михайловскомъ, гдѣ началась и завершилась эта трудная начальная работа. Тамъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ Графа и Графини Шереметевыхъ, среди самыхъ благопріятныхъ условій, пользуясь прекрасною библіотекою, я въ осенніе мѣсяцы нѣскольких годовъ, безмятежно трудился надъ разработкою *Погодинскаго Архива*, и успѣшнымъ ходомъ сего дѣла, главнымъ образомъ, обязанъ моимъ юнымъ сотрудникамъ и сотрудницѣ. Они терпѣливо снимали копіи съ архивныхъ бумагъ, дѣлали потребныя выписки и проч. Въ этомъ кропотливомъ трудѣ принимали также живое участіе гостившія въ Михайловскомъ, графиня Варвара Васильевна Гудовичъ и графиня Марія Владиміровна Мусина-Пушкина.

Когда источники были разработаны, я приступилъ къ изложенію *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина*. При этомъ, не мудрствуя лукаво, я старался плыть, такъ сказать, по теченію жизни и стремился

---

*) Послѣ кончины Софіи Ивановны Погодиной, послѣдовавшей 20 января 1887 г., весь Архивъ М. П. Погодина поступилъ въ собственность Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что изданіе заключающихся въ немъ бумагъ можетъ послѣдовать не иначе какъ съ согласія внуковъ М. П. Погодина: Александра Дмитріевича и Петра Дмитріевича Погодиныхъ.

исполнить завѣтъ Хомякова, заключающійся въ его стихѣ:

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни доспроси!

Выпуская нынѣ первый томъ моего многолѣтняго труда, въ которомъ описаны юные годы Погодина, я долгомъ считаю предупредить, что инымъ могутъ показаться взгляды Погодина на лица, событія и предметы несогласными съ тѣми взглядами, которые онъ высказывалъ впослѣдствіи. Но вспомнимъ слова Св. Апостола Павла: *Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ: а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое* (I Кор. 13, 11).

Долгъ признательности обязываетъ меня принести глубочайшую благодарность: дочерямъ М. П. Погодина Александрѣ Михайловнѣ Зедергольмъ и Аграфенѣ Михайловнѣ Плечко, внукамъ его Александру Дмитріевичу и Петру Дмитріевичу Погодинымъ, а также Елпидифору Васильевичу Барсову, Ѳедору Ивановичу Буслаеву, Михаилу Алексѣевичу Веневитинову, Матвѣю Авелевичу Гамазову, Геннадію Ѳедоровичу Карпову, Дмитрію Петровичу Лебедеву, Борису Павловичу Мансурову, Павлу Алексѣевичу Ордынскому, Ивану Васильевичу Помяловскому, Александру Николаевичу Пыпину, Михаилу Ивановичу Сухомлинову и Тертію Ивановичу Филиппову за ихъ содѣйствіе, полезные совѣты и указанія.

Въ заключеніе не могу не выразить моей глубочайшей признательности Управленію Императорской Публичной Библіотеки въ лицѣ ея достопочтеннаго Директора Аѳанасія Ѳедоровича Бычкова, Помощ-

ника его Леонида Николаевича Майкова и господъ библіотекарей Владиміра Петровича Ламбина, Ивана Аѳанасьевича Бычкова, Владиміра Ивановича Саитова и Карла Ѳедоровича Феттерлейна.

Двери нашей Отечественной Сокровищницы были всегда для меня дружелюбно открыты и въ поименованныхъ почтенныхъ лицахъ постоянно находилъ сочувствіе, поддержку и ободреніе.

Николай Барсуковъ.

31 Октября 1887 года.
Село Ашитково,
Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Въ 1871 году, Михаилъ Петровичъ Погодинъ, посвящая императору Александру Второму свою *Древнюю Русскую исторію до Монгольскаго ига*, заявилъ, что онъ ведетъ свой родъ изъ крѣпостнаго крестьянства. И дѣйствительно: отецъ Погодина, Петръ Моисеевичъ, былъ сынъ крестьянина села Никольскаго-Галкина, Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. Село это принадлежало извѣстному дипломату Екатерининскихъ временъ графу Петру Григорьевичу Чернышову, женатому на дочери знаменитаго Андрея Ивановича Ушакова, Екатеринѣ Андреевнѣ. Дочь ихъ, графиня Дарья Петровна вышла замужъ за фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова и въ приданое получила село Никольское-Галкино, въ которомъ и родился отецъ Погодина. Свѣдѣній о дѣдѣ Погодина мы не имѣемъ; но бабушка его славилась во всемъ околодкѣ своею добродѣтельною жизнію. Она дожила до глубокой старости. Впослѣдствіи, когда сыну ея улыбнулось счастіе и онъ вышелъ изъ крестьянскаго міра, она ни за что на свѣтѣ не хотѣла оставить своей крестьянской избы и только воспользовалась возможностію щедрою рукою помогать бѣднымъ. И отецъ Погодина, Петръ Моисеевичъ, по свидѣтельству сына, до своей кончины питалъ къ ней неограниченное сыновнее почтеніе и вѣровалъ, что живетъ ея молитвами. И эта вѣра оправдалась и въ сынѣ ея и во внукѣ ея. Служба Петра Моисеевича началась съ 1773 года, еще при графинѣ Екатеринѣ Андреевнѣ

Чернышовой; а съ 1783 года продолжалась при графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ, который, какъ мы уже упомянули, женился на графинѣ Дарьѣ Петровнѣ Чернышовой. Источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ эти свѣдѣнія, гласитъ, что Петръ Моисеевичъ занимался „письменными дѣлами въ домовой конторѣ и въ другихъ мѣстахъ“. Труды Петра Моисеевича не пропали даромъ. Они были замѣчены и оцѣнены графомъ И. П. Салтыковымъ, который, по отзыву современниковъ, „во всю свою жизнь никого не сдѣлалъ несчастнымъ, былъ чуждъ постыдной гордости, презиралъ только высокомѣрныхъ временщиковъ и отличался ласковымъ, добродушнымъ пріемомъ“. [1]).

6 іюля 1796 года, графъ Салтыковъ перевелъ Петра Моисеевича въ Москву, сдѣлавши его своимъ „домоправителемъ“, и въ его вѣдѣніе поступили Московскіе дома, контора, со всѣми въ вѣдомствѣ оной находящимися людьми, вотчинами, фабриками и заводами. Вскорѣ послѣ того, а именно по кончинѣ императрицы Екатерины, и самъ графъ И. П. Салтыковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Главнымъ стремленіемъ и главною заботою новаго главнокомандующаго было: „искоренять въ присутственныхъ мѣстахъ лихоимство, водворять повсемѣстный порядокъ и благочиніе“ [2]) и этимъ самымъ онъ снискалъ себѣ въ древней столицѣ „всеобщую любовь и уваженіе.“. Важный постъ начальника Москвы графъ Салтыковъ занималъ до 1 мая 1804 года и затѣмъ вскорѣ скончался. Въ теченіи девяти лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, на рукахъ его домоправителя Погодина было „денежной суммы *два милліона четыреста девятнадцать тысячъ триста девяносто рублей тридцать девять копѣекъ*, кладовые съ сервизнымъ и прочимъ серебромъ, погреба съ виноградными винами, магазины съ хлѣбными и прочими припасами“. Все это, при оставленіи должности домоправителя Салтыковыхъ, Петръ Моисеевичъ сдалъ „въ цѣлости и никакихъ начетовъ на немъ не оказалось“. Въ 1806 году, сынъ фельдмаршала графа Салтыкова, графъ

Петръ Ивановичъ, по кончинѣ своего отца, въ знакъ признательности къ Петру Моисеевичу за таковую его „честную, трезвую, усердную и долговременную службу“, отпустилъ Петра Моисеевича, съ женою его и дѣтьми, „вѣчно на волю“ [3]). Почтимъ же память великодушнаго и признательнаго освободителя. Графъ Петръ Ивановичъ запечатлѣлъ кровію свое служеніе Отечеству. Тяжело раненый при Аустерлицѣ, онъ сформировалъ собственный гусарскій полкъ въ достопамятный 1812 годъ и въ томъ же году скончался отъ горячки, получивъ эту болѣзнь въ лазаретахъ, которые онъ ежедневно посѣщалъ и гдѣ лѣчились больные солдаты. [4]). Такимъ образомъ, онъ исполнилъ завѣтъ Евангельскій и положилъ животъ свой за други своя. По свидѣтельству М. П. Погодина, графъ П. И. Салтыковъ, „умирая, завѣщалъ всѣхъ своихъ крестьянъ, въ числѣ двадцати тысячъ душъ, отпустить на волю, но возникло, по поводу этого завѣщанія, дѣло, длившееся очень долго и конченное вопреки завѣщателю“.

Получивъ волю, Петръ Моисеевичъ опредѣлился на службу въ С.-Петербургское Правленіе Государственнаго Заемнаго Банка канцеляристомъ; но тамъ онъ оставался недолго и проходилъ службу въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ, и 1812 годъ засталъ его въ штатѣ Московской Управы Благочинія, въ числѣ канцелярскихъ служителей [5]).

Въ то время, когда П. М. Погодинъ былъ домоправителемъ Салтыковыхъ и проживалъ въ Москвѣ на Тверской, у него, 11 ноября 1800 года, родился сынъ Михаилъ, прославившій впослѣдствіи имя свое въ лѣтописяхъ Русскаго Просвѣщенія. Воспріемникомъ отъ св. купели у новорожденнаго былъ Петръ Васильевичъ Мятлевъ, женатый на дочери фельдмаршала Салтыкова, графинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ. Домъ на Тверской, въ которомъ родился Погодинъ, во владѣніи Салтыковыхъ съ 1716 года, а въ настоящее время принадлежитъ Петру Ивановичу Мятлеву. [6]).

II.

Первымъ наставникомъ Погодина былъ домашній писарь, который выучилъ его грамотѣ очень рано и очень скоро. По восьмому году Погодина посадили за Грамматику, Ариѳметику и за Нѣмецкіе *Вегеменовы разговоры,* не выучивъ его предварительно ни склоненіямъ, ни спряженіямъ Нѣмецкаго языка. Первые два предмета шли хорошо, но послѣдній „мучилъ его до слезъ“. Этимъ предметамъ его училъ отставной дядька Хомутовыхъ Петръ Яковлевъ Сумароковъ. „Я видѣлъ очень мало книгъ, писалъ впослѣдствіи Погодинъ, около себя, но тогда уже запала мнѣ въ голову мысль, не знаю какимъ образомъ, что въ книгахъ заключается вся премудрость человѣческая, и что тотъ долженъ ихъ читать, кто хочетъ быть умнымъ“. Первыя книги, полученныя имъ въ подарокъ, были: *Толкованіе на Посланіе св. апостола Павла*, Новиковской печати, и такъ называемая книга *Языкъ*, переведенная Семеномъ Волчковымъ, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Нѣсколько разъ принимался онъ читать обѣ эти книги и никакъ не могъ дойти дальше вторыхъ или третьихъ страницъ, хотя и старался принуждать себя идти впередъ, и это сокрушало его „сердечно“. Отъ одного своего сосѣда Погодинъ узналъ о существованіи на свѣтѣ журналовъ; кстати ему попалось на глаза нѣсколько книжекъ *Вѣстника Европы* и онъ упросилъ своего отца подписаться на слѣдующій 1809 годъ этого журнала. Во 2-мъ и 3-мъ №№-хъ была помѣщена повѣсть Жуковскаго *Марьина роща.* Повѣсть эта произвела сильное впечатлѣніе на Погодина. „Слезы сыпались у меня градомъ, писалъ онъ, когда я читалъ о разлукѣ Маріи съ Усладомъ; когда дѣло доходило до его возвращенія, до посѣщенія пустаго терема Рогдаева, до вѣнка, который онъ бросилъ въ Москву рѣку, я просто выходилъ изъ себя и лишался чувствъ; нѣсколько разъ принимался я читать ее, и про себя, и для всѣхъ своихъ домашнихъ, и

никогда не могъ окончить чтеніе безъ слезъ". Однажды мать Погодина повела его къ купцамъ Пушниковымъ читать эту повѣсть, и тамъ повторилось опять тоже явленіе. Но кромѣ этой повѣсти Жуковскаго, *Вѣстникъ Европы* не доставлялъ Погодину „пріятнаго чтенія". Сердце влекло его къ другому Московскому журналу, къ *Русскому Вѣстнику* С. Н. Глинки, который болѣе соотвѣтствовалъ тогдашнему настроенію нашихъ соотечественниковъ [7]). „Побѣды Наполеона", писалъ князь П. А. Вяземскій, „постепенно порабощая Европу, грозили независимости всѣхъ государствъ. Надлежало драться не только на поляхъ битвы, но воевать и противъ нравовъ, предубѣжденій, малодушныхъ привычекъ. Европа онаполеонилась. Россіи, прижатой къ своимъ степямъ, предлежалъ вопросъ: быть или не быть, то есть слѣдовать за общимъ потокомъ и поглотиться въ немъ, или упорствовать до смерти или до побѣды? Перо Глинки первое на Руси начало перестрѣливаться съ непріятелемъ. Онъ не заключалъ перемирія даже и въ тѣ роздыхи, когда Русскіе штыки отмыкались. Мнѣнія, имъ оглашаемыя, и отзывъ, который они встрѣчали въ массахъ читателей, не могли ускользнуть отъ неусыпнаго, безпокойнаго и ревниваго деспотизма Наполеона. Глинка, подобно г-жѣ Сталь, имѣлъ честь обратить на себя вниманія его и негодованіе. Французскій посолъ, Коленкуръ, жаловался нашему правительству на непріязненный духъ *Русскаго Вѣстника*. Вообще въ литературѣ нашей проявлялись воинственное направленіе и противодѣйствіе силѣ событій. Гроза *двѣнадцатаго года* и дымъ Московскаго пожара чуялись уже въ воздухѣ. „Въ святомъ ополченіи", справедливо замѣчаетъ далѣе князь Вяземскій, „за честь и право отечества не каждый можетъ быть полководцемъ, не каждому присуждено присвоить себѣ рѣшительную побѣду. Но каждый ратникъ, съ любовью и мужествомъ исполнившій свою обязанность, стоявшій всегда подъ ружьемъ, въ передовой дружинѣ, не даромъ посвятилъ себя на благое дѣло. Пускай счастливѣйшіе стоятъ выше его въ памяти народной и сіяютъ

избраннѣйшею славою, но и его удѣлъ почетенъ. Имя его также должно быть произносимо съ сочувствіемъ въ общихъ поминовеніяхъ о усердныхъ дѣятеляхъ на стезѣ истины и пользы“ [8]).

Теперь намъ становится яснымъ, почему сердце влекло Погодина къ *Русскому Вѣстнику*. По словамъ самого Погодина, развитію патріотическаго чувства въ немъ не мало также способствовалъ одинъ пѣхотный офицеръ, который изъ Покровскихъ казармъ хаживалъ въ домъ его родителей и за стаканомъ пунша сообщалъ извѣстія о Турецкой войнѣ. Родители Погодина получали также *Московскія Вѣдомости*. „Всякую середу и субботу“, писалъ Погодинъ, „рано по утру выбѣгалъ я за ворота дожидаться типографскаго сторожа солдата, который разносилъ оныя, и котораго я какъ теперь помню въ темно-голубомъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, подпоясаннаго, плѣшиваго“. Извѣстія о сраженіяхъ и побѣдахъ сильно волновали Погодина. *Русскій Вѣстникъ* все болѣе и болѣе восхищалъ его патріотическими описаніями разныхъ подвиговъ. Геройская кончина генерала Мозовскаго, описанная въ 1-мъ нумерѣ этого журнала, была выучена имъ наизусть. Не могъ довольно налюбоваться онъ и портретами, помѣщаемыми въ этомъ журналѣ: царя Алексѣя Михаиловича, Симеона Полоцкаго, Димитрія Донского. Все это вселило въ Погодинѣ непреодолимое желаніе пріобрѣсть сполна *Русскій Вѣстникъ*. Отецъ Погодина, видимо поощряя книжныя стремленія своего сына, доставилъ ему и средства къ пріобрѣтенію книгъ. У него въ домѣ два раза въ недѣлю собирались гости и играли въ бостонъ, и Петръ Моисеевичъ Погодинъ назначалъ своему сыну деньги, кои послѣ игры отдаются за карты. Съ этихъ поръ Михаилъ Погодинъ имѣлъ вѣрный доходъ рублей пять въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ *Русскій Вѣстникъ*. „Это“, замѣчаетъ онъ, „былъ первый признакъ, на десятомъ году отъ роду, моей охоты къ собраніямъ, которая впослѣдствіи усилилась до такой степени“.

Кромѣ *Русскаго Вѣстника*, Погодинъ стремился пріобрѣ-

тать и другія книги. Былъ у него одинъ молодой родственникъ, служившій въ Управѣ Благочинія. Онъ далъ ему рубля два денегъ и попросилъ его купить ему книги и въ награду получилъ отъ него *Юлію или Подземелье Мадзини*, романъ г-жи Радклифъ. Ужасы, тамъ описываемые, поразили мальчика и возбудили въ немъ охоту къ чтенію книгъ этого рода. Вскорѣ его библіотека обогатилась слѣдующими произведеніями: *Алексисъ или домикъ въ лѣсу, Викторъ или дитя въ лѣсу, Лолотта и Фанфанъ, Яшенька и Жеоржетта, Поль или оставленная аренда, Целина или дитя тайны* (въ 6 частяхъ), *Катенька или найденное дитя* Дюкре-Дюмениля, *Лѣсъ или аббатство Сенклеръ* (въ 8 ч.), *Удольфскія таинства,* г-жи Радклифъ, *Страданія Ортенберговой фамиліи* Коцебу (въ 2 ч.), *Видѣнія въ Пиринейскомъ замкѣ* (въ 8 ч.) Радклифъ, *Мальчикъ, наигрывающій разныя штуки колокольчиками* Коцебу. Всѣ эти книги однѣ за другими были „проглочены" восьми-девятилѣтнимъ мальчикомъ! Но не одинъ изъ этихъ романовъ не тронулъ его такъ сильно, какъ *Пальмиръ и Вольмениль, маленькіе сироты, или деревушка на берегахъ Дюрансы,* соч. Дюкре-Дюмениля *).

„Слезно я плакалъ", писалъ Погодинъ, „надъ несчастіями бѣдныхъ сиротъ, читая и перечитывая ихъ запутанныя приключенія". Для насъ этотъ чувствительный романъ имѣетъ и другое значеніе. Онъ послужилъ поводомъ сближенія мальчика Погодина съ семействомъ почтеннаго типографщика Андрея Гордѣевича Рѣшетникова; это сближеніе имѣло важное и благодѣтельное вліяніе на дальнѣйшее образованіе Погодина; о чемъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Рядомъ съ чтеніемъ романовъ, мальчикъ Погодинъ увлекался и театромъ. Въ первый разъ онъ пошелъ въ театръ съ своимъ домашнимъ учителемъ, въ бенефисъ знаменитаго Сандунова. На афишѣ, его привлекшей, было объявлено: *Клодомира,* драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, и *Гостиный дворъ* или

---

*) Въ восьми частяхъ. Москва, въ типографіи Рѣшетникова, 1804—1805 г.

Какъ поживешь, такъ и прослывешь, комическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Погодинъ полюбилъ театръ „безъ памяти", ходить же туда не было средствъ; но, на его счастіе, наняла у нихъ домъ г-жа Татищева, имѣвшая свою ложу въ театрѣ. Она предоставляла ее иногда семейству Погодиныхъ. Пяти-актная драма *Генералъ Шенсгеймъ* тронула мальчика до глубины сердца. Воробьева, игравшая жену Эйму, Мочаловъ (отецъ), игравшій ея мужа, и Колпаковъ—генерала Шенсгейма сдѣлались его любимцами, его героями. Всякій спектакль былъ для него праздникомъ, оставлявшимъ впечатлѣніе на цѣлый мѣсяцъ. Нельзя также не упомянуть объ одной невинной страсти мальчика Погодина,—это къ игрѣ въ бабки. Нагулявшись по бѣлу свѣту съ своими романтическими героями, онъ выходилъ на дворъ къ себѣ или къ сосѣдямъ играть съ первымъ встрѣчнымъ мальчикомъ. Охота эта была такъ велика, что впослѣдствіи самъ Погодинъ сознавался, что „даже и теперь, не смотря на академическое достоинство, я не могу пройти мимо кона бабокъ безъ того, чтобъ не посмотрѣть, какъ кто бьетъ и сколько сшибаетъ" [9]).

Но не одними иностранными романами, театромъ и бабками увлекалась юная душа Погодина. Сѣмена, брошенныя добрымъ С. Н. Глинкою, попали не на каменистую почву. „Вашъ *Русскій Вѣстникъ*", писалъ онъ ему впослѣдствіи, съ портретами царя Алексѣя Михаиловича, Димитрія Донского и Зотова возбудили во мнѣ первое чувство любви къ Отечеству, Русское чувство, и я благодаренъ вамъ во вѣки вѣковъ". [10]).

Благодаря этому вліянію, въ Погодинѣ возбудила „великое къ себѣ уваженіе" книга П. В. Нехочина *Ядро Россійской Исторіи*. Эту „вожделѣнную" книгу онъ получилъ въ подарокъ отъ своего отца. „Это была", писалъ Погодинъ, „первая *Русская Исторія*, мною прочитанная, изъ которой я узналъ о Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, и пр.". Погодинъ увлекался также *Письмами Русскаго Офицера о войнѣ 1806 года*, Ѳ. Н. Глинки. Здѣсь ему очень нравилось описаніе дѣйствій

Кутузова, Милорадовича, Багратіона. Вмѣстѣ съ объявленіемъ объ *Ядрѣ*, помѣщено было въ тогдашнихъ газетахъ извѣстіе о подпискѣ на путешествіе Пиѳагора, которое подстрекало любопытство мальчика описаніемъ разныхъ таинствъ древнихъ жрецовъ Египетскихъ. Но средствъ на покупку этой книги недоставало и Погодинъ принужденъ былъ остаться при одномъ желаніи. [11]).

Такимъ образомъ, дѣтство Погодина, по свидѣтельству его товарища Алексѣя Зиновьевича Зиновьева, „проходило въ семейномъ кругу, который совершенно отличался отъ современнаго состоянія семейной жизни. Россія, едва окончивъ одну войну, начинала другую — общеевропейскую, послѣдствія которой нельзя было предугадывать. Мальчикъ Погодинъ любилъ читать газеты, но газеты читать любилъ онъ потому, что онѣ содержали въ себѣ описанія героическихъ подвиговъ, которыми особенно изобиловала эта борьба Россіи съ цѣлою Европою. Еще не охладѣло удивленіе къ безсмертнымъ подвигамъ Суворова, Орлова, Румянцова, Потемкина, а уже на театрѣ войны славились имена достойныхъ соревнователей вѣка Екатерины, имена Кутузова, Багратіона, Платова, Барклая-де-Толли, Кульнева, Дениса Давыдова, и проч. Столь глубокія впечатлѣнія не могли не имѣть вліянія на развитіе чувства патріотизма, любви къ отечеству, преданности престолу, уваженія ко всѣмъ сословіямъ въ образующемся тогда юношествѣ. Эти добродѣтели достигли сильнаго развитія въ душѣ Погодина“. [12]).

III.

Примѣръ Новикова и Типографической Компаніи чрезвычайно оживилъ типографскую дѣятельность въ Россіи. Казенныя типографіи размножались и улучшались. Изъ частныхъ, существовавшихъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, назовемъ типографіи Московскія: Разсказова, Пономарева, Гип-

піуса, Клаудія, Мейера, Анненкова, Зеленникова, а вскорѣ потомъ—Рѣшетникова и Селивановскаго. [13]).

Это были своего рода центры просвѣщенія, ибо типографщики того времени по большей части были, по справедливому замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина, „любители литературы, а не просто промышленники“ [14]). Таковымъ былъ и почтенный Андрей Гордѣевичъ Рѣшетниковъ, имѣвшій типографію на Петровкѣ.

Вотъ обстоятельство, которое сблизило Погодина съ „строгимъ“, но добрымъ старикомъ Рѣшетниковымъ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ сильно увлекался романами. Купивъ романъ Дюкре-Дюмениля *Пальмиръ* и *Вольмениль*, онъ, „къ величайшему своему горю“, замѣтилъ, что экземпляръ этого романа ему попался не полный, безъ послѣдней части, и это повергло его въ отчаяніе. Вдругъ въ головѣ его блеснула счастливая мысль обратиться въ типографію, гдѣ онъ напечатанъ. По счастію, это была типографія Рѣшетникова, съ которымъ отецъ Погодина былъ прежде знакомъ и даже имѣлъ случай оказать ему какую-то услугу. Съ позволенія отца, онъ отправился въ типографію. Жили Погодины за Покровкой, въ Казенномъ переулкѣ, а типографія помѣщалась на Петровкѣ; слѣдовательно, путь былъ далекій, а отправился Погодинъ туда пѣшкомъ. Маленькій мальчикъ, пришедшій одинъ издалека за книгами, заинтересовалъ Рѣшетниковыхъ. „Я имѣлъ счастіе“, писалъ Погодинъ, „понравиться старику и его женѣ“, у которыхъ былъ также сынъ его лѣтъ. Рѣшетниковы осыпали пришедшаго къ нимъ мальчика ласками, подарили ему нѣсколько книгъ, напечатанныхъ въ ихъ типографіи, и, между прочимъ, *Переложеніе псалмовъ въ стихи*, тогда только что изданное, и пригласили его ходить къ нимъ какъ можно чаще. Внѣ себя отъ радости возвратился Погодинъ домой и разсказалъ своимъ родителямъ о счастливомъ успѣхѣ своего смѣлаго путешествія. Романовъ, однако же, въ его добычѣ не оказалось. Строгій старикъ Рѣшетниковъ, видно, не одобрилъ вкуса восторженнаго мальчика. Погодинъ воспользо-

вался приглашеніемъ Рѣшетниковыхъ и ходилъ къ нимъ довольно часто, и всякій разъ возвращался съ новыми книжными пріобрѣтеніями. Отецъ Погодина, тронутый вниманіемъ, оказываемымъ его сыну, поѣхалъ благодарить Рѣшетниковыхъ и знакомство между ними возобновилось. Старики Рѣшетниковы полюбили Погодина наконецъ до такой степени, что предложили его родителямъ отдать его къ нимъ жить и учиться вмѣстѣ съ ихъ сыномъ. Предложеніе это было принято съ радостью и благодарностью.

Безпрестанно ходилъ Погодинъ къ Рѣшетниковымъ навѣдываться: скоро ли можетъ переѣхать къ нимъ. Но въ то время, когда назначенъ былъ день переѣзда, съ Погодинымъ случилось слѣдующее происшествіе. Возвращаясь однажды отъ Рѣшетниковыхъ, онъ шелъ по Никольской улицѣ, гдѣ въ это время ломали старинный домъ Духовной Типографіи. Каменьщики подломили уже послѣднее отдѣленіе стѣны. Когда стѣна съ ужаснымъ трескомъ и громомъ повалилась на улицу, то Погодина сильно зашибло камнемъ въ ногу. „Очень живо помню себя“, писалъ онъ, „въ фризовой шинели оленеваго цвѣта, лежащаго въ углу дома Кусовскаго и горько плачущаго“. Нашлись, однако же, христолюбцы, которые подняли бѣднаго мальчика, посадили на извощика и отвезли домой. По выздоровленіи, Погодинъ переѣхалъ къ Рѣшетниковымъ.

Здѣсь, на 11-мъ году жизни, началось его воспитаніе. Наставниками его были студентъ Духовной Академіи Посниковъ, впослѣдствіи Московскій протоіерей, и г. Порта, а товарищами—сынъ Рѣшетникова и знаменитый впослѣдствіи врачъ Оверъ. Посниковъ преподавалъ Латинскій и Нѣмецкій языки. Онъ заставлялъ учить Бредерову Латинскую грамматику и потомъ переводить примѣры синтаксическихъ правилъ вмѣстѣ съ статьями изъ христоматіи. Учиться по французски ходили они въ домашній пансіонъ г. Порта, который помѣщался напротивъ, въ домѣ дьячка. Географія, Исторія и Русскій языкъ совсѣмъ не преподавались. „Но главное“, писалъ По-

годинъ, „я жилъ въ типографіи, гдѣ печатаются книги, куда сходились авторы и издатели“. Разумѣется, Погодинъ пересмотрѣлъ всѣ заглавія книгъ и принялся читать ихъ. На другой или на третій мѣсяцъ своего пребыванія у Рѣшетниковыхъ, онъ даже вздумалъ самъ переводить книгу и „возмечталъ“ о печатаніи. Это была какая-то старинная Нѣмецкая комедія, подъ заглавіемъ *Юлія Гаргровъ*, въ 5-ти дѣйствіяхъ. Онъ началъ заниматься этимъ переводомъ въ классѣ Нѣмецкаго языка. „Часто мнѣ хотѣлось“, писалъ Погодинъ „употребить выраженіе: *чортъ возьми* и т. под., коими я надѣялся придать красы своему переводу; но строгій семинаристъ, почти уже дьяконъ, вооружался противъ нихъ сильно“. Мѣсяца черезъ два переводъ былъ готовъ и Погодинъ вздумалъ посвятить его своему освободителю, графу Петру Ивановичу Салтыкову, надѣясь получить отъ него какой либо подарокъ для приращенія своей библіотеки. Переписавъ тетрадь, отправился онъ съ отцемъ, который очень радовался успѣхамъ и замысламъ своего сына, въ первый день Свѣтлаго праздника, въ знакомый ему домъ на Тверской. Но надежда его обманула, и Погодинъ съ горечью замѣчаетъ: „Холодный, невнимательный магнатъ принялъ тетрадь изъ рукъ одиннадцатилѣтняго мальчика, сказалъ мнѣ чтò-то, мною позабытое, и ничѣмъ его не потѣшилъ. Первая несбывшаяся литературная надежда, — за коею слѣдовали и слѣдуютъ многія другія“. Напомнимъ, однако, что этотъ „холодный и невнимательный магнатъ“ даровалъ свободу семейству Погодина, положилъ животъ свой за други своя, и блаженную кончину его самъ же Погодинъ оплакалъ горькими стихами, которые, къ сожалѣнію, уничтожилъ. Впрочемъ, Погодинъ не унывалъ и принялся переводить другую комедію, подъ заглавіемъ *Двѣ Сестры*, которую посвятилъ крестному отцу своему, Петру Васильевичу Мятлеву, и также не получилъ награды; но, замѣчаетъ Погодинъ, это случилось по какому-то „странному недоразумѣнію“. Погодинъ не остановился и тогда же перевелъ Флоріанова *Добраго сына* и посвятилъ своей матери, чтò

„разумѣется“, замѣчаетъ онъ, „доставило мнѣ гораздо болѣе сладкаго удовольствія“.

Между тѣмъ, побывалъ Погодинъ съ своими товарищами въ Нѣмецкой книжной лавкѣ и выбралъ себѣ тамъ для перевода дѣтскую книжку съ красивыми картинками, которая, по его разсчетамъ, непремѣнно должна была имѣть хорошій сбытъ. Заглавіе ея ему не понравилось и онъ сочинилъ свое, болѣе обширное и громкое. Но что это была за книжка и какая судьба ее постигла,—намъ неизвѣстно. [15]).

Такъ прошелъ почти годъ пребыванія Погодина у Рѣшетниковыхъ и наступилъ *1812 годъ.* Картина обгорѣлой и наполненной трупами Москвы навсегда запечатлѣлась въ душѣ Погодина и имѣла неотразимое вліяніе на его послѣдующую дѣятельность.

IV.

1812 годъ „останется навсегда знаменательною эпохою въ нашей народной жизни. Равно знаменательна она и въ частной жизни того, кто прошелъ сквозь нее и ее пережилъ“. Этими словами князя П. А. Вяземскаго мы начинаемъ главу, посвященную описанію жизни Погодина въ страшную годину Русской Исторіи.

Наступилъ іюнь 1812 года, и распространилось извѣстіе о вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи; съ каждымъ днемъ извѣстія становились грознѣе. Въ это время, а именно іюня 5-го, отецъ Погодина купилъ себѣ домъ въ приходѣ церкви Николая чудотворца, что въ Кобыльскомъ [16]), и, кромѣ того, управлялъ имѣніемъ генерала Алексѣева, находившемся въ Рузскомъ уѣздѣ. Когда гроза наступала на Москву, отецъ Погодина находился въ Рузѣ и ставилъ тамъ рекрутъ. Мать Погодина, въ отсутствіи ея мужа, не знала, что̀ дѣлать. Между тѣмъ сосѣди поднимались и уѣзжали изъ Москвы. Нашлись благодѣтели. Рѣшетниковы пред-

ложили ей бричку, а генеральша Матрена Павловна Салтыкова оказала ей, вѣроятно, денежное пособіе. Когда все устроилось, возвратился изъ Рузы отецъ Погодина; но онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Французы могли занять Москву. Однакожъ, онъ склонился на убѣжденія Рѣшетниковыхъ и рѣшился отпустить съ ними изъ Москвы свое семейство, а самъ остался въ Москвѣ. Чувствованія же ихъ сына, по его собственному сознанію, были „какія-то смѣшанныя". Онъ читалъ наизусть разныя патріотическія стихотворенія, помѣщенныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, напримѣръ:

Сыны Отечества! Внемлите,
Что вамъ вѣщаетъ правды гласъ;
Дѣлами самыми явите,
Что духъ геройскій не погасъ.

Пусть лесть коварная узнаетъ,
Колико страшенъ Россовъ гнѣвъ;
Когда отечество страдаетъ,
То и младенецъ духомъ левъ.

Коварство презримъ и лукавство,
Помощникъ въ правдѣ будетъ Богъ;
Пусть чужды обольстились царства,
Но мы притупимъ Корсій рогъ...

Въ началѣ августа семейство Погодиныхъ, вмѣстѣ съ Рѣшетниковыми, выѣхало изъ Москвы. „Поѣздъ нашъ", замѣчаетъ Погодинъ, „былъ очень длиненъ: кромѣ нашего семейства, Рѣшетниковы взяли еще два". У Троицы они остановились. Всякое утро выходилъ Погодинъ на площадь передъ Святыми Воротами смотрѣть на Московскихъ изгнанниковъ, которые толпами валили по дорогѣ, и развѣдывалъ отъ нихъ слухи. Одни были ужаснѣе другихъ, а самый вѣрный состоялъ въ томъ, что непріятель приближался. Эти извѣстія заставили нашихъ изгнанниковъ переѣхать во Владиміръ. Въ предмѣстіи города поѣздъ ихъ остановился и какая-то барыня, изъ сосѣдняго дома, увидѣвъ кучу дѣтей на возу, выслала матери Погодина множество ватрушекъ, булокъ и велѣла всякій день присылать къ себѣ за съѣстнымъ, если они оста-

новятся во Владимірѣ. Къ сожалѣнію, Погодинъ не сохранилъ имя этой добродѣтельной женщины. Христіанскій подвигъ ея тронулъ мать Погодина до слезъ. Во Владимірѣ было еще страшнѣе. На другой или на третій день, они узнали, что Москва, въ понедѣльникъ, 2 сентября, была занята непріятелемъ. „Тутъ", пишетъ Погодинъ, „я какъ будто очнулся и горесть разодрала душу". Они переѣхали на житье въ Суздаль. Хотя припасы были всѣ дороги, но семейство Погодина не чувствовало ни въ чемъ недостатка. Рѣшетниковы были ихъ благодѣтелями. Объ этомъ съ чувствомъ вспоминалъ Погодинъ и говорилъ: „буди благословенна ихъ память!" Въ Суздалѣ они прожили два мѣсяца. Все время занято было разговорами объ общемъ несчастіи. Всякій день приходили новые выходцы и разсказывали о Московскихъ ужасахъ. Свѣдѣнія болѣе положительныя они получали отъ одной почтенной помѣщицы, которая имѣла извѣстія прямо изъ арміи. Наконецъ, Тарутинская побѣда оживила всѣ сердца. Радость увеличивалась со всякимъ днемъ. Но Погодиныхъ смущала неизвѣстность о судьбѣ ихъ главы семейства, который, какъ мы знаемъ, остался въ Москвѣ. Рѣшено было послать туда одного родственника. Къ величайшей радости, недѣли черезъ двѣ Петръ Моисеевичъ пріѣхалъ въ Суздаль. „Какъ теперь помню", писалъ Погодинъ, „отецъ мой, въ свѣтлой фризовой шинели и военной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, вылѣзалъ изъ кибитки, и какъ мать моя, не надѣясь его видѣть, обезпамятѣла въ воротахъ, его увидавъ". [17]).

Въ бумагахъ о службѣ П. М. Погодина сохранился листокъ, собственноручно имъ написанный, о нашествіи Французовъ на Москву. Къ сожалѣнію, листокъ составляетъ только частичку цѣлаго: „Весь іюль и августъ, по 17 число, былъ въ сельцахъ Шипиморовѣ и Матвейцовѣ при уборкѣ сѣна и орженаго хлѣба, да и при отдачѣ ратниковъ, коихъ 13 и 14 чиселъ августа въ городѣ Рузѣ, а послѣдняго 27 числа представлялъ въ Москвѣ. Жена-жъ моя и зъ дѣтьми, по милости благодѣтельницы генералъ-маіорши Матрены Павловны

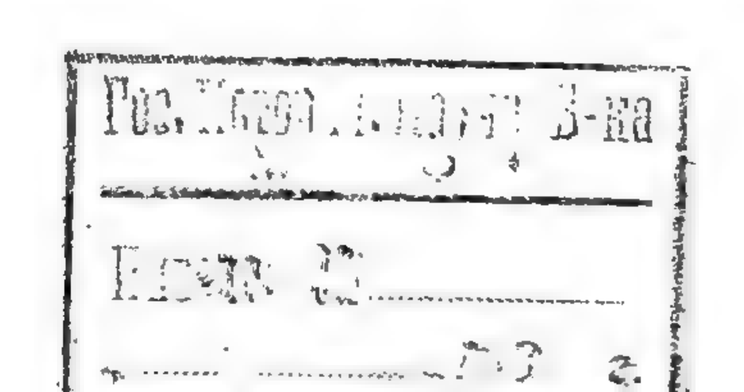
Салтыковой, была вывезена. Я-жъ оставилъ себѣ лошадь, чтобъ въ случаѣ нужды уѣхать на одной лошади въ маленькихъ дрожкахъ или верхомъ; но, по несчастію моему, въ тотъ самый день, то есть въ вечерни сентября 2-го числа, въ понедѣльникъ, непріятель взошелъ въ Москву, и я на той лошади съ мальчикомъ Максимкой былъ по препорученію въ домѣ Дарьи Ивановны Корольковой для осмотру людей, все ли они то спрятали въ землю, что имъ приказано было; а какъ въ тотъ день изъ арсеналу выдавалось оружіе и кабаки были разбиты, а люди всѣ были пьяны; но тотъ мальчикъ съ лошадью стоялъ у воротъ, и къ нему два офицера раненыя приставили пистолеты, чтобъ онъ мнѣ не кричалъ, и отняли ту лошадь и я остался пѣшей, откуда со мальчикомъ Максимкой пришелъ въ свой домъ. На другой же день, во вторникъ, тотъ мой домъ сгорѣлъ, и я, взявши Володьку, Алексашку, Максимку и своихъ трехъ человѣкъ, пошелъ къ пріятелю моему Рѣшетникову, живущему на Петровкѣ у Рожества, въ Столешникахъ, въ своемъ домѣ, у коего жили прежде сего Французы, и они насъ съ ними отъ пожару водили въ Грузины, въ домъ Кологриваго, и на Бутырки, гдѣ мы и жили четверо сутки, откуда на той же недѣли въ субботу приведены были съ конвоемъ на Дмитровку къ маршалу, а потомъ отпущены въ домъ къ нему Рѣшетникову, такъ какъ оный отъ пожару остался цѣлъ, гдѣ я слишкомъ четыре недѣли жилъ и лично не былъ ограбленъ. По прошествіи же сего времени, какъ самъ Наполеонъ, 7 октября, изъ Москвы выѣхалъ, то намъ тѣ Французы, кои тутъ нѣсколько лѣтъ жили, сказали, чтобъ мы теперь спасались сами, какъ хотимъ, а они уѣдутъ вслѣдъ за Наполеономъ, и что станутъ послѣднія дома жечь, молодыхъ людей съ собой брать, а старыхъ стрѣлять, чего мы убоялись. Въ ту же самую ночь, во второмъ часу, бѣжали черезъ Грузины, Петровскую рощу, Тушино, Марьино, не доѣзжая Воскресенска, въ село Куртасово, откуда, нанявъ тройку лошадей, поѣхали, обще съ Рѣшетниковымъ, черезъ Пѣшки, Дмитровъ, Александровъ, Егорьевскъ,

въ городъ Суздаль, гдѣ нашелъ свое семейство, слава Богу, здоровымъ". [18]).

Вскорѣ по пріѣздѣ Петра Моисеевича въ Суздаль, рѣшено было возвратиться, во чтобы то ни стало, въ Москву. „Помню", писалъ Погодинъ, „что мы всѣ ѣхали съ радостію, хотя и на пепелище". Отецъ его былъ увѣренъ, что разоренные жители получатъ помощь отъ Государя, и не унывалъ духомъ. [19]).

V.

Въѣздъ въ Москву былъ самый печальный. По дорогѣ вездѣ валялись околѣлыя лошади. Хищныя птицы летали стаями. Цѣлыя улицы выгорѣли. Закопченыя стѣны, высунутыя трубы, люди въ рубищахъ и лохмотьяхъ, никакихъ почти экипажей. Наконецъ, они доѣхали до Петровки, уцѣлѣвшей отъ пожара, и остановились въ домѣ Рѣшетникова. [20]). По возвращеніи въ Москву, отецъ Погодина былъ удрученъ потерею своего имущества, которое онъ положилъ на сохраненіе въ трехъ кладовыхъ въ домѣ графа Н. П. Румянцова и въ домѣ купца Пушникова. „Все хорошее ограблено", и я, съ горечью, пишетъ П. М. Погодинъ, „остался нагъ и босъ въ одной рубашкѣ, худомъ фракѣ и ветхомъ бекешѣ, чего уже и Французы съ меня не взяли". [21]). Сынъ же его Михаилъ писалъ: „Не знаю, какъ промаялся отецъ мой первое время. Дороговизна была тогда ужасная. Помню, что, вмѣсто калача къ чаю, мы сочли за выгодное покупать просфоры въ церкви". Мать Погодина рѣшилась заложить серебро, которое возила съ собою. Со слезами отдавала она это серебро для заклада въ Ломбардѣ. По дорогѣ, Петръ Моисеевичъ заѣхалъ къ своему знакомому, старому часовыхъ дѣлъ мастеру Ферье, жившему на Кузнецкомъ мосту. Замѣтивъ на лицѣ Погодина печаль, Ферье спросилъ о причинѣ. „Жаль жену",



отвѣчалъ онъ, „которая расплакалась, отпуская со мною старое наше серебро подъ закладъ. Она боится, что намъ не придется его выкупить“. — Отвезите это серебро назадъ,— сказалъ добрый старикъ,—и утѣшьте вашу жену. Вотъ вамъ 500 рублей, и держите ихъ сколько угодно и безъ процентовъ“. Нашелся еще добрый человѣкъ, управитель Апраксина, Лошаковскій, который прислалъ родителямъ Погодина нѣсколько пудовъ муки и овса. До конца своей жизни родители Погодина со слезами вспоминали объ этихъ своихъ благодѣтеляхъ.

Въ началѣ 1813 года, Погодины переѣхали отъ Рѣшетникова и помѣстились въ Грузинахъ, въ домикѣ своей родственницы Бибилюровой. Въ сосѣдствѣ съ ними жило семейство священника церкви Покрова въ Кудринѣ, Іоанна Кандорскаго. Погодины познакомились съ нимъ, и сынъ ихъ Михаилъ началъ учиться вмѣстѣ съ сыновьями священника. Латынь имъ нѣкоторое время преподавалъ студентъ Духовной Академіи Василій Николаевичъ Воскресенскій, впослѣдствіи архимандритъ Гавріилъ и профессоръ философіи Казанскаго Университета. Но главное, въ домѣ Кандорскихъ было много книгъ, и старшія дочери священника были охотницы читать. Между тѣмъ, матеріальное положеніе семейства Погодиныхъ начало улучшаться. Московскій купецъ Степанъ Козмичъ Корзинъ, сверхъ всякаго ожиданія, уплатилъ отцу Погодина должныя ему 8 тысячъ. На эти деньги Петръ Моисеевичъ рѣшился отстроить сгорѣвшій домикъ, что въ скоромъ времени и исполнилъ. Мы уже знаемъ, что Петръ Моисеевичъ управлялъ имѣніемъ генерала Алексѣева въ Рузскомъ уѣздѣ. Это давало возможность семейству его проводить лѣто въ деревнѣ.

Литературныя стремленія въ Погодинѣ не оскудѣвали, а разговоры о бѣгствѣ Французовъ, о нашихъ побѣдахъ, о подвигахъ Русскихъ генераловъ все болѣе и болѣе воспламеняли его патріотическій духъ. Возобновившійся въ 1813 году *Русскій Вѣстникъ* поддерживалъ горѣвшій въ мальчикѣ священный огонекъ. Онъ сочинялъ надписи къ портретамъ че-

тырехъ главныхъ героевъ *12-го года:* Кутузова, Багратіона, Милорадовича и Платова. Первая начиналась:

Россы! се Кутузовъ знаменитый,

а потомъ:

Сіяетъ лаврами обвитый.

Наконецъ, написалъ онъ и большое стихотвореніе на Наполеона, въ коемъ прославлялись Русскіе и ихъ генералы, изъ котораго впослѣдствіи запомнилъ Погодинъ только два стиха:

Грановиту сжегъ Палату,
Стекла выбилъ изъ Сената.

Послѣдній стихъ, однако, безпокоилъ Погодина: онъ казался ему „не совсѣмъ высокимъ". Стихи эти Погодинъ отдавалъ поправлять своему учителю, знакомому намъ П. Я. Сумарокову; но онъ, замѣчаетъ Погодинъ, „не справился съ ними и сказалъ мнѣ, что Риторики сочинять никакъ нельзя". Возлюбленнымъ же героемъ Погодина былъ генералъ Кульневъ, кончина котораго его очень поразила. Онъ занялся его біографіею. Предисловіе къ ней онъ выбралъ изъ предисловія Бантыша-Каменскаго къ жизни убіеннаго Московскаго архіепископа Амвросія. Въ заключеніи біографіи было сказано: „Да простятъ тринадцати-лѣтнему отроку, который чѣмъ нибудь хотѣлъ быть полезнымъ своему отечеству"; а купленный у книгопродавца Душина портретъ генерала съ длинными волосами, густыми бакенбардами, косматыми усами произвелъ на него сильное дѣйствіе.

Однажды, какъ-то попались Погодину части три *Образцовыхъ Сочиненій* въ прозѣ, гдѣ его вниманіе остановилось болѣе всего на *Историческихъ воспоминаніяхъ и замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ*, Карамзина. „Проѣзжая черезъ Воскресенскъ„, писалъ Погодинъ, „въ деревню генерала Алексѣева, на перепутьи, у г-жи Коральковой, лежа въ саду, перечитывалъ я эту статью". Его поразили слѣдующія слова Карамзина о Борисѣ Годуновѣ: „Хотя историкъ судитъ безъ сви-

дѣтелей, хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ, однако же истина всегда зараниваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго, должно отыскать ихъ въ пеплѣ, и тогда происшествіе объясняется". „Вотъ источникъ и начало", замѣчаетъ Погодинъ, „моей привязанности къ Борису Годунову, которая не оставляетъ меня до сихъ поръ". „Изъ всей Русской исторіи", продолжаетъ онъ, „я просто люблю его, какъ бы человѣка мнѣ давно знакомаго и роднаго. Вотъ почему, можетъ быть, сужу я пристрастно и дѣло о царевичѣ Димитріи".

VI.

Въ 1813 году, Погодинъ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, совершилъ путешествіе въ Калужскую губернію. Тамъ, въ Мединскомъ уѣздѣ, въ селѣ Никольскомъ, доживала свои маститые годы почтенная старушка, съ которой мы уже знакомы,— его бабушка по отцу. Многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ, что въ глухомъ селѣ, тринадцати-лѣтній мальчикъ и будущій профессоръ, нашелъ у своихъ родственниковъ крестьянъ „много книгъ" и тамъ прочиталъ впервые *Письма Русскаго Путешественника*, Карамзина. У другаго своего родственника онъ увидѣлъ двѣ книжки пейзажей, которыя до такой степени ему понравились, что онъ всякими правдами и неправдами добылъ ихъ для себя. Слѣдовательно, князь П. А. Вяземскій былъ правъ, когда сказалъ нашимъ современнымъ реформаторамъ и просвѣтителямъ:

> Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
> Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ.

Въ этомъ году, по собственному сознанію Погодина, онъ учился очень мало, а только читалъ, но уже не романы, а книги по Русской исторіи. Между прочимъ, его увлекалъ *Храмъ Славы Россійскихъ Ироевъ отъ временъ Гостосмысла*

до царствованія Романовыхъ, Павела Львова (Спб. 1803)*). Ему также хотѣлось достать *Твердость Духа Русскихъ*, Гавріила Геронова, а книгопродавецъ Душинъ его всячески отговаривалъ отъ покупки этихъ книгъ, представляя въ резонъ, что онѣ „потеряли цѣну“.

Въ это время семейство Погодина жило уже въ своемъ, возстановленномъ изъ пепла, домѣ, въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Кобыльскомъ, въ которой въ то время священствовалъ Константинъ Смирновъ **). Погодинъ ходилъ слушать его проповѣди, и добрый пастырь „ободрялъ занятія“ мальчика. Однажды о. Константинъ разсказалъ Петру Моисеевичу два анекдота о какихъ-то Русскихъ подвигахъ. Мальчикъ Погодинъ слушалъ эти анекдоты съ большимъ вниманіемъ, и лишь только ушелъ священникъ, онъ положилъ эти анекдоты на бумагу. Сочиненьице это начиналось такъ: „Гостепріимство и благотворительность суть наслѣдственныя добродѣтели Русскихъ“. Для этого приступа Погодинъ перерылъ книжекъ десять *Русскаго Вѣстника*. Написавъ, онъ прочелъ своимъ. Остались очень довольны, и отецъ послалъ его прочесть написанное священнику. Было очень поздно вечеромъ, и собаки чуть было не загрызли „молодого патріота“, насилу провожатый отбился отъ нихъ дубиною. Много лѣтъ спустя, а именно 8-го мая 1822 года, Погодинъ зашелъ въ завѣтную для него церковь Николая Чудотворца, что въ Кобыльскомъ, и вотъ что записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Смотрѣлъ неравнодушно на образъ Казанской Богоматери и Михаила Архангела, возлѣ которыхъ я всегда останавливался. Голосъ священника, пономаря напомнилъ мнѣ старину. Послѣ всенощной заходилъ къ священнику. Не узналъ меня, но обрадовался, вспом-

---

*) Книга эта составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и подарена въ мою библіотеку графомъ Владиміромъ Владиміровичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, роднымъ правнукомъ знаменитаго собирателя Русскихъ Древностей, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

**) Отецъ бывшаго ректора Московской Духовной Академіи, о. протоіерея Сергія Константиновича Смирнова.

нивъ свое пророчество обо мнѣ. Всегда бывало судилъ я о его проповѣдяхъ". [22]).

Въ началѣ 1814 года, помѣщено было въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе отъ директора училищъ Московской Губернской Гимназіи, Петра Михаиловича Дружинина, коимъ приглашалъ онъ разоренныхъ непріятелемъ родителей отдавать дѣтей на содержаніе за небольшую плату въ гимназію. „Не помню", писалъ Погодинъ, „кто возымѣлъ благую мысль отдать меня туда, самъ ли я, читавши внимательно газеты, или отецъ мой, не покидавшій мысли о продолженіи моего ученія". Но, во всякомъ случаѣ, почтенное имя П. М. Дружинина Погодинъ произносилъ съ признательностью и говорилъ: „да будетъ благословенна память его во вѣки вѣковъ". [23]).

Это обязываетъ и насъ помянуть почтеннаго дѣятеля. Петръ Михайловичъ Дружининъ родился въ Рязани, въ 1762 г., происходилъ изъ духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ Рязанской семинаріи. Въ 1786 году поступилъ на должность учителя въ Московское главное народное училище. На способности Дружинина обратилъ вниманіе попечитель Московскаго Университета, незабвенный Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, и въ 1802 году назначилъ его директоромъ училищъ Московской губерніи. По отзыву современниковъ, Дружининъ любилъ искренно дѣтей, воспитывавшихся подъ его руководствомъ, обходился съ ними отечески; радѣлъ о выгодахъ подчиненныхъ, больше чѣмъ о своихъ собственныхъ; былъ честенъ и безкорыстенъ, и, пропустивъ чрезъ свои руки милліоны рублей, былъ похороненъ (въ 1827 г.) на чужія деньги. Дружининъ также имѣлъ особенную способность входить въ связи съ вельможами и богачами и поддерживать оныя. Сіи связи употреблялъ онъ всегда въ пользу наукъ и никогда въ свою собственную. Такъ, принималъ онъ большое участіе въ великихъ пожертвованіяхъ Демидова для университетовъ Русскихъ; исходатайствовалъ у извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ З. П. Зосимы капиталъ для учрежденія Греческаго класса

въ гимназіи, пріобрѣталъ дома въ уѣздныхъ городахъ для помѣщенія училищъ, собралъ библіотеку и кабинетъ естественной исторіи для Московской гимназіи. Немаловажныя заслуги оказалъ Дружининъ и въ 1812 году. Онъ первый почти изъ университетскихъ чиновниковъ возвратился въ раззоренную столицу и немедленно принялся за возобновленіе училищъ, и, устроивъ Университетскую Типографію, издавалъ *Московскія Вѣдомости*, столько важныя въ то время для Московскихъ жителей. Въ литературѣ нашей Дружининъ извѣстенъ изданіемъ (съ 1807—1811 г.) *Журнала полезныхъ изобрѣтеній въ искусствахъ и ремеслахъ*, въ пользу учительскихъ сиротъ.

По обычаю того времени, Погодинъ, будучи еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ, былъ записанъ въ государственную службу, а именно въ Ревизіонъ-Коллегію канцелярскимъ служителемъ. [24]). Съ поступленіемъ же въ гимназію начинается новый періодъ его жизни.

VII.

14 февраля 1814 года, Погодина отвезли въ Московскую Губернскую (нынѣ 1-я) гимназію. По свидѣтельству самого Погодина, вотъ въ какомъ положеніи находилась эта гимназія въ то время: „Голыя чуть-чуть замазанныя стѣны въ наемномъ домѣ (на Кисловкѣ), досчатые полы, которыхъ часто не видать было изъ-подъ грязи, кое-какъ сколоченныя лавки, животрепещущіе столы. Одежда—мы ходили въ желтыхъ сюртукахъ изъ такого сукна, которое безъ обиды можно было назвать войлокомъ; мы носили рубашки изъ такого холста, которое въ толстотѣ спорило съ сукномъ, а въ мягкости ему уступало; жилеты у насъ были затрапезные. Пища: жидкія щи съ кускомъ говядины, которая съ трудомъ уступала ножу, и гречневая каша съ масломъ, ближайшимъ къ салу. Надзора никакого, ни одного надзирателя не было у насъ, и должность ихъ исправляли ученики изъ старшихъ двухъ классовъ,

къ числу которыхъ, въ послѣдніе два года, принадлежалъ и я. И эти надзиратели пользовались великимъ уваженіемъ и большою властію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, посвидѣтельству того же Погодина: „они учились въ нуждѣ, но не безъ пользы, подъ патріархальнымъ управленіемъ стараго времени, которое своимъ добродушіемъ восполняло всѣ недостатки". [25]). Директоромъ заведенія, какъ извѣстно, былъ „добрѣйшій Петръ Михайловичъ Дружининъ". Гимназія, принявшая въ свое лоно Погодина, состояла изъ четырехъ классовъ, изъ коихъ первый имѣлъ два отдѣленія. При гимназіи находилось еще уѣздное училище изъ двухъ классовъ, такъ что собственно классовъ во всемъ заведеніи было семь. Гимназическое собственно ученіе начиналось съ перваго отдѣленія перваго класса. Въ уѣздномъ училищѣ преподавались Законъ Божій, Русская грамматика и Ариѳметика, чтеніе на иностранныхъ языкахъ, чистописаніе, рисованіе. Латинскій языкъ начинался уже въ такъ называемой гимназіи. Учителемъ Латинскаго языка былъ питомецъ Лейпцигскаго университета Любимъ Антоновичъ Лейбрехтъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ преподавалъ Французскій и Нѣмецкій языки; но главную благодарность отъ своихъ учениковъ стяжалъ онъ за преподаваніе Латинскаго языка. „Много добра", писалъ Погодинъ, „и пользы принесъ онъ своимъ воспитанникамъ. Всегда сохранялъ я о немъ благодарное воспоминаніе". На Латинскій языкъ въ классѣ употреблялось по два урока въ два часа, т. е. по четыре часа въ недѣлю. Первый классъ посвящался этимологіи. Второй и третій—синтаксису. Четвертый—упражненіямъ, состоявшимъ въ переводахъ съ Русскаго на Латинскій и съ Латинскаго на Русскій языкъ. Гимназистъ нашъ особенно преуспѣвалъ въ этомъ предметѣ и во все продолженіе почти пяти-лѣтняго курса за нимъ оставалось первое мѣсто, и только однажды, во второмъ классѣ, перебилъ его у него товарищъ и другъ его Ираклій Карповъ, извѣстный въ нашей литературѣ какъ первый переводчикъ Вальтеръ-Скота (*Кенильвортъ*). На первомъ публичномъ актѣ, въ 1814 году, Погодину назначено было произнести рѣчь на

Латинскомъ языкѣ, сочиненную учителемъ. Эта рѣчь начиналась такъ: „Patria nostra a hoste devastata, omnubusque literarum subsidiis incendio absumptis, spes omnino nobis erat erepta fore, ut aliquando animum litteris excolere possemus, sed...“, т. е. „Отечество наше опустошено непріятелемъ, всѣ пособія учебныя истреблены пожаромъ, и мы были совершенно лишены надежды украсить когда нибудь свой умъ познаніями, но...“ Во второмъ классѣ занятія Латинскимъ языкомъ принимали уже характеръ болѣе важный и занимательный. Этимологія вся выучена, формы затвержены, понакопилось достаточное количество вокабулъ, принимались за синтаксисъ. Затѣмъ, въ третьемъ классѣ проходился почти весь Корнелій Непотъ. Въ четвертомъ задавались переводы съ Русскаго на Латинскій отдѣльныхъ разсказовъ и читались Цицероновы рѣчи. Но, по сознанію признательнаго ученика, Лейбрехтъ не могъ объяснять Цицерона такъ удовлетворительно, какъ синтаксисъ, да и по-русски онъ не зналъ столь хорошо, чтобъ находить вѣрное соотвѣтствіе между выраженіемъ двухъ языковъ. Съ такимъ приготовленіемъ въ Латинскомъ языкѣ гимназисты поступали въ университетъ и, по свидѣтельству Погодина, знаменитый профессоръ того времени Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій принималъ ихъ съ „благоволѣніемъ“. Математику въ гимназіи преподавалъ Андрей Степановичъ Терюхинъ, кандидатъ университета, человѣкъ „дѣльный“, кромѣ того, подвизавшійся и на театральномъ поприщѣ въ роляхъ: Чванкиной, Простаковой, Кривосудовой. Въ первомъ классѣ прямо давалась Алгебра, во второмъ—Геометрія, въ третьемъ—Тригонометрія, въ четвертомъ—Физика. У гимназистовъ господствовалъ предразсудокъ, что математикою могутъ заниматься только нѣкоторые ученики; начальники не заботились объ искорененіи предразсудка и смотрѣли на этотъ предметъ сквозь пальцы. Учителемъ Естественной Исторіи былъ Михаилъ Игнатьевичъ Бѣляковъ. Во второмъ классѣ онъ училъ Минералогіи, въ третьемъ— Ботаникѣ, въ четвертомъ—Зоологіи и Технологіи. Для каждой науки переписы-

валось по толстой тетради, листовъ въ 30, которую гимназисты выучивали наизусть. Это зазубриваніе оживлялось тѣмъ, что учитель показывалъ въ классѣ всѣ камни, растенія, изображенія животныхъ. Географію и Исторію преподавалъ воспитанникъ стараго Педагогическаго Института Алексѣй Егоровичъ Добровольскій, къ которому гимназисты были „исполнены уваженія“. Изъ Исторіи въ первомъ классѣ выучивалась маленькая тетрадка, листовъ въ пять, съ кое-какими свѣдѣніями объ Египтѣ, Греціи, Ассиріи [26]). Во второмъ классѣ Римская Исторія, о царяхъ. О первомъ изъ нихъ говорилось: „Ромулъ — глава разбоничьей шайки, убійца Рема, своего брата, построилъ нѣсколько хижинъ на землѣ, зависящей отъ города Альбы-Лонги, изъ коего онъ вышелъ съ тремя тысячами человѣкъ и положилъ основаніе государству, которое должно было поглотить обширнѣйшія монархіи“. Затѣмъ слѣдовали отрывки о Децемвирахъ, нашествіе Галловъ, съ неизбѣжнымъ мечемъ Бренна, война Римлянъ съ Тарентинцами, Пуническія войны, и соперничество Суллы и Марія. „Цезаря“, замѣчаетъ Погодинъ, „какъ будто боялся почтенный Алексѣй Егоровичъ, и мы заключали Римскую исторію картиною Марія, сидящаго на развалинахъ Карѳагена“ [27]). Изъ Русской исторіи, въ третьемъ классѣ, выучивалась также тетрадка. Главную роль играло нашествіе Татаръ. Въ четвертомъ классѣ проходилась Статистика Россіи, которая выучивалась наизусть. Учитель этого предмета, по свидѣтельству Погодина, отличался величественною наружностью и держалъ себя грандіозно. Предлагалъ простѣйшіе вопросы тономъ трагическимъ и гимназисты предъ нимъ благоговѣли. Это дало поводъ Погодину сдѣлать впослѣдствіи справедливое замѣчаніе: „Благоговѣніе, которое учитель Статистики умѣлъ внушать къ себѣ гимназистамъ, есть важное достоинство въ учителѣ и профессорѣ. Теперь уже прошло время для такихъ чувствованій, и педагогія должна придумывать другія средства, чтобы дѣйствовать со властію“. Учителемъ Русской Словесности въ гимназіи, въ которой воспитывался Погодинъ, былъ Семенъ Мартыновичъ

Ивашковскій, впослѣдствіи профессоръ Греческой Словесности въ Московскомъ Университетѣ и составитель *Полнаго греко-россійскаго словаря*", напечатаннаго въ 1838 году иждивеніемъ любителей отечественнаго просвѣщенія, Греческихъ дворянъ Зосимъ. Въ гимназіи онъ преподавалъ въ 1-мъ классѣ Логику и Всеобщую грамматику, во 2-мъ классѣ Психологію и Нравственность, въ 3-мъ Риторику, Піитику и Эстетику, въ 4-мъ Естественное право и Политическую экономію. Однимъ словомъ, онъ возлагалъ на юныя „плеща человѣческа бремена тяжка и бѣднѣ носима". Ученикъ его, гимназистъ Погодинъ, о способѣ его преподаванія оставилъ намъ нижеслѣдующія любопытныя подробности: „Добрѣйшій, ученѣйшій Ивашковскій", вспоминалъ впослѣдствіи Погодинъ, „являлся всякій разъ въ классѣ и начиналъ ходить взадъ и впередъ, пыхтя и ворча себѣ подъ носъ, потомъ диктовалъ часъ, и полчаса спрашивалъ заданный прежде урокъ. Иногда Ивашковскій предлагалъ какіе-то отвлеченные вопросы не изъ выученной тетради, а изъ книги, по долгомъ размышленіи, въ родѣ загадки. Ученики отгадывали, разумѣется, очень рѣдко; тогда онъ проговаривалъ нѣсколько словъ, и, взявъ шляпу, уходилъ. На публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи публики, онъ выходилъ на сцену съ толстою тетрадію и спрашивалъ учениковъ по очереди: что есть Эстетика? Какъ раздѣляется Эстетика? И визитаторы Мерзляковъ, Цвѣтаевъ, Двигубскій, спокойно слушали вопросы и отвѣты, и никто не видалъ здѣсь ничего страннаго". Несмотря на это, гимназисты хорошо знали порусски, писали правильно, любили литературу, знали наизусть Озерова, Жуковскаго, Крылова, восхищались Карамзинымъ. И это чтеніе, по справедливому замѣчанію товарища Погодина, А. З. Зиновьева, „не только не шло въ разладъ съ тѣмъ, что́ повторялось въ семействѣ и обществѣ, а напротивъ того, оно соединялось вмѣстѣ и опредѣляло направленіе характера [28])". Другою школою для гимназистовъ былъ театръ, куда, по сознанію Погодина, „ходило всякій бенефисъ, въ раекъ, человѣка по четыре, по пяти, безъ спроса, украдкою, въ подво-

ротню, чрезъ больничную дверь, всѣми неправдами, пренебрегая величайшими опасностями, кланяясь солдатамъ-сторожамъ, кормя собакъ".

Особеннаго надзора за гимназистами, какъ мы уже знаемъ, въ то время не было. Инспекторомъ былъ тотъ же С. М. Ивашковскій, который, по свидѣтельству Погодина, „ничего не видалъ, ничего не понималъ, а бѣда, если кто-нибудь попадался ему въ злую минуту подъ руку". Шалостей большихъ никогда не бывало. Впрочемъ, завелась впослѣдствіи игра въ карты на бумагу. По праздникамъ гимназистовъ водили на Воробьевы горы и тамъ давали имъ по половинѣ калача и молоко, чтó, по свидѣтельству Погодина, доставляло имъ живѣйшую радость.

При такой обстановкѣ протекли гимназическіе годы Погодина. Чтó же вынесъ онъ изъ гимназіи? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ самъ Погодинъ: „Порядочныя познанія въ языкахъ Латинскомъ и Нѣмецкомъ. Хорошія познанія въ Алгебрѣ, Геометріи и Тригонометріи. Общія понятія объ Естественной исторіи, познакомился съ терминологіею Ботаники, умѣлъ распознавать камни, насмотрѣлся всякихъ животныхъ по Блуменбаху. Съ Французскимъ языкомъ Погодинъ познакомился на частныхъ урокахъ почтеннаго Лейбрехта, и, наконецъ, выученныя наизустъ нѣсколько тетрадей Логики, Психологіи, Нравственности, Риторики, Піитики, Эстетики, Естественнаго права и Политической экономіи еще въ гимназіи познакомили Погодина съ номенклатурою этихъ наукъ [29]).

VIII.

Въ 1818 году, вышла въ свѣтъ *Исторія Государства Россійскаго.* Это важное событіе въ исторіи нашей Литературы застало Погодина еще въ гимназіи. *Бѣдная Лиза, Наталья Боярская дочь, Марѳа посадница* были почти выучены наизустъ Погодинымъ еще до вступленія его въ гимназію. Самого Карамзина Погодинъ въ первый разъ увидѣлъ въ 1816

году, въ Оружейной палатѣ, вмѣстѣ съ семействомъ, И. И. Дмитріевымъ и А. Ѳ. Малиновскимъ, который показывалъ имъ государственныя сокровища. По какому-то счастливому случаю, Погодинъ пришелъ туда съ товарищами гимназистами и, къ величайшей радости, встрѣтилъ знаменитыхъ посѣтителей. Эта встрѣча такъ подѣйствовала на нашего гимназиста, что онъ, по его собственному свидѣтельству, впалъ въ нѣкое „онѣмѣніе,—безъ мысли ходилъ за ними“ и проводилъ послѣ до экипажей [30]). Сильно забилось сердце гимназиста, когда онъ узналъ о выходѣ въ свѣтъ творенія Карамзина, такъ нетерпѣливо имъ ожидаемаго, и имъ овладѣло непреодолимое желаніе пріобрѣсти его. Просить объ этомъ отца онъ совѣстился, и вотъ онъ рѣшился пуститься на хитрости. Мы уже знаемъ, что въ домѣ его родителей иногда играли въ карты. Его мать была охотница до бостона. Деньги за карты были предоставлены въ его пользу и такимъ путемъ онъ скопилъ рублей 20 ассигнаціями, а *Исторія* стоила 55. Погодинъ обратился къ родственникамъ, говоря каждому, что у него недостаетъ бездѣлицы до 55 рублей. Такимъ путемъ онъ набралъ еще рублей 20, и имѣя въ рукахъ сорокъ рублей, рѣшился попросить отца добавить недостающую ссуму и поручить одному изъ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ подписаться на *Исторію*. Наконецъ, желанные томы явились. Погодинъ принялся ихъ читать и перелистывать съ такимъ жаромъ и усердіемъ, что отецъ его велѣлъ отдать ихъ скорѣе въ переплетъ, изъ опасенія, чтобы онъ не растрепалъ ихъ до прочтенія. Замѣтимъ при этомъ, что въ то время родители Погодина жили въ домѣ графа Ростопчина, на Лубянкѣ. Знакомецъ и доброжелатель отца Погодина, бывшій полиціймейстеръ Московскій до Французовъ, А. Ѳ. Брокеръ доставилъ Петру Моисеевичу мѣсто управляющаго домомъ графа Ростопчина и тѣмъ нѣсколько поддержалъ его, разореннаго Французами. Въ числѣ графскихъ крѣпостныхъ людей былъ переплетчикъ, которому и отдана была *Исторія*. Прошло много времени. Гимназистъ нашъ ждетъ не дождется завѣтныхъ книгъ своихъ. Наводитъ

справки и съ ужасомъ узнаетъ, что переплетчикъ пропилъ его сокровище. Легко вообразить отчаяніе юноши. Послѣ многихъ хлопотъ дѣло устроилось такъ, что хозяинъ переплетчика взялся купить *Исторію*. Опять бѣда: изданіе все уже разошлось и ни за какія деньги нельзя было достать ни одного экземпляра. Но вскорѣ было объявлено, что выйдетъ *второе* изданіе, которое Погодинъ и получилъ въ переплетѣ. Съ тѣхъ поръ экземпляръ этотъ, до конца жизни Погодина, не сходилъ съ его письменнаго стола и былъ для него, какъ „другъ и неразлучный спутникъ". Получивъ экземпляръ, гимназистъ принялся читать и писать замѣчанія. Надъ первою главою „мучился" долго. На вакаціи, послѣ гимназическаго курса, предъ вступленіемъ въ Университетъ, написалъ цѣлую тетрадь примѣчаній. „Эта гимнастика", замѣчаетъ Погодинъ, „послужила не хуже иного классическаго курса". Глава о происхожденіи Руси отъ Нормановъ „смущала его много", и онъ долго не могъ помириться съ мыслію, что основателями Русскаго Государства были иностранцы. „Какъ бы я обрадовался", писалъ много лѣтъ спустя Погодинъ, „еслибъ тогда вышли изслѣдованія Гедеонова и даже Иловайскаго [31])".

Любовь къ Русской Литературѣ и Исторіи поддерживалась въ Погодинѣ его гимназическими товарищами. Прочесть новую басню Крылова, новое стихотвореніе Жуковскаго, это былъ праздникъ для цѣлаго ихъ общества. Не мало одушевляло его предстоящее вступленіе въ Университетъ. „Тамъ узнаю я все", мечталъ нашъ гимназистъ, сидя на окошкѣ своей гимназіи и смотря на проходившаго по двору Мерзлякова въ Университетъ читать лекціи. „Скоро ли я услышу его? Не умеръ бы до моего вступленія". До гимназіи доходили слухи, что Каченовскій возстаетъ даже на Карамзина. „Что́ то онъ скажетъ?" А тамъ еще Геймъ, знаменитый своими познаніями во всѣхъ наукахъ и читавшій Статистику! А тамъ еще Тимковскій, любимый ученикъ перваго Еллиниста и Латиниста того времени, Геттингенскаго Гейне. Вѣст-

никомъ университетскихъ новостей въ гимназіи былъ братъ гимназиста Корецкаго, магистръ университета, и эти новости выслушивались гимназистами „съ жадностію“. Театръ также много содѣйствовалъ образованію гимназистовъ. Университетскіе спектакли пользовались великою славою. Корецкій превосходно игралъ роли Скотинина въ *Недорослѣ*, Кривосудова въ *Ябедѣ*, Простодумова въ *Хвастунѣ*, мельника въ оперѣ Аблесимова. Другой актеръ былъ медицинскій студентъ Александровъ, отличавшійся въ роли Грабилина въ *Семействѣ Старичковыхъ*, Сутягина въ комедіи Шаховского *Ссора или два Сосѣда*. Особенно удавался *Хвастунъ* Княжнина, въ которомъ главную роль игралъ Михайловскій, получившій послѣ каѳедру въ Харьковѣ. Женскія роли принадлежали ученику Тимковскаго, пансіонеру Степанову. Подражая университету, завели театръ и въ гимназіи, гдѣ нашъ гимназистъ исполнялъ тоже женскія роли, и началъ съ Вильгельмины, въ комедіи Коцебу. Игралъ потомъ въ драмѣ Ѳедорова *Хорошо быть добрымъ господиномъ*, и имѣлъ виды даже на большую роль Лизы, въ драмѣ Ильина *Лиза—торжество благодарности.*

Погодинъ будучи уже въ старости маститой, сравнивая репертуаръ того времени съ нынѣшнимъ, въ которомъ „блистаютъ піесы, писанныя съ натуры“, спрашиваетъ: „какой репертуаръ можетъ содѣйствовать къ облагороженію вкуса, къ возбужденію чувства, къ исканію идеаловъ?“ И дѣлаетъ весьма справедливое замѣчаніе: „изъ одной крайности мы обратились къ другой, гораздо худшей. „Представьте себѣ“, продолжаетъ онъ, „мальчика и юношу, въ гимназіи за *подробностями* и *исключеніями*, за грамматиками; въ университетѣ за хлѣбными науками, въ литературѣ за повѣстями натуральными, въ театрѣ съ грязною натурою и въ увеселительныхъ садахъ съ канканами и двусмысленными куплетами: чего же отъ него ожидать можно! Разумѣется, вездѣ есть исключенія, вездѣ встрѣчаются достоинства, но много ли ихъ! Сухость, жесткость, насмѣшливость, эгоизмъ, тщеславіе, чувственность, зависть, питаются и развиваются на всякомъ шагу.

Натуральная школа и обличительная теорія хороша, но съ нею одною оставаться нельзя: зачерствѣешь и озлобишься“.

IX.

„Съ благоговѣніемъ и горячею жаждою знанія“ вступилъ Погодинъ, въ августѣ 1818 года, въ Московскій университетъ. Въ то время университетъ помѣщался въ домѣ Заикина, на углу Газетнаго переулка, противъ Никитскаго монастыря *). Нынѣшнее старое зданіе университета только что отдѣлалось, подъ надзоромъ славнаго архитектора Жилярди. Вступленіе въ университетъ начиналось полученіемъ такъ называемой табели отъ ректора, т. е. билета съ означеніемъ профессоровъ, которыхъ слушать студентъ получалъ позволеніе. Ректоръ Иванъ Андреевичъ Геймъ, университетская и давняя Московская знаменитость, авторъ огромныхъ, отличныхъ для того времени, словарей Нѣмецкаго и Французскаго языковъ и руководства по части Географіи, „добрѣйшее“, по свидѣтельству Погодина, „существо въ мірѣ, но съ особенными Нѣмецкими причудами по части точности“. Студентъ, записывая имена профессоровъ, которыхъ желаетъ слушать, долженъ былъ непремѣнно положить перо на то мѣсто, съ какого взялъ его съ чернильницы. Иначе бѣда! Иванъ Андреевичъ такъ раскричится, что Боже упаси. Молодые студенты заранѣе справлялись у старшихъ, какъ войти къ ректору и какъ себя держать, и твердо заучивши все нужное, являлись; но на грѣхъ мастера нѣтъ: иной позабудетъ вдругъ всѣ полученныя наставленія и поступитъ совершенно наоборотъ... И поднимется гвалтъ.

Погодинъ избралъ Филологическій факультетъ, куда при-

*) Университетскій товарищъ Погодина Ляликовъ утверждаетъ, что Университетъ помѣщался въ домѣ Яковлева, теперь купца Монахова въ Долгоруковскомъ переулкѣ (*Русск. Архивъ* 1875, III, 376).

влекала его Русская исторія и Литература; но къ сожалѣнію Русскую исторію въ это время преподавалъ не Каченовскій, которому поручена была Археологія и Теорія разныхъ искусствъ. Нашъ студентъ выбралъ себѣ слушать слѣдующихъ профессоровъ: Гейма, Мерзлякова, Тимковскаго, Черепанова, Гаврилова, Ульрихса, Пельта и Каменецкаго.

Первымъ профессоромъ на Филологическомъ факультетѣ былъ Геймъ, читавшій Статистику. „Онъ", вспоминаетъ Погодинъ, „начиналъ лекцію почти въ корридорѣ, и мы слышали его кашель, а лишь только отворялъ дверь, какъ уже раздавались его слова: *въ прошедшую лекцію мы говорили вотъ о чемъ. Нынѣ должны...*" Статистику, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, безъ соображеній Кетле и Дюпена, Геймъ преподавалъ обстоятельно и подробно, по самымъ свѣжимъ извѣстіямъ. Чуть что прочтетъ въ газетахъ о какомъ нибудь новомъ исчисленіи или учрежденіи, онъ уже вносилъ въ свои тетради. Кто хотѣлъ, тотъ, слѣдуя за его лекціями, могъ получить порядочное понятіе о наружномъ положеніи всѣхъ Европейскихъ государствъ, равно какъ и о Россіи. Водяныя сообщенія играли значительную роль въ его лекціяхъ. „Мы плавали", вспоминалъ Погодинъ, „какъ завзятые лоцманы, и Иванъ Андреевичъ былъ очень доволенъ нами". Студенты страшно боялись Гейма. Погодину, однако, удалось снискать себѣ особенное расположеніе этого профессора и онъ поручалъ ему списки и вообще оказывалъ къ нему любовь и довѣріе. Послѣ Гейма, славенъ былъ въ факультетѣ, своими великими познаніями, своею затворническою жизнію и своею важною неприступною наружностью, профессоръ Римской Словесности и Древностей, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, родомъ малороссіянинъ. [32]). Еще будучи студентомъ, Тимковскій обратилъ на себя вниманіе незабвеннаго Михаила Никитича Муравьева, занимавшаго въ то время постъ попечителя Московскаго университета и Товарища Министра Народнаго Просвященія. Сохранилось слѣдующее письмо его къ студенту Тимковскому: „Государь мой! Отличные труды ваши и успѣхи въ руководствѣ

гг. студентовъ - пенсіонеровъ къ изученію Латинскаго языка, по свидѣтельству почтеннаго ректора вашего, Харитона Андреевича, заслуживаютъ съ моей стороны истинную признательность, которую съ удовольствіемъ чрезъ сіе вамъ изъявляю. Университетъ не применетъ ободрить васъ въ поприщѣ учености воздаяніемъ трудолюбія вашего. Устремите всѣ ваши желанія къ достойному достиженію честей, предоставленныхъ ученому. Постарайтесь въ особенности часъ отъ часу болѣе успѣвать въ классической учености, въ изученіи духа и красотъ древнихъ. Сіе искренное знакомство съ ними разсыплетъ цвѣты на поприще ваше, усладитъ, облегчитъ самый упрямый и неблагодарный трудъ. Внушите въ слушателей вашихъ то же страстное удивленіе къ благородной простотѣ Корнелія и Теренція, къ величайшему изобилію Цицерона и Тита Ливія, къ счастливой дерзости Горація, къ неподражаемой избранности Виргилія. Пусть будетъ имъ учиться — наслажденіе: для васъ учить — необходимость. Ваши слушатели, нѣкогда, въ шумѣ и дѣятельности гражданской жизни, вспомнятъ, чѣмъ обязаны вамъ въ юности, и вы будете имѣть въ сердцѣ своемъ сознаніе, что и вы споспѣшествовали къ распространенію знаній и просвѣщенія. Я желаю университету, чтобъ онъ нашелъ въ васъ достойнаго соревнователя дѣлающихъ: Щеголевыхъ, Тимковскихъ, Яценковъ, Мерзляковыхъ, и не сомнѣваюсь, чтобы вы не поставили долгомъ своимъ принять примѣръ старшихъ, и предали оный послѣдующимъ. Посѣщайте прилежно библіотеку. „Vos exemplaria graeca nocturna versate manu, versate diurna *). Пишите много по-латыни, учитесь древности, обрядамъ, нравамъ, исторіи, преданіямъ древнихъ грамматиковъ, безъ которыхъ невозможно войти въ сокровенный смыслъ языка“.

По поводу этого письма, весьма справедливо замѣчаетъ Погодинъ: „Вотъ какой вѣрный взглядъ на Филологію извѣстенъ былъ въ старомъ Московскомъ Университетѣ, и потому несправедливо сказалъ одинъ молодой профессоръ, ѣото по-

*) То есть: *И днемъ и ночью изучайте, изучайте Греческіе образцы.*

vus, что Филологія водворилась у насъ въ недавнее время. Письмо Муравьева послужитъ блестящимъ доказательствомъ, какъ стары въ Университетѣ вѣрныя понятія о Филологіи".

Вскорѣ, по порученію М. Н. Муравьева, Тимковскій издалъ Федра, съ своими примѣчаніями, которыя до сихъ поръ уважаются знатоками. Муравьевъ представилъ эту книгу Государю и исходатайствовалъ автору лестную награду. Вслѣдъ за Федромъ, Тимковскій написалъ классическое разсужденіе о *Диѳирамбахъ*, на которое ссылаются до сихъ поръ въ Германіи, родинѣ Филологіи. Въ 1806 году, Тимковскій посланъ былъ, по ходатайству Муравьева, за-границу, для усовершенствованія въ классической литературѣ, и сдѣлался любимѣйшимъ ученикомъ Геттингенскаго Гейне, князя Германской Филологіи, съ которымъ до кончины находился въ дружеской перепискѣ. Возвратясь въ отечество, Тимковскій опредѣлился профессоромъ Древней словесности въ университетѣ. Свои классическіе пріемы онъ примѣнялъ и къ изученію классическихъ памятниковъ Русскихъ древностей. Началъ печатать Нестора по Лаврентьевскому списку и напечаталъ, до Французовъ, 13 листовъ, составляющихъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ Тимковскій прочелъ и затѣмъ напечаталъ свое изслѣдованіе о Патирикѣ Печерскомъ. Потомъ напечаталъ Посланіе Луки Жидяты и, наконецъ, занялся изслѣдованіемъ *Слова о полку Игоревѣ*. Говорятъ, что въ этомъ таинственномъ памятникѣ ему оставались непонятными два-три слова. Послѣ Французовъ, онъ занемогъ и, по свидѣтельству современниковъ, „сдѣлался какимъ-то нелюдимымъ, къ которому приступа не было". Никуда не ходилъ, кромѣ лекцій, и никого не видалъ, кромѣ студентовъ.

Объ отношеніяхъ Тимковскаго, сдѣлавшагося профессоромъ, къ его студентамъ, мы имѣемъ свидѣтельство его ученика Погодина. „Я разскажу", пишетъ онъ „нѣсколько характеристичныхъ случаевъ, какъ современный свидѣтель, слушавшій лекціи Тимковскаго. Объяснивъ первую оду изъ

второй книги Горація, Тимковскій поручилъ написать журналъ студенту Кубареву, впослѣдствіи также профессору. Это порученіе показалось всѣмъ намъ знакомъ особеннаго благоволенія къ Кубареву, и онъ, не помня себя отъ радости, по дорогѣ домой изъ Университета, попалъ, вмѣсто Сухаревой башни, подлѣ которой жилъ, за Елоховъ мостъ, въ Преображенское, гдѣ уже вечеромъ опомнился. Другой случай. Слушая лекціи Древностей, студенты не выразумѣли порядочно устройство Римскаго плуга. Что̀ дѣлать! А оставить лекцію Тимковскаго непонятою казалось невозможнымъ. Положено было на общемъ совѣтѣ просить Романа Ѳедоровича о повтореніи. Но кто же спроситъ? Я былъ посмѣлѣе другихъ, и товарищи поручили мнѣ идти къ Тимковскому, который жилъ тогда въ зданіи Университета, налѣво отъ воротъ, окнами на дворъ, тамъ, гдѣ послѣ жилъ Мерзляковъ. Цѣлый факультетъ провожалъ меня до дверей его квартиры: кто толковалъ, какъ войти; кто совѣтовалъ, какъ спрашивать, съ чего начать; кто крестилъ и благословлялъ. Ни живъ, ни мертвъ, не смотря на свою смѣлость, отворилъ я дверь, и сказался единственному его слугѣ, Артемію. Минуты черезъ три, показавшіяся мнѣ вѣчностью, Артемій, наконецъ, воротился отъ своего господина и пригласилъ меня войти къ нему. Надо прибавить, что Тимковскій, вслѣдствіе долговременной болѣзни, о чемъ уже сказано выше, былъ въ то время совершеннымъ нелюдимомъ, никуда не ходилъ и никого не принималъ, живя съ однѣми своими древностями.—Что̀ вамъ угодно?—спросилъ онъ меня своимъ важнымъ тономъ.—Студенты,—отвѣчалъ я дрожащимъ голосомъ,—не поняли устройство Римскаго плуга и поручили мнѣ просить васъ, Романъ Ѳедоровичъ, объяснить ихъ недоразумѣніе.—Чего же вы не поняли,—сказалъ онъ, улыбаясь, (камень отвалился у меня съ груди), взялъ карандашъ и лоскутокъ бумаги, посадилъ меня подлѣ себя и началъ чертить.—Понимаете ли теперь?—спросилъ онъ, кончивъ объясненіе.—Понимаю,—отвѣчалъ я, вставая, поблагодарилъ, и вышелъ, сіяющій и радостный. Товарищи ожидали меня въ корридорѣ,

и потащили въ аудиторію, которая помѣщалась за этою залою. — Ну, что? Но я ничего не могъ отвѣчать имъ, всего менѣе объяснить плугъ, а только шевелилъ губами и издавалъ какіе-то звуки, междометія, — и они махнули съ досадою рукою. Уже дня черезъ два возвратилось ко мнѣ сознаніе, и я объяснилъ, кажется, устройство Римскаго плуга. Сорокъ лѣтъ прошло послѣ этого случая, но я теперь еще вижу улыбку Тимковскаго и сѣрый лоскутокъ бумаги, на которомъ онъ чертилъ свой рисунокъ." [33]).

Эти разсказы Погодина служатъ яснымъ свидѣтельствомъ того значенія, какое, по праву, имѣлъ Тимковскій у студентовъ. Особеннымъ благоволеніемъ его пользовался товарищъ Погодина Кубаревъ. Профессоръ даже посѣтилъ однажды своего ученика въ его семействѣ, и Кубаревъ сдѣлалъ Погодину восторженное описаніе этого „необыкновеннаго посѣщенія". Къ чести Кубарева, слѣдуетъ сказать, что онъ до конца своей жизни съ благоговѣніемъ чтилъ память своего наставника, и, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ между прочимъ, сообщаетъ: „Разговаривая со мной однажды о несчастіяхъ и горестяхъ, сопровождающихъ жизнь человѣческую, Романъ Өедоровичъ сказьлъ мнѣ: читайте Цицероновы бесѣды Тускуланскія, *онѣ много принесли мнѣ пользы и утѣшенія въ скорбяхъ моихъ*" [34]).

Всеобщую Исторію преподавалъ Никифоръ Евтроповичъ Черепановъ. „Это было, — по свидѣтельству Погодина, — добрѣйшее существо въ мірѣ. Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть". Много лѣтъ спустя, Погодинъ, воспоминая объ этомъ почтенномъ человѣкѣ, съ чувствомъ замѣчалъ: „какъ вообразишь, припомнишь себѣ все это собраніе добрѣйшихъ и чистѣйшихъ людей въ Университетѣ, по-истинѣ удивишься изсякновенію любви". Черепановъ читалъ Исторію по Шренку, которую перевелъ и дополнилъ (Москва, 1814 — 1815 г.) описаніемъ Наполеонова нашествія на Россію. Великолѣпно было у него описаніе Московскаго пожара и Наполеонова бѣгства. Ему препоручено было преподавать и Русскую

Исторію, и онъ прочитывалъ по нѣскольку страницъ изъ Карамзина. Къ характеристикѣ Черепанова слѣдуетъ прибавить слѣдующее замѣчаніе о немъ Погодина: „Онъ былъ старикъ наивѣрноподданнѣйшій, человѣкъ Русскій, который вздрогнулъ бы во снѣ, еслибы ему не только приснилось сдѣлать, но даже подумать о какомъ-нибудь ослушаніи не только противъ правительства настоящаго, даже прошедшаго, противъ любезной ему Семирамиды, Вавилонской царицы, отъ чего лишился бы, проснувшись, аппетита на недѣлю“. Несмотря на это, Черепановъ, подъ конецъ своей трудовой жизни, былъ исключенъ изъ числа цензоровъ и лишенъ права быть избраннымъ въ какую бы то ни было университетскую должность за то, что пропустилъ что-то. По этому поводу, въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующую замѣтку: „Хохотали надъ тѣмъ, что Черепановъ и Гавриловъ, одни изъ самыхъ боязливыхъ и преданныхъ престолу людей, пожалованы въ либералы“ [35]. Такимъ же, наивѣрноподданнѣйшимъ старикомъ и вдобавокъ самымъ робкимъ и трусливымъ человѣкомъ, былъ Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ. Онъ преподавалъ Славянскій языкъ и Эстетику. По свидѣтельству его слушателя, Погодина, „Славянскій языкъ онъ превозносилъ только какъ матеріалъ для высокаго слога, не упоминалъ даже имени Кирилла и Меѳодія, и любимый примѣръ для доказательства было изреченіе: „юная дѣва трепещетъ, сравнительно — съ молодая дѣвка дрожитъ“. Для переводовъ онъ давалъ студентамъ Псалмы. Гавриловъ превосходно зналъ Русскій языкъ и извѣстенъ былъ какъ издатель журнала, который порученъ былъ ему еще въ прошломъ столѣтіи кураторомъ Мелиссино, подъ названіемъ *Политическаго Журнала*, по образцу Гамбургскаго. Съ 1790 г., Гавриловъ издавалъ этотъ журналъ вмѣстѣ съ товарищами своими, Подшиваловымъ и Сохацкимъ, а потомъ одинъ въ продолженіе 38 лѣтъ. Съ 1809 года, онъ далъ этому журналу слѣдующее заглавіе: *Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ, или Современная Исторія Свѣта.*

Каченовскій читалъ Теорію Изящныхъ Искусствъ и Архео-

логію. По свидѣтельству товарища Погодина, Зиновьева, „это были истинно профессорскія лекціи. Каченовскій объяснялъ идею красоты и ея историческое развитіе, знакомилъ своихъ слушателей съ монументальными произведеніями, иногда сопоставлялъ ихъ съ нѣкоторыми памятниками древняго Русскаго искуства; знакомилъ также съ различными школами живописи, ваянія и зодчества и при этомъ вносилъ элементъ философской критики, какъ, впослѣдствіи, внесъ критическій элементъ въ древнюю Русскую Исторію. Краткое извлеченіе изъ его чтеній объ Эстетикѣ было напечатано особенною книжкою однимъ изъ слушателей его, Войцеховичемъ. Какъ профессоръ, Каченовскій возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ любовь къ наукѣ и поощрялъ ихъ къ сотрудничеству въ своемъ *Вѣстникъ Европы.* „Позднѣйшій слушатель Каченовскаго, знаменитый нашъ писатель Иванъ Александровичъ Гончаровъ, свидѣтельствуетъ о немъ: „это былъ тонкій, аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и отчасти, кажется, во всемъ. При этомъ—строго справедливый и честный человѣкъ... Особенно обширны были его познанія въ Исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу—Археологіи и пр. Когда онъ касался спорнаго въ Исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ и глаза блистали сквозь очки, а въ толосѣ слышался задоръ редактора *Вѣстника Европы.* Онъ мысленно видѣлъ передъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. И всю Исторію такъ читалъ, точно смотрѣлъ въ нее глубоко, какъ въ бездну, сквозь свои критическія очки“. [36]).

Свѣтиломъ Словеснаго факультета былъ Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ. Будучи еще ученикомъ Пермскаго народнаго училища, Мерзляковъ написалъ оду *на заключеніе мира съ Шведами.* Директоръ училища, Иванъ Ивановичъ Панаевъ, представилъ эту оду начальнику того края генералъ-поручику и кавалеру Алексѣю Андреевичу Волкову. Екатерина, съ высоты своего престола, узнавъ объ этомъ опытѣ ученика народнаго училища, повелѣла привезти его на казенный счетъ

въ Москву и опредѣлить на казенное содержаніе. Кураторъ извѣстный Херасковъ принялъ его подъ свое покровительство, ободрилъ, и такимъ образомъ образовался знаменитый профессоръ Московскаго университета. Такъ началось благородное служеніе Мерзлякова музамъ и Русскому просвѣщенію. По свидѣтельству его признательнаго ученика Погодина, „всякое его слово съ каѳедры западало въ душу и навсегда въ ней оставалось". Слава его утвердилась около времени нашествія Французовъ. По отзыву его учениковъ, „слушать его было любо. Рѣчь его лилась потокомъ". Но всего занимательнѣе были его разборы Ломоносова, Державина, Озерова и, наконецъ, разборы студенческихъ сочиненій. Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ отрывки нѣкоторыхъ сообщеній Мерзлякова о нашихъ писателяхъ. По его разсказу, Державинъ, увлекаемый размышленіемъ, просиживалъ иногда за полночь въ лѣсу, надъ рѣкой, слушая ея шумное теченіе, смотря на мѣсяцъ, на тѣнь деревьевъ, колеблемыхъ въ водахъ. Получая новую какую-нибудь мысль, выраженіе, прибѣгалъ домой, записывалъ ее, и почиталъ себя счастливѣйшимъ въ то время человѣкомъ въ мірѣ. О самомъ Мерзляковѣ Погодинъ замѣчаетъ: „Какую бы славу имѣлъ этотъ человѣкъ, какъ бы заслужилъ ее, какую бы пользу принесъ нашей Словесности, если бы умѣлъ жить въ свѣтѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ разсказываетъ о превосходномъ разборѣ, сдѣланномъ Мерзляковымъ, басни Дмитріева *Дубъ и Тростъ*. Что скрывается подъ стихомъ: „Но только Фебовы лучи пересѣкаю?", спрашивалъ Мерзляковъ, и отвѣчалъ: „Вельможи заслоняютъ такъ отъ государей нуждающихся подданныхъ". Окончивъ разборъ, Мерзляковъ сказалъ своимъ слушателямъ: „Такъ, господа, разбирайте; повѣрьте, я научу васъ разбирать благородно, такъ какъ должно". „Какая откровенность, — замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ,—добрый человѣкъ! Если бы ему 10,000 въ годъ, чтобы онъ сдѣлалъ! Такими-то разборами онъ и долженъ занимать насъ. Такъ только и долженъ учить, какой ни на есть словесности. А Риторика одна къ чему полезна..."

Въ бумагахъ М. П. Погодина сохранилась тетрадка, собственноручно имъ писанная, подъ заглавіемъ: *Разборъ оды И. И. Дмитріева на взятіе Варшавы.* Подъ этимъ заглавіемъ находится слѣдующая одобрительная замѣтка Мерзлякова: „Написано умно и со вкусомъ. А. Мерзляковъ“. Эта тетрадка даетъ намъ возможность судить о духѣ и направленіи подобныхъ разборовъ, писанныхъ подъ вліяніемъ Мерзлякова, а потому мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ извлеченіемъ изъ нея. Разборъ Погодина начинается такъ: „И. И. Дмитріевъ, прославившійся наиболѣе прекрасными своими сказками, заслуживаетъ также признательность всѣхъ любителей отечественной словесности и за лирическія свои стихотворенія. Въ нихъ вездѣ видно истинное непритворное чувство, живость и богатство воображенія, изящный вкусъ, возвышенность мыслей, благородство выраженій, чистота языка,—словомъ, всѣ качества, отличающія *истинныхъ* поэтовъ. Притомъ сіи стихотворенія посвящены большею частью славѣ отечества, и потому имѣютъ еще бо̀льшую цѣну въ глазахъ нашихъ. Чувствуя слабость свою, я никогда не дерзнулъ бы самъ по себѣ изъяснить своихъ незрѣлыхъ мыслей о произведеніяхъ сего знаменитаго нашего стихотворца; но будучи одушевленъ ревностью и желаніемъ исполнить волю почтеннаго мужа, наставленіями котораго имѣю счастіе пользоваться, осмѣлился, по силамъ своимъ, разобрать одно изъ нихъ. Содержаніе оды *на взятіе Варшавы* есть слѣдующее: Поэтъ прославляетъ могущество Великой Екатерины, по мановенію которой разрушено Польское Королевство, и доблести воиновъ, исполнителей ея велѣній“. Но несмотря на это вступленіе, разборъ написанъ очень строго, и не думаю, чтобы И. И. Дмитріевъ, прочитавши его, остался имъ доволенъ. Возьмемъ, для примѣра, слѣдующее:

Гдѣ буйны, гордые Титаны,
Смутившіе Астрея дни?
Стремглавъ низверженны, попранны
Въ прахъ, въ прахъ! Рекла—и гдѣ они?

На эти стихи критикъ-студентъ замѣчаетъ: „Слабыхъ Поляковъ никакъ невозможно уподобить буйнымъ, гордымъ Титанамъ, которые угрожали самому небу. Притомъ Поляки никогда не могли возмущать спокойствія Великой Екатерины, въ рукахъ коей, по собственному, счастливому выраженію стихотворца, находился жезлъ судьбы. Если же они дѣйствительно смущали ее, то какъ возможно согласить сіе смущеніе, происходящее отъ малочисленнаго народа, съ тѣмъ могуществомъ, которое послѣ такъ прекрасно описано поэтомъ? Слѣдовательно, стихи сіи не заключаютъ въ себѣ истины; притомъ послѣдній изъ нихъ нѣсколько тяжелъ и показываетъ какую-то принужденность.

Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ Польшѣ:

Вопи, союзница *лукава*,
Отнынѣ ставшая рабой:
«Исчезла Собіесковъ слава! *)
Ходи съ поникшею главой;

Шатайся, рвись вкругъ селъ несчастныхъ,
Вкругъ древнихъ, гордыхъ, падшихъ стѣнъ,
Въ терзаньяхъ совѣсти ужасныхъ,
И вѣкъ оплакивай свой плѣнъ!

Стихи сіи рождаютъ какую-то непріятную мысль о мщеніи. Неужели для униженія Польши мало уничтоженія ея политическаго бытія? Неужели можно было желать, чтобъ она несла вѣчную казнь за нѣкоторые, притомъ простительные, порывы любви къ отечеству и народной гордости? На что напоминать несчастному о его преступленіи? На что отравлять еще большею горестію жизнь его, и такъ уже для него тягостную? Ему довольно собственнаго сознанія вины своей. Великодушная Екатерина, вѣрно, сама не желала сего; она, вѣрно, желала лучше, чтобъ Поляки, довольно наказанные, уврачевали свои бѣдствія подъ ея мудрымъ правленіемъ, забыли оныя, насладились, сколько возможно, счастіемъ, и благословили, на-

*) Противъ первыхъ трехъ стиховъ Погодинъ замѣчаетъ: «Слово *лукава* низко для оды; эти три стиха слишкомъ прозаично изложены».

конецъ, десницу, ихъ нѣкогда каравшую. Потомъ слѣдуетъ обращеніе къ Екатеринѣ:

А ты, гремѣвшая со трона,
Любимица самихъ боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Возри на цвѣтъ своихъ сыновъ.

Противъ этихъ стиховъ Погодинъ замѣчаетъ: 1-й стихъ неясенъ, 2-й неприличенъ, а 3-й очень обыкновененъ.

Далѣе:

Се вѣютъ шлемы ихъ пернаты,
Се ихъ бѣлѣютъ знамена!
Се ихъ покрыты пылью латы,
На коихъ кровь еще видна!

Стихи прекрасные! Но мнѣ не нравится послѣдняя черта. Неужели пріятно смотрѣть на кровь, напоминающую намъ о войнѣ, о семъ лютѣйшемъ бичѣ народовъ? На что вспоминать о ней въ мирное, счастливое время, когда все должно радоваться? Гораздо лучше, еслибы она была изглажена изъ мечей воиновъ и изъ оды поэта: она возбуждаетъ горестное чувство.

Возри: се идутъ въ ратномъ строѣ!
Всякъ истый въ сердцѣ Славянинъ!
Не Марса ль въ каждомъ зришь героѣ?
Не всякъ ли рока властелинъ?

Прекраснѣйшіе стихи, только они показываютъ, кажется, также, какъ и слѣдующіе за ними, что сія ода написана стихотворцемъ по случаю прохожденія войскъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Государыни: иначе изъяснить ихъ невозможно. Притомъ стихотворецъ слишкомъ перешелъ въ нихъ за границы естественности, сравнивая каждаго воина съ Марсомъ, и говоря, что каждый изъ нихъ есть властелинъ рока. Эта власть, ниже, отнесена къ самой Екатеринѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ заключеніе, такое, какого уже ничто не можетъ быть лучше. Въ полной мѣрѣ изображаетъ оно

величіе Екатерины и могущество Россіянъ. Тутъ нельзя уже ничего ни убавить, ни прибавить. Предметъ не униженъ:

Речешь—и двигнется полсвѣта *)
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ,

Башкирецъ съ мѣткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ,
Ударятъ съ шумомъ вслѣдъ за ними,
И прахъ поднимутъ до небесъ!

Твой Россъ весь міръ дрожать заставитъ,
Напомнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
И тамъ столпы свои поставитъ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ.

Погодинъ, какъ бы желая смягчить свой строгій разборъ оды Дмитріева, заключилъ его такими словами:

„Орлы ниспускаются иногда долу, но за то какъ величественно бываетъ ихъ воспареніе въ предѣлы горніе“.

Во времена студенчества Погодина, Мерзляковъ уже началъ склоняться къ закату. Вниманіе къ нему слабѣло, а нужда житейская увеличивалась. Его отчасти поддерживали частные уроки молодымъ людямъ, которымъ нужно было держать, такъ называемый, комитетскій экзаменъ. Меценатомъ ему оставался знаменитый въ то время подрядчикъ Военнаго Министерства, Варгинъ, которому писалъ онъ разныя бумаги. Мерзляковъ обѣдалъ у него однажды въ недѣлю и, по замѣчанію Погодина, возвращался отъ него обыкновенно уже „взволнованнымъ“. Къ сожалѣнію, Мерзляковъ имѣлъ одинаковую слабость съ безсмертнымъ лирикомъ нашимъ Ломоносовымъ. Преподаваніе Мерзлякова въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ имѣло сильное вліяніе на развитіе множества молодыхъ людей дворянскихъ родовъ, тамъ учившихся.

„Можно и должно“, писалъ князь П. А. Вяземскій, „не порабощаться суевѣрно критическимъ взглядамъ и законамъ

*) Противъ этого стиха Погодинъ замѣчаетъ: «великая мысль!«

Мерзлякова; но все же нельзя не признать въ немъ критика образованнаго, который говоритъ не наобумъ. Въ голосѣ и мнѣніяхъ его отзывается изученіе образцовъ, съ которыми знакомился онъ въ самомъ источникѣ. Есть чему научиться отъ него, потому что и самъ онъ учился“ [37]).

Восточные языки преподавалъ Алексѣй Васильевичъ Болдыревъ. Въ 1806 году, по назначенію университетскаго начальства, онъ былъ отправленъ въ чужіе края для усовершенствованія въ этихъ языкахъ. Товарищемъ путешествія его былъ Р. Ѳ. Тимковскій. Но, по свидѣтельству Погодина, Болдыревъ не подходилъ уже къ типу старыхъ профессоровъ и составлялъ переходъ къ новому. Слушателей часто у него не было никого, и онъ не пріѣзжалъ въ Университетъ. Болдыревъ читалъ также Еврейскія Древности: Погодинъ запомнилъ его чтеніе о праздникѣ Кущей.

Нѣмецкую словесность преподавалъ Ульрихсъ. Это былъ высокій, худощавый, аккуратнѣйшій нѣмецъ, съ мѣрною походкою; типъ Нѣмецкаго школьнаго учителя. Онъ прекрасно изучилъ Русскій языкъ и заставлялъ своихъ студентовъ переводить на Нѣмецкій языкъ *Письма Русскаго Путешественника*, Карамзина. Преподавателемъ Французской словесности былъ Пельтъ, который заставлялъ учить Расиновы трагедіи. Съ особенною теплотою Погодинъ отзывался о лекторѣ Англійскаго языка Евенсѣ. Это былъ, по его словамъ, „ученѣйшій, образованнѣйшій, благороднѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ“.

Адъюнктомъ у Мерзлякова былъ Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ, извѣстный авторъ книги *Плоды Меланхоліи, питательные для чувствительнаго сердца*, въ которой читаемъ слѣдующія драгоцѣнныя строки: „Завидуя чести, сопровождающей завоевателей, и ослѣпляясь блескомъ, ихъ озаряющимъ, духъ, склонный къ кровопролитію, чувствуетъ, по примѣру ихъ, варварское удовольствіе смотрѣть сухимъ окомъ на раздробленныя части людей умирающихъ, на поля опустошенныя, на селенія разграбленныя, на города въ прахъ и пепелъ обращенные. Онъ печалится тогда, когда миръ возвѣщаетъ

землѣ отдохновеніе и тишину, когда убійственный мечъ падаетъ изъ рукъ звѣреобразнаго честолюбія, и когда всепожирающее пламя престаетъ свирѣпствовать. Онъ дышетъ одною злобою, однимъ мщеніемъ, однимъ неистовствомъ; въ сіи минуты едва ли кто узнать *человѣка* въ немъ можетъ" [38]). По отзыву Погодина, Петръ Васильевичъ былъ „добрѣйшій старикъ". Онъ читалъ Риторику, и главное вниманіе обращалъ на практическія занятія, на чистоту рѣчи и на строгое соблюденіе правилъ Грамматики. Послѣ 1813 года, подъ его руководствомъ воспитывались дѣти многихъ жившихъ въ Москвѣ вельможъ того времени [39]).

Извѣстный археологъ, Иванъ Михаиловичъ Снегиревъ fils былъ въ то время адъюнктомъ Тимковскаго. По отзыву Погодина, Латинистъ онъ былъ посредственный, но и тогда начиналъ уже отличаться разсказываніемъ анекдотовъ и передразниваніемъ, и по этому поводу Погодинъ сообщаетъ о немъ слѣдующій забавный анекдотъ: Однажды Сандуновъ обѣдалъ у попечителя Кутузова и, будучи короткимъ человѣкомъ въ домѣ, послѣ обѣда легъ отдохнуть. Проснувшись, онъ слышитъ, что въ сосѣдней комнатѣ читаетъ лекціи Снегиревъ père. Какъ могъ онъ попасть, подумалъ Сандуновъ, и съ какой стати читать ему здѣсь лекціи. Встаетъ, отворяетъ дверь, и видитъ, что Снегиревъ fils сидитъ на стулѣ и, при общемъ хохотѣ дѣвицъ, читаетъ лекцію, подражая въ голосѣ и тѣлодвиженіяхъ своему отцу. „Ахъ ты шелопай этакій, что ты это вздумалъ дѣлать", сказалъ Сандуновъ Снегиреву, и, обращаясь къ слушательницамъ, произнесъ: „а вамъ, милостивыя государыни, какъ не стыдно ободрять подобныя шалости".

Вотъ личный составъ профессоровъ Филологическаго факультета, въ который вступилъ Погодинъ слушателемъ. О профессорахъ другихъ факультетовъ скажемъ въ слѣдующей главѣ.

X.

Московскій Университетъ того времени отличался тѣмъ, что каждый факультетъ имѣлъ своихъ знаменитостей, къ которымъ студенты относились съ полнымъ довѣріемъ, почтеніемъ и любовію. „У насъ“, писалъ Погодинъ, „Мерзляковъ, у юристовъ—Сандуновъ, у медиковъ—Мудровъ“. Сандуновъ былъ профессоромъ Практическаго судопроизводства. Это былъ, по свидѣтельству Погодина, низенькій, коренастый старичокъ съ отрывистою рѣчью, въ коей отчеканивалъ всякое слово. На лекціяхъ его разбирались и обсуждались дѣла, которыя бралъ онъ изъ Сената, гдѣ служилъ долго оберъ-секретаремъ. Лекціи исполнены были жизни и движенія. Способности возбуждались и развивались. Анекдотовъ изъ дѣлъ у Сандунова былъ запасъ неистощимый. Остроты сыпались безпрестанно. Русскія пословицы зналъ онъ всѣ и умѣлъ употреблять ихъ кстати. „Присоедините“, писалъ Погодинъ, „доброе сердце подъ самою грубою корою“,—и студенты любили его безъ памяти, сносили всѣ его шутки, часто грубыя, упреки язвительные. „Эхъ, батенька“, говаривалъ Сандуновъ, „ты какой! Обычай-то у него бычій, а умъ-то телячій. На антресоляхъ то, батенька, у тебя видно маловато“. Въ настоящее время подобныя отношенія немыслимы; но тогда этимъ никто не огорчался, никто на это не жаловался, не обижался, ибо всѣ знали, что это только слова, а въ нужныхъ случаяхъ прежде всѣхъ заступится за студента Сандуновъ. Спуска у него не было никому. Погодинъ съ большою похвалою отзывается о Сандуновѣ, какъ профессорѣ. Сандуновъ, писалъ онъ, „одинъ постоитъ цѣлаго Училища Правовѣдѣнія, и всякій годъ выходили изъ его школы дѣльцы, которые приносили ему честь“. Римскаго права Сандуновъ терпѣть не могъ, а профессора Цвѣтаева называлъ въ минуту откровенности „Римскою попадьею“ *). Но безпристрастіе

*) Въ моемъ собраніи портретовъ Русскихъ достопамятныхъ людей, имѣется акварельный портретъ Николая Ивановича Новикова, полученный

требуетъ не утаить слѣдующей записи Погодина въ его *Дневникѣ* подъ 15 декабря 1820 г. „Въ какомъ гибельномъ состояніи находится у насъ судопроизводство: даже уголовные суды производятся тайно; что хотятъ судьи, то и дѣлаютъ. То ли бы дѣло, еслибы принимались свидѣтели, кои бы могли сообщить вѣрныя свѣдѣнія о поведеніи подсудимыхъ (какъ суды присяжныхъ)“.

Не смотря на ѣдкій отзывъ почтеннаго Сандунова, Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ былъ вторымъ столбомъ Этико-политическаго факультета. Цвѣтаевъ былъ замѣчательный профессоръ Римскаго права. По свидѣтельству ученика его и преемника, Никиты Ивановича Крылова, Цвѣтаевъ „одаренъ былъ отъ природы самымъ вѣрнымъ юридическимъ тактомъ, слѣдовательно, аналитическій умъ его могъ находить полное удовлетвореніе въ изученіи Римскаго права — этого великаго творчества древняго аналитическаго ума. Онъ оставилъ послѣ себя цѣлое поколѣніе учениковъ, которые по его наставленіямъ съ честію служили и служатъ отечеству“ [40]). Шлецеръ, сынъ славнаго Августа Шлецера, преподавалъ Политическую экономію. Снегиревъ père преподавалъ Естественное право. Погодинъ отзывается о немъ очень рѣзко. „Это была“, по его словамъ, „совершенная пошлость, которую кто-то въ газетахъ недавно возвеличилъ“.

Философію преподавалъ Андрей Михайловичъ Брянцовъ, „чуть ли не съ основанія Университета“. „Такой фигуры“, пишетъ Погодинъ, „нынѣ уже не встрѣтишь. Во фракѣ съ большими пуговицами, въ короткихъ штанахъ съ пряжками, въ сапогахъ съ отворотами, изъ-за которыхъ виднѣлись чулки.

мною отъ Ивана Петровича Хрущова. Портретъ этотъ нѣкогда принадлежалъ Сандунову, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая его собственноручная надпись, сдѣланная на оборотѣ портрета: „Николай Ивановичъ Новиковъ. Ему обязаны хорошими русскими книгами для литературы“. Потомъ портретъ этотъ поступилъ въ собраніе Леонида Алексѣевича Воейкова, о чемъ также свидѣтельствуетъ собственноручная надпись сего извѣстнаго собирателя, сдѣланная выше Сандуновской: „Подаренъ мнѣ сосѣдкою моею по деревнѣ, Софіею Николаевною Ивановой, дочерью профессора Сандунова. Надпись внизу писана рукою ея отца. Леонидъ Воейковъ“.

Его никто не понималъ, а можетъ быть, что нибудь и было въ его гіероглифахъ". Но, по признанію тѣхъ, которые хорошо знали почтеннаго профессора, Брянцовъ отличался умомъ свѣтлымъ и основательнымъ. Онъ не удовлетворялся господствовавшею тогда въ школахъ философіею Вольфа, но и не увлекся безотчетнымъ пристрастіемъ къ новымъ системамъ. Изъ новыхъ ученій принималъ и съ убѣжденіемъ передавалъ другимъ только то, въ чемъ видѣлъ благонадежное средство къ утвержденію себя и другихъ въ чистой истинѣ и доброй нравственности. Съ умомъ основательнымъ и здравомыслящимъ онъ соединялъ въ себѣ и твердость духа, почерпнутую изъ источника христіанскаго благочестія [41]). По праздникамъ, его всегда можно было видѣть съ другомъ его Страховымъ въ Успенскомъ Соборѣ, у лѣваго столба, слушающимъ литургію или всенощную, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ. Безукоризненная одинокая жизнь его украшалась благочестіемъ и добродѣтелью: онъ былъ не по имени, а и по дѣламъ философъ христіанскій. Напитанный чтеніемъ классическихъ писателей Греціи и Рима, проникнутый Священнымъ Писаніемъ, онъ не оставлялъ изучать и философовъ Англіи, Германіи и Франціи, но изучалъ ихъ съ убѣжденіемъ Бакона, что поверхностное знаніе философіи ведетъ къ безбожію, а основательное утверждаетъ въ спасительной вѣрѣ [42]).

Оракуломъ Медицинскаго факультета былъ Мудровъ.

„Отвратительно было слышать", писалъ Погодинъ, „отъ молодыхъ учениковъ Иноземцова, что съ нимъ медицинская наука получила свое право гражданства. Отдавая полную справедливость трудамъ и заслугамъ Иноземцова, нельзя забывать, что и до него въ Московскомъ Университетѣ были Лодеръ, Рихтеръ, Мудровъ, Мухинъ, Гильдебрандтъ. Равно какъ и до Крюкова были Тиимовскій, Маттеи, Буле. „Эти господа", справедливо замѣчаетъ Погодинъ, „равно какъ и нынѣшніе литераторы, думаютъ, что все просвѣщеніе и образованность начинается ими и ихъ учителями".

Мудровъ пришелъ пѣшкомъ изъ Вологды, чтобы учиться

въ Университетѣ. Студенты имѣли къ нему неограниченную довѣренность, и всякое его слово было свято. Студентовъ любилъ онъ, какъ отецъ, и помогалъ имъ всѣми средствами. Иппократъ не сходилъ у него съ языка. Онъ оставилъ много учениковъ, которые пользовались въ Москвѣ хорошею славою. Женатъ онъ былъ на дочери Харитона Андреевича Чеботарева, котораго имя гремѣло еще въ Университетѣ и во дни студенчества Погодина. Мудровъ былъ посланъ съ Закревскимъ на встрѣчу первой холеры, возвратился въ Москву благополучно, но долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ и умеръ отъ холеры.

Второю знаменитостью Медицинскаго факультета былъ Мухинъ, начавшій свое медицинское поприще скромною должностью фельдшера въ Очаковѣ, при Потемкинѣ. Медицинскую практику онъ дѣлилъ съ Мудровымъ, мастеръ былъ говорить по русски и поддерживалъ Русскихъ противъ Нѣмцевъ. Мухину Россія обязана Пироговымъ.

Наконецъ, должно произнесть славу или воздать хвалу Лодеру, другу и товарищу Гете. „Одинъ такой профессоръ", говорилъ Погодинъ, „замѣняетъ цѣлый факультетъ". Это былъ старичокъ низенькаго роста, но бодрый, проворный, съ звонкимъ голосомъ, который раздавался на всю аудиторію". Погодинъ иногда заходилъ на его лекціи Анатоміи и удивлялся ясности и отчетливости его изложенія на Латинскомъ языкѣ, исполненнаго глубокаго благоговѣнія къ силамъ природы. Когда Лодеръ получилъ звѣзду, то, по свидѣтельству Пирогова, Мудровъ повелъ своихъ слушателей, а въ томъ числѣ и Пирогова, поздравлять его. Ставъ предъ Лодеромъ, Мудровъ вынимаетъ изъ кармана листокъ и читаетъ гласомъ проповѣдника: *Красуйся свѣтлостію звѣзды твоея, но подожди еще быть звѣздою на небесѣхъ* и пр." [43]). Направленіе Лодера, между прочимъ, выразилось въ надписи, по его мысли сдѣланной на одной изъ стѣнъ анатомической залы Московскаго Университета: *Руцѣ твои сотвористѣ мя, и создастѣ мя, вразуми мя, и научуся заповѣдемъ твоимъ.* „Сія священная

надпись“, вспоминалъ Пироговъ, „слилась у меня какъ бы въ одно цѣлое съ начатками моихъ научныхъ свѣдѣній въ Москвѣ. Мистическое и мистицизмъ никто не искоренитъ изъ глубины человѣческаго духа“ [44]).

По отзыву современниковъ, второе десятилѣтіе текущаго столѣтія было „патріархальною эпохою“ Московскаго Университета, и отношенія между студентами и профессорами не ограничивались никакими официіальными предписаніями. Наставники любили своихъ слушателей, старались быть имъ полезными и добросовѣстно передать имъ свои знанія,—студенты уважали своихъ наставниковъ, и не мудрствуя лукаво, сроднялись съ ихъ характерами и привычками. Въ подтвержденіе этого, мы можемъ привести свидѣтельство Пирогова. „Студенческая жизнь въ Московскомъ Университетѣ“, повѣствуетъ онъ, „до кончины императора Александра I, была привольная. Мы не видывали попечителя — князя Оболенскаго, да и съ ректоромъ—Антонскимъ—встрѣчались вступающіе въ Университетъ кутилы и забіяки. Не смотря на это, я непомню ничего особенно не приличнаго. Скорѣе выдавались и поражала насъ наружность у профессоровъ, такъ какъ одни изъ нихъ, въ своихъ каретахъ четверкою, съ ливрейными лакеями на запяткахъ, какъ Мудровъ, Лодеръ и Мухинъ, казались намъ важными сановниками, а другіе, инфантеристы или ѣздившіе на ванькахъ, во фризовыхъ шинеляхъ—имѣли видъ преслѣдуемыхъ судьбою паріевъ“ [45]).

XI.

Въ 1819 году было готово зданіе Университета, и 4-го іюля того года, Мерзляковъ вдохновенными стихами воспѣлъ наружное обновленіе сего храма наукъ [46]). Въ верхнемъ жильѣ помѣстились казенные студенты, съ отдѣленіемъ для кандидатовъ и комнатою для студентовъ своекоштныхъ недостаточныхъ. Въ нижнемъ—получили квартиры профессора: Геймъ,

Мерзляковъ, Тимковскій, Черепановъ, Гавриловъ, Брянцовъ, Чумаковъ, Котельницкій. Тамъ же были залы для Правленія. Въ среднемъ жильѣ – актовая зала, библіотека и музей, въ крыльяхъ — аудиторіи. Въ нынѣшнемъ ректорскомъ домѣ жили Двигубскій и Сандуновъ. Ходить Погодину съ Лубянки на Моховую по два раза въ день было очень непріятно. Въ то время мѣсто нынѣшней Театральной площади, съ протяженіемъ къ Лубянкѣ и Охотному ряду, состояло отчасти изо рва, который засыпался всякою дрянью и представлялъ даже опасность въ темную пору. Погодинъ рѣшился попросить у инспектора Сандунова, позволенія переѣхать въ казенные нумера. „Хорошо", сказалъ старикъ, „приходи ко мнѣ тогда-то и мы посмотримъ вмѣстѣ, гдѣ можно тебѣ помѣститься". Въ назначенный день они отправились. Большая комната, извѣстная подъ 14-мъ нумеромъ, предназначалась для недостаточныхъ студентовъ. Когда они вошли, студентовъ не было почти никого. Сандуновъ подошелъ къ одной кровати. Шерстяное, дырявое, грязное одѣяло покрывало постель. Палкою приподнялъ онъ одѣяло, открылись голыя доски. Старикъ обратился къ Погодину и сказалъ: „*Намъ вотъ какихъ надо*. Ты такой ли?". „Я не такъ бѣденъ," отвѣчалъ Погодинъ. Этотъ случай произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и вотъ что̀, вспоминая объ этомъ, писалъ онъ впослѣдствіи: „*Намъ вотъ какихъ надо*. Святыя слова. Вотъ былъ какой духъ въ университетскомъ начальствѣ того времени. Не знаю, какія гуманныя теоріи и учтивыя фразы могутъ быть сравнены съ этими простыми словами" [47]). Но нашъ студентъ не долго пожилъ въ казенныхъ нумерахъ. Избѣгая большаго общества жившихъ въ одномъ номерѣ товарищей, онъ переселился на Лубянку, къ своимъ родителямъ. По свидѣтельству товарищей, около Погодина скоро образовался кружокъ дѣловыхъ студентовъ, профессора обратили на него вниманіе. онъ аккуратно посѣщалъ лекціи, составлялъ записки, которыя сообщалъ своимъ товарищамъ. Финансовыя его средства были очень ограничены и онъ вынужденъ былъ поль-

зоваться нѣкоторымъ гонораріемъ за списываніе съ его тетрадей [48]). Самъ Погодинъ свидѣтельствуетъ: „Я не пропустилъ, кажется, ни одной лекціи ни у какого профессора. Помню я, что однажды Кубаревъ, съ которымъ я особенно сблизился, звалъ меня обѣдать къ себѣ, чтобы послѣ прогуляться въ Марьину рощу. Мнѣ самому хотѣлось исполнить его желаніе, но въ 2 часа должно было идти на лекцію къ Черепанову, и я отказался".

Изъ всѣхъ товарищей Погодина, почтенный Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ имѣлъ на него самое сильное и благодѣтельное вліяніе. Кубаревъ былъ страстный любитель и знатокъ Латинской словесности. Благосклонность Тимковскаго ободрила его. У него была прекрасная библіотека Римскихъ классиковъ. Онъ благоговѣлъ предъ Грановіемъ, Гревіемъ, Рунненомъ, Эрнести, Гейне. Всѣ примѣчательныя изданія онъ пріобрѣталъ немедленно. Отецъ его священствовалъ у Троицы на Листахъ, близъ Сухаревой башни. Мать любила его безъ памяти и ни въ чемъ не отказывала. „Съ какимъ удовольствіемъ проводилъ я время", вспоминалъ Погодинъ, „у Кубарева на *чердачкѣ*, въ которомъ третій гость производилъ уже тѣсноту. Какъ восхищался онъ возстановленіемъ того или другого мѣста Грановіемъ въ Титѣ Ливіи, или какимъ нибудь замѣчаніемъ Эрнести къ письмамъ Цицерона". Съ какимъ благоговѣніемъ вспоминали они о трудолюбіи Грановіевъ, Драконбургіевъ, Фабровъ и другихъ подвижниковъ науки. „Шутка-ли издать по десятку фоліантовъ? Сколько надобно перечитать, сколько переписать, передумать? Какъ жизни ихъ доставало на такіе египетскіе труды? Чтò получали они за кровяной потъ, ими пролитый? Едва на насущный хлѣбъ. И я думаю", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „что они объ этомъ и не заботились. Они находили всѣ свои наслажденія въ самыхъ трудахъ и при жизни увидѣть себя названными у подобныхъ же чудаковъ *princeps*, *summus*, *celeberrimus*". Будучи подъ вліяніемъ лекцій Тимковскаго, молодые друзья нерѣдко мыслію переносились въ древній Римъ. „Если-бы",

замѣчаетъ Погодинъ, „можно было перенестись въ Римскій Сенатъ и послушать, какъ Катонъ, Цезарь, Цицеронъ говорили въ немъ, одинъ послѣ другого, свои рѣчи и разсужденія о дѣлахъ вселенной". Они воображали, какъ угрюмый Катонъ, слушая веселыя насмѣшки надъ собою Цицерона, въ рѣчи за Мурену сказалъ: „Boni dei, quam ridiculum habemus consulum..." [49]).

„Мы читали и судили съ Кубаревымъ", писалъ Погодинъ, „обо всѣхъ примѣчательныхъ явленіяхъ науки и литературы. Помню, какъ вышла *Исторія философскихъ системъ*, Галича, и какъ мы перечитывали его тяжеловѣсные и своеобразные періоды". Кубаревъ же указалъ Погодину на *Начертаніе Всеобщей Исторіи*, Шлецера, переведенное въ Духовной академіи. „Достойное это сочиненіе", замѣчаетъ Погодинъ, „было у насъ совершенно неизвѣстно, между тѣмъ какъ Шлецеръ здѣсь, прежде Гердера, производилъ чаяніе того идеала Исторіи, который, впрочемъ, до сихъ поръ остается идеаломъ, не смотря на хорошую обработку частныхъ вопросовъ. Его меткія выраженія, его ясныя сравненія и сближенія, мысли, летавшія молніею по всему міру Исторіи, производили великое дѣйствіе на молодого, неопытнаго читателя". Письма Миллера къ Бонстетену, переведенныя Жуковскимъ, были также съ увлеченіемъ читаемы нашимъ студентомъ. Но главное утѣшеніе доставляла Погодину *Исторія Государства Россійскаго*. Страницы о злодѣяніяхъ Іоанновыхъ приводили его въ трепетъ. *Все это прекрасно*, сказалъ ему однажды Кубаревъ, *но почитай-ка Шлецера*, и далъ ему первый томъ *Нестора*, переведенный Языковымъ. Погодинъ прочелъ и перечелъ его нѣсколько разъ и „очутился въ новомъ мірѣ и уразумѣлъ, что̀ такое критика". Во второмъ томѣ *Нестора*, его поразили слова Шлецера, которыми онъ оканчиваетъ главу о святыхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ: „Знатоки", писалъ Шлецеръ, „отдадутъ мнѣ справедливость, что я ету X главу моего *Нестора* отдѣлалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, да и не стоила ли она того? Содержаніе ея отмѣнно любопытно: жизнь и дѣянія Кирилла и Меѳодія; исторія великаго и до сихъ поръ

бывшаго еще слишкомъ мало извѣстнымъ Святополка; крещеніе Славянъ въ Моравіи и Панноніи, введенное Греками съ такимъ отличнымъ благоразуміемъ, какого не найдешь во всей древней Римской Исторіи, обращенія язычниковъ; изобрѣтеніе Славянскія грамоты, переводъ всея Библіи на сей языкъ, и пр. и пр... Пусть какій нибудь молодый человѣкъ потрудится года съ два и напишетъ листовъ пятьдесятъ объясненія на ету X главу. Пусть онъ присоединить къ етому: I) исторію образованія Славянскаго языка во всѣхъ его многочисленныхъ нарѣчіяхъ, въ чемъ неоспоримо Руссы успѣли болѣе всѣхъ: сколь много новаго и важнаго для всѣя Европейскія письменности можетъ онъ помѣстить тутъ. Да послужитъ ему въ етомъ образцемъ, Іосифа Добровскаго, Geschichte der Bömischen Sprache und Litteratur. Пусть II) опишетъ онъ участь Славено-Греческія службы Божія, какъ она введена была во многія Европейскія земли, во многихъ продолжалась долго и со славою, но изъ большей части мало по малу истреблена гибельными происками, даже насиліемъ Римскаго духовенства, или даже еще теперь угнетается невѣроятнымъ образомъ или, по меньшей мѣрѣ, презирается. У насъ уже есть объ этомъ много сочиненій; но большая изъ нихъ часть писана противною стороною и съ безстыднымъ пристрастіемъ: сразиться съ послѣднимъ какое славное дѣло для Русскаго, любящаго свою церковь и языкъ“ [50]). Эти строки произвели на Погодина глубокое впечатлѣніе и имѣли на него рѣшающее дѣйствіе. Съ того времени, Шлецеръ овладѣлъ имъ, и онъ погрузился въ его изслѣдованія, которыя сдѣлались для него занимательнѣе всѣхъ романовъ. И Погодину было очень горько услышать отъ своего „почтеннѣйшаго благодѣтеля“, И. А. Гейма, что Шлецеръ, при своей необъятной учености, „имѣлъ очень дурную нравственность“. Кромѣ того, И. А. Геймъ сообщилъ Погодину слѣдующія прозаическія подробности о великомъ Шлецерѣ. Что онъ, приходя на лекцію и уходя съ оной, не смотрѣлъ ни на кого и держалъ предметы, подлежащіе разсмотрѣнію, такъ близко къ глазамъ, что дотроги-

вался до носа, и что онъ ужасно много курилъ табаку. „Мнѣ досадно было“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „что я узналъ это: я такъ любилъ его [51]). Уже будучи старикомъ онъ писалъ: „Во время нынѣшнихъ толковъ безъ толку и безъ знанія о *Славянофилахъ*, мнѣ хотѣлось добраться, съ котораго времени начинается моя приверженность къ Славянамъ, и я дошелъ до убѣжденія, что она начинается именно съ той минуты когда я впервые прочелъ вышеприведенныя строки Шлецера“ [52]). „И дѣйствительно, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ *6 февраля 1821 года*, мы находимъ слѣдующую запись: „Говорилъ съ Кубаревымъ о соединеніи всѣхъ Славянскихъ племенъ въ одно цѣлое, въ одно государство. Родись другой Петръ, — онъ найдетъ другого Суворова, и конченъ балъ. Съ 500,000 онъ кончилъ бы дѣло. Главное дѣло — отнять у Австрійцевъ. Сербію ничего не стоитъ завоевать. За остальную часть Польши у Пруссаковъ можно отдать Остзейскія губерніи. На что намъ этихъ нѣмчурокъ. Должно отдѣлить себя отъ всѣхъ, чтобъ ни одинъ иноплеменникъ не смѣлъ говорить, что онъ гражданинъ Русскій. Какой бы былъ праздникъ“.

XII.

Лѣто 1819 года составляетъ важную эпоху въ жизни Погодина, въ смыслѣ его развитія и расширенія кругозора.

Въ Москвѣ, въ своемъ старинномъ домѣ, на Покровкѣ процвѣтало семейство князей Трубецкихъ. Глава семейства, внукъ боярина, князя Юрія Юріевича, князь Иванъ Дмитріевичъ, былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Мансуровой. Къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть никакихъ біографическихъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ. Даже въ недавно изданномъ сочиненіи княгини Е. Э. Трубецкой *о родѣ Трубецкихъ* всѣ свѣдѣнія о князѣ Иванѣ Дмитріевичѣ ограничиваются только тѣмъ, что онъ скончался въ 1827 году,

что намъ было уже извѣстно изъ *Россійской Родословной Книги* князя Долгорукова [53]). О супругѣ его, княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ, мы знаемъ, что она отличалась красотою, твердостью характера и благочестіемъ.

Для преподаванія уроковъ ихъ дѣтямъ потребовался студентъ Университета, и этотъ жребій палъ на Погодина. Лекторъ Университета, Иванъ Александровичъ Пельтъ, женатый на дѣвушкѣ, воспитанной въ домѣ Трубецкихъ, предложилъ уроки въ этомъ домѣ студенту Николаю Зиновьевичу Бычкову, товарищу Погодина; но обстоятельства помѣшали Бычкову воспользоваться этимъ предложеніемъ и онъ указалъ на Погодина. Пельтъ, расположенный къ нашему студенту за исправное посѣщеніе его лекцій, охотно согласился и далъ Погодину рекомендательное письмо къ Трубецкимъ. Съ этимъ письмомъ онъ отправился на Покровку. Его приняла, по порученію матери, старшая дочь Трубецкихъ, княжна Аграфена Ивановна *). Они условились, и ему опредѣлено было платы по сту рублей въ мѣсяцъ.

Вспоминая объ этомъ первомъ посѣщеніи дома Трубецкихъ, Погодинъ отмѣчаетъ, что онъ „никакъ не хотѣлъ сѣсть передъ Княжною“, и тутъ же съ признательностью заявляетъ, что эта прекрасная особа принесла ему много добра и имѣла большое вліяніе на всю его жизнь. Погодину почему то представилось, что въ этотъ самый день прибылъ въ Москву и вновь назначенный архіепископъ Филаретъ, котораго онъ будто видѣлъ по дорогѣ къ Трубецкимъ [54]). Между тѣмъ, приснопамятный святитель нашъ вступилъ на Московскую каѳедру 14 августа 1821 года [55]).

Каждое лѣто семейство Трубецкихъ проводило въ своей Подмосковной, въ селѣ Знаменскомъ, **) лежащемъ въ 15-ти верстахъ отъ Серпуховской заставы, въ близкомъ сосѣдствѣ

---

*) Княжна впослѣдствіи вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, Александра Павловича Мансурова.

**) Въ настоящее время село это принадлежитъ Софіи Петровнѣ Катковой.

съ историческимъ селомъ князя Вяземскаго, Остафьевымъ, въ которомъ каждое лѣто (до 1816 года) живалъ Карамзинъ и писалъ тамъ свою *Исторію Государства Россійскаго.* Въ іюнѣ 1819 года, въ Знаменское впервые отправился студентъ Погодинъ, для исполненія обязанностей учителя. Трубецкіе прислали за нимъ экипажъ, и онъ „съ полнымъ удовольствіемъ" пустился въ недалекій путь: черезъ Котлы, Нижніе и Верхніе, Чертаново, Покровскіе выселки, Новыя Битцы, Троицкое, Черемушки, Шаболово и Волконку. Съ того времени, дорога эта сдѣлалась для него любезною: „Дорогое, незабвенное Знаменское", писалъ онъ уже въ старости, „гдѣ провелъ я лѣтъ девять пріятнѣйшихъ въ моей жизни".

Учениками его были младшій сынъ Трубецкихъ, князь Николай Ивановичъ, *) и сестра его, княжна Александра Ивановна **). Объ этой своей ученицѣ Погодинъ всегда вспоминалъ съ особеннымъ чувствомъ: „Моя весна, моя поэзія, героиня моихъ повѣстей", писалъ онъ о ней, уже будучи въ глубокой старости.

Молодое поколѣніе обитателей Знаменскаго приняло юнаго педагога очень дружелюбно и онъ тотчасъ же попалъ въ Знаменское общество, членами котораго были: княжна Аграфена Ивановна, уже намъ знакомая, княжна Софія Ивановна, ***) княгиня Голицына ****) и, какъ сознается самъ Погодинъ,

---

*) Впослѣдствіи былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Андреевнѣ Гудовичъ и отъ этого брака имѣлъ дочь, вышедшую замужъ за князя Николая Алексѣевича Орлова. Князь Н. И. Трубецкой скончался въ 1874 году.

**) Вышла потомъ замужъ за князя Николая Ивановича Мещерскаго и имѣла дочь, княжну Екатерину Николаевну, бывшую въ замужествѣ за посланникомъ нашимъ въ Берлинѣ, Павломъ Петровичемъ Убри, и сына, князя Эммануила Николаевича, женатаго на княжнѣ Маріи Михайловнѣ Долгоруковой. Княгиня Александра Ивановна. † 1873 г.

***) Род. 1800, † 1852 г. Вышла за Александра Всеволодовича Всеволожскаго; мать нынѣшняго директора Императорскихъ театровъ, Ивана Александровича Всеволожскаго.

****) Александра Николаевна, была въ первомъ бракѣ за княземъ Григоріемъ Яковлевичемъ Голицынымъ, а во второмъ за Никитою Ѳедоровичемъ Левашовымъ.

„первый предметъ его обожанія“, двѣ сестры Измайловы, *) Настасія Павловна Новосильцова, **) американецъ Сеймондъ, надзиравшій за воспитаніемъ младшихъ, дѣтей, и музыкантъ Геништа.

Между тѣмъ, приближался день рожденія княжны Софіи Ивановны; а этотъ день праздновался въ Знаменскомъ съ особенною торжественностію. У Погодина явилось желаніе посвятить ей какое нибудь „сочиненьице“. Съ этою цѣлію, онъ написалъ къ Кубареву, чтобы тотъ прислалъ ему мелкія сочиненія Юма, гдѣ, вспомнилось ему, есть разсужденіе о любви. Кубаревъ прислалъ желаемое; но разсужденіе Юма оказалось неподходящимъ, и Погодинъ рѣшился сочинить свое: *О нравственныхъ качествахъ прекраснаго пола.* Началъ онъ, по наставленію почтеннаго Петра Васильевича Побѣдоносцева, „*отъ противнаго*“, такимъ образомъ: „Женщинамъ не дано того... на полѣ брани... въ палатѣ суда, на народной площади... на ораторской трибунѣ“, словомъ, не дано всего того, что нынѣ ими такъ настоятельно требуется, „за то онѣ получили вотъ что...“ т. е. то, что именно теперь ими отвергается, какъ обыкновенное, пошлое, недостаточное. Наконецъ, наступилъ торжественный день рожденія. Все семейство было у обѣдни и по окончаніи службы возвратилось въ залу, гдѣ встрѣтили новорожденную звуки домашней музыки. Въ продолженіе симфоніи, нашъ студентъ подалъ свою тетрадку, „перевязанную цвѣтною ленточкою“. Въ этотъ день пріѣхалъ въ Знаменское самъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, нѣкогда поклонникъ старой Княгини. У Погодина забилось сердце. „Ну“, подумалъ онъ, если покажутъ ему мое разсужденіе, и какъ

---

*) Аграфена Прокофьевна, впослѣдствіи Салькова. Сыновья ея Павелъ и Александръ Николаевичи питомцы Императорскаго Училища Правовѣденія. Александръ Николаевичъ Сальковъ нынѣ сенаторъ Кассаціоннаго Гражданскаго Департамента. Любовь Прокофьевна, впослѣдствіи Мосолова. Сынъ ея, Иванъ Михайловичъ, нынѣшній владѣлецъ сельца Измайловки, Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

**) Настасія Павловна, рожденная Мансурова, супруга Петра Петровича Новосильцова; сынъ ихъ, Иванъ Петровичъ, нынѣ Шталмейстеръ Высочайшаго Двора.

оно покажется ему?". Этого, однако, не случилось; но Дмитріеву было сказано, что Русскій учитель поднесъ Княжнѣ свое сочиненіе, и „величественный старецъ", замѣчаетъ Погодинъ, „своимъ торжественнымъ голосомъ благоволилъ обратить ко мнѣ слово ободренія". Въ Знаменскомъ же Погодинъ впервые увидѣлъ и князя Петра Андреевича Вяземскаго, который былъ сосѣдомъ Трубецкихъ по своему Остафьеву.

По обычаю того времени, въ Знаменскомъ господствовалъ Французскій языкъ, и Погодинъ былъ такъ независимо поставленъ въ семействѣ Трубецкихъ, что безнаказанно „вопіялъ" противъ обычнаго употребленія этого языка. Но, по сознанію самого же Погодина, „изъ Французскаго языка онъ сдѣлалъ тотчасъ полезное приложеніе". Хотя для Погодина музыка была „незнакомый языкъ", но тѣмъ не менѣе онъ очень подружился съ музыкантомъ Осипомъ Осиповичемъ Геништою, съ которымъ въ Знаменскомъ помѣщался въ одной комнатѣ; а у Геништы было полное собраніе сочиненій Руссо. Погодинъ принялся читать его и пристрастился къ нему. Чувствительность, возбужденная первоначально *Марьиной рощей* Жуковскаго, потомъ романами Дюкре Дюмениля, наконецъ, повѣстями Карамзина, получила здѣсь дальнѣйшее развитіе, и *Confessions* „усладили многіе его часы". При одномъ сочиненіи Руссо приложена была картинка, изображающая его согбеннымъ старикомъ, съ посохомъ въ одной рукѣ и съ пучкомъ растеній въ другой. Эта картинка такъ понравилась Погодину, что онъ упросилъ Гениште вырвать этотъ рисунокъ изъ книжки и подарить ему. Картинка эта постоянно висѣла въ кабинетѣ Погодина, между портретами людей, имѣвшихъ вліяніе на его умственное и нравственное развитіе. Въ Знаменскомъ бывали и Французскіе спектакли, на которыхъ нашъ студентъ исполнялъ обязанность суфлера. Первая оперетка, которая здѣсь разыгрывалась въ его присутствіи, была *Billet de Lotterie.* Княжна Аграфена Ивановна, большая музыкантша, играла Французскую актрису, пріѣхавшую въ Лондонъ давать концертъ. Александръ Всеволодовичъ

Всеволожскій, женихъ княжны Софіи Ивановны, игралъ обожателя Французской актрисы, пріѣхавшаго за нею въ Лондонъ. Онъ стучится въ дверь и поетъ: „Ouvrez moi je vous en prie“. Потомъ проситъ ее пропѣть что-нибудь. Она отказывается.

Non, non, je ne veux pas chanter,
Vous pouvez bien m'écouter,
Mais je ne veux pas chanter.

Этотъ стихъ врѣзался на всю жизнь въ памяти Погодина, и онъ черезъ сорокъ почти лѣтъ поставилъ его эпиграфомъ къ своему Политическому Обозрѣнію 1857 года, за которое пострадалъ *Парусъ* И. С. Аксакова.

Въ заключеніе, должно замѣтить, что пребываніе въ семействѣ Трубецкихъ, въ продолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, познакомило Погодина съ тономъ высшаго общества, и это ознакомленіе, по справедливому замѣчанію его же, „принадлежитъ также къ воспитанію молодаго человѣка“. Погодинъ „съ горькими слезами“, по окончаніи вакацій, оставилъ Знаменское, сожалѣя, что Трубецкіе не пригласили его жить у нихъ постоянно въ домѣ [56]).

XIII.

На второмъ курсѣ, Погодинъ началъ слушать лекціи Каченовскаго. Надо замѣтить, что когда Погодинъ былъ еще на первомъ курсѣ, диссертацію на полученіе медали задавалъ Каченовскій объ Археологіи. Погодинъ, не слушая этого профессора, вопреки обычаю, вздумалъ писать диссертацію на заданный имъ предметъ. За совѣтомъ нашъ студентъ обратился къ своему доброжелателю Гейму. Добрый старикъ ничего не имѣлъ противъ этого намѣренія и даже собственноручно написалъ ему слѣдующую программу Археологіи:

„Археологія въ обширномъ смыслѣ: знаніе о состояніи и постановленіяхъ древнихъ народовъ или, однимъ словомъ, Древности.

Вѣроисповѣданіе, государственное постановленіе, военныя и гражданскія дѣла, гражданскіе и домашніе обычаи.

Въ тѣсномъ смѣслѣ:

Наука объ *антикахъ* или о древнихъ памятникахъ художествъ, какъ: Зодчества, Живописи и Мозаики; Рѣзьба, Пластика, Нумизматика.

Какіе науки, языки и художества должно знать: Миѳологія, Древности, Исторія, Географія, Эстетика, Латинскій и Греческій языки, Рисованіе.

Зодчество: храмы, ѳеатры, амфитеатры, публичныя зданія, акведукты, колонны, большія дороги, матеріалы; исторія древняго зодчества и славнѣйшіе зодчіе; главнѣйшіе оставшіеся памятники.

Пластика: вазы, урны. Ваяльное художество: статуи, бюсты, ба-и-горельефы, матеріалъ изъ котораго сдѣланы; исторія и славнѣйшіе ваятели; славнѣйшіе существующіе памятники. Рѣзьба: камни, какіе преимущественно, взявъ раздѣленіе ихъ на intagli и камеи — общее названіе gemmae; польза ихъ; исторія и славнѣйшіе рѣзщики. Славнѣйшія собранія древнихъ вырѣзанныхъ камней. Нумизматика".

Окончивъ диссертацію, Погодинъ прочиталъ ее Кубареву. „Вотъ онъ слогъ Карамзинской школы", сказалъ послѣдній, по окончаніи чтенія. Диссертація получила одобреніе; но Каченовскій, имѣвшій право перваго голоса, сказалъ, что не можетъ согласиться на награжденіе медалью студента, котораго не знаетъ: можетъ быть диссертація писана не имъ. „Это было", замѣчалъ Погодинъ, „первое мое столкновеніе съ Каченовскимъ, съ которымъ началась, тотчасъ по окончаніи курса, война тридцатилѣтняя".

Въ началѣ 1820 года, Московскій Университетъ понесъ горестную утрату. Скончался знаменитый профессоръ Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду. У гроба профессора, Погодинъ увидѣлъ „маленькаго хохлика", его племянника, который только что пріѣхалъ къ нему изъ Малороссіи. Этотъ „хохликъ" былъ Максимовичъ, съ которымъ,

вскорѣ послѣ того, Погодинъ соединился узами тѣснѣйшей дружбы. На рукахъ, со слезами, студенты отнесли Тимковскаго на Лазарево кладбище и собрали между собою деньги на памятникъ. Кубаревъ сочинилъ Латинскую надпись:

„In memoriam beneficiorum viri incomparabilis, Professoris optimi atque dilectissimi Romani Theodoridis Timkowskii hoc monumentum super ejus reliquis gratissimi suae disciplinae olumni posuerunt“.

Въ память благодѣяній мужа несревненнаго, профессора лучшаго и любимѣйшаго Романа Ѳедоровича Тимковскаго, этотъ памятникъ надъ его останками воздвигнули признательные его ученики.

Кончина Тимковскаго произвела сильное впечатлѣніе на Погодина и на друга его Кубарева. Долго, долго вспоминали они своего незабвеннаго наставника. „Говорилъ съ Кубаревымъ о Тимковскомъ“, писалъ Погодинъ, „еслибы ему случилось говорить съ Цицерономъ, онъ бы не ударилъ себя лицемъ въ грязь. Вотъ ученый мужъ! Невозвратная его потеря для России и очень, очень несчастлива для насъ. Каждый поступокъ, каждое слово его врѣзано у насъ въ памяти. Это замѣчательно“. При открытіи ему памятника Погодинъ рѣшилъ съ Кубаревымъ: нанять пѣвчихъ, отслужить обѣдню, панихиду на могилѣ его, пригласить всѣхъ профессоровъ ихъ отдѣленія и устроить поминки въ честь покойника. При этомъ Погодинъ сообщаетъ и проектъ рѣчи, которую онъ былъ намѣренъ произнести по этому случаю: „Приступая къ отданію послѣдняго долга праху незабвеннаго профессора, чѣмъ приличнѣе можемъ мы ознаменовать достопамятный день сей, какъ не.... Конецъ: Такъ, друзья-товарищи, здѣсь, на семъ священномъ мѣстѣ, на могилѣ нашего Тимковскаго, поклянемся и пр.“ [57]).

XIV.

По окончаніи университетскихъ экзаменовъ, Погодинъ отправился опять на лѣто въ Знаменское, для занятій съ меньшими дѣтьми Трубецкихъ, которыя однако не мѣшали ему быть и дѣятельнымъ членомъ Знаменскаго общества, личный составъ коего намъ уже извѣстенъ. Однажды, молодыя дѣвушки, члены общества, заговорили о своихъ журналахъ. „А вы ведете ли журналъ?“, спросили они Погодина. „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ, „я не веду, моя жизнь пока очень однообразна“. „Записывайте все“, сказали онѣ ему на это, „что приходитъ въ голову: вы увидите какъ это пріятно. Попробуйте“. И Погодинъ началъ свой *Дневникъ*, съ 18 іюля 1820 года, подъ заглавіемъ: *Моя Жизнь*, съ эпиграфомъ Апеллесовымъ: *Nulla dies sine linea;* но потомъ къ этому эпиграфу прибавилъ слѣдующія загадочныя слова: *Желалъ бы я, чтобы......* Въ 1874 году, т. е., за годъ до смерти, онъ писалъ: „Теперь прошло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ четыре года, я записывалъ всякій день, иногда за недѣлю назадъ, но безпрерывно. Пропусковъ очень мало“. Многотомный Дневникъ Погодина есть хранилище матеріала для справокъ, многихъ чертъ, любопытныхъ разсказовъ, которые безъ того пропали бы безвозвратно. Кромѣ того, изъ источника этого мы почерпаемъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о предметахъ чтеній, размышленій, желаній, надеждъ нашего героя, и намъ остается только благодарить княженъ Трубецкихъ и родственныхъ намъ дѣвицъ Измайловыхъ за оказанную ими услугу Русской Исторіографіи.

Въ Знаменскомъ Погодинъ провелъ три мѣсяца, и по его собственному свидѣтельству, „покойно, иногда весело, иногда счастливо. Кромѣ двухъ или трехъ невинныхъ насмѣшекъ, не сдѣлалъ зла никому ни словомъ, ни дѣломъ, ни мыслію. Думалъ большею частію благородно, дурныхъ мыслей почти не имѣлъ“. Ложась, однажды, спать, Погодинъ „думалъ о себѣ: что значу я? Живу теперь въ Знаменскомъ и меня любятъ.

Не будетъ меня, и много, много, если случится иногда, что кто-нибудь изъ тѣхъ, къ кому я теперь привязанъ столько, скажетъ мимоходомъ: онъ былъ добрый человѣкъ! Не ложнымъ ли блескомъ прельщаюсь я? Но хоть бы и ложный блескъ, что за нужда? Я счастливъ имъ, и — довольно". Кромѣ уроковъ, онъ здѣсь занимался чтеніемъ Руссо, Паскаля, Сервантеса, Карамзина, Флоріана и Русскихъ журналовъ; но, по собственному сознанію Погодина, въ Знаменскомъ имъ овладѣла лѣнь и ему хотѣлось „лучше гулять съ барышнями, нежели сидѣть дома за книгою".

Объ отношеніяхъ Погодина къ старому Князю и Княгинѣ намъ почти ничего неизвѣстно. Очевидно, что они держали его въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Вообще князь Иванъ Дмитріевичъ Трубецкой является для насъ какимъ-то миѳомъ. Въ *Дневникѣ* Погодина за это время онъ упоминается только два раза. Однажды Знаменское общество отправилось кататься; но „попался на встрѣчу старый князь и воротилъ". Въ другой разъ, мы видимъ стараго Князя, играющимъ въ шашки съ Погодинымъ. Воспитаніе, которое давалось князю Николаю Ивановичу Трубецкому, очень не нравилось Погодину и онъ сильно обвинялъ старую Княгиню за ея „слѣпую любовь" къ сыну, котораго это очень портило; а между тѣмъ, въ мальчикѣ Погодинъ примѣчалъ „хорошія чувства". Самыя пріятныя минуты доставляла Погодину женская половина семейства Трубецкихъ. Княгиня А. Н. Голицына была въ это время предметомъ особаго поклоненія Погодина. Онъ давалъ ей читать свой *Дневникъ*, и она читала его „на скамейкѣ въ саду, противъ березовой аллеи". Нашему мечтательному и восторженному студенту особенно пріятно было, что его *Дневникъ* читался обожаемою имъ дамою въ Знаменскомъ саду, въ которомъ, по счастливому выраженію Пушкина, непрестанно происходили:

Бѣлыхъ грудей воздыханья,
Нѣжныхъ ручекъ пожиманья.

Погодину было очень грустно, когда Княгиня уѣхала изъ Знаменскаго. „Осталась какая-то пустота въ сердцѣ. Она такъ добра, мила, умна, весела и принимаетъ во мнѣ участіе“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* своемъ, по поводу ея отъѣзда. Другимъ кумиромъ Погодина была въ это время княжна Аграфена Ивановна Трубецкая. „Мнѣ никогда Княжна не казалась столь пригожею“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, какъ нынѣ: въ голубомъ платочкѣ на головѣ и въ черномъ салопѣ“. Онъ и ей давалъ читать свой *Дневникъ*; но при этомъ „ужасно боялся, нѣтъ ли въ немъ чегонибудь такого, что было бы не хорошо“.; боялся также и того, чтобы Княжна не подумала, что онъ пишетъ *Дневникъ* свой для того только, чтобы „показаться“. Но его опасенія оказались, кажется, напрасными, ибо княжна Аграфена Ивановна благодарила Погодина за то, что онъ такъ ихъ любитъ. Это заявленіе произвело на Погодина самое отрадное впечатлѣніе. „Въ это время“, писалъ онъ, „я былъ такъ доволенъ, такъ доволенъ, что самъ удивлялся этому... О младенецъ!“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его огорчало, что княжна Аграфена Ивановна была съ нимъ не совсѣмъ откровенна; „а я“, замѣчаетъ Погодинъ, „люблю ее какъ родную сестру“. Въ другомъ мѣстѣ, сознается, что „никого на свѣтѣ не любилъ онъ, послѣ своихъ родителей такъ, какъ любилъ Аграфену Ивановну, Александру Николаевну и, въ вообрженіи, Карамзина“. Слѣдуетъ замѣтить, что Погодинъ весьма цѣнилъ свои близкія отношенія къ Знаменскому обществу и приписывалъ ему благодѣтельное вліяніе на свое собственное нравственное воспитаніе. Вотъ что мы читаемъ въ его *Дневникѣ*: „Удивительное вліяніе имѣютъ на насъ люди, съ коими мы обращаемся. Въ цѣлый мѣсяцъ, какъ я живу здѣсь, ни одной почти дурной, въ какомъ-нибудь отношеніи, мысли не пришло мнѣ въ голову. Если-бъ съ самаго младенчества окружали меня всегда такіе люди! Благодарю Бога, что онъ чрезъ всѣ соблазны, чрезъ всѣ худые примѣры, кои имѣлъ я шесть лѣтъ предъ своими глазами, провелъ меня до сихъ поръ съ чистою душею и чистымъ сердцемъ“.

Въ это время вторая дочь Трубецкихъ, княжна Софія Ивановна была помолвлена за Александра Всеволодовича Всеволожскаго. Женихъ и невѣста проводили лѣто 1820-го года въ Знаменскомъ. Погодинъ, хотя любовался ихъ счастіемъ, но относился къ нимъ педагогически. Такъ, послѣ катанья съ ними однажды на лодкѣ, онъ занесъ въ свой *Дневникъ*: „Полюбовался на Софью Ивановну съ Александромъ Всеволодовичемъ. Желаю, чтобы вся ваша жизнь была какъ этотъ день... Только не ребячтесь, голубчики мои! Такъ, какъ вы ребячились 24 іюня, особенно Александръ Всеволодовичъ“... Къ этой счастливой четѣ Погодинъ обращалъ не однажды свой педагогическій взоръ: „Съ величайшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на Софью Ивановну съ Александромъ Всеволодовичемъ. Теперь для нихъ самое прекрасное время. Больше всего желаю имъ, чтобы они не были расточительны, чтобы она, да и онъ не любили слишкомъ нарядовъ“.

Но будучи неравнодушенъ къ судьбѣ старшей сестры счастливой невѣсты, Погодинъ желалъ, чтобы Нарышкинъ женился на Аграфенѣ Ивановнѣ; но чтобы это сдѣлалось через него. Нарышкинъ, полагалъ Погодинъ, достоинъ Аграфены Ивановны. „Эта мысль“, писалъ онъ, „что я могу быть полезнымъ для Аграфены Ивановны, способствовать ея счастію, тогда доставила мнѣ большое удовольствіе“.

Такимъ образомъ, и княжны Трубецкія и княгиня Голицына, и Новосильцова, и дѣвицы Измайловы, по свидѣтельству лицъ ихъ знавшихъ, въ томъ числѣ и самого Погодина, принадлежали къ тысячамъ Русскихъ женщинъ, образованныхъ, кроткихъ, но глубокихъ своимъ жизненнымъ содержаніемъ, и эти тысячи были разсѣяны по нашимъ деревнямъ въ эпоху, предшествующую эмансипаціи. По влеченію сердца, а не по новѣйшей филантропіи съ ея дамскими благотворительными комитетами и благотворительными секретарями, они принимали живѣйшее участіе въ бытѣ крестьянъ, и крестьяне ихъ боготворили. Въ справедливости сказаннаго, Погодинъ могъ убѣждаться ежедневно, проживая въ Знаменскомъ; а

потому героини его, которыхъ онъ называлъ *ангелами*, не могли найти для себя ничего новаго въ слѣдующихъ афоризмахъ ихъ восторженнаго обожателя: „Крестьяне“, писалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „окончивъ жатву принесли снопъ. Какъ Русскіе крестьяне любятъ господъ своихъ, даже иногда и не совсѣмъ для нихъ добрыхъ! Не стыдно ли и не грѣшно ли симъ господамъ не входить въ ихъ положеніе и не стараться сколько возможно объ улучшеніи ихъ участи. Тысячъ 10 или 20 подобныхъ имъ людей потомъ и кровью доставляютъ имъ все, что они требуютъ, и они не совѣстятся кидать этого даромъ какому-нибудь злодѣю французу за ядовитое иногда, и вообще за безпутное его ученіе, или какой француженкѣ за ея негодныя тряпки. Одна мысль, кажется, почему я имѣю право расточать по своей прихоти труды 20,000, должна бы останавливать всякое неумѣренное отъ нихъ требованіе... Ахъ, Боже мой!“

Въ домѣ Трубецкихъ часто велись политическія бесѣды, къ которымъ нашъ студентъ прислушивался внимательно и нерѣдко подавалъ свои мнѣнія; но политическія убѣжденія, которыя были крѣпки въ Погодинѣ въ періодъ его мужества и старости, еще не установились въ головѣ молодого мечтателя, каковымъ онъ былъ въ описываемый нами періодъ. Однако, въ то уже время высказалъ совершенно справедливую мысль, которой впослѣдствіи сдѣлался исповѣдникомъ, что „монархическое самодержавное правленіе есть самое лучшее для Россіи“...

Кстати, приведемъ здѣсь любопытный разсказъ, слышанный Погодинымъ въ Знаменскомъ отъ В. Д. Корнильева: „Н. И. Тургеневъ, бывъ у Н. М. Карамзина и говоря о свободѣ, сказалъ: мы на первой станціи къ ней. *Да*, подхватилъ молодой Пушкинъ, *въ Черной Грязи*“.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ въ домѣ Трубецкихъ открыто вопіялъ противъ Французовъ. „Что за пустой народъ Французы“, пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „чѣмъ они занимаются... До такой степени дать этимъ побродягамъ власть

надъ собою! И за что? Что за люди? Хотя бы и дана была власть. Честный человѣкъ всегда долженъ помнить себя. А они!“ Въ заключеніе этой своей тирады, онъ вдругъ восклицаетъ: „Богъ наградитъ тебя Аграфена Ивановна!“ Питая такія нѣжныя чувства къ Французамъ, Погодину было утѣшительно то, что маленькія дѣти съ жаромъ возставали противъ этого народа. Бесѣдуя однажды съ княжною Аграфеною Ивановною и Аграфеною Прокофьевною Измайловой о воспитаніи, онъ замѣтилъ: „Слава Богу, онѣ говорятъ по французски оттого, что всѣ говорятъ, а не оттого, что сами желаютъ.“

Погодинъ необыкновенно былъ склоненъ къ мечтательности и къ строенію воздушныхъ замковъ. Такъ, сидя въ Знаменскомъ, онъ мечталъ о путешествіи „и о той радости, какую ощутилъ бы онъ, возвратясь въ отечество, и увидя своихъ родителей, родственниковъ и всѣхъ тѣхъ, коихъ любитъ его сердце, особенно княгиню Александру Николаевну Голицину, княжну Аграфену Ивановну, княжну Софію Ивановну“. То воображалъ себя онъ „нѣсколько часовъ Государемъ“, и тогда бы онъ выдалъ указъ „объ изгнаніи изъ Россіи и о непринятіи никогда всѣхъ Французовъ, Итальянцевъ, Нѣмцевъ и Англичанъ. Опредѣлилъ бы сумму на ученое критическое изданіе всѣхъ Россійскихъ писателей, составивъ общество для сего предмета, подъ предсѣдательствомъ Мерзлякова; другую сумму—на изданіе Славянскихъ сочиненій; пожаловалъ бы нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему людей, особенно Карамзина, Александромъ Невскимъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; Мерзлякова — статскимъ совѣтникомъ, Анною съ бриллiантами и 50 тыс. руб., но которыя онъ велѣлъ бы положить на его имя въ Ломбардъ и давать ему только проценты. Дмитріева сдѣлалъ бы министромъ просвѣщенія; Калайдовича произвелъ бы въ коллежскіе ассессоры, пожаловалъ бы ему Владиміра 4-й степени и 20 тысячъ. Ивану Андреевичу Гейму—чрезъ плечо и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Не забылъ бы и знатока нашихъ Древностей, купца Бородина, которому далъ бы 21 тысячу и медаль съ бриллiантами; Кры-

лова и проч. Повелѣлъ бы составить общество молодыхъ людей, занимающихся Исторіею Отечественною и Словесностію. Предсѣдателями въ это общество назначилъ бы Карамзина и Дмитріева и уничтожилъ бы колонистовъ". То мечталъ онъ, что „его узнаетъ Карамзинъ, беретъ жить къ себѣ, опредѣляетъ его занятія, чувствуетъ къ нему привязанность, любитъ его, назначаетъ своимъ преемникомъ, препоручаетъ ему написать свою жизнь и умираетъ. При погребеніи, Погодинъ говоритъ ему надгробное слово, краснорѣчивѣйшимъ образомъ описываетъ его добродѣтели, свою горесть, не можетъ выговорить словъ отъ рыданій; всѣ предстоящія трогаются и плачутъ съ нимъ. Обнимаетъ его въ послѣдній разъ, цѣлуетъ его руки. Послѣ издаетъ сочиненія Карамзина и предъ оными помѣщаетъ жизнь его". То онъ воображалъ, что „дѣлается вице-губернаторомъ, губернаторомъ и, наконецъ, министромъ просвѣщенія. Дѣлаетъ полезнѣйшія узаконенія, заводитъ училища, академіи, университеты, учреждаетъ особенный орденъ для ученыхъ, издаетъ всѣ лучшія сочиненія нашихъ писателей, награждаетъ таланты, даетъ благодѣтельные совѣты по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, споспѣшествуетъ счастію отечества и... *и самъ ничего не имѣетъ*".

По поводу этихъ воздушныхъ замковъ, Погодинъ замѣчаетъ: „Счастливъ я еще, что подобныя мысли могутъ доставлять мнѣ удовольствіе" [58]).

По сосѣдству съ Знаменскимъ, въ селѣ Троицкомъ, на Калужской дорогѣ, жилъ съ своими родителями университетскій товарищъ Погодина, Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, тогда еще „молоденькій мальчикъ, съ румянцемъ во всю щеку, въ зелененькомъ сюртучкѣ". Погодинъ не рѣдко посѣщалъ своего товарища, и бесѣды съ нимъ не прошли безслѣдно для него, открывъ ему міръ Германской литературы [59]). *Въ Дневникѣ* Погодина находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ: „Ходилъ въ деревню къ Ѳ. И. Тютчеву, разговаривалъ съ нимъ о Нѣмецкой, Русской, Французской литературѣ, о религіи, о Моисеѣ, о божественности Іисуса Христа, объ

авторахъ, писавшихъ объ этомъ, о Виландѣ, Лессингѣ, Шиллерѣ, Аддисонѣ, Паскалѣ, Руссо... Еще разговаривали о бѣдности нашей въ писателяхъ. Что́ у насъ есть? Какія мы имѣемъ книги отъ нашихъ богослововъ, философовъ, математиковъ, физиковъ, химиковъ, медиковъ? О препятствіяхъ у насъ къ просвѣщенію." И самъ Тютчевъ, и его родители произвели на Погодина благопріятное впечатлѣніе. „Тютчевъ прекрасный молодой человѣкъ", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Смотря на Тютчевыхъ", писалъ Погодинъ, „думалъ о семейственномъ счастіи. Если бы всѣ жили такъ просто, какъ они". Своими впечатлѣніями онъ не преминулъ подѣлиться съ княжнами Трубецкими—и Погодинъ отмѣчаетъ въ *Дневникѣ*: „поѣхала къ Тютчевымъ голубушка Аграфена Ивановна".

Въ Знаменскомъ гостилъ также И. С. Набоковъ, и Погодинъ, бесѣдуя съ нимъ о Молдавіи и Валахіи, въ одинъ Сентябрскій вечеръ совершилъ съ нимъ и княземъ Юріемъ Ивановичемъ Трубецкимъ прогулку по Знаменскому саду, который произвелъ на нашего мечтателя сильное впечатлѣніе. „Какая прекрасная ночь!" отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „какъ пріятно смотрѣть на мѣсяцъ во всемъ его сіяніи! На лучи его, проходящіе сквозь частыя вѣтви деревьевъ. Мрачное безмолвіе въ природѣ наполняетъ душу какимъ-то священнымъ благоговѣніемъ".

28 Сентября 1820 года, Погодинъ простился со всѣми любезными ему жителями Знаменскаго, „хотя нѣсколько съ стѣсненнымъ сердцемъ", какъ сознается самъ, „но не съ такою горестію, не съ такими горючими слезами, какъ прежде. Я никогда, кажется, не плакалъ такъ сильно, какъ прошлаго года въ это время" [60]).

XV.

Наступилъ послѣдній академическій годъ (1820—1821) ученической жизни Погодина. Въ этомъ году распредѣленіе лекцій было сдѣлано слѣдующее: понедѣльникъ, среда и пят-

ница, отъ 8—9 ч., Статистика, у Гейма; отъ 9—10 ч., Латинская словесность, у Давыдова; отъ 11—12 ч., Эстетика, у Каченовскаго; отъ 2—3 ч., Исторія, у Черепанова; отъ 4—5, Славянская Словесность, у Гаврилова; отъ 5—6, Россійская Словесность, у Мерзлякова; вторникъ, четвергъ и суббота, отъ 2—4 ч., Богословіе, у Левитскаго; всякій день, отъ 6—9 ч., повтореніе лекцій.

Въ самомъ концѣ Сентября, Погодинъ вернулся въ Москву, исполненный Знаменскими воспоминаніями. По пріѣздѣ, онъ тотчасъ же посѣтилъ княгиню Голицыну и говорилъ съ нею о „Знаменскихъ народахъ“. Всѣ мысли и чувства его влеклись на Покровку, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, жили Трубецкіе, и у которыхъ продолжалъ онъ давать уроки по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, отъ $5—7^1/_2$ часовъ.

Еще болѣе лекцій развивали студентовъ того времени общія чтенія и бесѣды между собою. Познакомимъ нашихъ читателей съ кружкомъ молодыхъ мыслителей, въ которомъ вращался Погодинъ во время студенчества. Кромѣ Кубарева, съ которымъ мы уже знакомы, упомянемъ Николая Андреевича Загряжскаго, имѣвшаго, какъ увидимъ, благодѣтельное вліяніе на Погодина; Н. И. Ждановскаго, отецъ котораго былъ помощникомъ Начальника Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, А. Ѳ. Малиновскаго, чрезъ котораго нашъ студентъ познакомился съ П. М. Строевымъ и К. Ѳ. Калайдовичемъ; Н. З. Бычкова, которому онъ былъ многимъ обязанъ и, между прочимъ, знакомствомъ съ домомъ Трубецкихъ; А. З. Зиновьева, впослѣдствіи профессора и директора Ярославскаго Лицея, переводчика Мильтона, и много пользы принесшаго Русскому Просвѣщенію; М. С. Ширая, сына Суворовскаго генерала, богатаго Малороссійскаго помѣщика и питомца Кубарева; Троицкаго, подававшаго, по словамъ Погодина, большія надежды, и Ѳ. И. Тютчева, извѣстнаго впослѣдствіи писателя. Кружокъ этотъ иногда посѣщалъ Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, прославившійся впослѣдствіи какъ секретарь Московскаго Общества Сельскаго хозяйства. Онъ былъ сынъ бѣднаго причетника одной

изъ Московскихъ церквей, по окончаніи философскаго класса въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, вступилъ въ число студентовъ Московскаго Университета [61]). Сохранилось преданіе, что онъ, еще до Французовъ, въ ноги поклонился ректору Страхову о принятіи его въ Университетъ. Отличныя способности, безупречная нравственность и быстрые успѣхи въ наукахъ обратили на него вниманіе не только ученой корпораціи Университета, но и просвѣщенныхъ членовъ высшаго общества столицы. Мы уже видѣли, что съ Тютчевымъ Погодинъ сблизился, живя въ Знаменскомъ. Со вступленіемъ же Тютчева въ Университетъ, домъ его родителей, по свидѣтельству И. С. Аксакова, увидѣлъ новыхъ, небывалыхъ въ немъ доселѣ посѣтителей. Радушно принимались и угощались стариками и знаменитый Мерзляковъ, и преподаватель Греческой Словесности въ Университетѣ, Оболенскій. Собесѣдникомъ ихъ былъ пятнадцатилѣтній студентъ, который смотрѣлъ уже совершенно развитымъ молодымъ человѣкомъ и съ которымъ всѣ охотно вступали въ серьезные разговоры и пренія [62]).

Не были чужды этому кружку и В. И. Воскресенскій, и столь рано похищенный смертію С. Г. Саларевъ; а потому мы считаемъ долгомъ сказать и о нихъ нѣсколько словъ. В. И. Воскресенскій, питомецъ, а потомъ наставникъ Московской Духовной Академіи, въ 1822 году принялъ санъ монашескій, съ именемъ Гавріила. Въ 1829 году перемѣщенъ былъ на должность настоятеля Зилантьева монастыря въ Казань, гдѣ преподавалъ въ семинаріи Богословіе и Церковное право, Богословіе и Философію въ Университетѣ. Окончилъ жизнь свою въ Спасскомъ Муромскомъ монастырѣ [63]). Погодинъ познакомился съ нимъ еще въ то время, когда учился у священника Кондорскаго, и преклонялся предъ его обширными познаніями въ Богословіи, Философіи, Математикѣ, Словесности, языкахъ. „Сей безподобный человѣкъ“, писалъ онъ, „еще помнитъ меня и всегда съ особеннымъ участіемъ спрашиваетъ обо мнѣ“. С. Г. Саларевъ былъ воспитанникъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона и авторъ нѣсколькихъ стихотворныхъ

и прозаическихъ сочиненій [64]). Погодинъ былъ очень огорченъ кончиной Саларева. „Это былъ“, писалъ онъ, „настоящій Ангелъ! Много знаю я молодыхъ людей; ни въ одномъ нѣтъ такой кротости, такой тихости, такой любезности. Куда дѣвалась ученость? Я любилъ его, не видавъ еще, увидя и поговоря съ нимъ однажды, еще болѣе утвердился въ сей любви. Особенно тронули меня послѣдніе часы его жизни. Ему велѣли пить какое-то вино, по 15 р. бутылка. „На что это другъ мой“, сказалъ онъ женѣ, „15 р. годится тебѣ на что нибудь! мнѣ отъ этого не будетъ лучше“. Вотъ прекраснѣйшая черта, На краю гроба отказывать себѣ въ нужномъ и заботиться о будущей судьбѣ тѣхъ, кого любилъ. Да почіетъ въ мірѣ прахъ твой, добрый человѣкъ! Прими отъ меня слезы искренняго, сердечнаго сожалѣнія! Я не забуду сиротъ твоихъ, если самъ буду въ состояніи. А ты,—ты помолись обо мнѣ!... Я хотѣлъ-было написать здѣсь еще; но самъ усомнился, не входитъ ли тутъ... Нѣтъ, нѣтъ не входитъ“ [65]).

Въ этомъ кружкѣ молодыхъ мыслителей обсуждались и разрѣшались религіозные, научные, политическіе и соціальные вопросы. Между тѣмъ общительность была отличительнымъ качествомъ Погодина. „Какую бы пріятную новость ни узналъ я“, сознается онъ самъ, „какое бы прекрасное чувство ни питалъ въ себѣ, мнѣ никогда не можетъ быть оно очень пріятно, если я не могу сообщить его другому; мнѣ даже мучительно держать его въ себѣ. Я восхищаюсь какимъ нибудь мѣстомъ въ писателѣ, мнѣ оно вдвое пріятнѣе, если я прочту его съ товарищемъ“.

Злой духъ тьмы носится надъ Вселенною, силясь мрачными крыльями своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освящающій всякаго человѣка въ мірѣ [66]). Такъ писалъ, въ 1820 году, одинъ изъ такъ называемыхъ обскурантовъ того времени. Этотъ злой духъ безвѣрія „мрачными крыльями своими“ коснулся отчасти и нашего студента „Хотѣлъ было“, записалъ онъ въ *Дневникѣ* своемъ, „собрать всѣ свои сомнѣнія на счетъ религіи и писать объ нихъ

Воскресенскому, съ просьбою, чтобы онъ разрѣшилъ ихъ, но рѣшился подождать Кубарева и спросить у него совѣта" [67]). А въ *Чистосердечномъ признаніи*, написанномъ Погодинымъ послѣ Исповѣди, читаемъ: „Сомнѣнія растравили мою душу, я сомнѣвался въ божественномъ происхожденіи Іисуса Христа. Иногда, только очень рѣдко, проскакивали сомнѣнія, и при томъ пустыя, не крѣпкія и ничтожныя, о бытіи Бога"... Таинство Евхаристіи казалось ему лишнимъ обрядомъ; ибо думалъ онъ, и весьма ошибочно, что сіе *Святая Святыхъ* установлено Св. Отцами, а не самимъ Господомъ. Погодинъ передаетъ въ своемъ *Дневникѣ* споръ, происходящій между Кубаревымъ и Воскресенскимъ, *о бѣсноватыхъ*. Кубаревъ отвергалъ ихъ, говоря, что бѣсноватость происходитъ отъ истерическихъ припадковъ; а Воскресенскій утверждалъ, и въ доказательство приводилъ множество примѣровъ, видѣнныхъ имъ въ Троицкой Лаврѣ, что люди въ такомъ состояніи были совершенно покойны въ церкви, но будучи подводимы ко гробу Сергія, испускали ужаснѣйшіе крики, мучились и пр., точно какъ повѣствуетъ намъ Евангеліе о бѣсноватыхъ, подводимыхъ къ Спасителю". Этому человѣку, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „повѣрить можно: онъ не суевѣръ и пустяковъ говорить не любитъ" [68]). Но къ счастію Погодина, нашелся человѣкъ, который вырвалъ не одно перо изъ чернаго крыла противника Христова. Такимъ человѣкомъ явился товарищъ его, Николай Андреевичъ Загряжскій, который въ области религіи былъ для Погодина тѣмъ же, чѣмъ Кубаревъ въ области науки. По свидѣтельству его самого, Загряжскій, „въ какую-то благую минуту, указалъ ему со властію на нѣкоторые тексты Евангелія, врѣзавшіеся ему навсегда въ голову" [69]). Но съ Загряжскимъ Погодинъ сблизился только въ концѣ своей студенческой жизни и, узнавъ его ближе, раскаявался въ томъ, что два года почиталъ его пустымъ, ничтожнымъ человѣкомъ. „Теперь я вижу", писалъ Погодинъ, „что онъ былъ въ правѣ почитать меня пустымъ" [70]). О предметахъ религіозныхъ Погодинъ не разъ бесѣдовалъ и съ

Кубаревымъ и даже положили читать вмѣстѣ по воскресеньямъ Евангеліе, а по субботамъ Цицерона. Онъ былъ даже однажды „въ сладостномъ волненіи, когда Кубаревъ, говоря о почитаніи Святыхъ, сказалъ, что любитъ наиболѣе Сергія. „Такъ и я“, писалъ Погодинъ, „его люблю особенно. Онъ близокъ къ намъ, онъ нашъ, онъ былъ Русскій, любилъ Россію, любилъ славу ея, молился за то, за что́ молюсь и я, старался быть ей полезнымъ, и великія добродѣтели мужа, посвятившаго себя только Богу, соединилъ съ сладостнымъ, драгоцѣннымъ чувствомъ любви къ отечеству. Сердце его, забывъ міръ, билось еще для славы отечества. Еще люблю я Димитрія Ростовскаго“ [71]). Но всѣ эти разговоры не производили на душу Погодина того впечатлѣнія, какое произвелъ на нее Загряжскій. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ о таинственномъ значеніи Ветхаго Завѣта, о значеніи Исхода изъ Египта, о спасеніи людей чрезъ Іисуса Христа, о мѣдномъ зміѣ, въ пустыни воздвигнутомъ, о распятомъ Іисусѣ. Замѣчательно, что Загряжскій былъ противъ перевода Библіи „на обыкновенное, не имѣющее и по обыкновенности не могущее имѣть достаточной важности Русское нарѣчіе“. Благодѣтельныя послѣдствія произошли въ душѣ Погодина отъ этого духовнаго общенія съ Загряжскимъ. По его собственному сознанію, „прежде самыя важныя сомнѣнія“ ему казались справедливыми; а теперь не то, и онъ спрашивалъ себя: „какъ смѣлъ я сомнѣваться, не имѣя почти никакого понятія о Священномъ Писаніи“. А обращаясь къ другимъ, онъ говорилъ: „чего не можетъ дѣлать вѣра въ Бога и надежда на Его промыселъ? Атеисты и люди, не хотящіе вѣрить безсмертію души, суть самыя несчастные. Страдать, мучиться, искать истины напрасно, не понимать — для чего живешь, и не надѣяться ни на что въ будущемъ... Это ужасно! Скажите мнѣ, мечтатели, хотя вы ослѣплены до того, что считаете будущность мечтою, скажите, не должно ли считать драгоцѣнною эту мечту, которая не допускаетъ человѣка упадать подъ бременемъ золъ, его угнетающихъ, поселяетъ въ сердцѣ его спасительную

надежду на ту жизнь, которую встрѣтитъ онъ тамъ, тамъ — за синимъ океаномъ, наполняетъ душу его чистою веселостію, предвѣстницею вѣчныхъ радостей, укрѣпляетъ его въ добродѣтели, даруетъ ему твердость, всепревозмогающую, услаждаетъ его въ самомъ терпѣніи, возвышаетъ надъ всѣмъ земнымъ? Но кто исчислитъ все получаемое нами отъ сей, вами называемой, мечты? Имѣя ее, что́ вы теряете? Вы пріобрѣтаете все. А безъ нея? О, несчастные! вы бѣдняки, не имѣющіе послѣдняго утѣшенія надежды...“ [72]). По поводу самоубійства одного знакомаго, Погодинъ писалъ къ своему товарищу А. М. Гусеву: „Вы пишете, что Вейсъ застрѣлился... Что значитъ мудрость человѣческая? Разительное доказательство, что не должно полагаться на разумъ, что есть другой руководитель для истиннаго, крѣпкаго, полезнаго людямъ просвѣщенія“ [73]). Къ спасительному перевороту мыслей Погодина въ религіозномъ отношеніи способствовалъ также и слѣдующій случай. Онъ посѣтилъ однажды умирающую сестру его няни, рабу Божію Параскеву. Она уже исповѣдывалась и пріобщалась. Когда Погодинъ, вошелъ къ ней она очень обрадовалась, стала съ нимъ прощаться и увѣрять въ своей преданности ко всему его семейству. Это прощаніе „при дверяхъ гроба“ разстрогало Погодина до глубины души. „Я сильно плакалъ“, записалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „какъ трогательна послѣдняя надежда человѣка на Бога; отнимите ее, что̀ будетъ съ нимъ“. Къ этому онъ прибавляетъ: „Я совѣтовалъ бы безбожникамъ приходить почаще къ умирающимъ. Вотъ одно изъ самыхъ трогательныхъ зрѣлищъ, какія только могутъ быть на сей землѣ“ [74]).

Карамзинъ и Русская Исторія были постоянною темою разговоровъ и размышленій Погодина и кружка его друзей. Однажды, въ сентябрѣ 1820 года, онъ, ѣдучи изъ Москвы въ Знаменское, вмѣстѣ съ княземъ Ю. И. Трубецкимъ и В. Г. Корнальевымъ, и дорогою бесѣдуя о Дмитріевѣ, Карамзинѣ, Батюшковѣ, между прочимъ, сказалъ: „Я думаю, у насъ тогда только узнаютъ цѣну Карамзину, когда въ чу-

жихъ краяхъ будетъ гремѣть похвала его творенію. Записывая этотъ разговоръ или, точнѣе сказать, монологъ въ своемъ *Дневникѣ*, Погодинъ почему-то восклицаетъ: „О, Русскіе бояре! проснитесь! О, Петръ! Явись у насъ, пробуди ихъ!“ [75]). Но хотя Карамзинъ, по его собственному свидѣтельству, свою *Исторію Государства Россійскаго* „писалъ для Русскихъ, для купцовъ Ростовскихъ, для владѣльцевъ Калмыцкихъ, для крестьянъ графа Шереметева“, а не для Западной Европы, тѣмъ не менѣе, тамъ въ это время уже гремѣли похвалы творенію Карамзина. „Знаешь ли“, писалъ самъ Карамзинъ (отъ 11 ноября 1820) И. И. Дмитріеву, „что я, читавъ равнодушно десять или двадцать брагопріятныхъ отзывовъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Итальянскихъ, былъ тронутъ статьею *Монитера* о моей Исторіи, Этотъ академикъ посмотрѣлъ мнѣ въ душу: я услышалъ какой-то голосъ потомства. Либеральный *Constitutionel* осыпалъ меня похвалами. Хвалитъ даже мою либеральность, вопреки нашимъ либералистамъ!“ „Странно“, продолжаетъ Карамзинъ. „Французы въ *тѣни* (въ переводѣ) находятъ болѣе, нежели иные мои братьи Русскіе въ *вещи*!“ [76]). Когда Погодинъ узналъ, что самъ Карамзинъ прислалъ одному студенту второе изданіе своей Исторіи, то онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Я хотѣлъ бы быть на мѣстѣ этого студента. Въ гимназіи я еще рѣшился было просить Николая Михайловича о присылкѣ мнѣ Исторіи, но не случилось этого исполнить. Утѣшься, дружокъ, и тотчасъ по окончаніи курса, принимайся за переводъ Шлецеровой Россійской Исторіи“. И этотъ переводъ свой Погодинъ мечталъ поднести Карамзину, при письмѣ, въ которомъ намѣревался изложить исторію его къ нему привязанности, степень ея, настоящія свои чувствованія и пр. Онъ только боялся, чтобы Карамзинъ не умеръ до того времени. Погодину очень желалось, чтобы Карамзинъ „и на землѣ зналъ о немъ“ [77]). Несмотря на все это, вѣяніе того времени было неблагопріятно для Карамзина и оно не могло не имѣть, хотя даже и отчасти, вліянія на пыл-

каго, впечатлительнаго мечтателя нашего. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго: „Часть молодежи нашей, увлеченная вольнодумствомъ, политическимъ суемудріемъ современнымъ и легкомысліемъ, свойственнымъ возрасту своему, замышляла въ то время несбыточное преобразованіе Россіи. Съ чутьемъ вѣрнымъ и проницательнымъ, она тотчасъ оцѣнила важность *Исторіи Государства Россійскаго*, Карамзина, которая была событіе, и событіе, совершенно противодѣйствующее замысламъ ея. Книга Карамзина есть непреложное и сильное свидѣтельство въ пользу Россіи, каковою содѣлало ее Провидѣніе, столѣтія, люди, событія и система правленія; а они хотѣли на развалинахъ сей Россіи воздвигнуть новую, по образу и подобію своихъ мечтаній. Колкіе отзывы, эпиграммы, критическія замѣчанія, предосудительныя заключенія посыпались на книгу и на автора. Имъ не хотѣлось самодержавія; какъ же имъ было не подкапываться подъ твореніе писателя, который чистыми убѣжденіями совѣсти, глубокимъ соображеніемъ отечественныхъ событій и могуществомъ краснорѣчія доказывалъ, что мудрое самодержавіе спасло, укрѣпило и возвысило Россію. Вспомните еще, что Карамзинъ писалъ тогда Исторію не совершенно въ духѣ Государя, что по странной перемѣнѣ въ роляхъ, писатель былъ въ нѣкоторой оппозиціи съ правительствомъ, являясь проповѣдникомъ самодержавія, въ то время, когда Правительство, въ извѣстной рѣчи при открытіи Перваго Польскаго Сейма въ Варшавѣ, такъ сказать, отрекалось отъ своего самодержавія... Легко понять, какъ досаденъ былъ Карамзинъ симъ молодымъ умамъ, алкавшимъ преобразованій и политическаго переворота. Они признали въ писателѣ личнаго врага себѣ и дѣйствовали противъ него непріятельски". Въ воздухѣ того времени уже носилось *14-е декабря*, которое, по мѣткому выраженію князя Вяземскаго, „было, такъ сказать, критика вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ, т. е. *Исторію Государства Россійскаго*" [78]). И дѣйствительно, вотъ что̀ мы читаемъ въ *Дневникѣ* Пого-

дина: „Думаю о сочиненіи обозрѣнія Россійской Исторіи. Я кончу его только Петромъ. Хвалить Александра грѣшно. Мѣсто Екатерины также несовсѣмъ назначено. Мнѣ и на Карамзина мочи нѣтъ досадно за подносительное письмо къ Государю. Неужели онъ не могъ выдумать съ приличіемъ ничего такого, въ чемъ бы не видно было такой грубой, подлой лести? Этого я ему не прощаю. Притомъ, кромѣ лести, связано съ цѣлымъ очень дурно“ [79]). Бесѣдуя однажды съ Кубаревымъ объ *Исторіи* Карамзина, Погодинъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Теперь писать Россійскую Исторію думать нельзя. Карамзина должна благодарить Россія не за Исторію, но за обогащеніе Словесности многими превосходными, драгоцѣнными историческими отрывками. Прежде, нежели думать о написаніи Исторіи, должно: 1) напечатать ученымъ образомъ наши лѣтописи и все историческое; 2) разобрать ихъ, очистить критически; 3) выбрать изъ нихъ нужное для Исторіи; 4) собрать все, писанное древнѣйшими писателями о Сѣверныхъ народахъ. У насъ этихъ книгъ нѣтъ, можно предложить Нѣмцамъ (и они это сдѣлаютъ) и перевести на Русскій языкъ; 5) собрать всѣхъ писателей Византійскихъ, описывавшихъ происшествія между IX и XI вѣкомъ, сличить между собою и выбрать относящееся до Россійской Исторіи; 6) сличить ихъ съ нашими лѣтописями и вывести заключеніе; 7) познакомиться съ Восточною Словесностію, сыскать всѣ книги, рукописи, въ коихъ говорится о Монголахъ; 8) отыскать и издать все, въ нашихъ и Нѣмецкихъ архивахъ, относящееся до связи Россіи съ Поляками, Ливонскими Рыцарями, Ганзою и, наконецъ, со всѣми Европейскими дворами, хотя до Екатерины I, и издать съ переводомъ; 9) сдѣлать подробнѣйшее и вѣрнѣйшее землеописаніе Россійскаго Государства; 10) изслѣдовать положеніе древнихъ мѣстъ и опредѣлить ихъ нынѣшними,—Географію для каждаго вѣка; 11) изслѣдовать, сличить и исправить Хронологію; 12) издать Нумизматику; 13) отыскать и описать всѣ древности, разсѣянныя повсе-

мѣстно; 14) собрать и издать всѣхъ писателей, писавшихъ о чемъ нибудь касающемся до Россійской Имперіи, по матеріямъ, напримѣръ, о Славянахъ, мнѣніе Баера, Миллера, Шлецера, Карамзина, Домбровскаго, сличить ихъ и опредѣлить достоинство каждаго, показать—чему вѣрить и въ чемъ сомнѣваться должно, и проч.; 15) сочинить Родословныя таблицы; 16) составить Палеографію. Все это составитъ 200 книгъ. Ихъ отдать историку, и тотъ будетъ дѣлать съ ними, чтó хочетъ. У насъ не сдѣлано ничего въ такомъ видѣ, хотя довольно сдѣлано по частямъ. Можно ли же думать объ Исторіи? Кромѣ всего этого, вотъ чтó еще непростительнаго сдѣлалъ Карамзинъ. Повѣствуя объ одномъ происшествіи, онъ говоритъ: смотри Никонову лѣтопись, между тѣмъ какъ я не знаю, почему въ семъ случаѣ можно принять свидѣтельство Никоновой лѣтописи, а въ другомъ нѣтъ; притомъ я знаю, что Никоновскій списокъ есть самый обезображенный переписчиками. Далѣе онъ говоритъ: смотри Гадебуша, Арндта, между тѣмъ какъ я не знаю, кто такой Гадебушъ, кто такой Арндтъ, упоминаютъ ли наши лѣтописи о томъ, о чемъ говорятъ сіи писатели, разнятся ли они, сходствуютъ ли; если у насъ о томъ не упоминается, почему повѣрить можно тѣмъ, и т. д.“ [80]) Либералы того времени, относясь безпощадно къ Карамзину, весьма сочувствовали Сперанскому, этому, по счастливому выраженію князя Вяземскаго, „чиновнику громадныхъ размѣровъ“. И въ этомъ сочувствіи Погодинъ подчинялся господствующему въ то время вѣянію, и мы находимъ въ *Дневникѣ* его слѣдующее: „Говорилъ съ В. Д. Корнильевымъ о Сперанскомъ, его умѣ, познаніяхъ, опытности, любви къ человѣчеству. Онъ знаетъ Латинскій, Нѣмецкій, Французскій, Англійскій языки и во время отдыха занимается Греческимъ, роется въ словаряхъ. Изъ поэтовъ любитъ болѣе всѣхъ Шиллера. Корнильевъ сказывалъ, что передъ войною съ Французами, Балашовъ и многіе знатные, ненавидя Сперанскаго изъ зависти, увѣрили Государя, что онъ передаетъ Наполеону о состояніи Россіи. Дай Богъ, что-

бы онъ принялъ опять участіе въ правленіи. Можетъ быть, у насъ дѣлалось бы лучше“ [81]).

Въ это время Сперанскій вернулся въ Петербургъ и предъ нимъ, по выраженію графа Корфа, „засіяли, какъ маякъ, послѣ продолжительнаго и труднаго странствованія, главы и шпицы Петербургскіе“ [82]).

Событія и лица новой, послѣ-петровской Исторіи подлежали также суду нашихъ молодыхъ мыслителей. Относясь съ благоговѣніемъ къ Петру Великому, они очень не благоволили къ Екатеринѣ Великой. Отраженіе этихъ мнѣній и отзывовъ находимъ въ *Дневникѣ* Погодина: „Екатерина не великая“, писалъ онъ, „а очень средняя... Она имѣла нужду въ Дворянствѣ, въ его поддержаніи. Она дышала Дворянствомъ и за это дала ему все. Она жила не для потомства, для себя единственно“. Но потомъ самъ Погодинъ спрашиваетъ“: „Отчего при ней было много хорошаго? Дѣлая что угодно изъ 30 милліоновъ Русскихъ головъ, чего нельзя сдѣлать! Притомъ, всѣ отличныя событія ея царствованія, что имѣли *причиною*? Горестно, очень горестно размышлять, что многое знаменитое, великое въ здѣшнемъ мірѣ дѣлается или по случаю, или отъ причинъ низкихъ.—Она была очень, очень умна, но и много пятенъ на себѣ оставила. Карамзинъ! Зачѣмъ ты написалъ ей похвальное слово“? [83]). Однажды, бесѣдуя съ Кубаревымъ о рѣшительности Екатерины и нерѣшительности Петра III, Погодинъ замѣтилъ слѣдующее о семъ Государѣ: „Рожденіемъ получивъ право на Россію и Швецію, не получилъ ничего и кончилъ жизнь несчастнѣйшимъ образомъ“ [84]). Приводимъ это крайнее мнѣніе о Великой Екатеринѣ, отъ котораго и самъ Погодинъ впослѣдствіи отказался, съ единственною цѣлію, чтобы охарактеризовать безразсудныя, антиисторическія увлеченія молодыхъ мыслителей Александровскаго времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы считаемъ долгомъ привести живое свидѣтельство *простыхъ*, *не книжныхъ* людей, жившихъ въ царствованіе Екатерины Великой, и притомъ въ низкой долѣ, и это свидѣтельство самымъ блистательнымъ образомъ

обличаетъ всю лживость подобныхъ увлеченій. Такъ, самъ же Погодинъ, по его собственному показанію, никакъ не могъ увѣрить своего старика отца въ томъ, что Екатерина *дурнаго сдѣлала болѣе, чѣмъ хорошаго* [85]). Затѣмъ, бесѣдуя однажды съ другимъ Екатерининскимъ старикомъ, Гусевымъ, отцомъ своего товарища, о тогдашнихъ налогахъ, Погодинъ услышалъ отъ старика слѣдующее: „При Екатеринѣ не платили ни копѣйки съ котла пивнаго. Жито было хорошо. Дай Богъ царство небесное Матушкѣ Государынѣ. *Какъ любилъ народъ Екатерину*“ [86]).

И другія великія событія нашей Исторіи подлежали суду нашихъ мыслителей, и надъ ними произносились сужденія, и тоже весьма крайнія. Такъ, напримѣръ, они находили, что „Война 1812 года принесла Россіи, болѣе безславія нежели славы. Русскіе, въ своей землѣ, съ такими пособіями, допустили непріятелей взять ихъ столицу! Не могли приготовиться къ войнѣ заранѣе! Не искусство дѣйствовало, а сила и морозы“ [87]). Подтвержденіемъ этого взгляда могъ послужить для Погодина слѣдующій случай. Ѣхалъ онъ однажды къ Кубареву на извощикѣ и „сей извощикъ, желая дать понять Погодину, что былъ въ чужихъ краяхъ, сказалъ ему: „какія въ чужихъ-то земляхъ горы“! На вопросъ Погодина: былъ ли онъ тамъ? отвѣтилъ: „я 27 лѣтъ служилъ солдатомъ“. „Съ кѣмъ же ты служилъ?“ „Съ Суворовымъ“. „Любилъ ли ты его“? Да ктоже его не любилъ? Если бы онъ былъ живъ, не быть бы Французу въ Москвѣ“. Отвѣтъ понравился Погодину, и онъ далъ старому ветерану 40 коп. „лишняго съ тѣмъ, чтобы онъ помянулъ Суворова“ [88]).

Текущая исторія, съ ея жгучими вопросами, не менѣе исторіи минувшихъ вѣковъ занимала пылкіе умы и составляла предметъ нескончаемыхъ толковъ кружка товарищей, въ которомъ вращался Погодинъ. Войны 1812—1815 гг., съ ихъ громадными послѣдствіями, политическими и нравственными, придали послѣднимъ годамъ царствованія императора Александра I-го, по справедливому замѣчанію графа Корфа, „зна-

ченіе цѣлаго столѣтія". Конечно, сужденія студентовъ были несамостоятельны; но они любопытны для насъ, какъ, отраженіе идей политическихъ и нравственныхъ, царившихъ въ то время въ нашемъ обществѣ. Однажды Погодинъ посѣтилъ питомца Кубарева, М. С. Ширая, и засталъ у него профессора Андрея Харитоновича Чеботарева, Степана Алексѣевича Маслова, и у нихъ завязалась любопытная бесѣда „о политическихъ дѣлахъ, о духѣ того времени". Опасное броженіе, происходившее въ то время въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ полкахъ, закончившееся прискорбнымъ событіемъ *14-го декабря*, очевидно, дало поводъ къ слѣдующему разсужденію, записанному Погодинымъ въ его *Дневникѣ*. „Броженіе это и напоминаетъ то несчастное время Римлянъ, когда неистовые преторіянцы давали императоровъ, повелителей вселенной, и это было одною изъ главнѣйшихъ причинъ упадка Западной Имперіи. Войско должно быть машиною. Нашъ Государь поступаетъ весьма благоразумно, вводя строгую дисциплину. У насъ солдатъ не имѣетъ времени подумать о чемъ нибудь дальше своихъ пуговицъ, своего мундира и проч.; онъ всегда занятъ. Но зато должно наградить его послѣ, должно доставить ему самое спокойное, самое удобное, самое счастливое по возможности состояніе, такъ, чтобы не только не нуждался ни въ чемъ, но имѣлъ изобиліе во всемъ; а у насъ, къ несчастію и стыду, этого нѣтъ; притомъ должно уменьшить лѣта службы. Человѣку 25 лѣтъ не быть человѣкомъ—ужасно". С. А. Масловъ, осуждая революцію Испанскую и скорое введеніе новизны, сказалъ, „что законы, будучи плодомъ зрѣлаго разума, должны повелѣвать обстоятельствами, а не обстоятельства, вслѣдствіе страстей, законами". „Нѣтъ", возражалъ на это Погодинъ, законы должны предупреждать обстоятельства, сообразоваться съ ними. Для Россіянина XI вѣка довольно было Русской Правды, мы нуждаемся въ другомъ постановленіи. Отчего? Оттого, что обстоятельства перемѣнились, распространились понятія, нужды, отношенія. Если бы законы были плодомъ одного разума, то они у всѣхъ народовъ и во всѣ времена должны были бы быть одинаковы. А

мы видимъ совсѣмъ напротивъ. Поэтому то Солонъ, могши дать Аѳинянамъ законы лучшіе, не далъ ихъ, зная, что они при тогдашнихъ обстоятельствахъ не могли быть имъ полезны. Законы идутъ вмѣстѣ съ образованіемъ народа". Говоря о революціяхъ, С. А. Масловъ вспомнилъ слова Мирабо, который, умирая, на вопросъ: когда кончится революція? отвѣчалъ: *когда обойдетъ весь свѣтъ.* Еще говорили о состояніи господскихъ крестьянъ въ Россіи, о неудобности подушнаго оклада и о выгодахъ поземельнаго, о томъ, что помѣщики, давъ свободу крестьянамъ, не потеряютъ ничего" [89]).

Извнѣ дѣла Неаполитанскія, а внутри возмущеніе Семеновскаго полка обращали тогда всеобщее вниманіе и составляли предметъ разговоровъ. О нихъ толковали и въ салонахъ, и въ кабинетахъ ученыхъ, и въ студенческихъ кружкахъ. „Былъ у Трубецкихъ", пишетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „и говорилъ съ княземъ Юріемъ Ивановичемъ о всеобщихъ возмущеніяхъ въ Европѣ. Государь хочетъ подавать помощь Австрійцамъ и Неаполитанскому Королю противъ Неаполитанцевъ. Что намъ до нихъ за дѣло? Какое право имѣемъ мы вступаться въ чужія дѣла? Мы что за опекуны? Можно ли для этого пожертвовать жизнью 50,000 человѣкъ?" [90]). Не одни Неаполитанскія дѣла, но и почтенные цари Грузинскіе не ускользали отъ вниманія нашего любознательнаго студента. Посѣтивъ какъ-то сына давняго благодѣтеля, Рѣшетникова, Погодинъ завелъ съ нимъ разговоръ о жалкомъ положеніи царей Грузинскихъ, проживающихъ въ Москвѣ, и по поводу этого разговора, мы находимъ въ *Дневникѣ* его слѣдующую замѣтку: „Цари, изгнанники изъ своего отечества, на чужой сторонѣ, въ зависимости". Находя присоединеніе къ намъ Грузіи „несправедливымъ", Погодинъ спрашиваетъ: „Какая польза намъ отъ Грузіи? Неужели намъ мало своей земли? Зачѣмъ обременять себя произвольно управленіемъ постороннихъ государствъ?" При этомъ Погодинъ вспоминаетъ о какой-то проповѣди, говоренной однимъ архимандритомъ, „по случаю *несправедливыхъ* войнъ съ Турціею

во время Екатерины II-ой" [91]). Возмущеніе Грековъ также будоражило умы того времени; но лично на Погодина, кажется, это событіе не произвело особаго впечатлѣнія. Въ *Дневникѣ* его сохранились указанія на его разговоры объ этомъ съ И. А. Геймомъ и Ѳ. И. Тютчевымъ; отъ перваго онъ узналъ, что „Константину Павловичу тотчасъ по рожденіи дана была кормилица гречанка". Болѣе подробно описанъ разговоръ Погодина съ Тютчевымъ о Туркахъ. „Цѣлый народъ", говорили они, „выгнать трудно. Проѣздъ цѣлаго народа чрезъ Мраморное море будетъ занимателенъ". По поводу этой бесѣды, онъ замѣчаетъ: „обыкновенные государи въ наше время, обыкновенные министры, полководцы, и какія великія происшествія!" [92]).

Между тѣмъ, внутреннія дѣла наши въ то время имѣли тревожный характеръ: въ 1820 году, въ С. Петербургѣ, во время отсутствія Императора Александра I-го, произошли извѣстные безпорядки въ его любимомъ Семеновскомъ полку. Это печальное событіе произвело сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и вызывало толки. Сочувствія были на сторонѣ Семеновцевъ, хотя Погодинъ и находилъ, что, „судя строго, Семеновцы, возмутясь и оказавъ неповиновеніе начальству, подали очень дурной примѣръ. Они имѣли доступъ къ Государю и могли прямо подать ему просьбу или пересказать на словахъ свои жалобы"; но тѣмъ не менѣе, онъ находилъ, что „возмущеніе ихъ было самое благородное, великодушное, достойное Русскихъ", и что оно „доказываетъ, что солдаты наши имѣютъ тонкое чувство чести, умѣютъ любить Отечество, знаютъ свои обязанности. Ахъ, если бы умѣли обходиться съ нашимъ народомъ". Все молодое поколѣніе Трубецкихъ стояло за Семеновцевъ. Дама сердца Погодина, княжна Аграфена Ивановна, „сильно защищала величіе ихъ поступка" а княгиня А. Н. Голицына „задыхалась, выходила изъ себя, говоря о превосходныхъ качествахъ Русскаго народа", Погодинъ, „въ молчаніи", слушая ихъ, умилялся, восхищался, восклицая: „драгоцѣнныя, драгоцѣнныя женщины!" Но, воображая себя на мѣстѣ Го-

сударя, онъ поступилъ бы такимъ образомъ: „изложа подробно и доказавъ вину Семеновцевъ, простилъ бы ихъ“ [93]). Когда Погодинъ разсказалъ своему отцу о Семеновской исторіи, то Екатериненскій старикъ заплакалъ, и въ этомъ Погодинъ усмотрѣлъ „вѣрнѣйшее доказательство, что поступокъ Семеновцевъ хорошъ. Сердце говоритъ за него“.

Вопросъ крестьянскій, т. е. освобожденіе крѣпостныхъ, съ давнихъ временъ занималъ умы нашихъ государей, законодателей, мыслителей, и очень естественно, что онъ былъ предметомъ толковъ и университетскаго юношества, а Погодинъ, происходя самъ изъ крѣпостныхъ, принималъ этотъ вопросъ особенно къ сердцу. Въ бесѣдахъ съ товарищами, жгучій вопросъ этотъ не ограничивался только общими мыслями и разсужденіями. Такъ, на вечерѣ у богатаго Малороссійскаго помѣщика, Михаила Степановича Ширая, когда разговоръ коснулся этого вопроса, послышались такія разсужденія: „свобода крестьянъ не должна быть введена у насъ теперь, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Доказательство очевидно: казенные крестьяне живутъ не лучше помѣщичьихъ... Народъ не можетъ еще пользоваться свободою, какъ должно“. Михаилъ Степановичъ Ширай увѣрялъ Погодина, что „крестьяне отца его очень много сѣтовали на него за то, что онъ выстроилъ имъ новыя избы; они хотѣли лучше коптиться въ старыхъ. Къ перемѣнамъ должно приступать исподволь; должно ограничить права помѣщиковъ, опредѣлить обязанности крестьянъ“. Бесѣдуя однажды съ товарищемъ своимъ Бычковымъ и Ждановскимъ о томъ же вопросѣ, Погодинъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „крестьянамъ даже и теперь было бы хорошо, еслибы исполняли всѣ повелѣнія правительства въ отношеніи къ нимъ, и несчастіе ихъ происходитъ отъ того, что начальство не слушаетъ ихъ жалобъ. Казенныя крестьяне гораздо больше платятъ симъ піявицамъ судьямъ, нежели господскіе—господамъ. Послѣ всеобщей свободы, сколько будетъ праздношатающихся дворовыхъ людей, коихъ теперь по сотнѣ держатъ иные господа. Куда они дѣнутся? Станутъ

воровать“ [94]). Нѣкто сообщилъ Погодину свои мысли о крестьянскомъ вопросѣ, которыя показались ему превосходными. Вотъ въ чемъ они заключаются: „Опредѣлить, сколько въ какой губерніи крестьянинъ долженъ платить господину, и назначить сумму, взнеся которую ему, крестьянинъ дѣлается вольнымъ и получаетъ *участокъ земли*. Это будетъ важнѣйшій и величайшій шагъ къ счастію Россіи. Какъ возбудится промышленность, какъ возрастутъ фабрики, какъ оживится торговля!... Дворяне ничего не потеряютъ. Они съ капитала, полученнаго ими отъ крестьянъ, будутъ получать проценты и по одежкѣ будутъ протягивать ножки, слѣдовательно, уменьшится роскошь, распространится просвѣщеніе; ибо мелкіе дворяне должны будутъ стараться изыскивать средства для своего пропитанія“ [95]).

Погодинъ и его товарищи очень не благоволили къ Французамъ и вообще къ иностранцамъ. Собрались однажды у Ширая Погодинъ, Кубаревъ и толковали о „пристрастіи Русскихъ бояръ къ иностранцамъ. „Намъ нуженъ Петръ, божественный Петръ“, сказалъ Кубаревъ, „который бы однимъ ударомъ искоренилъ это гибельное для Россіи пристрастіе, заставилъ бы любить отечественное; гроза, гроза великая можетъ только очистить моральный нашъ воздухъ“. Погодинъ къ этимъ словамъ прибавилъ свою мечту „составить общество, которое бы имѣло цѣлію войну съ этою челядью Французскою. Чему выучиваютъ они, спросить по совѣсти у всякаго закоренѣлаго поклонника Французскаго?. Горе, горе намъ, если это продолжится долго!“ [96]). У него даже являлась мысль сочинить комедію, въ которой были бы раскрыты „всѣ пронырства, хитрости, невѣжество, злодѣйства, пагубное ученіе Французовъ, раздоры, посѣянные ими въ семействахъ, несчастія, отъ нихъ проистекающія, и пр. Дѣйствующими лицами были бы: отецъ, мать, сынъ, дочь, женихъ, гувернеръ, гувернантка, *добрый другъ* дома. Въ ней представлено было бы: какимъ образомъ Французы овладѣли умомъ хозяевъ, пріобрѣли ихъ довѣренность, различныя хамелеонскія образы угожденія ихъ всѣмъ

членамъ семейства, охлажденіе сердца родителей къ дѣтямъ, отдаленіе добраго жениха, діавольскіе планы — замѣненіе его извергомъ, обѣщавшимъ имъ разныя выгоды, готовность къ этому отца и матери, раскрытіе глазъ ихъ *добрымъ другомъ*". Подъ „добрымъ другомъ" Погодинъ, очевидно, разумѣлъ себя [97]). Нашихъ мыслителей возмущало и то, что важнѣйшія у насъ должности поручаются иностранцамъ и что имъ дается право покупать Русскихъ крестьянъ. „Для чего довѣрять", читаемъ мы въ *Дневникѣ*, „важнѣйшія, видныя должности иностранцамъ? Неужели у насъ нѣтъ своихъ, способныхъ къ занятію ихъ. Иностранцамъ дается право покупать крестьянъ. Будучи иновѣрцами, имѣя совсѣмъ другой духъ, другія мысли, стараясь только награбить побольше, они не пекутся объ ихъ пользѣ, грабятъ, презираютъ ихъ. Боже мой! Боже! Какъ еще стоитъ Россія" [98]). Даже почтенный трудъ Лерберга возмущалъ патріотическое чувство Погодина: „Все Нѣмцы,—все не Русскіе! О, срамъ! О, поношеніе! Проснитесь Русскія головы! И винить ихъ нельзя! Какія у насъ пособія къ просвѣщенію? Никакихъ. А сколько препятствій? Не говоря уже объ университетахъ, какая дороговизна книгъ?. Не всѣ родятся геніями, коимъ никакія преграды мѣшать не могутъ; не столь твердымъ надобно открывать дороги" [99]). Свою нелюбовь къ Французамъ они переносили и на Французскую литературу. По поводу разговора своего объ этомъ предметѣ съ Кубаревымъ, Погодинъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Французская поэзія—это проза съ риѳмами. Французы пріобрѣли славу оружіемъ въ блестящій вѣкъ Людовика, первые обработали языкъ свой,—и вотъ причина его повсемѣстности. Ловкостью, образованностію вкрались въ женщинъ,—вотъ другая. Языкъ самый монотонный. Еще вѣкъ продолжится этотъ чадъ, и тогда прощайте господа Французы. Вы и языкъ вашъ останетесь позади всѣхъ" [100]). Прочитавъ Расинову трагедію *Ифигенію*, онъ замѣчаетъ: „настоящая ли эта трагедія? Сколько несообразностей, пустословія, Французскихъ оборотовъ, которые вовсе не идутъ для Грековъ? Если бы его Ахиллеса, Агамемнона,

Ифигенію назвать принцемъ Конде, Тюренемъ, Нинонoю, нарядить ихъ въ платье XVII в., мы бы не замѣтили никакой несообразности. Это настоящіе Французы. Гдѣ Греки? Ничего нѣтъ, или очень мало трагическаго. Хорошій слогъ, нѣсколько хорошихъ мыслей. Говорятъ, что Расинъ зналъ хорошо человѣческое сердце. Изъ этой трагедіи заключить онаго нельзя" [101]). Вольтеръ возмущалъ Погодина способностью своею „обращать все въ смѣшную сторону." Не менѣе возмущало его и то, что въ письмахъ къ Екатеринѣ онъ „не пропускалъ ни одного случая смѣяться надъ Священнымъ Писаніемъ" [102]). Изъ всей Французской литературы, одинъ только Руссо плѣнялъ Погодина. Зато Нѣмецкая литература восхищала его. Въ этомъ сказалось, конечно, вліяніе Тютчева, который, какъ мы уже знаемъ, посвятилъ его въ таинства этой литературы. „Читалъ съ Генигштою", отмѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „разныя стихотворенія Шиллера. Ахъ геній! Вотъ поэзія! Что наши поэты предъ нимъ!" [103]). Съ Тютчевымъ они толковали и о кажущейся имъ „ограниченности познаній" нашихъ писателей. „Кто изъ нихъ", спрашивали они самодовольно, „кромѣ новѣйшихъ, зналъ больше одного или двухъ языковъ? А у Нѣмцевъ какая всеобъемлемость".

Эти чтенія, бесѣды и размышленія, очень естественно, развивали способности, окрыляли духъ, способствовали къ проявленію природныхъ дарованій Погодина. Онъ заключаетъ съ Кубаревымъ условіе приняться, по окончаніи курса, за сочиненіе Русской грамматики [104]). Для этой цѣли они положили жить вмѣстѣ. По окончаніи, мечтали поднесть эту грамматику Университету, Академіи, Государю [105]). Не довольствуясь этимъ, Погодинъ думаетъ „написать на досугѣ" о послѣднемъ времени Карѳагенской республики, и пр.; еще сдѣлать обозрѣніе всѣхъ народовъ, на Русской землѣ обитающихъ, начиная отъ камчадала или лопаря, коему одинъ олень доставляетъ все, до легкаго, какъ эфирный воздухъ, француза, носящаго имя русскаго" [106]). Исторія Богомъ избраннаго народа Еврейскаго также сильно интересовала нашего студента. „Какое великое,

богатое поле для таланта!“ восклицаетъ онъ. „Съ какимъ искусствомъ, сообразуясь съ нашими понятіями, съ какою силою можно изобразить нѣкоторыя ея эпохи, напримѣръ, времена патріархальныя, мученія въ Египтѣ, исходъ цѣлаго народа, дарованіе самимъ Богомъ законовъ, страданія въ пустынѣ, приходъ въ Обѣтованную землю, отведеніе въ плѣнъ цѣлаго народа, возвращеніе въ отечество, и пр., и пр.“ [107]).

Цѣлый рядъ трудовъ намѣтилъ Погодинъ для своихъ будущихъ занятій. Онъ намѣревался: сочинить Родословныя таблицы, перевесть Нестора на Латинскій языкъ, для Нѣмцевъ, сочинить Исторію Русской Словесности, перевесть Шатобріана, заниматься понемногу Греческимъ языкомъ, нанять нѣмца для упражненія въ Нѣмецкомъ языкѣ, читать: изъ Латинскаго—Овидія, изъ Французскаго—Руссо, изъ Нѣмецкаго—Шиллера. Обѣдая однажды у Кубарева, онъ уже „восхищался“ будущими ихъ занятіями, „мы выдадимъ“, отмѣчено въ *Дневникѣ*, „вдругъ сочиненія по разнымъ частямъ. Родословныя таблицы, историческое разсужденіе, нѣсколько волшебныхъ оперъ, разсужденіе объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ, переводы съ Итальянскаго, Англійскаго, трактатъ о музыкѣ, Русскую грамматику, какого нибудь Латинскаго автора, съ примѣчаніями, и пр., и пр.“ [108]). Тютчевъ даетъ ему идею перевести на Латинскій языкъ *Слово о полку Игоревѣ*, а восхищаясь переводомъ Жуковскаго изъ Овидія, Погодинъ думаетъ самъ попробовать гекзаметръ. Наконецъ, онъ мечтаетъ объ изданіи журнала. „Издателями будутъ“, пишетъ онъ въ *Дневникѣ*, „я, Кубаревъ, Калайдовичъ, Строевъ. Въ первой книжкѣ будетъ разборъ оды Богъ—Мерзлякова; взглядъ Погодина на Россійскую Исторію; о гекзаметрахъ — Кубарева; разсужденіе изъ Русской Исторіи — Калайдовича, и пр., и пр.“ [109]). Не довольствуясь всѣмъ этимъ, пылкій студентъ нашъ замышляетъ дѣйствительно написать фантастическую оперу *Гаральдъ*, и сохранилась даже набросанная имъ завязка этой оперы: „Гаральдъ, послѣ продолжительнаго странствованія, совершивъ множество различныхъ подвиговъ, требованныхъ

гордою Елизаветою, пріѣзжаетъ въ Кіевъ. Желая испытать, не остыло ли для него сердце Княжны, любитъ ли она его столько, сколько онъ любитъ ее, и достойна ли она его такъ, какъ онъ достоинъ ея, онъ заставляетъ одного знаменитаго витязя Норвежскаго, своего товарища, просить у Ярослава руки Елизаветиной, самъ скрывается въ его свитѣ. Ярославъ, столь долгое время не имѣвшій извѣстія о Гаральдѣ, полагая, что онъ погибъ, соглашается на бракъ Норвежскаго витязя съ дочерью; но Елизавета не хочетъ о немъ слышать, она мечтаетъ безпрестанно о своемъ Гаральдѣ, о его опасностяхъ, на которыя онъ пускается изъ любви къ ней, о его славѣ. Извѣщаютъ о его смерти. Она рѣшается идти въ монастырь. Восхищенный Гаральдъ открывается и, занавѣсъ опускается“ [110]).

Въ семействѣ Трубецкихъ, какъ мы уже видѣли, Погодинъ, не смотря на свое скромное званіе *Русскаго учителя* и на свое скромное происхожденіе, былъ, что называется, своимъ человѣкомъ, или, какъ онъ самъ себя величалъ, *добрымъ другомъ дома*, и отношенія, образовавшіяся у него въ Знаменскомъ, продолжались и на Покровкѣ. Онъ не сидѣлъ у нихъ за *учительскимъ столомъ* и его не угощали тамъ, такъ называемымъ, *учительскимъ виномъ*. Онъ не только смѣлъ тамъ *свое сужденіе имѣть*, но даже выражалъ подчасъ оное очень рѣзко и очень громко, а иногда и неприлично. Онъ нерѣдко нападалъ на старшаго сына Трубецкихъ, князя Юрія Ивановича, за его пренебреженіе къ Русскимъ и къ Русской Исторіи. „Стыдитесь“, говорилъ онъ ему, „пасынки Россіи! Чей хлѣбъ вы ѣдите“. Между тѣмъ, сестеръ его онъ даже не имѣлъ и повода упрекать въ этомъ. Кромѣ своихъ учительскихъ обязанностей, Погодинъ занимался составленіемъ Родословія князей Трубецкихъ, и трудъ свой представилъ отцу нынѣшняго оберъ-гофмаршала, князю Никитѣ Петровичу Трубецкому.

Въ это время, въ домѣ Трубецкихъ совершилось счастливое семейное событіе: княжна Софія Ивановна вышла

замужъ за Александра Всеволодовича Всеволожскаго. Въ день своего рожденія, 11 ноября 1820 года, Погодинъ былъ „на отпускѣ приданнаго Софіи Ивановны“ и тутъ же познакомился съ извѣстнымъ Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ и слушалъ его разговоры объ Италіи, о Французской поэзіи. На другой день происходило бракосочетаніе, и Погодинъ даже плакалъ, смотря на Софію Ивановну, какъ родители отпускали ее навѣки изъ своего дома. Самое вѣнчаніе произвело на него сильное впечатлѣніе. „Трогательный обрядъ“, замѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, „что̀ ни говори, много, много дѣйствуютъ обряды на людей“. Въ церкви Погодинъ молился за Софію Ивановну, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за сестру ея, княжну Аграфену Ивановну, о томъ, чтобы и она поскорѣе вышла замужъ [111]). Для Аграфены Ивановны онъ, въ пылкомъ воображеніи своемъ, уже пріискалъ и жениха,—это таинственнаго и невозможнаго графа Мамонова; а „я, пишетъ онъ, „сталъ бы тогда держать вѣнецъ надъ ней“ [112]). У новобрачной четы Всеволожскихъ Погодинъ былъ уже совсѣмъ какъ дома и даже нѣкіимъ авторитетомъ. Добрѣйшая Софія Ивановна повѣряла ему свои книги приходныя и расходныя [113]) и онъ распекалъ ее, однажды, за то, что она, поѣхавъ въ снѣжную погоду въ саняхъ, испортила свою шляпу и шубу [114]). Кромѣ того, Погодинъ позволялъ себѣ открыто выражать имъ свое неудовольствіе за то, что въ ихъ домѣ бываютъ „рожи“, которыхъ онъ не желалъ бы у нихъ видѣть [115]). Бывая часто у Всеволожскихъ, онъ съ удовольствіемъ примѣчалъ, какъ они любятъ другъ друга, какой у нихъ во всемъ порядокъ, и при этомъ выражалъ желаніе, чтобы они употребляли каждый годъ хотя бы по десятой части изъ своихъ доходовъ на дѣла благодѣтельныя. Но, любуясь счастіемъ новобрачной четы Погодинъ съ грустью думалъ о зазнобѣ своего сердца: „отдать бы мнѣ“, писалъ онъ въ *Дневникѣ*, „еще моего ангела Аграфену Ивановну! Грустно, грустно мнѣ смотрѣть на нее. При всей моей бѣдности и ограниченности моихъ доходовъ, я соглашусь по-

лучать пять лѣтъ только по половинѣ, съ тѣмъ, чтобъ отдать ее за... однимъ словомъ, за достойнаго ея“ [116]).

Бывая у Трубецкихъ, Погодинъ любилъ бесѣдовать съ дѣвицами Измайловыми. Зашелъ какъ-то разговоръ о постахъ и о привязанности Русскихъ къ своимъ стариннымъ обычаямъ. Погодинъ сказалъ: „я всегда, если только стану жить своимъ домомъ, буду стараться сохранять постъ единственно для того, что добрые предки наши соблюдали его строго, почитали за великое. Солдаты наши въ Пруссіи хотѣли лучше умереть съ голода, чѣмъ ѣсть скоромное въ Великомъ посту. Надлежало имъ прислать изъ Сѵнода разрѣшеніе, за подписаніемъ митрополитовъ“ [117]).

Между тѣмъ, наступилъ праздникъ Рождества Христова. Погодинъ былъ у заутрени, а потомъ вмѣстѣ съ товарищами, поѣхалъ поздравлять своихъ профессоровъ. Онъ былъ озадаченъ пріемомъ у А. А. Прокоповича-Антонскаго. Къ нему вошли трое: Войцеховичъ, Кубаревъ и Погодинъ. Обратясь къ Кубареву, Антонскій спрашиваетъ: „какъ ваша фамилія“? Потомъ къ Войцеховичу. „Васъ-то хвалятъ-то“, сказалъ онъ Кубареву и Войцеховичу, „и поведенія-то вы хорошаго, а другихъ-то студентовъ поведеніе-то не хвалятъ“, и поклонъ; а Погодину ни слова. Это очень смутило его, и онъ въ *Дневникѣ* отмѣчаетъ: „Это онъ или отъ глупости, или на мой счетъ, потому что никого не было, кромѣ меня. Но какая этому причина? Вѣрно выдумали что́-нибудь, подлецы“ [118]). Затѣмъ Погодинъ посѣтилъ Трубецкихъ, но тамъ „всѣ больны и что-то очень скучно“. Въ этотъ день обѣдалъ онъ у своего дяди и полдня „убилъ на бостонъ“. Когда вышелъ одинъ изъ игравшихъ, то Погодину сдѣлалось „такъ грустно, такъ грустно“. Вотъ какія мысли ему представились: ну, если умретъ княжна Аграфена Ивановна. „Два человѣка“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* „на которыхъ я могъ надѣяться во всякое время, при всѣхъ несчастіяхъ, которые, по крайней мѣрѣ, знаютъ меня лучше другихъ, и они погибнутъ для меня вдругъ оба. Это ужасно“ [119]). Наканунѣ

новаго, 1821, года, Погодинъ отстоялъ всенощную у Трубецкихъ. Послѣ всенощной, всѣ пошли по своимъ мѣстамъ. Онъ остался одинъ и пошелъ наверхъ. Сталъ читать *Profession de foi;* но вмѣстѣ съ тѣмъ, думалъ безпрестанно о томъ, какъ бы сойти внизъ, чтобъ не было неловко, и съ кѣмъ тамъ говорить. Наконецъ, пошелъ. Все незнакомые. Стоялъ, сидѣлъ одинъ, думая, какъ пройти, какъ сѣсть. „Мочи нѣтъ", сознается Погодинъ, „какъ скучно, и я проводилъ, какъ говорятъ старушки, старый годъ и встрѣчалъ новый очень дурно". Начался Польскій, и нашъ мыслитель прошелъ этотъ танецъ съ дѣвицею Измайловою и при этомъ замѣчаетъ, что Аграфена Прокофьевна Измайлова „прекрасная, добрая дѣвушка!" „Дай Богъ", продолжаетъ онъ, „чтобы всѣ люди, которые въ продолженіе моей жизни будутъ имѣть ко мнѣ какое нибудь отношеніе, были таковы, какъ ты! Много, много я обязанъ тебѣ!" По возвращеніи домой, Погодинъ тотчасъ написалъ ей коротенькое письмо. Между тѣмъ, ударило *12-ть*. Погодинъ всталъ и положилъ три поясные поклона за Аграфену Прокофьевну Измайлову, три—за княгиню Александру Николаевну Голицыну, три—за княжну Аграфену Ивановну Трубецкую и три—за свое семейство. „Да будетъ", писалъ онъ, „благодарность имъ послѣднею моею мыслію въ 1820 и первою—въ 1821 году" [120]).

XVI.

Въ новый годъ, Погодинъ отправился поздравлять своего профессора, М. Т. Каченовскаго. Этимъ знакомъ почтенія онъ, можетъ быть, желалъ изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на профессора на одной изъ его лекцій, на которой Погодинъ, вмѣсто того, чтобы слушать, разговаривалъ съ Тютчевымъ; тогда Каченовскій посмотрѣлъ на ихъ сторону „самыми косыми глазами", и Погодинъ тот-

часъ подумалъ: „ужъ не на меня ли?“ [121]). Остальное время этого дня онъ провелъ у Кубарева „прекраснѣйшимъ образомъ“ и перебралъ съ нимъ „множество важнѣйшихъ и неважныхъ матерій“. Говорили о Богѣ, Іисусѣ Христѣ, Іудейскомъ народѣ, о существованіи діавола, о краснорѣчіи Руссо, о Суворовѣ, о стихотвореніяхъ Петрова, о Кантовой Философіи, о нашихъ гекзаметрахъ. Сравнивали переводы Кострова и Гнѣдича, о Ломоносовѣ и пожелали, чтобъ Мерзляковъ описалъ жизнь его [122]).

Вскорѣ Кубарева постигло семейное несчастіе. Онъ лишился своего отца, достопочтеннаго протоіерея церкви Святыя Троицы на Листахъ, что у Сухаревой башни, Михаила Митрофановича Кубарева, почитавшагося однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей своего времени [123]). По отзыву сына, это былъ удивительный человѣкъ! Не завидовалъ никогда и никому, никому не желалъ зла, не помнилъ обидъ. Религіи преданъ былъ до крайняго суевѣрія. Любилъ Отечество, не зналъ счета деньгамъ и не думалъ никогда о нихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ лѣнивъ до крайности и ничего не дѣлалъ. Разсерженный, не помнилъ себя. Былъ безтолковъ, нѣкогда любилъ слишкомъ вино. Погодинъ спрашиваетъ: „желалъ бы знать: такимъ ли людямъ принадлежитъ Царство Небесное?“ [124]). Похороны происходили 2 февраля 1821 года. „Былъ на похоронахъ отца Кубарева“. отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*. „Большое вліяніе имѣютъ на насъ обряды Пѣшкомъ провожалъ его на кладбище“. По старинному обычаю, который нынѣ выводится, Погодинъ раздѣлялъ заупокойную трапезу съ осиротѣлымъ семействомъ и за столомъ разговорился съ однимъ изъ гостей, Павломъ Александровичемъ Долбининымъ, о графѣ Ростопчинѣ: о поведеніи его предъ взятіемъ Москвы. „Замѣчательно, что я“, пишетъ онъ въ *Дневникѣ*, „въ 1812 году. будучи 12-ти лѣтъ, отдавалъ уже всю справедливость его управленію и всегда за него заступался, почти боготворилъ его“ [125]).

Въ домѣ Трубецкихъ Погодинъ былъ до такой степени

близокъ, что ни одного семейнаго событія не проходило безъ того, чтобы онъ ни принималъ участія. Такъ, мы его видимъ на проводахъ ихъ старшаго сына, князя Юрія Ивановича. Онъ даже прослезился, „смотря на стараго князя". Вмѣстѣ съ тѣмъ, его очень тронулъ старинный обычай садиться при прощаніи. „Желалъ бы знать", пишетъ онъ, „откуда трогательный, прекрасный обрядъ, бывающій при прощаніи: садятся, нѣсколько времени продолжается глубокое молчаніе, всякій думаетъ объ отправляющемся, потомъ всѣ встаютъ, крестятся и прощаются" [126]). Точно также и Трубецкіе принимали участіе въ его семейныхъ дѣлахъ. Такъ, наканунѣ отъѣзда изъ Москвы своего отца, Погодину случилось у нихъ обѣдать; но когда они узнали, что его отецъ на другой день уѣзжаетъ, то княжна Аграфена Ивановна и Аграфена Прокофьевна „гнали его обѣдать домой". Вмѣстѣ съ этимъ, княжна Аграфена Ивановна дала ему свѣжій огурецъ, чтобы отнесъ матери. Это очень тронуло его, и когда старики Трубецкіе подарили ему „прекраснаго сукна на фракъ", то онъ замѣчаетъ, что „огурецъ Аграфены Ивановны мнѣ сдѣлалъ гораздо больше удовольствія", и при этомъ сознается: „я не понимаю этого, потому что корыстолюбивъ"; но къ этому сужденію Погодинъ прибавляетъ непонятное объясненіе: „*въ благородномъ, впрочемъ, смыслѣ*" [127]). Въ это время съ Погодинымъ случилось приключеніе, которое могло кончиться очень печально. Идя въ городъ за бумагою для своей ученицы, княжны Александры Ивановны, у Никитскихъ воротъ, въ поворотѣ, на него сзади наѣхала лошадь, такъ что онъ безъ памяти, со всѣхъ ногъ, упалъ. Къ счастію, лошадь не переѣхала черезъ него, а бросилась въ сторону; но голова его „была очень дурна". Только что избѣжавъ одной опасности, Погодинъ натыкается на другую. Пройдя вороты дома Трубецкихъ, „снѣгъ съ крыши бухъ", и если бы однимъ шагомъ онъ былъ назади, „не хорошо бы было" [128]).

Между тѣмъ, наступили святые дни Великаго поста 1821 года. На Страстной Погодинъ исполнялъ христіанскія обя-

занности и въ Великую Среду исповѣдывалъ грѣхи свои у священника церкви Іакова Апостола. Послѣ исповѣди, съ облегченнымъ сердцемъ, онъ прошелъ мимо своего домика въ приходѣ Николы Кобыльскаго, въ которомъ года три тому назадъ жилъ съ своими родителями. „Какое-то веселое спокойствіе", — записалъ онъ въ *Дневникъ*, — „было во мнѣ; мнѣ такъ понравился Косой переулокъ, отъ моста противъ нашего дома, что я, въ воображеніи, купилъ себѣ земли, выстроилъ домикъ, развелъ садикъ, надѣлалъ бесѣдочекъ, фонтанчиковъ, насадилъ рощицъ, густыхъ лѣсочковъ, занимался въ тѣни и, наконецъ, угащивалъ чаемъ земныхъ ангелковъ моихъ: героя княгиню Александру Николаевну Голицыну; добрую, умную, рѣдкую, почти героя, княжну Аграфену Ивановну Трубецкую; кроткую, какъ человѣкъ, требуемый Христомъ, Аграфену Прокофьевну Измайлову. Можетъ быть, Богъ и дастъ" [129]). Придя домой и готовясь къ Святому Причастію, Погодинъ написалъ *Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ своихъ и помышленіяхъ.*

На другой день, въ Великій Четвергъ, Погодинъ сподобился причаститься Святыхъ Таинъ. Пріѣхавши въ церковь, онъ думалъ, что это Таинство установлено Св. Отцами. Но когда услышалъ, читаемое въ этотъ день на Литургіи Посланіе Святаго Апостола Павла къ Коринѳянамъ: „Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже пре́данъ бываше, пріемь хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: „пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое", и пр. [130]), то вышелъ изъ своего заблужденія и приступилъ къ Таинству со страхомъ Божіимъ и вѣрою [131]). Въ Свѣтлый праздникъ, послѣ заутрени и обѣдни, Погодинъ вмѣстѣ съ Бычковымъ ѣздилъ поздравлять Антонскаго, Гейма, Каменецкаго, Каченовскаго, а также учителей гимназіи: Терюхина, Лейбрехта, Добровольскаго. Идя изъ Сущева на Дѣвичье поле, къ своему дядѣ, пѣшкомъ, Погодинъ „мечталъ о стихотворствѣ". Вообще въ этотъ день Погодинъ былъ въ особенно свѣтломъ настроеніи. „Идучи по Неглинной", пи-

салъ онъ, „мимо желѣзныхъ рядовъ, я чувствовалъ какое-то пріятное самодовольство. Все было тихо, сумерки перемѣнялись въ ночь, ни одного человѣка не было вокругъ меня, лишь изрѣдка стукъ отъ далеко ѣхавшихъ каретъ чуть-чуть прерывалъ безмолвіе. Человѣкъ съ безпокойною совѣстію не почувствуетъ удовольствія при столь маловажномъ случаѣ. Евангеліе отъ Іоанна послѣднее, о воскресшемъ Спасителѣ, тронуло меня очень“ [132]).

Завѣдующій всѣми имѣніями графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, Московскій полиціймейстеръ Брокеръ, въ 1817 г., былъ внезапно переведенъ, по Высочайшему повелѣнію, на ту же должность въ Петербургъ. Въ это время графъ Ростопчинъ жилъ въ Парижѣ и Брокеръ писалъ ему (отъ 19 ноября 1817 года): „я взялъ Петра Моисеевича Погодина, котораго знаю тридцать лѣтъ по дому Салтыковыхъ за добраго и честнаго человѣка, и положилъ ему 100 рублей въ мѣсяцъ жалованья: онъ будетъ исполнять мои приказанія въ Москвѣ“. Съ тѣхъ поръ П. М. Погодинъ до конца своей жизни занимался дѣлами Ростопчина и съ честію оправдалъ рекомендацію Брокера [133]). Вслѣдствіе сего, П. М. Погодинъ переѣхалъ изъ своего домика и поселился на Лубянкѣ, въ домѣ графа Ростопчина, гдѣ и прожилъ до 1821 года; но въ то время, когда сынъ его Михаилъ кончалъ курсъ въ Университетѣ, дѣла потребовали переселенія Петра Моисеевича въ Орловскія имѣнія графа Ростопчина. Это обстоятельство было важнымъ событіемъ въ жизни нашего героя и лишило его родительскаго крова. При прощаніи съ родителями, обнаружились у него самыя нѣжныя, самыя горячія къ нимъ чувства, которыя, впрочемъ, въ глубинѣ своего сердца онъ всегда питалъ къ нимъ. Пріѣзжая изъ Знаменскаго въ Москву, лѣтомъ 1820 года, онъ приближался къ дому своихъ родителей „равнодушно, какъ будто ѣхалъ совсѣмъ не къ нимъ“, не смотря на то, что цѣлый мѣсяцъ не видалъ ихъ; но въ ту минуту, когда поцѣловалъ ихъ, то почувствовалъ „сильное движеніе и какую-то теплоту въ сердцѣ“ [134]). Какъ почтительный сынъ, Погодинъ

принималъ къ сердцу положеніе своихъ почтенныхъ родителей. „Очень, очень былъ огорченъ“,—писалъ онъ,—„видя тѣ неудовольствія, тѣ обиды, горести, которыя долженъ переносить отъ нужды добрый мой родитель. Ахъ, Боже мой, еслибы я могъ поскорѣе успокоить ихъ“!...

Наконецъ, наступило 14 апрѣля 1821 года, день отъѣзда Петра Моисеевича. „Простились“,—писалъ Погодинъ,—„онъ благословилъ насъ. Прощайте, дѣтушки, сказалъ онъ намъ, живите честно, какъ я жилъ. И мнѣ было такъ грустно, такъ грустно, такъ грустно. Поплакали всѣ. Я проводилъ его до заставы. Тамъ еще простился съ нами. Я стоялъ у заставы, покамѣстъ онъ скрылся изъ глазъ. Человѣкъ шестидесяти лѣтъ, живучи полвѣка въ Москвѣ своимъ домомъ, съ дѣтьми, въ старости лѣтъ долженъ мчаться въ телѣжкѣ, по дурной дорогѣ, Богъ знаетъ куда. Авось, Богъ дастъ, я скоро ихъ успокою“ [135]). Мать Погодина еще осталась на короткое время въ Москвѣ. Проводивъ отца, онъ на другой день отправился къ обѣднѣ, а затѣмъ весь день разбиралъ отцовскія бумаги, и ему было „очень грустно“. Вечеромъ, Богъ знаетъ какія мысли ему представились. „Батюшка умретъ“, писалъ Погодинъ, „не доживетъ до того времени, какъ я буду имѣть возможность возблагодарить его за всѣ попеченія и пр. Представилось, что я много дѣлалъ ему огорченій, по крайней мѣрѣ, наружныхъ, обходился съ нимъ грубо, что онъ не видалъ совершенно любви моей къ себѣ и такъ далѣе. Очень, очень грустно было“. И онъ сталъ читать Евангеліе [136]). Затѣмъ начала собираться къ отъѣзду и мать Погодина. Наступилъ день и ея отъѣзда. „Я никогда“,—писалъ Погодинъ,—„нигдѣ не видалъ, чтобы кто-нибудь такъ сильно плакалъ, какъ плакала маменька, благословляя насъ, прощаясь съ нами. Съ какимъ чувствомъ сказала она: Тебѣ поручаю ихъ, Господи! Сохрани ихъ! Я молился Богу усердно, горячо, съ вѣрою, и во мнѣ поселилась какая-то увѣренность, что я непремѣнно увижу ихъ и мы будемъ жить вмѣстѣ благополучно. Я плакалъ много, мнѣ

было очень грустно, но не такъ горько, какъ при отъѣздѣ батюшки" [137]).

По отъѣздѣ родителей Погодинъ поселился у Кубарева. Проводивъ мать до заставы, онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, поѣхалъ домой. Дорогою думалъ о ней, и слезы лились изъ его глазъ. „Вошелъ въ комнату", пишетъ Погодинъ, „все пусто. Дѣлалъ кое-какія наставленія брату, благословилъ его, поцѣловались, и пошли. Я въ сторону, онъ въ другую; я направо, онъ налѣво". Пришедъ къ Кубареву на новоселье, Погодинъ горько заплакалъ. „Въ первый разъ я живу",—писалъ онъ,—„въ чужомъ домѣ совершенно. До сихъ поръ я жилъ, напримѣръ, у Трубецкихъ, въ гимназіи, какъ гость, имѣя опредѣленное мѣсто дома" [138]). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда родителей, Погодинъ писалъ М. Г. Лащевскому: „Старики мои уѣхали жить въ Орелъ. Батюшка принялъ на себя управленіе Ливенскими деревнями графа Ростопчина, съ жалованьемъ въ годъ 2500 р. и всѣмъ содержаніемъ. Къ Рождеству я намѣренъ съѣздить къ нимъ, потому-что маменька слишкомъ горюетъ безъ насъ" [139]).

Предъ концомъ студенческой жизни, у Погодина очень естественно являлись неизбѣжныя мысли о томъ, какъ и на какомъ поприщѣ устроить дальнѣйшее теченіе своей жизни. Когда онъ зашелъ однажды къ Мерзлякову и повелъ объ этомъ рѣчь, то добрый Мерзляковъ не совѣтывалъ ему, по окончаніи курса, оставаться въ Университетѣ. Съ величайшею откровенностью исчислялъ Мерзляковъ „всѣ неудобства, невыгоды ученаго званія", и выгоды, какія можетъ получить Погодинъ на другой службѣ; но при этомъ Мерзляковъ увѣрялъ Погодина, что если его намѣреніе посвятить себя ученому званію „твердо", то онъ не будетъ „ни на одномъ шагу задержанъ въ Университетѣ"; ибо всѣ его, по увѣренію Мерзлякова, „отмѣнно любятъ". Участливость Мерзлякова видимо тронула Погодина. „Добрый до излишества",—отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*,—„человѣкъ. Никогда не забуду тебя" [140]). Совѣтъ Мерзлякова, очевидно, произвелъ впечатлѣніе на

Погодина и навелъ его на раздумье. „Остаться въ Университетѣ“,—писалъ онъ,—„нельзя будетъ жить безъ кондицій, а скоро ли ихъ наберешь?... Притомъ быть учителемъ не слишкомъ почтенно. Въ статскую службу? Не скоро достанешь хорошаго мѣста. Время также должно будетъ употреблять Богъ знаетъ на что. Да и поживешь мало съ совѣстію. По медицинской части? Долго надобно учиться; лѣчить также совѣстно. Сколько переморишь людей; отъ одной ошибки зависѣть будетъ счастіе и несчастіе цѣлыхъ семействъ“ [141]). Мысль о службѣ не покидала Погодина почти до экзаменовъ. „Служба гражданская“,—думалъ онъ,—„хотя, судя философски, есть оковы, не должна быть ни кѣмъ презираема. Ею гораздо болѣе можно сдѣлать пользы людямъ теперь, нежели сидя въ кабинетѣ и ломая голову о томъ: имѣетъ ли человѣкъ врожденныя мысли или нѣтъ“ [142]). Размышляя о чинахъ и объ отличіяхъ, Погодинъ вопрошаетъ: „къ чему они“? И самъ же отвѣчаетъ: „Съ ними можно сдѣлать большую пользу людямъ; а это“ заключаетъ онъ, „должно быть главною моею цѣлію“ [143]). Наконецъ, Погодинъ мечталъ „о директорствѣ въ гимназіи“ [144]). Но призваніе къ наукѣ взяло въ немъ верхъ надъ всѣми этими размышленіями, раздумьями, мечтами, и опредѣлило, какъ мы увидимъ, дальнѣйшую судьбу его жизни.

XVII.

Послѣ Святой недѣли 1821 года, Погодинъ всецѣло предался приготовленію къ экзамену и сочиненію диссертаціи на золотую медаль, и ни о чемъ постороннемъ ни думать, ни говорить не могъ. Диссертація задана была по каѳедрѣ Статистики, И. А. Геймомъ: *О пользѣ источниковъ и нынѣшнемъ состояніи Статистики.* Приступая къ этимъ занятіямъ, Погодинъ чувствовалъ, что имъ управляетъ въ семъ случаѣ суетность и тщеславіе. „Но что дѣлать!“, восклицаетъ онъ, „я долженъ стараться кончить экзаменъ лучшимъ обра-

зомъ, для родителей, для себя внѣшняго, ибо съ полученіемъ кандидатства и медали, могу имѣть хорошія кондиціи и чрезъ то быть полезнымъ для многихъ" [145]). Онъ уже тогда находилъ, что, вмѣсто разсужденій, которыя задаются у насъ магистрамъ и которыя „обыкновенно выписываются гольемъ изъ различныхъ авторовъ", было бы полезнѣе требовать отъ нихъ хорошихъ переводовъ отличныхъ авторовъ. Еще можно бы требовать изданій древнихъ классиковъ, разборовъ нашихъ писателей, обработки особенныхъ частей грамматическихъ" [146]). Не смотря на это, Погодинъ былъ доволенъ ходомъ своихъ занятій, диссертаціею и „обрадовался, нашедши хорошее вступленіе къ разсужденію". Между тѣмъ, по увѣренію его, всѣ въ Университетѣ уже трубили, что онъ получитъ золотую медаль. Это его нисколько не удивляло, и онъ самъ, по поводу этого, замѣчаетъ: *кажется, и слѣдуетъ*; но къ этому прибавляетъ: „О суета!" [147]). Разсужденіе свое Погодинъ писалъ „сначала по-русски", раза четыре переписывалъ, и отдалъ на разсмотрѣніе И. А. Гейму, который сдѣлалъ самыя маловажныя поправки: велѣлъ только выбросить то, что̀ Погодинъ говорилъ о немъ, описывая нынѣшнее состояніе Статистики въ Россіи. Получивъ диссертацію обратно, онъ началъ переводить ее на Латинскій языкъ, и это была для него работа труднѣйшая. И Латинскій переводъ переписавъ нѣсколько разъ, наконецъ, подалъ для просмотрѣнія И. А. Гейму. Онъ почти ничего не поправилъ и возвратилъ ему для переписки. Но когда Погодинъ представилъ свою диссертацію оффиціально, то ему явился опасный соперникъ, въ лицѣ Ширая. Вотъ что̀ объ этомъ онъ повѣствуетъ: „отличное мнѣніе о мнѣ профессоровъ, отмѣнное доброжелательство Гейма и голосъ всего Университета укрѣпляли меня въ надеждѣ получить золотую медаль. Но за двѣ или больше недѣли до подаванія, я началъ думать, что получитъ золотую медаль Ширай, очень мало въ семъ дѣлѣ смыслившій. Вотъ какія полагалъ я этому причины: писалъ по-Латынѣ Кубаревъ, и разсужденіе его въ семъ важнѣй-

шемъ отношеніи имѣло большое преимущество предъ моимъ. Геймъ, долженствовавшій имѣть наибольшее участіе въ раздаваніи медалей, былъ очень болѣнъ въ то время. Я думалъ даже, что онъ и здоровый не имѣлъ бы довольно твердости для поддержанія меня противъ латыни Шираевой. Давыдовъ былъ также на его сторонѣ, потому что Ширай подавалъ въ продолженіе курса отличнѣйшія Латинскія разсужденія, писанныя Кубаревымъ. Каченовскому Ширай подалъ также въ *Вѣстникъ Европы* переводы двухъ рѣчей изъ Ливія; Мерзляковъ къ подобнымъ дѣламъ равнодушенъ, притомъ Ширай бралъ у него уроки, какъ и у Черепанова. Мнѣ было это очень досадно, тѣмъ болѣе, что весь Университетъ думалъ, что я получу золотую медаль, и многіе мои знакомые, даже княжна Аграфена Ивановна Трубецкая, знали, что я пишу разсужденіе на полученіе медали. Утѣшился только тѣмъ, что весь Университетъ почиталъ Ширая недостойнымъ ея“ [148]). Вслѣдствіе этого, между Кубаревымъ и Погодинымъ произошло охлажденіе и послѣдній даже намекалъ своему другу на нехорошій его образъ дѣйствій. Въ концѣ концовъ, золотую медаль получилъ Погодинъ, но все-таки не безъ затрудненій, ибо Геймъ, кончивъ экзаменъ, уѣхалъ въ деревню и оставилъ свое мнѣніе въ факультетѣ. Каченовскій, Давыдовъ подали голосъ за Ширая, но Мерзляковъ поддержалъ мнѣніе Гейма, и дѣло рѣшилось въ пользу Погодина [149]). Экзаменъ кончился 23 іюня, въ 9 часовъ вечера. „Всѣ профессора“,—писалъ онъ къ своимъ родителямъ,—„открекомендовали меня отличнѣйшимъ образомъ: отвѣчалъ счастливо. Ректоръ Антонскій нѣсколько разъ публично ставилъ меня многимъ въ примѣръ, и по окончаніи экзамена, сказалъ профессорамъ при всѣхъ: я очень желаю познакомиться съ г. Погодинымъ. Жаль только, что Геймъ, который меня очень любилъ, тотчасъ послѣ экзамена, по причинѣ своей болѣзни, уѣхалъ“. Въ этомъ же письмѣ, онъ извиняется за свое *маранье*, которое произошло отъ того, что „чернилы черезъ-чуръ густы, а лучшихъ нѣтъ во всемъ домѣ: послѣдними каплями пишу. Къ экзамену напи-

салъ листовъ 70; ничего не осталось". Любопытныи также слѣдующія строки въ этомъ письмѣ: „Сидоръ проситъ васъ, чтобы вы его не продали. Авось онъ исправится. Оставьте его. Насъ Богъ не оставитъ" [150]). На другой день, по окончаніи экзамена, Погодинъ вмѣстѣ съ своими товарищами, Бычковымъ и Загряжскимъ, въ 4 часа утра, пошли къ обѣдни въ Симоновъ монастырь и оттуда пѣшкомъ въ Университетъ [151]). Въ другомъ письмѣ, онъ торжественно извѣщаетъ своихъ родителей о томъ, что сдѣланъ кандидатомъ и получилъ золотую медаль, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, описываетъ актъ, бывшій въ Московскомъ Университетѣ 5 іюля 1821 г. „Актъ нашъ",— читаемъ въ этомъ письмѣ, — „былъ во вторникъ. По утру, ректоръ, всѣ профессора и студенты были у обѣдни и на молебнѣ въ Университетской церкви. Въ 5 часовъ, послѣ обѣда, по пріѣздѣ Главнокомандующаго, Митрополита Грузинскаго и другихъ знатныхъ особъ, актъ открылся музыкой; послѣ, священникъ говорилъ рѣчь Русскую, потомъ одинъ профессоръ — Латинскую. Послѣ рѣчей, секретарь Совѣта читалъ исторію Университета и имена всѣхъ произведенныхъ въ степени и награжденныхъ медалями. Золотыхъ медалей было двѣ: одна для нашего отдѣленія, другая для математическаго. Ее получилъ Саша Оверъ. Серебряныхъ—восемь, по четыре на отдѣленіе; изъ извѣстныхъ вамъ, получилъ одну Ждановскій. Двѣ—золотыя раздавалъ Главнокомандующій, серебряныя — Попечитель" [152]).

По тогдашнему обычаю, кончившіе курсъ студенты ходили благодарить ректора и профессоровъ. Съ этою цѣлію Погодинъ явился къ ректору Антонскому и въ попыхахъ забылъ оставить въ передней свою палку, и съ нею вошелъ „Ахъ-та, что ты это? Бить-то пришелъ ты меня-та. Ай, ай, ай! Что ты это дѣлаешь! Поди-та, поди-та отъ меня! Бить-та меня онъ-та хочетъ!" вскричалъ ректоръ. Сгорая отъ стыда, въ досадѣ на свою неосторожность, съ опасеніемъ, чтобъ не вышло еще какой нибудь непріятности, Погодинъ бросился къ А. Ѳ. Мерзлякову и раз-

сказавъ ему, что̀ случилось, просилъ его объяснить Антону Антоновичу, что онъ неумышленно такъ поступилъ [153]). Но все прошло благополучно, ибо Погодинъ писалъ своимъ родителямъ: „ректоръ Антонскій принялъ меня очень, очень ласково, спросилъ, гдѣ намѣренъ я служить; отвѣчалъ, что хочу остаться въ Университетѣ. Онъ очень былъ радъ, жалѣлъ, что я прежде не сказалъ ему объ этомъ; мы бы стали приготовлять вамъ мѣсто, дали бы казенное жалованье, должность. Со временемъ, отправимъ васъ путешествовать на казенный коштъ. Спрашивалъ чѣмъ я живу, о васъ, и велѣлъ придти къ себѣ послѣ“ [154]).

Такъ счастливо завершился ученическій періодъ жизни Погодина.

XVIII.

Окончивъ блистательно Университетскій курсъ, Погодинъ, на другой же день послѣ акта, 6 іюля 1821 года, отправился въ любезное ему Знаменское. Не желая своего меньшого брата, Григорія, оставлять одного въ Москвѣ, онъ вступилъ въ переговоры съ Сеймондомъ о томъ, чтобы помѣстить Григорія въ Знаменскомъ у священника, но, изъ деликатности, ему желалось, чтобы Трубецкіе не знали, что онъ его братъ. Однако ему не удалось скрыть своего родства съ Григоріемъ Петровичемъ отъ добрыхъ княженъ Трубецкихъ. Какъ только они узнали, что въ Знаменскомъ живетъ и братецъ Погодина, то ежедневно стали присылать ему „по множеству фруктовъ“ [155]). Насъ удивляетъ эта чрезмѣрная деликатность Погодина относительно своего брата, ибо знаемъ, что Трубецкіе относились съ самымъ трогательнымъ вниманіемъ какъ къ нему самому, такъ и къ его семейству. Такъ, въ день имянинъ его отца, 24 августа, все семейство Трубецкихъ вспомнило объ этомъ, и за обѣдомъ поздравляли Пого-

дина „*съ шампанскимъ*". Заявляя въ *Дневникѣ* благодарность за это вниманіе, онъ прибавляетъ: „между тѣмъ, мнѣ было стыдно" [156]).

Въ это лѣто въ Знаменскомъ не доставало Аграфены Прокофьевны Измайловой, которая еще въ маѣ уѣхала къ роднымъ, въ свою родную, и намъ съ дѣтства знакомую, Измайловку *). Въ одномъ своемъ письмѣ оттуда, Аграфена Прокофьевна просила Погодина вспомнить ее въ Знаменскомъ, „качаясь на качеляхъ и играя въ воланъ". Онъ же, въ своемъ письмѣ къ ней, такъ описываетъ Знаменское житье-бытье: „время проводятъ здѣсь, кажется, большею частію, всякій въ своемъ углу; собираются только на звонъ колокольчика, и бываютъ вмѣстѣ въ обѣдъ, въ ужинъ, за чаемъ. Прогулокъ общихъ, такихъ, какія бывали въ прошломъ году, не было при мнѣ ни одной; гуляютъ человѣка по два, по три, иногда по четыре, и не болѣе; всему этому злу причиною погода. Солнышко—у насъ рѣдкій гость: проглянетъ иногда сквозь тучи на денекъ, да и полно; не успѣешь выйти на чистый воздухъ, и опять дождикъ, и опять идешь, повѣся голову, въ свою комнату. Послѣ обѣда, однако, ѣздятъ гулять всегда, и всегда на *кривой мостъ*; ни разу еще не ѣздили въ другую сторону; мы хотимъ назвать его уже *несноснымъ*. 25 іюля погода была дурная. Княжны разыграли лотерейку" [157]).

Живя въ Знаменскомъ, Погодинъ иногда предавался несвойственнымъ штатскому забавамъ. Такъ, однажды кандидатъ нашъ сопровождалъ верхомъ, живущихъ у Трубецкихъ, какихъ-то дѣвицъ Попъ, въ ихъ амазонскихъ прогулкахъ по окрестностямъ села. То онъ участвуетъ въ морскомъ сраженіи, происходившемъ, впрочемъ, на прудѣ, и самъ же описываетъ его въ *Дневникѣ*. Однажды ему вздумалось, вмѣстѣ съ домашнимъ докторомъ Трубецкихъ, Устиномъ Евдокимовичемъ Зоуромъ, музыкантомъ Геништою и братомъ Григоріемъ, покататься на лодкѣ, и тѣ, пишетъ Пого-

---

*) Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

динъ, „затѣяли морское сраженіе, въ которомъ и я по-неволѣ долженъ былъ принять участіе, и вымочили меня до тѣла. Докторъ бросилъ наши фуражки въ прудъ, доставали ихъ веслами. Хохотали. Геништа пошелъ въ воду; послѣ и я“. Описавъ этотъ свой подвигъ и какъ бы раскаяваясь въ немъ, онъ съ упрекомъ замѣчаетъ: „удивительное малодушіе!“ [158]).

Вскорѣ по пріѣздѣ Погодина въ Знаменское, туда пришла вѣсть о міровомъ событіи. Пятаго мая 1821 года, на островѣ св. Елены скончался Наполеонъ. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе на Погодина. „Вся Европа“, —писалъ онъ, — „трепетала одного человѣка и заключила его въ неприступномъ островѣ, употребляя величайшія усилія для охраненія его тамъ и пресѣченія путей къ бѣгству. Феноменъ удивительный. Онъ велѣлъ и похоронить себя тамъ, въ удаленіи отъ всей земли... Много пищи для воображенія“ [159]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ критически относился къ значенію Наполеона во Всемірной Исторіи. „Наполеонъ“, —писалъ онъ, — „великій человѣкъ, т. е., судя такъ, какъ судятъ большая часть людей мірскихъ. Онъ превзошелъ всѣхъ героевъ древнихъ и новыхъ, и Александровъ Македонскихъ, и Аннибаловъ, и Цезарей. Былъ ли онъ истинно великъ? Скажу смѣло—нѣтъ. Онъ имѣлъ въ виду славу собственную, а не пользу людей [160]). Но, въ концѣ-концовъ, Погодинъ въ это время принималъ „сердечное участіе“ въ Наполеонѣ [161]). Съ этимъ именемъ невольно вспоминаются и Байронъ, и Пушкинъ. „Наполеонъ на скалѣ св. Елены“, —писалъ князь П. А. Вяземскій Жуковскому, — „и Байронъ въ Месолунги! Вотъ два поэтическіе фароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая-то религіозная таинственность. Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ былъ быть принятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что можетъ назваться *гнилью Европейскою*“ [162]). Пушкинъ изъ своего заточенія Кишиневскаго, въ іюлѣ же, пропѣлъ надъ гробомъ Наполеона исходную пѣснь:

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ,

И знойный островъ заточенья
Полночный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ....

О самомъ же Пушкинѣ въ это время ходили по Россіи легендарныя извѣстія и, разумѣется, достигали и Знаменскаго. Вслѣдствіе сего, Погодинъ писалъ В. Д. Корнильеву (отъ 11 августа 1821): „говорятъ, что Кишеневецъ печатаетъ новую поэму *Плѣнникъ*. Кстати, я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что онъ ускользнулъ къ Грекамъ. Напишите, Христа ради, что-нибудь о нашемъ великомъ Николаѣ Михайловичѣ“ [163]).

Въ это пребываніе Погодина въ Знаменскомъ у него завязались съ старымъ Княземъ какія то особыя сношенія и онъ сдѣлался у него чѣмъ-то въ родѣ секретаря по личнымъ дѣламъ. Замѣтимъ, что въ то время князь Иванъ Дмитріевичъ находился въ болѣзненномъ положеніи. Почти ежедневно Погодинъ былъ призываемъ къ нему и все что то писалъ у него. Нерѣдко его будили ночью и призывали къ Князю для писанія. „Сперва было досадно“, говорилъ Погодинъ, „послѣ сжалился надъ нимъ, когда онъ сталъ плакать и говорить о своей жизни. Какова бы она ни была, а эти слезы вѣрно дойдутъ до Бога. Я самъ прослезился отъ чистаго сердца“ [164]). Но что́ писалъ онъ у Князя — намъ остается неизвѣстнымъ. Только однажды, и то очень туманно, онъ проговаривается: „писалъ у стараго Князя, отъ 8 до 2 ночи, притомъ такія вещи, которыхъ не желалъ бы слышать. Отказаться невозможно; онъ могъ бы написать это и безъ меня; притомъ то, что́ я писалъ у него, не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ слѣдствій ни для кого. Вотъ случай, въ которомъ по-неволѣ я былъ нехорошимъ орудіемъ, хотя и не было ничего моего, потому что я писалъ только подъ его диктовку. Боялся, чтобъ

Княгиня не увидѣла то, что я писалъ, или чтобъ не узнала объ этомъ, и не потеряла, особенно Княжна, хорошее мнѣніе обо мнѣ... Сказалъ объ этомъ частію г. Сеймонду. Въ этомъ случаѣ хорошо ли я поступилъ? Не могу сказать рѣшительно; г. Сеймондъ знаетъ все и безъ меня... Признаюсь, я сдѣлалъ это, кажется, изъ нѣкоего рода предосторожности, чтобъ впослѣдствіи могъ сослаться на это. Старый Князь сказалъ мнѣ послѣ: я полагаюсь на вашу скромность“ [165]). Въ награду за свои письменные труды, Погодинъ получилъ отъ стараго Князя сюртукъ, фракъ и жилетъ. По этому поводу, онъ замѣчаетъ: „за годъ, какую бы радость это мнѣ доставило; теперь ничего“. Нерѣдко князь Иванъ Дмитріевичъ бесѣдовалъ съ своимъ секретаремъ и объ историческихъ предметахъ. Такъ, однажды у нихъ зашла рѣчь о Папѣ-женщинѣ, и Погодинъ, по его собственному сознанію, ни въ чемъ не противорѣчилъ Князю. „Это не хорошо“, замѣчаетъ онъ, „но иначе поступать я не могъ. Противорѣчіемъ можно разсердить его въ теперешней болѣзни“, а будучи въ болѣзненномъ состояніи, Князь „проказилъ“, и бѣдная княжна Аграфена Ивановна не рѣдко плакала [166]). Нѣкоторыя затѣи Князя смѣшили Погодина. Такъ, 1-го августа, когда священникъ сталъ погружать крестъ въ воду, Князь махнулъ платкомъ, и два егеря, по этому знаку, выбѣжали изъ палатки и выстрѣлили на воздухъ изъ ружей, чтобы дать знать стоявшимъ у пушекъ [167]). Въ личныхъ сношеніяхъ съ старымъ Княземъ, Погодинъ чувствовалъ нѣкоторую робость, въ чемъ и самъ сознается: „и походка у меня нетвердая (туда и сюда), и почеркъ также, да и мысли едва ли тверже“. Хотя онъ и думалъ, что это происходило „отъ неосновательныхъ познаній“, но можно также объяснить это явленіе его застѣнчивостію, которая проявлялась у него не только предъ важнымъ, старымъ и больнымъ Княземъ, но даже и въ домѣ родительскомъ. Такъ, однажды, возвратясь домой, онъ засталъ у своихъ родителей много гостей. „Я“,—писалъ Погодинъ,—„не хотѣлъ показаться; мнѣ все казалось неловко, и

я спрятался на постели въ задней комнатѣ, накрылся шубами, покрывалами и лежалъ тамъ около двухъ часовъ. *Вотъ что дѣлаетъ глупая застѣнчивость*, а какъ избавиться ея теперь?“ [168]).

Кумирами сердца Погодина продолжали быть княжна Аграфена Ивановна Трубецкая и княгиня Александра Николаевна Голицына. Эти двѣ особы, связанныя доселѣ узами тѣсной дружбы, составляли, какъ мы уже знаемъ, предметъ его поклоненія. Но въ это время между ними что-то произошло, и это очень огорчало ихъ обожателя. „У нихъ совсѣмъ не то“, писалъ онъ, „что было прежде. Ахъ, какъ жаль, какъ жаль! Желалъ бы знать причину ихъ ссоры. Очень скучно“ [169]). Но ему удалось узнать лишь самыя туманныя, неопредѣленныя и намъ совершенно непонятныя причины, этой размолвки [170]). Это, однако, нисколько не мѣшало Погодину пламенѣть къ обѣимъ и бесѣдовать съ княгинею Голицыною о молитвѣ, терпѣніи, о состояніи души послѣ смерти и о проч. [171]).

Знаменское нерѣдко посѣщала родственница Трубецкихъ, Настасія Павловна Новосильцова, которая также принадлежала къ знакомому намъ *Знаменскому обществу*. Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ описаніе одного разговора, веденнаго имъ съ Н. П. Новосильцовой, княжною Аграфеною Ивановною и Геништою. Разговоръ этотъ можетъ служить живымъ свидѣтельствомъ того, что вопросы высшаго разряда далеко не были чужды людямъ, которыхъ привыкли обвинять въ суетномъ легкомысліи и пустотѣ. Говорили объ обрядахъ Греческой религіи, объ Евангеліи, объ Евангельской нравственности. Всѣ философы, всѣ законодатели, давая законы народамъ, сообразовались съ частными обстоятельствами, въ коихъ сіи находились, и потому законы разныхъ народовъ разнствуютъ между собою. Нельзя ввести законы одного народа къ другому, безъ перемѣнъ нѣкоторыхъ, безъ соображенія съ разными обстоятельствами. Хорошій для одного народа, вреденъ другому, и т. д. Законы Іисуса Христа, напротивъ, безъ малѣйшей

перемѣны могутъ быть приняты всѣми народами во всѣ времена. Пользующійся всѣми дарами природы, итальянецъ, лишенный всего камчадалъ,—всѣ могутъ получить отъ нихъ одинакую пользу. Имѣетъ ли другой примѣръ сіе явленіе?...

Мы гораздо большее участіе принимали бы въ обрядахъ нашей религіи, если бы понимали таинственное знаменованіе оныхъ.

Говоря о Христѣ, Геништа привелъ мнѣніе Руссо: „дикому человѣку сердце скажетъ о бытіи Бога, о бытіи Христа — нѣтъ".—Но дикій человѣкъ не знаетъ дѣйствій электричества; слѣдуетъ ли изъ этого, что сіи дѣйствія не существуютъ, сказала Настасья Павловна. Говоря объ атеистахъ, Аграфена Ивановна сказала, что они самые несчастные люди, ибо никогда не могутъ быть совершенно увѣрены въ истинѣ своего мнѣнія, всегда боятся: не обманываются ли они, нѣтъ ли Бога, который рано или поздно покараетъ ихъ за нечестіе. Правда, они и тогда бы были несчастливы (хотя немного менѣе), еслибы и были увѣрены въ истинѣ своихъ мыслей; не вѣря Богу, они не имѣютъ и надежды на будущую жизнь, жизнь, въ коей могли бы получить награду за перенесеніе всѣхъ горестей и несчастій міра сего. Чѣмъ онъ можетъ утѣшиться, потерявъ возлюбленную подругу, милыхъ дѣтей, терпя гоненіе, несправедливость людей, испытывая всѣ удары судьбы и проч." [172]).

Сосѣдство съ Ѳ. И. Тютчевымъ, жившимъ и въ это лѣто въ своемъ Троицкомъ, доставляло не мало удовольствія Погодину. Онъ нерѣдко посѣщалъ своего товарища и даже ѣздилъ къ нему однажды въ Троицкое верхомъ. Въ это время Тютчевъ былъ озабоченъ экзаменами. Хотя И. С. Аксаковъ и пишетъ, что Тютчевъ въ 1821 году сдалъ отлично свой послѣдній экзаменъ и получилъ кандидатскую степень [173]), но эта сдача не обошлась безъ какихъ-то затрудненій; по крайней мѣрѣ, вотъ что́ писалъ Погодинъ изъ Знаменскаго къ ихъ общему товарищу Н. З. Бычкову (отъ 9 августа 1821 г.): „Тютчеву, кажется, вышло разрѣшеніе на экзаменъ. Князь Андрей

Петровичъ Оболенскій былъ у графини Остерманъ-Толстой, тетки Тютчева, и сказывалъ ей, что дѣло идетъ уже изъ Питера; слѣдовательно, и ты долженъ явиться немедленно въ Москву, ходить ко всѣмъ профессорамъ, спрашивать, и пр.“ Въ это время въ *Вѣстникѣ Европы* появилась статья извѣстнаго противника Карамзина, Арцыбашева, *о свойствахъ Царя Ивана Васильевича*, въ которой Арцыбашевъ, вопреки Карамзину, высказываетъ мнѣніе, что при царѣ Іоаннѣ хотя и были казни, но не въ такой степени, какъ описываютъ, и что казни эти объясняются жестокостью тогдашнихъ нравовъ; что царь Іоаннъ не былъ жесточе ни Іоанна III, ни царей Михаила Θедоровича и Алексѣя Михайловича; ненасытность въ любострастіи Царя онъ оправдываетъ раннимъ его вдовствомъ и испорченностью окружавшихъ его бояръ; всего труднѣе, говоритъ Арцыбашевъ, оправдать Іоанна въ униженіи предъ Баторіемъ [174]). Статья эта заинтересовала какъ Погодина, такъ и Тютчева, и въ Троицкомъ, гдѣ гостилъ у Тютчевыхъ В. И. Оболенскій, у нихъ завязался, по поводу этой статьи, разговоръ о Карамзинѣ, о характерѣ Іоанна IV. Этотъ разговоръ навелъ Погодина на нѣкоторыя мысли для объясненія характера, по выраженію Пушкина, царя-мучителя. Мысли эти онъ изложилъ въ *Дневникѣ*, предпославъ имъ слѣдующее разсужденіе: „У меня есть нѣкоторыя мысли для объясненія характера Іоаннова. Современемъ я ихъ обработаю. Но нужно ли это? Не самолюбіе ли тутъ дѣйствуетъ? Позволительно ли человѣку заниматься подобными дѣлами? Кажется, здѣсь нѣтъ зла, и при нынѣшнемъ образованіи людей полезно. Не всякій захочетъ, или не всякому случается почерпать священныя истины изъ перваго источника. И потому, если изъ тысячи одинъ, читая исторію, получитъ поводъ къ чувству доброму, къ размышленію хорошему, она уже полезна. Обработывать ее, слѣдовательно, нужно. Если я безъ самолюбія, безъ желанія славы, имѣя въ виду только пользу людей, дѣлаю что-нибудь—я дѣлаю хорошо“. Сдѣлавъ этотъ приступъ, онъ продолжаетъ: „Сила воли, Іоан-

номъ съ рожденіемъ полученная, воспитаніемъ была крѣпко направлена въ злую сторону... Сильвестръ *насильно* уже поворотилъ ее къ добру. Іоаннъ дѣлалъ добро великое, но чувствовалъ, что дѣлаетъ не столько самъ собою, сколько наставленный другими. Его, отъ природы сильному, характеру это было тяжело. По взятіи Казани, онъ тотчасъ сказалъ уже: нынѣ оборонилъ меня Богъ отъ васъ (отъ бояръ), то есть, нынѣ, я, завоеватель, славный, получилъ довольно силы, важности (autoritas) и могу *управлять* вами по своей волѣ. Ненависть къ боярамъ онъ имѣлъ съ малолѣтства, будучи свидѣтелемъ ихъ неистовствъ, во время ихъ правленія. Болѣзнь его еще болѣе укрѣпила ее, и была, какъ мнѣ кажется, причиною грядущаго его тиранства.—Его, завоевателя, законодателя, благодѣтеля Россіянъ, бояре не слушались и не хотѣли присягать его сыну и, такимъ образомъ, готовили ему въ глазахъ Іоанна судьбу Димитрія, сына третьяго Іоанна, при новомъ государѣ Владимірѣ Андреевичѣ. Въ какое состояніе должна была придти душа Іоаннова при такихъ обстоятельствахъ?—Не видѣлъ ли онъ, или не естественно ли было ему видѣть, что на бояръ онъ полагаться не можетъ; что онъ управлять ими можетъ только посредствомъ страха, и должны были еще болѣе укрѣпиться его невыгодныя мысли о нихъ. Кажется, такъ... Притомъ Сильвестръ и Адашевъ, называвши себя его друзьями, держали сторону противную. Іоаннъ, выздоровѣвъ, могъ узнать объ этомъ отъ Анастасіи и отъ другихъ бояръ, имъ завидовавшихъ. Это должно было тронуть его еще болѣе. Тѣ, на которыхъ онъ надѣялся больше всѣхъ, измѣнили ему въ глазахъ его. Онъ не могъ разбирать тогда, какъ мы теперь, *что* Сильвестръ съ Адашевымъ; но онъ не отдалялъ ихъ отъ себя, можетъ быть, удерживаемый Анастасіею, можетъ быть, опасаясь къ нимъ любви народной, можетъ быть, имѣя въ нихъ нужду. Но вдругъ Анастасія умираетъ. Говорятъ ему, что она отравлена. Имѣя характеръ подозрительный, онъ этому вѣритъ. Сильвестръ и Адашевъ были съ нею не въ дружбѣ. Онъ,

увѣряемый, можетъ быть, другими, считаетъ ихъ ея убійцами, и давно уже желая *властвовать* одинъ, избавляется отъ сихъ союзниковъ, удаляетъ ихъ отъ себя, укрѣпляется сими обстоятельствами въ подозрительности, и убѣждается, что и друзья его, Сильвестръ и Адашевъ, суть измѣнники, считая и всѣхъ таковыми, или могущими быть, при малѣйшемъ подозрѣніи, крошитъ всѣхъ; иногда опамятывается, но, увлекаемый силою характера, принимается опять за прежнее“. При этомъ Погодинъ выражаетъ сожалѣніе, что не изданы сочиненія Курбскаго и другія лѣтописи, „для обстоятельнаго узнанія жизни сего необыкновеннаго человѣка нужныя“ [175]). Мы увидимъ, что впослѣдствіи онъ совершенно измѣнилъ этотъ взглядъ на Іоанна, и Сильвестръ, и Адашевъ сдѣлались его любимыми героями. Но образъ царя Іоанна долго преслѣдовалъ его, и онъ, возвратясь въ Знаменское, во время прогулокъ своихъ съ Генитою, Сеймондомъ, говорилъ о его тиранствѣ, о томъ, что при большей части злодѣяній своихъ, надѣялся на будущее раскаяніе. На это Сеймондъ замѣтилъ: „ваша религія утверждаетъ это!“ Да, сказалъ Погодинъ, „наша христіанская религія говоритъ, что всякій грѣшникъ, искренно кающійся, прощается. Іоаннъ IV. не смотря на то, что исполнилъ всю мѣру возможныхъ преступленій человѣческихъ, могъ бы быть прощенъ, еслибы при концѣ своей жизни чистосердечно раскаялся въ грѣхахъ своихъ“. „Какое же преимущество въ той жизни будетъ имѣть человѣкъ добродѣтельный“, спросилъ Сеймондъ, „предъ злодѣемъ?“ „Никакого“, отвѣтилъ Погодинъ, „онъ уже здѣсь получилъ его“ [176]). Этотъ разговоръ навелъ его на мысль сочинить повѣсть, въ коей было бы представлено состояніе раскаивающагося преступника [177]).

Свободное время отъ уроковъ, отъ секретарскихъ обязанностей у стараго Князя, прогулокъ, разговоровъ, и пр. Погодинъ посвящалъ чтенію и ученымъ занятіямъ. Чтеніе его было чрезвычайно разнообразно. Онъ читалъ и Киропедію, и разсужденія о Пѣсни Пѣсней, и Шатобріана, и Геллертовы

басни, и сочиненія г-жи Сталь, и Карамзина, и Руссо, и Еккартсгаузена. Читалъ также и „превозносимый до небесъ" новый тогда романъ *Solitaire*; но остался этимъ чтеніемъ чрезвычайно недоволенъ: „Пышный вздоръ", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, „слогъ надутый. Нѣтъ ничего натуральнаго. Содержаніе связано очень не мудро" [178]). Однажды Погодинъ сидѣлъ у окна и читалъ де Саля. Подходитъ къ нему А. В. Всеволожскій и спрашиваетъ, какую книгу онъ читаетъ? И ему, почему-то было „стыдно" отвѣтить, что читаетъ руководство къ благочестивой жизни. По поводу этого, онъ отмѣчаетъ въ *Дневникѣ:* „много еще надобно исправляться мнѣ" [179]). Кромѣ того, онъ съ восторгомъ читалъ о Шиллерѣ и Гете и это чтеніе вызвало его на слѣдующее размышленіе: „наука есть благороднѣйшее занятіе для человѣка. Кто отъ сердца, не изъ тщеславія, преданъ ей, тотъ не можетъ быть злымъ". Гораціевы оды и переводъ Ничевой древней Географіи составляли также предметъ занятій Погодина въ Знаменскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ задумывалъ перевести *Духъ Христіанства*, Шатобріана, и хотѣлъ посвятить свой переводъ княгинѣ А. Н. Голицыной, и въ посвятительномъ письмѣ намѣревался развить вотъ какія мысли: „Я, зная васъ, постигъ духъ и преимущества Христіанской религіи, для не знающихъ васъ я перевелъ Шатобріана" [180]). О своихъ занятіяхъ онъ также писалъ Гусеву: „Я провожу время здѣсь слишкомъ шумно, и нахожу мало времени для собственныхъ занятій; большею частію, читаю, продолжаю переводить древнюю Географію, которую надѣюсь скоро кончить; думаю также переводить Шатобріана Genie du Christianisme; боюсь только, не предупредилъ бы кто нибудь меня. Провѣдайте объ этомъ".

Мы уже видѣли, что у Погодина съ Кубаревымъ, во время экзаменовъ, произошло нѣкое столкновеніе, причиною котораго была диссертація Ширая, получившаго, вмѣсто искомой золотой медали, только серебряную. По окончаніи экзаменовъ, Кубаревъ, вмѣстѣ съ Шираемъ, уѣхалъ въ Малороссію. Благословенный ли климатъ сей полуденной страны нашего Оте-

чества, или чтò другое умягчило сердце Кубарева и онъ написалъ оттуда Погодину письмо, отъ котораго тотъ „минутъ съ пять не могъ опомниться отъ радости“, и тотчасъ же отвѣчалъ ему (отъ 28 августа 1821): „Здравствуй, старый, любезный другъ мой Алексѣй Михайловичъ. Давно, еще до отъѣзда изъ Москвы, сбирался я писать къ тебѣ; самъ не знаю, отъ чего до сихъ поръ этого не дѣлалъ, и лишь только теперь посылаю тебѣ, страннику, вѣсточку съ родимой твоей сторонушки. Я здоровъ, люблю тебя, какъ прежде, и вспоминаю часто о незабвенномъ *чердачкѣ*“ [181]). Въ концѣ сентября, на обратномъ пути изъ Малороссіи, Кубаревъ, проѣзжая мимо Знаменскаго, остановился на большой дорогѣ и послалъ извѣстить объ этомъ своего товарища. Во время уроковъ, Погодину сказали, „что кто-то дожидается его на большой дорогѣ“; онъ побѣжалъ туда „безъ памяти“, и видитъ Кубарева. „Какъ онъ скученъ!“, отмѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „вѣрно не нашелъ въ Ширазѣ, чтò думалъ найти. Жаль мнѣ его“ [182]).

Въ Богоспасаемомъ градѣ Ростовѣ съ давнихъ лѣтъ подвизался, при мощахъ Св. Іакова и Димитрія, благочестивый старецъ Амфилохій. „Какъ *не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (Мѳ. 5, 14), такъ не возможно“, по слову Высокопреосвященнѣйшаго Исидора, „праведнику, стоящему на высотѣ добродѣтелей, укрыться отъ людей, ищущихъ просвѣщенія и руководства въ жизни по духу. Его найдутъ и *въ пустыняхъ, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастѣхъ земныхъ* (Евр. 11, 38). И слава людей Божіихъ тѣмъ сильнѣе привлекаетъ сердца, чѣмъ болѣе они смиряютъ себя предъ Богомъ и людьми“ [183]). Таковъ былъ и приснопамятный гробовый іеромонахъ монастыря Св. Іакова и Димитрія. Съ отеческою любовію принималъ онъ и утѣшалъ каждаго притекавшаго къ нему за помощію. По отзыву современниковъ, „къ нему шли и несли однѣ скорби, отъ него выносили одну радость“ [184]). Много лѣтъ спустя послѣ кончины блаженнаго старца, незабвенный нашъ путешественникъ по Св. Мѣстамъ,

А. Н. Муравьевъ, пріѣхавъ въ Ростовъ, поспѣшилъ прямо въ Яковлевскій монастырь къ святителю Димитрію. Подходя къ собору, „вспомнилъ, что мнѣ поручено было поклониться гробу добродѣтельнаго старца Амфилохія, сорокъ лѣтъ молитвенно простоявшаго у возглавія мощей угодника Ростовскаго. Уже смеркалось, соборная трапеза была отперта, тамъ хотѣлъ я дождаться открытія самой церкви. Любопытство привлекло меня къ высокой мраморной гробницѣ, и я прочелъ имя Амфилохія! О, съ какимъ внутреннимъ утѣшеніемъ простерся я предъ симъ памятникомъ великаго старца, многіе годы свѣтившаго своими добродѣтелями не только предѣламъ Ростовскимъ, но и столицѣ. На немъ почивало видимое благословеніе святителя“ [185]).

Вотъ за руководствомъ „въ жизни по духу“ и для утѣшенія въ своихъ скорбяхъ, княгиня Екатерина Александровна Трубецкая, вмѣстѣ съ своими чадами и домочадцами, и предприняла свое благочестивое путешествіе въ Ростовъ. 20 августа 1821 года они выѣхали изъ Знаменскаго. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи. Знаемъ только, что наши пилигримы исповѣдывались и пріобщились у Амфилохія. Погодинъ со старымъ Княземъ остался въ Знаменскомъ и очень скучалъ по уѣхавшимъ, развлекая тоску своего одиночества прогулками, во время которыхъ онъ училъ наизустъ рѣчь Цицерона in Senatu post reditum, но и это не помогало. Наконецъ, онъ рѣшился писать въ Ростовъ, княжнѣ Трубецкой и княгинѣ Голицыной: „Нѣтъ радости, добрыя мои барыни, для странника на чужой дальней сторонушкѣ, говаривалъ старикъ мой дѣдушка, слаще вѣсточки о милой его родинѣ. Вотъ вамъ грамотка съ родимаго вашего гнѣздышка, вотъ вамъ земли горсточка изъ любимаго вашего Знаменскаго. Все въ немъ говоритъ по-прежнему; тѣ же звѣзды на небѣ; красное солнышко всходитъ и заходитъ по-старому, свѣтелъ мѣсяцъ сіяетъ, какъ надобно; не такъ смотрю я на все: тоска-печаль глаза отуманила, кручина пала на сердце, и все не по моему:

и въ красномъ солнышкѣ пятна видятся, и въ мѣсяцѣ что-то темное. Пріѣзжайте, родимыя, разгоните печаль; тогда красное солнышко будетъ прекраснѣе прежняго, свѣтлый мѣсяцъ еще свѣтлѣе, птицы голосистѣе, травы душистѣе, все слаще, все пріятнѣе. Вашъ преданный, староста Михайло [186]). Въ Ростовѣ Трубецкіе пробыли около двухъ недѣль, и 16 сентября Погодинъ, вмѣстѣ съ старымъ Княземъ, поѣхалъ въ Москву встрѣчать нашихъ путешественницъ. Дорогою онъ мечталъ о поѣздкѣ въ Петербургъ. „Съ какимъ восторгомъ я поклонюсь ему! Потомъ къ гробу Ломоносова и Суворова; наконецъ, къ Карамзину. Какъ встрѣтятъ меня знакомые моего батюшки, видѣвшіе меня еще младенцемъ“. Часа черезъ четыре они пріѣхали въ Москву и Погодинъ увидѣлъ „любезную Аграфену Ивановну и Александру Николаевну и говорилъ съ ними о Ростовскомъ путешествіи“. Въ тотъ же день посѣтилъ И. А. Гейма, котораго дни въ это время были уже сочтены; но, тѣмъ не менѣе, онъ „толковалъ съ Погодинымъ объ обществѣ для изданія историко-географическаго словаря, о дѣлахъ Турецкихъ и совѣтовалъ ему слушать лекціи Политической Экономіи и Технологіи. Затѣмъ посѣтилъ почтенную старушку Анну Васильевну Кубареву и убѣдился, что она его очень любитъ. Утомленный долженъ былъ ѣхать отъ Сухаревой на Дѣвичье поле, такъ какъ старый князь „велѣлъ“ ему ночевать у него“. [187]). На другой день, Погодинъ посѣтилъ свой домикъ, въ приходѣ Николая Кобыльскаго, который въ то время отдавался въ наймы, и изъ этого посѣщенія вынесъ самое мрачное впечатлѣніе, ибо жильцы денегъ не даютъ, бунтуютъ; а я, замѣчетъ онъ „ни просить, ни разбирать ихъ не умѣю“. За то Погодинъ „чудеснѣйшимъ образомъ“ пообѣдалъ у С. И. Всеволжской и вообще провелъ у нихъ время самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Говорилъ съ Ал. И. Сабуровымъ о постановленіяхъ Муравьевскаго учрежденія Колонновожатыхъ, о перемѣнахъ въ Москвѣ. А. В. Всеволжскій разсказалъ слѣдующую остроту Ермолова: „Какой-то грузинецъ объявилъ ему свои требованія на княжеское достоин-

ство.—По всему видно, отвѣчалъ онъ, что вы пріѣхали изъ Россіи лѣтомъ; еслибы зимою, вамъ было бы представлено на выборъ: шуба или княжеское достоинство, и я увѣренъ, что вы избрали бы первую". Затѣмъ Погодинъ разсматривалъ Русскую библіотеку, собираемую Александромъ Всеволодовичемъ, читалъ Штеллингово объясненіе на Апокалипсисъ и очень жалѣлъ, что Всеволжскій „слишкомъ необдуманно отзывается о подобныхъ вещахъ". Къ вечеру, вернулся на Дѣвичье поле и съ часа ночи сидѣлъ у стараго Князя, съ которымъ сдѣлался истерическій припадокъ. На другой день онъ призываетъ къ себѣ Погодина и спрашиваетъ: хочетъ ли онъ сдѣлать для него одолженіе? „Съ большимъ удовольствіемъ!" — У васъ не хорошъ портной, сказалъ Князь, позвольте Занфтлебену снять съ васъ мѣрку; я прикажу ему сшить. „Вотъ награда", замѣчаетъ Погодинъ, „за мое писаніе", и къ этому прибавляетъ: „жаль было смотрѣть на разные поступки князевы, слѣдствіе теперешняго его болѣзненнаго состоянія" [188]). Старый Князь былъ почему-то очень озабоченъ туалетомъ Погодина. Онъ не довольствуется однимъ упомянутымъ заказомъ, но самъ даетъ ему обращики для выбора сукна на фракъ и панталоны, и когда Погодинъ дерзнулъ сказать, что у него много фраковъ и что ему нужнѣе сюртукъ, то Князь отвѣчалъ: „я хочу вамъ сдѣлать и сюртукъ, и фракъ". На это оставалось только сказать: „очень благодаренъ, мнѣ нѣсколько совѣстно это".

18 сентября 1821 года, они вернулись въ Знаменское [189]). Все остальное время, проведенное здѣсь, Погодинъ былъ въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи и мечталъ о графѣ Мамоновѣ, жившемъ тогда недалеко отъ Знаменскаго, въ глубокомъ уединеніи, въ своемъ селѣ Дубровицахъ, близъ Подольска, и о женитьбѣ сего затворника на княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Трубецкой. Надо замѣтить, что еще въ 1816 году, сестра его, графиня Марія Александровна Мамонова, тогда еще молодая дѣвушка, хотѣла, кажется, убѣдить своего брата ѣхать для развлеченія въ чужіе края и искала молодого че-

ловѣка, ему въ спутники, по письменной части. П. Л. Пучковъ, сенатскій секретарь, знакомый отцу Погодина, представилъ Графинѣ его сына, учившагося тогда въ I гимназіи, въ 3 классѣ. Разумѣется, Погодинъ былъ радъ этому безъ памяти. Онъ уже прочиталъ *Письма Русскаго Путешественника*, Карамзина, и начиналъ мечтать о путешествіи. Предъ представленіемъ графинѣ Мамоновой, онъ нѣсколько дней и ночей долбилъ Французскую грамматику, ожидая испытанія. Мамоновымъ принадлежалъ тогда домъ, гдѣ помѣщается нынѣ глазная больница. „Помню", писалъ впослѣдствіи Погодинъ, „кабинетъ Графини и ея физіономію". Хотя это путешествіе не состоялось, но таинственный образъ графа Мамонова запалъ въ душу Погодина [190]). Онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ княжною Аграфеною Ивановною „объ удивительномъ родѣ жизни" Дубровицкаго затворника. Толковали о причинахъ его заточенія; воображали разныя приключенія и встрѣчи съ нимъ. „Мнѣ", писалъ Погодинъ, „молодому студенту и мечтателю, прочитавшему всѣ романы, вышедшіе на Русскомъ языкѣ до 1815 года, пришло въ голову написать къ нему письмо. Мечты мои состояли въ томъ, чтобы Мамоновъ призвалъ меня къ себѣ, и чтобъ я, нынѣ или завтра, возбудилъ его вниманіе къ княжнѣ Трубецкой и устроилъ ихъ свадьбу". Подъ письмомъ Погодина, княжна Аграфена Ивановна подписала годъ и мѣсяцъ. Вотъ содержаніе этого любопытнаго письма: „Я никогда не видалъ васъ. За три года передъ симъ, меня приглашали путешествовать съ вами; съ тѣхъ поръ вы поселились въ моемъ воображеніи; я всегда думалъ, любилъ думать о васъ, и, наконецъ, рѣшился писать къ вамъ, рѣшился сказать о моей идеальной къ вамъ привязанности, сказать, что я искренно уважаю васъ, удивляюсь твердости вашего характера, вашему постоянству, и сожалѣю, что Отечество лишается достойнаго сына, сына, который могъ бы оказать ему великія услуги, особенно въ нынѣшнее время; рѣшился сказать вамъ нѣсколько словъ о вашемъ уединеніи. Я увѣренъ, что причина, побудившая васъ къ нему, благо-

родна, велика; но я никакъ не могу выдумать такой, которая бы была достаточна: мудрый человѣкъ не унываетъ отъ горестей, ударовъ, встрѣчающихся ему въ сей жизни, онъ выше ихъ, онъ смѣется надъ враждующимъ ему рокомъ, идетъ своимъ путемъ, назначеннымъ ему его геніемъ, не оставляетъ своего поприща, пока не будетъ оставленъ... свыше, и достигаетъ спокойно своей цѣли — безсмертія. Вы, вы оставили свое поприще! Простите мою слабость; простите, если я обезпокоилъ васъ письмомъ моимъ. Мысли мои, можетъ быть, несправедливы; я молодъ, неопытенъ;—я хотѣлъ только увѣрить васъ, что хоть вы забыли о людяхъ, люди не позабыли о васъ". Письмо осталось безъ отвѣта, и даже неизвѣстно, дошло ли оно до графа Мамонова. Все Знаменское общество очень интересовалось послѣдствіями этого письма, а самъ Погодинъ, по собственному показанію, „былъ въ какомъ-то волненіи, и былъ почти увѣренъ, что она будетъ за нимъ. Дай Богъ, дай Богъ!"

Познакомимся, однако, поближе съ человѣкомъ, съ которымъ желалъ связать Погодинъ брачными узами предметъ своего обожанія. Сынъ Екатерининскаго временщика, графъ Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, по свидѣтельству лично знавшаго его князя П. А. Вяземскаго, „по окончаніи войны 1812 года, въ которой проявилъ онъ свое патріотическое чувство, буквально заперся въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ, селѣ Дубровицахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ не видалъ никого. Въ спальной его были развѣшаны по стѣнамъ странныя картины, кабалистическаго, а частью соблазнительнаго содержанія. Одинъ Михаилъ Орловъ, пріятель его, имѣлъ смѣлость и силу, свойственную породѣ Орловыхъ, выбить однажды дверь кабинета его и вломиться къ нему. Онъ пробылъ съ нимъ нѣсколько часовъ, но, не смотря на всѣ увѣщанія свои, не могъ уговорить его выйти изъ своего добровольнаго затворничества. Наружности былъ онъ представительной и замѣчательной: гордая осанка и выразительность въ чертахъ лица. Внѣшностью своею онъ нѣсколько напоминалъ

портреты Петра Великаго“ [191]). Но, не смотря на свое болѣзненное положеніе, графъ Мамоновъ много писалъ и читалъ. Графу А. С. Уварову попалась книга изъ Мамоновской библіотеки о Французской революціи, съ собственноручными, „весьма дѣльными замѣчаніями“ графа Мамонова. Книгу эту графъ Уваровъ показывалъ Погодину. Вотъ такого-то оригинала послѣдній прочилъ въ женихи княжнѣ Трубецкой!

Не довольствуясь письмомъ, Погодинъ рѣшился, наконецъ, посѣтить самое мѣсто, гдѣ пребывалъ Дубровицкій затворникъ, и съ этою цѣлію, онъ, вмѣстѣ съ Геништою, отправляется, 25 сентября 1821 г., изъ Знаменскаго въ Подольскъ и оттуда пѣшкомъ идутъ въ Дубровицы. „Прекраснѣйшее, замѣчательное мѣстоположеніе, писалъ Погодинъ. Домъ на крутой горѣ, внизу рѣка, на противоположномъ берегу густой сосновый лѣсъ, все заросло травой, все дико, мрачно. Не видать ни одной души, лишь только внизу кричатъ перевозчики; нѣтъ ни одной дорожки къ покоямъ. Между тѣмъ, въ нихъ живетъ человѣкъ, и человѣкъ, не видящій четыре года людей. Это имѣетъ какое-то дѣйствіе на душу. Церковь также очень замѣчательная. Мечталъ“. И ему ничего не оставалось дѣлать, какъ мечтать, ибо, не имѣя силы и смѣлости, „свойственной породѣ Орловыхъ“, онъ не рѣшался вломиться, подобно Михаилу Орлову, въ кабинетъ своего героя.

Возвратившись въ Знаменское изъ своей поѣздки въ Дубровицы, Погодинъ былъ полонъ Мамоновымъ, и послѣ ужина, гуляя по саду съ княжною Трубецкою и Вѣрою Прокофьевною Измайловою, говорилъ имъ о Дубровицкомъ затворникѣ. „Если бы“, сказала княжна Трубецкая, „я полюбила его, то согласилась бы жить съ нимъ въ уединеніи“. На это Погодинъ меланхолически воскликнулъ: „Если бы это случилось!“ [192]).

Ровно черезъ пятьдесятъ девять лѣтъ послѣ посѣщенія Погодина, и мнѣ удалось посѣтить это знаменитое село, когда память о таинственномъ владѣльцѣ его уже исчезла съ лица земли. Гостя, въ сентябрѣ 1880 года, у князя и княгини Вяземскихъ, въ селѣ Остафьевѣ, и занимаясь тамъ при-

готовленіемъ къ изданію въ свѣтъ Странствованій Барскаго по Святымъ Мѣстамъ Востока, я ежедневно, въ свободное отъ занятій время, имѣлъ честь сопровождать княжну Александру Павловну Вяземскую въ ея поѣздкахъ по Остафьевскимъ окрестностямъ. Между прочимъ, мы посѣтили и село Дубровицы. Кучеръ нашъ не смотря на то, что Остафьевскій уроженецъ, лѣтъ двадцать не бывалъ тамъ. Въ виду Дубровицъ, сбились съ дороги и попали въ чащу лѣса. Это заставило насъ оставить экипажъ и идти пѣшкомъ. Пробирались по тропинкамъ и спускались съ крутизны къ Деснѣ рѣкѣ. Преодолѣвъ всѣ препятствія, достигли наконецъ цѣли своего путешествія. Здѣсь обиліе водъ: Десна и Пахра. Переправлялись черезъ рѣки по лавамъ. Попавшаяся дѣвочка, за обѣщанный ей гонораръ, кубаремъ покатилась къ священнику съ просьбою показать намъ церковь. Вмѣсто священника, вышелъ дьячокъ, который и былъ нашимъ руководителемъ. Церковь построена въ 1690 году и напоминаетъ болѣе костелъ, чѣмъ православный храмъ. Здѣсь есть царское мѣсто, и причетникъ, указывая на него, сказалъ: „на ономъ мѣстѣ изволили стоять блаженныя памяти его сіятельство графъ Закревскій, пріѣзжая сюда къ обѣдни изъ своей резиденціи, села Ивановскаго“. Мнѣ, какъ издателю *Дневника Храповицкаго*, любопытно было узнать, что въ 1787 году здѣсь была императрица Екатерина Великая, а слѣдовательно, былъ здѣсь и Храповицкій. Изъ церкви прошли къ дому, въ которомъ живутъ *дачники*...

Тьфу! прозаическія бредни...

Грязь страшная. Пройдясь по саду и переправившись чрезъ Десну, мы направились къ святому источнику, находящемуся въ удивительно живописной мѣстности“ [193]).

Несчастный графъ Мамоновъ умеръ въ глубокой старости, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. По поводу его кончины, Погодинъ, будучи и самъ шестидесятилѣтнимъ старцемъ, съ негодованіемъ писалъ: „Вотъ еще живой примѣръ

нашей холодности и равнодушія. Это былъ примѣчательный Русскій человѣкъ, и по уму, и по службѣ, и по ревности, и по страннымъ причудамъ, и, наконецъ, по несчастной, почти сорокалѣтней болѣзни, и не въ одной газетѣ не было напечатано никакого извѣстія". Сдѣлавъ это невольное отступленіе, будемъ продолжать наше повѣствованіе.

Наступилъ день отъѣзда изъ Знаменскаго. Наканунѣ Покрова, цѣлая вереница экипажей потянулась въ Москву. Погодинъ ѣхалъ въ каретѣ съ старымъ Княземъ. Дорогою Князь былъ очень откровененъ съ нимъ и говорилъ о своихъ дѣлахъ. „Для меня", замѣчаетъ Погодинъ, „очень непріятна эта довѣренность. Было очень трудно отвѣчать на его вопросы". Часто выходили изъ кареты и шли пѣшкомъ. Князь разсказывалъ ему о временахъ Екатерины и Павла... Погодинъ сознается, что въ дорогѣ онъ „хохоталъ надъ разными штуками Князя". По пріѣздѣ въ Москву, проводилъ своего спутника до его дома, а самъ, по собственному выраженію, „отличился прямо къ Сухаревой башни" и „усталъ какъ собака" [194]).

XIX.

По окончаніи курса, Погодинъ былъ оставленъ въ „вѣдомствѣ" Университета, но никакихъ опредѣленныхъ обязанностей не имѣлъ. Ему хотѣлось поступить надзирателемъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ, но В. И. Оболенскій отсовѣтывалъ ему домогаться этой должности. Возвратясь изъ Знаменскаго, Погодинъ посѣтилъ своего профессора, Ивана Ивановича Давыдова, который и предложилъ ему учить въ Университетскомъ Пансіонѣ Географіи. Давыдовъ сдѣлалъ это предложеніе такъ „нечаянно", что онъ „не успѣлъ придумать ничего для отказа" [195]). Такимъ образомъ, Погодинъ имѣлъ счастіе вступить преподавателемъ въ такое заведеніе, гдѣ, по выраженію И. И. Давыдова, были „возлелѣяны и

храбрые воины, и безпристрастные судіи, и знаменитые писатели“ [196]). Давно уже нѣтъ этого знаменитаго заведенія, о которомъ питомецъ его, П. М. Строевъ, до конца своей жизни хранилъ глубоко-признательное воспоминаніе. По его отзывамъ, единственно правильныя педагогическія начала для воспитанія Русскаго юношества были примѣняемы въ этомъ учебномъ заведеніи. Паденіе Пансіона горько оплакалъ другой его питомецъ, извѣстный писатель Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи *Проданный Домъ*.

Въ тѣ дни, когда добро и знанье
Цѣнились выше серебра,
Здѣсь было мѣсто воспитанья,
Былъ домъ науки и добра!..
И вотъ, проломанныя стѣны
Дверей и крылецъ кажутъ рядъ!
Тайникъ святыни воспитанья
Непосвященному открытъ
И оскверненъ рукой стяжанья.
Здѣсь роскошь нѣкогда разложитъ,
Прельщая очи, свой товаръ;
За деньги зрѣлище, быть можетъ,
Раздуетъ сладострастный жаръ;
Иль будетъ тамъ вертепъ веселья,
Куда обжорство заманитъ,
И гдѣ народное похмѣлье
Въ разгульныхъ пѣсняхъ загремитъ.

Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, основанный въ 1770 году кураторами Мелиссино и Херасковымъ, процвѣлъ при Антонѣ Антоновичѣ Прокоповичѣ-Антонскомъ, который началъ службу въ этомъ заведеніи съ 1787 года, въ качествѣ преподавателя Натуральной Исторіи. Съ 1791 года, онъ былъ инспекторомъ Пансіона. Послѣ Московскаго разгрома въ 1812 году, Антонскій возобновилъ Университетскій Пансіонъ. Возвышенный въ званіе директора, онъ умѣлъ избрать себѣ ревностнаго помощника, въ профессорѣ И. И. Давыдовѣ, который былъ инспекторомъ Пансіона. По свидѣтельству питомца пансіона, С. П. Шевырева, Антонскій „имѣлъ даръ проницанія, умѣнье отгадывать способности, даръ Божій въ

педагогѣ, даръ, который былъ причиною того, что онъ умѣлъ находить людей въ Университетѣ и развивать дарованія въ Пансіонѣ. Умъ его былъ умъ практическій, чуждый отвлеченныхъ теорій, устремлявшій его болѣе къ дѣлу жизни, умъ хозяйственный, распорядительный, умъ педагога и земледѣльца. Волю имѣлъ онъ твердую, непреклонную, которую прежде всего упражнялъ на самомъ себѣ и на своей собственной жизни. Духъ общительности, вынесенный имъ, можетъ быть, изъ Кіевской бурсы, но развитый особенно въ Университетской средѣ, во времена Новикова, служилъ въ немъ источникомъ для многихъ полезныхъ дѣйствій. Есть еще одна черта, которая опредѣляетъ его нравственный характеръ и знаменуетъ всю его жизнь: онъ зналъ всему мѣру въ жизни“ [197]). Вотъ съ такимъ-то человѣкомъ довелось Погодину вступить въ служебныя отношенія. Напутствуемый, отходящимъ въ вѣчность, старцемъ Геймомъ, Погодинъ, не смотря на молодость своихъ лѣтъ и неопытность, вступая на педагогическое поприще, былъ преисполненъ сознаніемъ важности и отвѣтственности дѣятелей на ономъ поприщѣ предъ Богомъ и людьми. Еще до окончанія университетскихъ экзаменовъ, въ *Дневникѣ* его находимъ слѣдующую замѣтку: „горе воспитателю, который бы захотѣлъ слишкомъ рано научить разсуждать своего питомца; горе и тому, у котораго воспитаніе нравственныхъ силъ остается позади отъ физическихъ. Но какъ опредѣлить эту соотвѣтственность, какъ устроить воспитаніе, чтобы и нравственныя, и физическія силы шли наравнѣ. Воспитатели! Вотъ задача, отъ нея зависитъ счастіе рода человѣческаго“ [198]). Первый урокъ въ Пансіонѣ былъ данъ Погодинымъ 12 октября 1821 года. Еще за нѣсколько дней, онъ готовился къ нему, и „молился Богу, чтобы помогъ ему дать хорошій урокъ“. Объ этомъ первомъ урокѣ мы находимъ въ *Дневникѣ* слѣдующее: „дико въ первый разъ. Мнѣ послышалось, что въ сосѣднемъ классѣ Антонскій и я смѣшался внутренно“ [199]). По отзыву А. З. Зиновьева, Погодинъ „классъ свой держалъ въ строгомъ по-

рядкѣ, географическіе уроки умѣлъ сдѣлать весьма занимательными. Ученики питали къ нему уваженіе, но, между тѣмъ, позволяли себѣ нѣкоторыя любезныя вольности“ [200]).

14 августа 1821 года, на каѳедру Московской Церкви вступилъ Архіепископъ Филаретъ и въ Дому Пресвятыя Богородицы, наканунѣ праздника Ея Успенія, преподалъ людямъ Божіимъ Апостольское привѣтствіе: *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* (Рим. 1, 7) и „мощью личнаго духа, возросшаго на церковной народной почвѣ“, преемственно водворилъ церковный авторитетъ не только для Москвы и всей Россіи, но и для всего Православнаго міра. Предъ этимъ авторитетомъ блѣднѣли и никли всѣ, такъ называемые, свободные мыслители, дерзавшіе и дерзающіе безъ помазанія устроять домостроительство нашего спасенія. Это важное церковное событіе не могло не подѣйствовать на пылкаго Погодина, который въ это время и самъ возсѣлъ на сѣдалище учителя. И мы видимъ, что онъ съ увлеченіемъ читаетъ проповѣди Филарета, говоритъ о нихъ съ близкими ему людьми, ходитъ въ тѣ церкви, гдѣ служитъ Владыка, что иногда не обходилось безъ препятствій. Такъ, однажды, онъ отправился слушать обѣдню на подворье. Служилъ самъ Филаретъ. Сторожъ не пускалъ было его въ церковь, но онъ оттолкнулъ его и пошелъ; а потомъ испугался: какъ бы сторожъ не пожаловался на него квартальному. О самомъ служеніи Погодинъ замѣтилъ: „смиренное лицо у Филарета. Служитъ очень просто“ [201]). Погодина очень утѣшалъ отзывъ, который онъ слышалъ отъ Кубарева, что все духовенство отмѣнно довольно управленіемъ Филарета, что онъ „не гордъ, обходителенъ и помнитъ очень многихъ старыхъ своихъ товарищей“ [202]). Вообще, въ это время мы замѣчаемъ пробужденіе религіознаго чувства въ Погодинѣ. „Проснулся въ 7-омъ часу“, писалъ онъ, „благовѣстятъ къ ранней обѣднѣ. Все тихо, спокойно, только колокола издаютъ тихіе, протяжные звуки, напоминающіе людямъ о Богѣ. Утро есть самое достойное время для богослуженія“ [203]). „Ходилъ къ обѣднѣ“,

пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „церковь полна. Слава Богу! У насъ еще старина сохраняется. Купцы поютъ. Это тоже старинное обыкновеніе“ [204]). Однажды, Кубаревъ спросилъ Погодина: зачѣмъ онъ ходитъ къ обѣднѣ? „Почти машинально“, отвѣтилъ онъ, „но служеніе производитъ во мнѣ благочестивыя мысли!“ [205]). Наконецъ, Погодинъ, съ другомъ и товарищемъ своимъ Загряжскимъ, которому онъ такъ много обязанъ въ религіозномъ отношеніи, посѣщаетъ Кремлевскія святыни и выноситъ оттуда благодатное впечатлѣніе. „Какія пріятныя чувства рождаютъ въ душѣ старинныя церкви. Какая простота, безъискусственность. Нѣтъ вычуровъ. Успенскій Соборъ священъ для всякаго Русскаго. Здѣсь около 500 лѣтъ молятся Русскіе за Россію; здѣсь, при всякомъ важномъ случаѣ, прибѣгаютъ къ престолу Божію наши цари. Здѣсь сіяли и сіяютъ Петры, Алексѣи, Іоны, Филиппы, Гермогены. Прикладывался къ мощамъ ихъ и къ знаменитому образу Владимірскія Божіей Матери, достоянію всей Россіи“ [206]).

Осенью 1821 года, вернулась изъ своей Измайловки Аграфена Прокофьевна Измайлова, и домъ Трубецкихъ сдѣлался еще пріятнѣе для Погодина, который питалъ къ ней такое довѣріе, что далъ ей часть своего *Дневника*, для прочтенія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ боялся, чтобы у нея не увидалъ его кто-нибудь. Аграфена Прокофьевна совѣтовала Погодину „взбѣситься теперь, чтобы избѣжать бѣшенства въ совершенныхъ лѣтахъ“; ибо, утверждала она, „непремѣнно надобно одинъ разъ посумасшествовать въ жизни“. Посѣтивъ Трубецкихъ на Варваринъ день, онъ отмѣтилъ, что „съ удовольствіемъ смотрѣлъ на глаза княжны Аграфены Ивановны. Въ нихъ было написано какое-то спокойствіе, хотя я увѣренъ она его имѣетъ немного“. Въ это же время, онъ встрѣтилъ у Трубецкихъ Александра Павловича Мансурова и смотрѣлъ на него „внимательно“. Это не ускользнуло отъ Аграфены Прокофьевны и она спросила Погодина: почему онъ скученъ? Для развлеченія, онъ сталъ смотрѣть на происходившій въ то время танцовальный урокъ и замѣтилъ:

„Какіе повороты! Какія движенія! Какъ не тремодитъ лукавый людей“. По поводу какого-то представленія, Погодинъ замѣчаетъ: „терпѣть не могу я этихъ представленій. Должно ли было мнѣ подать ему руку. Ахъ, дурачина! Не зная свѣтскихъ обычаевъ, ты попадешься когда-нибудь въ просакъ“ [207]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ свободенъ отъ ложнаго стыда. Вотъ бывшій съ нимъ характерный случай, который онъ самъ же разсказываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ѣздилъ къ Князю Трубецкому. Я нанялъ извозчика только до дома князя; его нѣтъ у себя. Я, стыдясь предъ тамошними людьми слѣзть съ дрожекъ и идти пѣшкомъ, велѣлъ извозчику оборотить назадъ, и отъѣхавши отъ дома столько, что его уже не видать было, расплатился съ нимъ, далъ, кажется, 20 коп. за лишній провозъ, и пошелъ пѣшкомъ“ [208]). Несмотря на свободу, какою пользовался Погодинъ въ домѣ Трубецкихъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ чувства робости. Такъ, заходитъ онъ, однажды, къ Князю и видитъ, что у воротъ стоятъ какія-то дрожки, и онъ „побоялся идти“, хотя и „прозябъ ужасно“. Между тѣмъ, Трубецкіе, а особенно молодое поколѣніе ихъ, не переставали оказывать не только самому Погодину, но и товарищамъ его знаки самаго трогательнаго вниманія. Такъ, однажды, княжна Аграфена Ивановна подарила имъ три билета въ Геслеровъ концертъ. Изъ коихъ одинъ она назначила Кубареву, и Кубаревъ былъ, по свидѣтельству Погодина, „внѣ себя отъ радости и не зналъ, какъ благодарить Княжну“. Погодинъ, по этому поводу, замѣчаетъ: „мнѣ было это пріятно. Бездѣлица можетъ доставить удовольствіе человѣку. Спасибо тебѣ, ангелъ“ [209]). Добавимъ еще личную его черту, имъ же самимъ поставленную на видъ. „Когда я вхожу къ Трубецкимъ“, пишетъ онъ, „люди не встаютъ, и мнѣ это бываетъ непріятно; но я это переломлю скоро“ [210]).

Въ октябрѣ 1821 года, Погодинъ писалъ Загряжскому: „Въ Университетѣ случилось два большія несчастія: Геймъ скончался, Бугровъ неизвѣстно отъ чего застрѣлился“ [211]). Этотъ несчастный былъ магистръ математическихъ наукъ и

жилъ въ зданіи Университета, въ такъ называемыхъ кандидатскихъ комнатахъ [212]). По отзыву товарищей, „человѣкъ онъ былъ самый обстоятельный“, и тайну о причинѣ самоубійства унесъ съ собою въ могилу. 13 октября, на дорогѣ отъ Трубецкихъ, Погодина встрѣчаетъ Оверъ и сообщаетъ ему эту роковую вѣсть. Въ семействѣ Трубецкихъ это печальное событіе нашло сердечный откликъ. Княжна Трубецкая была возмущена тѣмъ, что никто не провожалъ тѣла несчастнаго; а княгиня Голицына пожалѣла, что у насъ „не отправляется никакой службы по самоубійцамъ“. Вскорѣ послѣ этого событія, Погодинъ посѣтилъ своего товарища Гусева, и въ своемъ *Дневникѣ* записалъ слѣдующее: „обѣдалъ у Гусева. Богъ знаетъ, чтó съ нимъ дѣлается. Говоритъ безпрестанно о соединеніи съ Богомъ, о суетности здѣшняго міра, о тоскѣ души его... Вотъ одна изъ простительнѣйшихъ, кажется, причинъ къ самоубійству. Онъ хочетъ соединиться съ Богомъ. Но это насильное соединеніе. Богъ послалъ насъ въ здѣшній міръ; худо ли, хорошо ли намъ здѣсь, мы должны жить, нести крестъ и ожидать того времени, какъ Онъ воззоветъ насъ къ Себѣ. Жаль мнѣ Гусева. Впрочемъ, Богъ знаетъ: мы такіе слѣпцы, что ничего видѣть не можемъ“ [213]).

Сейчасъ мы оплакали ужасную кончину юноши, на зарѣ лѣтъ своихъ охладѣвшаго къ жизни и святотатственно поднявшаго на себя руку свою. Теперь намъ предстоитъ оплакать отшедшаго отъ насъ старца, Ивана Андреевича Гейма, начавшаго свою вѣрную службу Россіи съ 1781 года, на каѳедрѣ Московскаго Университета. Но печаль наша въ этомъ случаѣ растворяется утѣшительнымъ чувствомъ, что приснопамятный мужъ сей совершилъ мѣру возраста своего и не измѣнилъ своей чредѣ буквально до „послѣдняго вздоха бытія“. Иванъ Андреевичъ скончался 16 октября 1821 года. За шесть дней до своей кончины, онъ еще читалъ лекціи, но закашлялся и не могъ кончить. Въ тотъ же день Погодинъ посѣтилъ его и нашелъ настолько бодрымъ, что онъ самъ искалъ нужную для Погодина книгу и велѣлъ зайти къ нему чрезъ

нѣсколько дней. Исполняя приказаніе профессора, Погодинъ является къ нему 15 октября, т. е. наканунѣ его кончины; но узнавъ, что у него докторъ, онъ не зашелъ. Желая показать Ивану Андреевичу какой-то атласъ, отправляется къ нему на другой день, т. е. 16 октября, и спрашиваетъ въ передней человѣка: „Можно ли войти?“ „Войдите“, сказалъ лакей, „онъ въ этой комнатѣ“. „Вхожу и вижу“, писалъ Погодинъ, „его на столѣ. Онъ умеръ. Не могъ удержаться отъ слезъ и плакалъ довольно. Добрый человѣкъ! Я многаго лишился въ тебѣ. Но не это заставляетъ меня жалѣть о тебѣ.... Говорилъ съ Т. А. Каменецкимъ о его смерти. Скончался оченъ тихо, безъ всякаго страданія. Иначе и быть не могло. Его добрая душа никому не сдѣлала зла съ намѣреніемъ; добро всѣмъ. Рѣдкимъ удалось сдѣлать столько пользы людямъ, сколько ему; онъ прямо, я думаю, въ царствѣ небесномъ“ [214]). „До конца былъ въ памяти“, писалъ о немъ Погодинъ къ своему товарищу, Троицкому, „въ послѣдній день началъ мѣшать слова всѣхъ языковъ. Всѣ свои вещи, до малѣйшаго замка, переписалъ и отказалъ профессорамъ, каждому по вещи, библіотеку—Университету. Право печатать его лексиконъ предоставлено Каменецкому“ [215]).

Почтимъ же память его словами Поэта:

Покойся же мирно, мужъ почившій
. . . .
Своей чредѣ не измѣнившій
Съ послѣднимъ вздохомъ бытія!

Косою смерти быстро сжатый,
Какъ снопъ созрѣлый на поляхъ
Красуйся жатвою богатой
Въ своихъ зернистыхъ сѣменахъ.

Лично для Погодина, кончина И. А. Гейма была утрата незамѣнимая; но герой нашъ всѣ скорби жизни, какъ въ лѣта пылкой молодости, такъ и въ старости, переносилъ всегда мужественно, съ полною покорностію волѣ Божіей. Денно и нощно дежурилъ онъ при тѣлѣ своего наставника. 19 октября про-

исходили торжественныя похороны. Провожало человѣкъ съ 600, экипажей до 100. Крышку несли студенты; а Погодинъ несъ подушку съ орденомъ св. Анны до самаго кладбища, и при этомъ ему хотѣлось, чтобы шли мимо Трубецкихъ. Гробъ несли профессора „очень величественно". „Повсюду царствуетъ", писалъ онъ, „глубокое молчаніе. Музыка играетъ мрачная и печальная". Послѣ похоронъ, Погодинъ обѣдалъ у Бычкова. Изъ предосторожности, онъ выпилъ большую рюмку водки „и такъ ошалѣлъ, что голова пошла кругомъ. Уснулъ сладко"; а проснувшись помянулъ Ивана Андреевича горскимъ [216]). Въ девятый день была заупокойная обѣдня въ Коммерческомъ училищѣ, а послѣ завтракали и обѣдали у Каменецкаго, дѣлавшаго поминки по Гейму. На Погодина эти поминки произвели пріятное впечатлѣніе. „Прекрасно поступилъ", писалъ онъ, „Каменецкій, съ студентами обходился, какъ съ товарищами. Все было просто, благородно, дружески. Какъ не избѣгалъ, но долженъ былъ пить, по его настоянію, и у меня зашевелилось въ головѣ. Пѣли всѣмъ хоромъ *Со Святыми упокой* и *Вѣчную память* почтенному Гейму. Вѣчная, вѣчная тебѣ память добрый человѣкъ" [217]).

Мы уже съ удовольствіемъ замѣтили, что добрыя отношенія между Погодинымъ и Кубаревымъ возстановились, и завѣтный Кубаревскій „чердачекъ", у Сухаревой башни, не переставалъ быть центромъ духовныхъ интересовъ молодыхъ мыслителей. „Кубаревъ превосходный человѣкъ", замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Погодинъ, „хотя и имѣетъ большія странности". Онъ былъ къ нему преданъ искренно и при всякомъ случаѣ доказывалъ свою преданность на дѣлѣ. Услыхавъ, однажды, отъ И. И. Давыдова, что въ Одессѣ открывается мѣсто профессора, Погодинъ тотчасъ подумалъ о Кубаревѣ и „съ великимъ удовольствіемъ побѣжалъ домой", чтобы сообщить объ этомъ матери Кубарева; но со стороны послѣдняго произошла нѣкоторая перемѣна. „Я вспомнилъ", писалъ Погодинъ, „до какой степени былъ привязанъ ко мнѣ Кубаревъ года три тому назадъ. Онъ восхищался мною. Я былъ

тогда еще молодъ и не умѣлъ цѣнить это. Съ какимъ жаромъ просилъ онъ меня, однажды, идти съ нимъ въ Марьину рощу. Я не могъ рѣшиться пропустить для этого лекцію или урокъ. Я чувствовалъ тогда, что мнѣ было рано быть его другомъ, но что я со временемъ приготовлюсь къ этому. Если бы, кажется, я въ отношеніи къ нему былъ тѣмъ же, чѣмъ онъ ко мнѣ, у насъ была бы неразрывная дружба. До связи его съ Шираемъ, впрочемъ, мы были почти друзья, по крайней мѣрѣ, откровенны другъ съ другомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь только пріятели, у коихъ во многомъ мысли сходны. Онъ прекрасный человѣкъ. Я не знаю еще человѣка, который бы такъ мало довѣрялъ себѣ и такъ откровенно говорилъ объ этомъ, кто бы до такой степени, какъ онъ, былъ безпристрастенъ въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ" [218]). Но какъ бы то ни было, добрыя отношенія между Погодинымъ и Кубаревымъ возстановились до такой степени, что Погодинъ, живя у него въ домѣ, сознавалъ какъ то, что онъ „много пользуется совѣтами Алексѣя Михайловича, такъ и то, что онъ и самъ полезенъ Кубареву [219]).

Свѣдѣнія о событіяхъ и людяхъ XVIII столѣтія отцы наши почерпали изъ *живыхъ источниковъ*. Однимъ изъ такихъ источниковъ былъ для Кубарева отецъ его товарища, суворовскій генералъ Ширай. Почерпнутыми отъ него свѣдѣніями, Кубаревъ, возвратясь изъ Малороссіи, дѣлился съ Погодинымъ, и мнѣ кажется, что новѣйшіе историки не имѣютъ права пренебрегать подобными свѣдѣніями. Вотъ нѣкоторыя обстоятельства о временахъ Екатерины. „Воронцовъ и Завадовскій, встрѣтившись между собою, цѣловали всегда руку другъ у друга. Суворовъ, получивъ письмо отъ Зубова съ подписью: милостивый государь мой, въ отвѣтѣ своемъ на него, поставилъ въ концѣ: еще прошу васъ замѣтить, что выше Суворова только Богъ и Престолъ, прочее все ниже меня. Суворовъ также сказалъ одному генералу, привезшему ему какое-то извѣстіе отъ Павла: скажите отъ меня, если можете, Государю, что жизнь моя въ его рукахъ, но слава моя выше

его. Смертію Екатерины Суворовъ былъ очень огорченъ и не выходилъ нѣсколько времени изъ комнаты. Вошелъ, какъ-то, къ нему генералъ Ширай. Онъ, пожимая руки, началъ говорить: ахъ проклятые стихотворцы, ахъ злодѣи, какъ можно имъ вѣрить. Вотъ говорили, что Екатерина безсмертна, а она умерла. Суворовъ ѣзжалъ на охоту, но охотники безъ него не смѣли затравить ни одного зайца. Что, поймали-ли что̀? Нѣтъ, ваше сіятельство! Вотъ ѣздили, ѣздили, а толку нѣтъ, и онъ успокоивался. По случаю неучтиваго письма отъ Зубова, Суворовъ писалъ къ Государынѣ: „Графъ Платонъ юноша мнѣ старику...“. Три раза въ году, Суворовъ надѣвалъ на себя всѣ ордена, клалъ передъ собою всѣ жалованные ему подарки, и тогда уже никто не смѣлъ говорить съ нимъ. Во времена Екатерины, онъ испросилъ у нея прощенія какимъ-то преступникамъ, своимъ подслуживцамъ. Дѣло предано было забвенію. При Павлѣ опять возобновили его. Суворовъ написалъ: голова моя часто летала подъ смерть при вашей Матушкѣ; если нужна она теперь, для спасенія сихъ несчастныхъ, она готова. Пріѣхавъ къ Румянцову, по окончаніи Польскихъ дѣлъ, онъ вытянулся предъ нимъ. Тотъ бросился обнимать его. Прежде же, говоря съ Шираемъ о Польской войнѣ, Румянцовъ сказалъ: всякое дѣло мастера боится. Графъ Завадовскій былъ отмѣнно краснорѣчивъ. Онъ выстроилъ свою деревню Ляличи по царски: огромный дворецъ, заведенія; огородилъ лѣсъ каменною стѣною на 20 верстъ, и пр , и далъ блестящій столъ. Ширай, не пойдя ужинать и оставшись вмѣстѣ съ нимъ, спросилъ его: скажите, графъ Петръ Васильевичъ, для чего вы все это сдѣлали? Вы имѣли въ виду потомство? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я хотѣлъ пожить такъ, какъ хочется, три дня, теперь живу три мѣсяца, и доволенъ. При государѣ Александрѣ онъ былъ предсѣдателемъ Совѣта. Однажды, Сперанскій началъ читать предложеніе о какихъ-то законахъ. Завадовскій отвергаетъ ихъ. Сперанскій доказываетъ ихъ необходимость. Тотъ велитъ ему перестать. Сперанскій говоритъ, что они уже утверждены Государемъ. Завадовскій на другой день выѣзжаетъ

изъ Петербурга". Въ царствованіе Павла, однажды, на балѣ Завадовскій стоялъ въ задумчивости. Государь, былъ тутъ же, подходитъ къ нему и говоритъ: графъ Петръ Васильевичъ, хотите ли вы сдѣлать мнѣ большое одолженіе. Какое, Государь? Обѣщайтесь. Обѣщаюсь. О чемъ вы думаете теперь? Не смѣю не исполнить вашего приказанія. Я думаю теперь, зачѣмъ я женился. Государь былъ доволенъ, веселъ; потомъ постепенно дѣлался мрачнѣе и сказалъ: нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ объ этомъ думалъ, и на другой день велѣлъ ему выѣхать изъ Петербурга. Къ сему роду извѣстій присоединимъ и слѣдующее: мать Кубарева, Анна Васильевна, сказывала, что ея родственникъ, діаконъ, проходилъ въ самый часъ кончины Павла мимо Михайловскаго дворца и слышалъ, какъ били стекла. Въ Малороссіи, у Судіенки, Кубареву удалось видѣть собраніе живописныхъ портретовъ всѣхъ великихъ людей Россіи, начиная съ Петра" [220]). Кромѣ этихъ разсказовъ, на *чердачкѣ* Кубарева, велись важныя бесѣды, несомнѣнно вліявшія на развитіе Погодина. Главнымъ предметомъ этихъ разговоровъ, размышленій была Русская Исторія, Русская жизнь. По поводу разговоровъ о Петрѣ Великомъ, Погодинъ замѣчаетъ: „Ахъ, если бы онъ не соединилъ Россіи съ Европейцами! Теперь мы не потеряли бы національный характеръ" [221]). Русскія пѣсни, еще до Кирѣевскаго, привлекали вниманіе нашихъ мыслителей. „Говорилъ съ Кубаревымъ", пишетъ Погодинъ, „о Русскихъ пѣсняхъ. Какая простота, какая естественность, какіе прекрасные голоса. Какъ сильно вcase выражаются страсти. Если музыка есть выраженіе нашихъ чувствованій, Русскія пѣсни суть одни изъ важнѣйшихъ музыкальныхъ сочиненій. Это не то, что новыя аріи, гдѣ во всякомъ тонѣ видно искусство, изысканность, работа, трудъ. Русскія пѣсни внушены самою природою и дышатъ страстями. Вотъ естественная музыка человѣка. Русскіе имѣютъ особенную склонность къ музыкѣ. Они поютъ и въ веселіи, и въ печали. Послушайте, какъ причитаютъ мужики покойниковъ,

какъ провожаютъ рекрутовъ *), какъ поютъ на работѣ, на свадьбѣ. Говорили о состояніи души, внушающей пѣніе. Напримѣръ: ѣдетъ ямщикъ, на всякомъ шагу встрѣчаетъ онъ предметы, для себя близкіе, напоминающіе ему его родину, его семейство,—онъ горюетъ о нихъ и изливаетъ душу свою въ простыхъ заунывныхъ пѣсняхъ. Сердце говоритъ у него, потомъ ободряется, чѣмъ кручиньса, тѣмъ хуже, ударяетъ по всѣмъ по тремъ, взмахнулъ кнутомъ, помчался и веселъ" [222]). Почтенная старушка, Анна Васильевна Кубарева разсказывала имъ о старинѣ, о старинныхъ угощеніяхъ. „Обѣдъ", по ея разсказамъ, „продолжался часа четыре, кушаньевъ было по тридцати; главныя: холодныя, похлебки, пироги; за каждымъ кушаньемъ наливки изъ всѣхъ плодовъ. Женщины за столомъ не пили; но послѣ, одна за другой, уходили (какая простота); къ нимъ выходила хозяйка со штофомъ подъ полою и подчивала; послѣ обѣда, мужчины садились иногда на полъ и пили пиво, и кто ртомъ не перебрасывалъ черезъ себя стаканы, тому наливали другой" [223]). Однажды Погодинъ разговорился съ извозчикомъ о порченныхъ людяхъ. „Въ ихъ деревнѣ", сказалъ ему извозчикъ, „есть до тридцати бабъ, которыя портятъ людей, особенно это бываетъ на свадьбахъ. Порченные кричатъ по сорочьи, кукуютъ, лаютъ, бѣсятся, когда запоютъ Херувимскую. На свадьбу всегда зовутъ мужика изъ сосѣдней деревни въ дружки, который знаетъ это дѣло, и тогда не бываетъ опасности". „Моя сноха," добавилъ извозчикъ, „также колдунья, испортила у насъ попа". Какъ же вы узнали это? спросилъ Погодинъ. „Ѣздили за 60 верстъ, къ одной старой ворожеѣ, и она навела на водѣ ея лицо". Когда Погодинъ сообщилъ Кубареву объ этомъ своемъ разговорѣ съ извозчи-

*) Изданіемъ въ свѣтѣ этаго рода народнаго творчества наука обязана Ельпидифору Васильевичу Барсову. Въ 1872 году, онъ издалъ въ Москвѣ *Плачи погребальные, надгробные и надмогильные;* а въ 1882 году—*Плачи завоенные, рекрутскіе и солдацкіе*; также *Плачи свадебные, рукобитные, разлучные, баенные и предвѣнечные.* Изданіе это обратило на себя вниманіе не только Россіи, но и Европы. Въ иностранныхъ журналахъ, собраніе этихъ *Плачей* признается „открытіемъ, *представляющимъ общеевропейскій интересъ*, весьма важный для Исторіи *Всеобщей* Литературы".

комъ, то послѣдній передалъ ему разсказъ одного священника, не слишкомъ набожнаго, какъ одна бѣсноватая разсказала ему всѣ обстоятельства его жизни. Къ отцу Кубарева священнику, пришелъ также, однажды, кто-то въ церковь и просилъ спѣть молебенъ Донской Божіей матери. Между тѣмъ, самъ упалъ на землю и дышалъ очень тяжело. Спѣли молебенъ, онъ всталъ и сказалъ: ну батюшка, слава Богу, теперь мнѣ легко [224]). Отъ вниманія нашихъ мыслителей не ускользали явленія и современной жизни, носящія на себѣ слѣды цивилизаціи. Такъ, однажды, они разговорились о трактирахъ. „Сколько добраго потребляютъ они“, замѣтилъ Погодинъ, „и съ какимъ вредомъ для нравственности и довольства жителей. Я бы уничтожилъ всѣ, кромѣ городскихъ. Тамъ они нужны для купцовъ. Въ прочихъ частяхъ, ни на что. Это искушеніе для народа“ [225]). Неоднократно, предметомъ разговоровъ и размышленій нашихъ друзей служила Исторія Россіи съ Петра Великаго, свѣдѣнія о которой, какъ мы уже замѣтили, они могли черпать изъ живыхъ источниковъ. Обращаясь къ Исторіи Россіи, Погодинъ разражается слѣдующимъ диѳирамбомъ: „Какія великія свойства Русскаго народа! Какая преданность вѣрѣ, Престолу! Вотъ главное основаніе всѣхъ великихъ дѣяній. Русскій крестится, говоритъ: Господи помилуй и идетъ на смерть. Какихъ переворотовъ не было въ Россіи! Иноплеменное двухсотлѣтнее владычество, тираны, самозванцы – и все устояло, какъ было, опираясь на Религію. Покажите, вы подлыя, низкія души, вы глупыя обезьяны, Французы въ Русской кожѣ! Покажите мнѣ Исторію другого народа, которая бы сравнялась съ Исторіею нашего народа, языкомъ котораго вы стыдитесь говорить, подлецы! Петръ! Петръ! ты все унесъ съ собой!“ Разсуждая о томъ: „полезно ли было для государства, что императрица Екатерина отняла крестьянъ отъ монастырей, Погодинъ и его друзья утверждали, что „совершенно нѣтъ“; ибо, говорили они, „владѣемые духовными, крестьяне платили малый оброкъ и были счастливы. Сдѣлавшись государственными, были большею частію разо-

рены. Сверхъ того, еслибы Екатерина не раздавала крестьянъ, у насъ большею частію были бы они свободные, и не столько стоило бы труда какъ теперь, сдѣлать ихъ всѣхъ свободными. Арсеній, Ростовскій митрополитъ, мужъ добродѣтельный, отвергалъ одинъ предложеніе Екатерины. Его осудили послѣ на изгнаніе, и онъ, укоряя архіереевъ, потворствовавшихъ въ семъ случаѣ Екатеринѣ, сказалъ Димитрію Сѣченову: ты умрешь лютою смертію. Дѣйствительно, съ Сѣченовымъ сдѣлалось за восемь дней до смерти что-то ужаснѣйшее: онъ не кричалъ, а ревѣлъ, такъ что со всей Москвы сбѣгались слушать его ревъ, и ревъ его былъ слышенъ очень далеко. Онъ жилъ въ Заборовскомъ подворьѣ, у Харитонія въ Огородникахъ. Амвросію, убитому во время бунта Московскаго сказалъ также: твоя смерть будетъ горшая. Еще какому то архіерею: ты не шьешь, не порешь, съ тобою ничего и небудетъ. Про себя сказалъ: я куда поѣду, не доѣду, и назадъ не пріѣду. Онъ умеръ въ дорогѣ“ [226]). По поводу одного разговора съ Кубаревымъ о состояніи Россіи послѣ Петра, Погодинъ замѣчаетъ: „Самое несчастное время... Замѣчательно, что великіе люди не имѣютъ никогда потомства себя достойнаго. Августы, Людовики XIV, Петры умерли и взяли все съ собою. Это даже видно и на частныхъ людяхъ. Русскіе знаменитые мужи были большею частію бездѣтны, или потомство ихъ пресѣкалось скоро“ [227]). Но героемъ для нашихъ молодыхъ мыслителей былъ Суворовъ. „Вотъ полководецъ“, восклицаетъ Погодинъ, „не имѣвшій себѣ подобныхъ. Ни на одномъ сраженіи не былъ побѣжденъ; притомъ какая самонадѣянность, признакъ генія. Я иду разбить Макдональда, пишетъ онъ, и разбиваетъ. Не дѣлалъ никогда плановъ: ихъ развѣваетъ вѣтеръ. Еслибы, кажется, объ Россіи не было извѣстно ничего, кромѣ того, что она произвела Петра, Суворова и Ломоносова, и тогда она имѣла бы право на безсмертіе. Ни древняя, ни новая Исторія не представляетъ имъ равныхъ“ [228]).

Отъ временъ имъ современныхъ, мыслители наши, какъ мы уже видѣли, мыслію любили переноситься къ временамъ

болѣе отдаленнымъ и, наконецъ, къ древнѣйшимъ. Однажды, книгопродавецъ Пономаревъ принесъ Погодину Плутарха. Жизнь Катона произвела на него впечатлѣніе, и этими впечатлѣніями онъ, по обычаю, дѣлился съ Кубаревымъ. Разговоръ зашелъ о Римлянахъ. „Нѣтъ“, писалъ по этому поводу Погодинъ, „никогда, кажется, не будетъ такого народа. Какой духъ, какая сила, прямота. Какое величіе въ самихъ порокахъ, злодѣяніяхъ. Напримѣръ, осмѣлится ли кто нынѣ сказать прямо что нибудь противное человѣку, даже нѣсколько только значительному. Сколько изворотовъ, хитростей употребятъ, чтобъ дать знать объ этомъ какъ нибудь стороною. Личина до смерти и по смерть. Какая низость. Какая прямота тамъ: Цезарь велитъ идти въ темницу Катону, уважаемому всѣмъ народомъ. Тотъ повинуется и идетъ. Особенно занимательно послѣднее время республики. Сколько великихъ людей! Катонъ, Цезарь, Цицеронъ, Брутъ, Крассъ, Помпей, Лукуллъ! Какое бореніе! Удивительно, однако, какъ несчастливо кончили всѣ они жизнь свою. Ни одинъ не умеръ своею сме́ртію“ [229]).

Въ это время, Погодинъ увлекался Шатобріаномъ, и уговаривалъ своего, какъ онъ выражается, „непостояннаго“ пріятеля переводить съ нимъ вмѣстѣ этого писателя; но Кубаревъ, по увѣренію Погодина, „разъ пять рѣшался, разъ пять отказывался, рвалъ начатый переводъ, наконецъ рѣшился переводить“ [230]).

Послѣ Кубарева, изъ своихъ товарищей, Погодинъ, какъ кажется, былъ ближе всѣхъ къ Тютчеву и нерѣдко посѣщалъ гостепріимный домъ его родителей. Необыкновенное благодушіе, мягкость, рѣдкая чистота нравовъ отца Тютчева, Ивана Николаевича, привлекали въ его домъ и многочисленную родню его, и большой Московскій свѣтъ, а со вступленіемъ сына ихъ Ѳедора въ Университетъ, въ домѣ семъ, какъ мы уже видѣли, радушно принимались и угощались и ученые, и писатели. Посѣтивъ, въ Николинъ день, Тютчева, Погодинъ не засталъ его дома. Ему сказали, что онъ пошелъ къ обѣднѣ.

Тогда Погодинъ отправился въ церковь и тамъ нашелъ своего товарища. Священникъ произносилъ проповѣдь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, „что Вольтеръ, Даламберъ и Дидро равны дьявольскому числу, упоминаемому въ Апокалипсисѣ". „Смѣялись надъ этимъ съ Тютчевымъ", замѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ* [231]). На другой день, Тютчевъ посѣтилъ его и предложилъ ему мѣсто въ родственномъ домѣ Булыгиныхъ [232]). Повидимому, Погодинъ не съ разу принялъ это предложеніе, и счелъ за благо предварительно посовѣтоваться объ этомъ съ дядькою Тютчева и порасспросить у него о Булыгиныхъ [233]). Этотъ дядька, Николай Аѳанасьевъ Хлоповъ, играетъ важную роль въ біографіи Тютчева. Ему посвятилъ И. С. Аксаковъ нѣсколько теплыхъ страницъ въ своей *Біографіи Тютчева.* „Благодаря имъ", пишетъ Аксаковъ, „этимъ высокимъ нравственнымъ личностямъ, *возникавшимъ среди и вопреки безнравственности историческаго соціальнаго строя,—даже въ чудовищную область крѣпостныхъ отношеній* проступали, порою, кроткіе лучи все облагораживающей, все возвышающей любви. Условія зависимости и неравенства согрѣвались человѣчностью, даже окрашивались какимъ-то мягкимъ, поэтическимъ колоритомъ.—Николай Аѳанасьевъ вполнѣ напоминаетъ знаменитую няню Пушкина, воспѣтую и самимъ Поэтомъ, и Дельвичемъ, и Языковымъ. Этимъ нянямъ и дядькамъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи Русской словесности. Въ ихъ нравственномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, искать объясненія, какимъ образомъ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, *въ наше оторванное отъ народа общество,—въ эту среду, хвастливо отрекавшуюся отъ Русскихъ историческихъ и духовныхъ преданій,* пробивались иногда, неслышно и незамѣтно, струи чистѣйшаго народнаго духа. Откуда и чѣмъ питалось и поддерживалось въ нашихъ, повидимому, вполнѣ офранцуженныхъ поэтахъ и дѣятеляхъ, проявлявшееся въ нихъ порою истинно Русское чувство и Русская мысль? Да и вообще, кажется

намъ, исторія умственнаго общественнаго развитія въ Россіи едва-ли можетъ быть вподнѣ понята безъ частной исторіи семей, безъ оцѣнки той степени участія, повидимому неразумнаго, самовольнаго, непрошеннаго, но, тѣмъ не менѣе, часто спасительнаго, которое въ нашей личной и общественной судьбѣ приходится на долю семьѣ и быту, непосредственному дѣйствію преданія и обычая“ [234]). Выслушавъ сей краснорѣчивый диѳирамбъ Русскимъ дядькамъ и нянямъ, мы считаемъ благопотребнымъ поставить на видъ слова, слышанныя нами изъ устъ самого знаменитаго академика, Измаила Ивановича Срезневскаго, и тогда же нами записанныя. Срезневскій сказалъ, что *съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, погибло въ Россіи цѣлое благородное сословіе Русскихъ дядекъ и Русскихъ нянекъ.* А самое существованіе этого *благороднаго сословія*, не хуже всякихъ диѳирамбовъ, краснорѣчиво свидѣтествовало не *объ оторванности*, а о крѣпкой нравственной, духовной связи, искони существовавшей въ Россіи между крестьянствомъ и дворянствомъ. Сдѣлавъ это невольное отступленіе, мы спѣшимъ вернуться къ нашему герою. Намъ неизвѣстенъ результатъ переговоровъ Погодина съ дядькою Тютчева. Знаемъ только, что его смущало предложеніе *жить* у Булыгиныхъ, что̀ лишило бы его возможности проводить лѣто въ Знаменскомъ; а мы знаемъ, что тамъ росъ, и даже не одинъ, по выраженію одной Русской пѣсни, „цвѣточекъ, куда стремилось“ сердце его [235]). Знаемъ также и то, что Погодинъ „молился Богу съ усердіемъ и просилъ Его, чтобы, если у Булыгиныхъ хорошо будетъ ему жить, привлекъ къ нимъ, если нѣтъ—отвлекъ“ [236]). Знаемъ и то, что онъ былъ у Булыгиныхъ и, кажется, условился учить въ ихъ домѣ „по билетамъ“ [237]).

Въ это время Погодинъ переживалъ самый мучительный періодъ въ жизни человѣческой. Его можно назвать періодомъ броженія или, по счастливому выраженію Т. И. Филиппова, періодомъ „скитанія мысли“. Это отлично сознавалъ и самъ Погодинъ. „До сихъ поръ“, писалъ онъ,

„во мнѣ не было еще сильныхъ порывовъ. Большею частію, все шло ровно и безтолково, безъ постоянной цѣли, безъ постоянныхъ занятій. Мысли мои бродятъ. Дай Богъ, чтобы установились поскорѣе“ [238]). А между тѣмъ, онъ былъ въ такомъ возрастѣ, что С. А. Масловъ сказалъ ему: „вы переступили границу, за которой болѣе начинаетъ дѣйствовать разсудокъ. До сихъ поръ дѣйствовали чувства, сердце; все смотрѣли впередъ, теперь многое оставляете уже назади; теперь будете смотрѣть другими глазами на любовь, дружбу и другія чувствованія сердечныя“ [239]). „Что знаю я“? спрашиваетъ себя Погодинъ, „всѣ мои познанія, не собраны, раздѣлены, безъ всякой системы, бродятъ. Надобно установить ихъ, послѣ уже, если случится, приняться за дѣло“ [240]). „Я не знаю“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „на что мнѣ рѣшиться: остаться ли въ Университетѣ, идти въ гражданскую службу, или пахать землю. Гдѣ больше пользы“? Бесѣдуя, однажды, съ Кубаревымъ „о родѣ жизни и о томъ, въ какой службѣ можно принести бо́льшую, настоящую пользу отечеству“, и когда тотъ указалъ на гражданскую, Погодинъ замѣтилъ: „но какъ трудно будетъ привыкать къ ней. Занимаясь до 25 лѣтъ книгами, имѣя всегда предъ глазами высокое, прекрасное, живя болѣе воображеніемъ, вдругъ приняться за просьбы, доносы, справки, вдругъ увидѣть предъ собою несправедливости, клеветы, вѣроломства, и пр. Какой переходъ! Притомъ, сколько времени надобно будетъ прослужить ничѣмъ, чтобъ занять, наконецъ, мѣсто, на которомъ можно дѣйствовать отдѣльно. Ученостью также мы не можемъ заняться, какъ должно. Какія пособія въ Россіи? Какіе руководители? Притомъ, Богъ знаетъ, пользу ли она приноситъ людямъ, и какую? Вознаграждаетъ ли эта польза труды, на снисканіе ея употребляемые? О, Боже мой! Съ какою небесною радостью принялся бы я за плугъ и сталъ обрабатывать землю, если бы имѣлъ свою собственность. Чего стоитъ одна мысль, что я приношу дѣйствительную пользу людямъ. Съ какимъ небеснымъ удовольствіемъ, послѣ утреннихъ трудовъ, принялся

бы за русскія щи, за русскую кашу. Кусокъ хлѣба, самимъ мною выработаннаго, былъ бы для меня амврозіею. Потомъ взялъ бы въ руки Виргилія, Державина, Руссо или Тасса, пошелъ бы отдыхать подъ тѣнь развѣсистой липы, на берегъ источника. Съ какимъ рвеніемъ занялся бы я устроеніемъ счастья моихъ крестьянъ, училъ бы ихъ Закону Божію, мирилъ ссоры, училъ добру, помогалъ въ нуждѣ", и пр. [241]).

Взглянемъ теперь на предметъ занятій и чтеній Погодина въ это время. Онъ учитъ въ Университетскомъ Пансіонѣ Географіи и занимается переводомъ Ничевой древней Географіи. Посѣщаетъ университетскія лекціи Каченовскаго, Давыдова, Лодера, Павлова. На лекціи у Лодера, Погодинъ думалъ о себѣ съ тоскою. „Чтó знаю я", спрашивалъ онъ, „основательно? Ничего, Боже мой, Боже мой! Какую пользу приношу моему Отечеству. Не тунеядецъ ли я; не даромъ ли ѣмъ хлѣбъ? Эти мысли еще болѣе тревожили меня, когда я давалъ уроки у Трубецкихъ. Такъ ли должно учить, какъ учу я. Слѣпецъ слѣпца водитъ. Между тѣмъ, я думаю, что едва-ли кто лучше меня учитъ. Боже мой, Боже мой!" О другой лекціи Лодера онъ замѣчаетъ: „читалъ о сердцѣ. Боже мой, съ какою мудростью устроено сердце человѣческое... О, атеисты!" Въ то же время, онъ занимается изученіемъ Италіанскаго языка, приготовляется къ изданію Горація и переводитъ Шатобріана; думаетъ о сочиненіи Краткой Риторики для дѣтей и Краткой Россійской Исторіи, относясь при этомъ презрительно къ предшественникамъ: „что за люди были", пишетъ онъ, „ссылались на книги, коихъ никто не читалъ, толковали о народахъ, кои никогда не существовали, объясняли словами языковъ, о коихъ не имѣли понятія" [242]). Предметъ чтенія его также поражаетъ разнообразіемъ. Читаетъ онъ Кайданова, и по этому поводу пишетъ: „можно дѣлать замѣчанія на него, но некогда: надобно хорошенько мнѣ установиться". Читаетъ также кое-что изъ Пифагорова путешествія, Гетева Вертера, Монтескье *О паденіи Римской Имперіи*, стихи Пушкина, филиппики Демосѳена, Ѳому

Кемпейскаго. Читаетъ Тацита и восхищается имъ. „Что за исторія“, замѣчаетъ онъ, „что слово, то мысль, то предметъ для размышленія“ [243]). Довольно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, какъ разнообразны и неопредѣленны были предметы занятій и чтеній Погодина. Наконецъ, ему приходитъ въ голову читать Славянскія лѣтописи и Библію и выписывать изъ нихъ разные обороты, слова и выраженія, которые можно ввести въ Русскій языкъ [244]). Въ то же время, онъ пристально слѣдилъ за ходомъ нашей литературы и науки. Вотъ что̀ писалъ онъ къ своему товарищу, В. Д. Троицкому (въ декабрѣ 1821): „У насъ зима совершенно лѣтняя. Теплота, вѣроятно, разрѣдила геній нашихъ стихотворцевъ до того, что онъ весь улетѣлъ вверхъ; но это только касательно поэзіи. По другимъ частямъ у насъ вышло много хорошаго и даже едва-ли не больше вашего. Бекетовъ издаетъ Собраніе портретовъ знаменитыхъ Россіянъ. Предпріятіе—всякой похвалы достойное и у насъ покамѣстъ единственное. Не скоро пожертвуетъ другой такимъ иждивеніемъ. Жаль только, что онъ обезобразилъ свое собраніе портретовъ вымышленными. Калайдовичъ напечаталъ проповѣди Кирилла, епископа Туровскаго, памятникъ нашей Словесности отъ XII вѣка, Біографическія свѣдѣнія о Новгородскихъ посадникахъ, и печатаетъ 3-ю часть Грамотъ и Договоровъ. Строевъ напечаталъ Нестора по Софійскому списку. Слава Богу, хоть на первый разъ это! Какой срамъ для Россіи, что Лѣтопись Нестора, первый драгоцѣнный памятникъ нашей Словесности, извѣстенъ намъ только по изданіямъ, подобнымъ Барковскаго“. Но душа его алкала спеціальныхъ занятій Исторіею. „Чѣмъ болѣе занимаешься“, писалъ онъ, „какою нибудь частью, тѣмъ болѣе не только получаешь въ ней свѣдѣній, но еще пріобрѣтаешь чуткость. Всего занимательнѣе въ Исторіи, смотрѣть на связь и ходъ происшествій. На эту важнѣйшую часть Исторіи не обращали, кажется, еще вниманія. Дойдетъ ли когда нибудь человѣкъ до сего познанія, т. е. до понятія объ управленіи Божіемъ“ [245]). Между тѣмъ, Шлецеръ оставался для Погодина путеводною

звѣздою, и онъ только ждалъ, гдѣ и когда эта звѣзда остановится. Его онъ признавалъ единственнымъ судьею Россійской Исторіи. „Если сравнить съ Шлецеромъ", писалъ онъ, „тѣхъ, которыхъ у насъ называютъ знатоками, напримѣръ, Каченовскаго! Какіе пигмеи" [246]).

Погодинъ, какъ уже замѣчено, былъ очень склоненъ къ мечтательности и эта склонность объясняется тѣмъ, что въ дѣтствѣ онъ читалъ одни только романы. Но въ это время мечтательность его получила нѣсколько практическій характеръ. Онъ мечталъ о выигрышѣ „въ лоттереи маленькой деревеньки" и, гуляя, однажды, по Мѣщанскимъ съ Кубаревымъ, онъ уже думалъ о своихъ предпріятіяхъ по выигрышѣ имѣнія. Тогда человѣкъ десять отличныхъ студентовъ онъ послалъ бы путешествовать, для усовершенствованія по всѣмъ частямъ учености; собралъ бы отличнѣйшую библіотеку, открытую для всѣхъ любителей учености; завелъ бы училище для образованія учителей на всю Россію; открылъ бы публичныя лекціи. Мерзляковъ читалъ бы Русскую Словесность; Калайдовичъ— Русскую Исторію. Кубаревъ, возвратившись изъ путешествія, читалъ бы Греческую и Римскую Словесность, Оболенскій— Эстетику, Веселовскій—Физіологію, Гульковскій—Химію, Павловъ—Физику. Мерзлякову онъ назначилъ бы 10 тысячъ жалованья и поручилъ бы ему изданіе, съ примѣчаніями, Ломоносова, Державина [247]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ думалъ „о составленіи капитальца", и въ тоже время, „читалъ сочиненіе Руссо о неравенствѣ, и съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на мѣсяцъ, въ полномъ сіяніи катившійся по голубому небу, и думалъ о Богѣ" [248]).

Предъ Рождествомъ, въ Университетскомъ Пансіонѣ начались экзамены. Погодину пришлось экзаменовать свой классъ въ присутствіи И. И. Давыдова. Отвѣчали довольно хорошо, и Давыдовъ благодарилъ Погодина [249]). 20-го декабря 1821 года происходилъ въ Пансіонѣ публичный экзаменъ. Предъ экзаменомъ, Погодинъ „помолился, чтобы хорошо онъ кончился". Посѣтителей было много, и Погодинъ, по его собственному

сознанію, началъ „спрашивать безъ малѣйшей робости“. Онъ ушелъ изъ залы тотчасъ по окончаніи его экзамена, не дождавшись ни слова отъ Антонскаго, Давыдова, и былъ увѣренъ, что они остались имъ довольны, ибо ученики его отвѣчали хорошо; но когда возвратился домой, ему вдругъ пришло въ голову, что Антонскій имъ недоволенъ, что онъ замѣтилъ подсказываніе, и ему „сдѣлалось очень скучно“ [250]).

Въ самый праздникъ Рождества Христова, онъ отстоялъ заутреню и раннюю обѣдню и потомъ отправился поздравлять Антонскаго съ праздникомъ, и Антонскій „ласкалъ его до крайности“. Обѣдалъ и провелъ цѣлый день дома, т. е. въ семьѣ Кубарева, и вмѣстѣ читали *Тоску по отчизнѣ*, Штеллинга. Зайдя какъ-то на праздникахъ въ Университетъ, Погодину „пришло въ голову ѣхать къ своимъ“ и онъ, „безъ всякаго размышленія тотчасъ пошелъ въ Правленіе и взялъ билетъ на отпускъ, который гласилъ, что кандидатъ Михаилъ Погодинъ, по прошенію, отпущенъ въ Ливенскій уѣздъ, Орловской губерніи, до 8-го января 1822 года“. Сохранившійся въ бумагахъ Погодина автографическій листокъ даетъ весьма скудныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ. Знаемъ только, что новый 1822-й годъ засталъ его въ Ефремовѣ, и что только на второй день новаго года онъ пріѣхалъ къ своимъ. Дорога навѣяла на него спокойствіе. „Вокругъ все было тихо“, писалъ онъ, „я подумалъ, что́ дѣлается въ остальномъ мірѣ“.

XX.

18 января 1822 года, Погодинъ вернулся въ Москву. Почему-то „съ непріятнымъ чувствомъ увидѣлъ онъ городъ и услышалъ звукъ колоколовъ“ [251]). Умывшись, отправился въ Пансіонъ давать урокъ и выгналъ за шалость сына Каченовскаго [252]). Въ тотъ же день, онъ посѣтилъ Трубецкихъ и былъ очень утѣшенъ тѣмъ, что „дѣти ему обрадовались“. У нихъ

въ это время проявился какой-то новый учитель французъ. Къ Французскимъ учителямъ Погодинъ вообще питалъ отвращеніе. „Наши Французскіе учителя", писалъ онъ, „заставляютъ боготворить все Французское: отъ этого въ ихъ воспитанникахъ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ понятій ни о чемъ. Самые умные Французы пристрастны къ себѣ. Что̀ же сказать о нашихъ дуракахъ учителяхъ, которые не имѣютъ порядочнаго познанія ни о чемъ. Невѣжды въ полномъ смыслѣ этого слова, умѣющіе только хорошо одѣваться и кланяться. А имъ предоставляется руководство лучшими людьми Отечества. Скоты, скоты!" [253]).

Изъ *Дневника* Погодина мы узнаемъ, что онъ не всегда выносилъ пріятное впечатлѣніе изъ Университетскаго Пансіона. „Сдѣлалъ пересадку", пишетъ онъ, „въ Пансіонѣ и взбѣсился: одинъ кричитъ: меня посадили низко, другой жалуется, что худшаго посадили выше, и пр. Особенно разсердилъ меня Философовъ. Я тотчасъ изъ класса пошелъ къ Давыдову и сказалъ о немъ. Не глупо ли я это сдѣлалъ. Тамъ были Павловъ и Бекетовъ" [254]). Когда Погодинъ разъ давалъ урокъ въ Пансіонѣ, въ присутствіи И. И. Давыдова, ему было досадно, что „пришлось говорить пустяки изъ Географіи; да къ тому же онъ былъ „разсерженъ на учениковъ". Но еще болѣе было ему досадно на то, что, читая въ Пансіонѣ, кромѣ Географіи, Политическую Экономію, ему приходилось толковать о ней, ее не понимая [255]). На публичномъ актѣ Погодину довелось услышать, „какъ нѣкоторые недовольные открыто ругали своихъ начальниковъ за несправедливость, за взятки, и такъ далѣе" [256]). „Ахъ", по этому поводу восклицаетъ онъ, „если бы воспитаніе у нихъ было настоящее, какъ великъ былъ бы этотъ день и для воспитателей, и для воспитанниковъ" [257]). Начальствующія же лица въ Пансіонѣ весьма благоволили къ Погодину. Директоръ Антонскій уговаривалъ его, чтобы онъ пошелъ въ надзиратели, „что мнѣ", пишетъ Погодинъ, „будетъ гораздо выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Я молчалъ, не могши никакъ возражать ему. Мнѣ должно

бы было сказать просто, что я не въ силахъ, не могу быть довольно строгимъ, и кончено дѣло" [258]). Кромѣ того, Антонскій оказывалъ ему и другіе знаки вниманія. Такъ, онъ предложилъ ему мѣсто у сенатора Рахманова. Когда Погодинъ спросилъ Антонскаго: „добрый ли человѣкъ Рахмановъ? „Какъ же *сенаторъ* можетъ быть недобрымъ человѣкомъ", отвѣтилъ Антонскій [259]). По поводу Рахмановскаго мѣста, Антонскій повезъ Погодина къ Попечителю, предварительно спросивъ: „довезетъ ли лошадь двоихъ"? Попечитель, князь Андрей Петровичъ Оболенскій, принялъ Погодина „отмѣнно ласково. Говорилъ съ нимъ о Рахмановѣ, совѣтовалъ брать съ него на первый годъ не болѣе двухъ тысячъ рублей и далъ рекомендательное къ нему письмо". „Мнѣ", пишетъ Погодинъ, „обласканному до крайности Княземъ и Антонскимъ, совѣстно было подумать о прежнихъ насмѣшкахъ моихъ между товарищами на ихъ счетъ. Но удержусь отъ этого порока. Богъ знаетъ, какое отношеніе впослѣдствіи будутъ имѣть къ намъ люди, надъ коими мы смѣялись. Притомъ, не стыдно ли будетъ намъ взглянуть на нихъ на страшномъ судѣ, — особенно на тѣхъ, кои не сдѣлали намъ никакого зла и коимъ мы въ глаза, если не льстимъ, по крайней мѣрѣ, по какимъ-бы то ни было отношеніямъ, оказываемъ почтеніе" [260]). Съ рекомендательнымъ письмомъ отъ князя Оболенскаго, Погодинъ явился къ Рахманову и говорилъ съ нимъ объ Университетѣ, о занятіяхъ, о воспитаніи, о Карамзинѣ, о междуцарствіи, о казакахъ, о духовенствѣ, раскольникахъ, о просвѣщеніи въ Россіи, о пособіяхъ къ нему, о невѣжествѣ Французскихъ учителей, и о пр. Погодинъ видѣлъ также жену его. „Это та самая дама", писалъ онъ, „которую я видѣлъ года два тому назадъ на Кузнецкомъ мосту и которая мнѣ очень тогда понравилась" [261]). Черезъ нѣсколько дней, Погодинъ опять посѣтилъ Рахманова, съ полною увѣренностію, что онъ согласится на всѣ его условія; но, къ величайшему его удивленію Рахмановъ, при встрѣчѣ, сказалъ ему: „я уже сошелся съ Раичемъ". Погодинъ просидѣлъ у него минутъ десять, и

говорили о Павловѣ, о системѣ полярности, и затѣмъ раскланялся „очень равнодушно“, замѣчаетъ онъ, „какъ будто бы приходилъ не за этимъ. Не чувствовалъ ни досады, ни удовольствія. Послѣ, уже ввечеру, сдѣлалось и жаль, и досадно. Таскавшись по урокамъ, сколько пропадаетъ времени, а денегъ немного“ [262]). Инспекторъ Университетскаго Пансіона, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ также оказывалъ Погодину знаки своего расположенія. Онъ предлагалъ ему напечатать на казенный счетъ его переводъ Древней Географіи Нича [263]). Нерѣдко онъ приглашалъ его къ себѣ, угощалъ завтраками и удостаивалъ своего бывшаго студента дружескими бесѣдами „о невѣжествѣ нашего дворянства, о рабствѣ, объ иностранцахъ въ Россіи“. „Давыдовъ“, замѣчаетъ Погодинъ, „разсуждаетъ либерально“ [264]). Хотя Давыдовъ и говорилъ о „невѣжествѣ дворянства“, но самъ весьма дорожилъ принадлежностью къ этому „невѣжественному“ сословію, и въ своей Автобіографіи весьма тщательно подчеркиваетъ, что онъ „изъ Тверскихъ *дворянъ,* что отецъ его небогатый *дворянинъ древняго рода*, что его мать изъ *благородной* Малороссійской фамиліи Лукьяновыхъ, разумному и нѣжному попеченію которой знаменитый профессоръ былъ обязанъ своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ“ [265]). Калайдовичъ разсказывалъ Погодину „о начальной бѣдности Давыдова“, такъ что онъ принужденъ былъ продать свою золотую медаль [266]). По отзыву графа А. Н. Панина, у Давыдова „ума палата, но смотритъ въ лѣсъ“ [267]).

Въ залахъ Университетскаго Пансіона происходили, между прочимъ, и собранія Библейскаго Общества; на таковомъ собраніи, 26 февраля 1822 года, присутствовалъ и Погодинъ. „Входитъ Филаретъ“, писалъ онъ, „всѣ встаютъ. Пѣвчіе гремятъ *Царю Небесный*. Такъ издревле встрѣчали Русскіе своихъ митрополитовъ. Для меня пріятно было смотрѣть на собраніе лучшихъ людей въ Государствѣ, занимающихся распространеніемъ Слова Божія. Восхищенъ былъ рѣчью Филарета. Какъ просто, какъ величественно говоритъ онъ!“ [268]).

Къ сожалѣнію, между Кубаревымъ и Погодинымъ возни-

кали иногда неудовольствія, и поводомъ ихъ всегда бывалъ Ширай. Въ это время Кубаревъ готовился къ магистерскому экзамену. Погодинъ, принимая живѣйшее участіе въ своемъ пріятелѣ, очень досадовалъ на него, что онъ „мало приготовлялся къ экзамену“. Между тѣмъ, И. И. Давыдовъ оказалъ какую-то услугу Кубареву, и Погодину „понравился“ поступокъ Давыдова, такъ что онъ совѣтовалъ Кубареву „поблагодарить“ своего профессора. Это происходило 4 марта 1822 г. На другой день, Кубаревъ спрашиваетъ Погодина: „не поздно ли идти къ Давыдову?“ Погодинъ отвѣтилъ, что не поздно. Между тѣмъ, А. В. Кубарева шепчетъ ему, чтобы онъ присовѣтовалъ ея сыну идти. Въ это время входитъ въ комнату Ширай, ночевавшій у Кубаревыхъ. Погодинъ начинаетъ говорить съ нимъ и доказывать, что Кубареву должно идти. Вдругъ, Кубаревъ, обращаясь къ Погодину, говоритъ съ сердцемъ: „ты, братецъ, здѣсь все мутишь, шепчешь матери; по твоему бы десять разъ должно ходить на поклонъ. Совѣтовъ твоихъ никто не проситъ, и пр“. Это разсердило и огорчила Погодина, и онъ, желая себя успокоить, пошелъ къ обѣдни въ Странопріимный Домъ графа Шереметева. „Восхищался“, писалъ онъ, „пѣвчіе поютъ просто, тихо; я стоялъ вдали. Алтарь предо мною. Чрезъ отверстіе видѣнъ мракъ и крестъ. Прекрасно! Прекрасно! Въ такомъ храмѣ усерднѣе молишься Богу. Высокое чувство возбуждается, когда чрезъ отворенныя царскія двери видишь горящія свѣчи въ темномъ алтарѣ, и священника предъ престоломъ, молящагося о людяхъ. Славная архитектура этой церкви“ [269]). Отъ обѣдни онъ отправился къ княгинѣ Голицыной и провелъ у нея цѣлый день. Говорилъ о Рахмановскомъ мѣстѣ, читалъ Рене и пошелъ отъ нея „въ преспокойномъ“ расположеніи духа. „Съ отмѣннымъ удовольствіемъ“, писалъ онъ, „смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами. Есть Богъ, есть Богъ“ [270]). Примиренный, онъ вернулся домой; но на другой день чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи и никакъ не могъ рѣшиться говорить съ Кубаревымъ, хотя, по собственному сознанію, совсѣмъ не сердился на него. Но

вскорѣ они помирились, и Погодинъ подарилъ своему пріятелю портретъ знаменитаго ученаго Гейне, съ слѣдующею надписью: „Алексѣю Михайловичу Кубареву, съ непремѣннымъ желаніемъ видѣть его портретъ pendant-омъ къ этому“ [271]). Черезъ нѣсколько дней, Погодинъ, по порученію матери Кубарева, долженъ былъ идти на Пречистенку, къ Шираю, „провѣдать“ о своемъ пріятелѣ, который что-то долго не являлся домой. Въ этой экспедиціи у него „развалились галоши“, онъ промочилъ себѣ ноги, и ему было „ужасно досадно“ [272]). Такимъ образомъ, пріятельскія отношенія между Кубаревымъ и Погодиномъ возстановились, и они, по прежнему, дружески бесѣдовали о разныхъ предмѣтахъ, и между прочимъ, о тайныхъ обществахъ. „Въ Москвѣ не одно“, замѣчалъ Погодинъ, „напримѣръ, Кутузовъ и Лодеръ принадлежатъ къ разнымъ. Я сказалъ, что Новиковъ, Лабзинъ и Невзоровъ принадлежатъ къ Кутузовскому“. Эта бесѣда привела къ слѣдующему справедливому заключенію: „подозрительно, впрочемъ: одна истина, а многія общества. Самъ Христосъ сказалъ: *Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ: и многи прельстятъ* [273]). Однажды, у Погодина съ Загряжскимъ и Кубаревымъ зашелъ споръ о любви къ отечеству. Ему говорили, что это политическая добродѣтель, что истинный христіанинъ долженъ любить не отечество, а человѣчество, что для христіанина все равно, владѣетъ ли имъ на землѣ Александръ или Махмудъ. Онъ терпитъ все. Наполеонъ напалъ на Россію. Богъ послалъ его. Должно ли ему противиться и, противясь ему, не противимся ли мы Божію Промыслу? Слушая это, Погодинъ сказалъ: „и такъ, любовь къ отечеству Аристидовъ, Катоновъ, Петровъ — ничто!“ И по этому поводу, замѣчаетъ: „вотъ на какой вздоръ нападешь, если пустишься въ такія разсужденія. Лучше, лучше жить по-просту, и быть христіаниномъ на дѣлѣ“ [274]). Въ это время, извѣстный Гречъ издалъ IV-й и послѣдній томъ своей *Учебной книги Россійской Словесности*. Книгу эту Погодинъ читалъ вмѣстѣ съ Кубаревымъ и „хохотали надъ нею. Такая неосновательность“,

замѣчаетъ онъ, „безтолочь, сумасбродство“ [275]). Какъ-то зашла у нихъ рѣчь о характерахъ въ Исторіи: объ Александрѣ Македонскомъ и Юліи Цезарѣ, и Погодинъ сказалъ: „С. Н. Глинка виноватъ, что я до сихъ поръ не могу имѣть о Цезарѣ надлежащаго идеала. Впечатлѣніе о *Кесарѣ* его на каждой страничкѣ *Русскаго Вѣстника*, мною нѣкогда пожираемаго, до сихъ поръ еще не изгладилось“. Въ Фридрихѣ Великомъ Погодину „ужасно не нравилось“ его неуваженіе къ Христіанству. „Какъ могъ государь“, справедливо замѣчаетъ онъ, „такъ отзываться объ этой религіи“ [276]). Повидимому, Погодинъ примирился и съ Шираемъ. По крайней мѣрѣ, они не враждебно сходились у Кубарева и вмѣстѣ разбирали *Опыты въ стихахъ и прозѣ* Батюшкова,и о произведеніяхъ этого классическаго нашего писателя Погодинъ, еще въ 1821 году, произнесъ строгій, но несправедливый приговоръ: „писано складно, — и только. Ни одной новой хорошей мысли. Все обыкновенное, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже глупое, напримѣръ, въ сужденіи о Руссо, въ пустой рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ, и пр. Вообще работа хорошаго ученика“ [277]). Вмѣстѣ съ Шираемъ, устроили подписку на гравированіе портрета Мерзлякова. Бесѣдовали о родинѣ Ширая, Малороссіи. „Теперь у нихъ“, замѣчаетъ по поводу этой бесѣды Погодинъ, „не осталось и тѣни прежнихъ правъ. Малороссы себя называютъ истинными Россіянами,—прочихъ Москалями. Москва была, слѣдовательно, что-то особенное. Раскольниковъ называютъ тоже Москалями. Мазепу любятъ. Они прежде не поставляли рекрутъ, но имѣли полки. Такимъ образомъ, были полки Черниговскіе, Сѣверскіе и т. д. Это гораздо лучше. А теперь иркутецъ стоитъ возлѣ кіевлянина, что за толкъ“. О нѣкоемъ Судіенкѣ, который, не занимая никакой должности гражданской, управлялъ, по одному внушенному почтенію, цѣлымъ городомъ; о Михаилѣ, Петербургскомъ митрополитѣ. Его боготворили въ Черниговѣ, и пр. [278]). Бесѣда, въ которой участвовалъ и Ширай, о свойствахъ царя Іоанна чуть опять не поссорила Погодина съ Кубаревымъ. Ширай съ Ку-

баревымъ „излишне порочили Карамзина и восхваляли Арцыбашева“. Погодинъ же, доказывая неосновательность Арцыбашева, сказалъ Кубареву: „да что ты, братецъ, говоришь“. Кубаревъ обидѣлся. Еще онъ сталъ сравнивать: убійство Іоанномъ сына съ казнію Алексѣя Петровича. Погодинъ, по поводу этого сравненія, засмѣялся и что-то сказалъ товарищамъ, по его собственному сознанію, неприличное“ [279]). Въ то же время онъ бесѣдовалъ съ Кубаревымъ о богатствѣ нашей Древней Словесности. „Еслибы“, писалъ онъ, „издать всѣ наши памятники въ продолженіе тысячи лѣтъ, подъ заглавіемъ *Славянская Библіотека*. Какой народъ представитъ что-либо подобное“ [280]).

Погодинъ въ это время окончилъ свой переводъ *Рене*, Шатобріана, и послѣ долгихъ колебаній рѣшился отнести его къ Каченовскому, для напечатанія въ *Вѣстникѣ Европы*. Каченовскій принялъ его очень ласково и насмѣшилъ вопросомъ о сынѣ своемъ, который учился въ Университетскомъ Пансіонѣ: „что дѣлаетъ мой Егорка?“ Обстановка Каченовскаго очень понравилась Погодину. „Нравится мнѣ“, писалъ онъ, „жизнь Каченовскаго. Живетъ на краю города. Сидитъ въ своемъ кабинетѣ. Смиренно, покойно работаетъ. Ни до кого нѣтъ ему дѣла. Бранится только на бумагѣ, и то за пустячки. Хорошо“ [281]). Оказалось, что *Рене* напечатанъ уже два раза. „Вотъ тебѣ разъ“, съ грустью замѣчаетъ Погодинъ, “потрудился понапрасну. Какъ жаль, что у насъ нѣтъ порядочной Библіографіи. Думалъ съ горестію о своемъ невѣжествѣ“. Эта неудача не помѣшала однако ему думать о переводѣ *Духа Христіанства*, того же автора; но предварительно онъ намѣревался обратиться къ Филарету, за совѣтомъ. „Онъ скажетъ вѣрно, должна ли эта книга быть переведена на Русскій языкъ“ [282]). Предъ отъѣздомъ Кубарева изъ Москвы къ Кологривовымъ, Погодинъ вмѣстѣ съ нимъ пѣшкомъ отправился въ Останкино. „Разсматривали“, писалъ онъ, „статуи, картины въ домѣ, прекрасныя Венеры. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ на картину Полтавской битвы, на Петра. Понра-

вились также портреты Костюшки, Еразма Роттердамскаго, двухъ мужичковъ графскихъ; картина Дейдаміи; театръ. Гуляли по саду. Ахъ, какъ хорошо! Небо, зелень, вода. Прекрасные кедры. *При спокойствіи души, при умѣ, при добродѣтели*, не дурно имѣть и это. Съ какою пріятностію можно бы встрѣтить здѣсь утро, проводить вечеръ, съ Виргиліемъ въ рукѣ“ [283]).

Въ Москвѣ, въ одномъ изъ отдаленныхъ ея кварталовъ, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, на пригоркѣ, возвышалось старинное каменное зданіе; отлогость пригорка, мѣстами усѣянная кустарниками, служила этому зданію дворомъ. Темные подвалы нижняго этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показывали, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые во время Петра Великаго держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій ничего нельзя было пріискать приличнѣе „сего старшиннаго каменнаго шкапа“. Вотъ здѣсь помѣщался знаменитый въ лѣтописяхъ нашей науки Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этой, по выраженію Вигеля, „мрачной храминѣ“ нѣкогда подвизались и Миллеры, и Каменскіе, и Стритеры. Во времена же, нами описываемыя, начальникомъ этого учрежденія былъ Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, знавшій Архивъ, какъ свой кабинетъ, и любившій его безъ памяти, считая „какъ будто своею колыбелью и могилою“. Вигель немногими словами характеризуетъ своего бывшаго начальника въ такихъ чертахъ: „онъ былъ, безъ примѣси, Русскаго и духовнаго происхожденія, ибо, протоіерей, отецъ его состоялъ законоучителемъ въ Московскомъ Университетѣ. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ претензію на свѣтскую любезность“ [284]). Въ некрологѣ его, между прочимъ, сказано: „Малиновскій думалъ, что драгоцѣнности архивскія потеряютъ цѣну, если сдѣлаются слишкомъ извѣстными, и потому неохотно допускалъ пользоваться ими“.

Справедливость требуетъ замѣтить, что Московскій Архивъ Иностранной Коллегіи былъ приведенъ въ порядокъ незабвеннымъ Николаемъ Николаевичемъ Бантышъ-Каменскимъ, и Малиновскому довелось пользоваться его трудами. Здѣсь, одушевляемые государственнымъ канцлеромъ, графомъ Н. П. Румянцовымъ, трудились въ это время Строевъ и Калайдовичъ, и здѣсь же процвѣтали, воспѣтые Пушкинымъ, „архивные юноши", сдѣлавшіеся друзьями Погодина. Понятно, что къ этому учрежденію и къ трудящимся въ немъ не могъ оставаться равнодушнымъ нашъ молодой Кандидатъ. Въ это время онъ не зналъ, что́ съ собою дѣлать, на что́ рѣшиться — „остаться ли въ Университетѣ, идти ли въ гражданскую службу, или пахать землю?" Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ имѣлъ страстное желаніе „переломить себя и заняться чѣмъ нибудь дѣйствительнымъ", вполнѣ сознавая, что отъ этой „недѣятельности, отъ этой пустоты душевной Богъ знаетъ какія могутъ произойти слѣдствія". Тогда какъ тамъ, въ этой „мрачной храминѣ", предъ его глазами, съ совершенно опредѣленною цѣлію энергично трудились Строевъ и Калайдовичъ, продолжая дѣло той археологической школы, которая обязана своимъ началомъ Екатеринѣ Великой. Эти почтенные труженники объ одномъ только и думали и объ одномъ только и мечтали: какъ бы *привести въ ясность Россійскую Исторію*, какъ бы, по выраженію Строева, *превратить цѣлую Россію въ одну библіотеку, имъ доступную*. Первымъ проводникомъ Погодина въ Московскій Архивъ былъ товарищъ его, Н. И. Ждановскій, отецъ котораго былъ помощникомъ Малиновскаго. Еще будучи студентомъ, Погодинъ любилъ бесѣдовать съ нимъ о графѣ Румянцовѣ, о любви его къ древностямъ, о познаніяхъ въ Россійской Исторіи Строева и Калайдовича. Съ Павломъ Михайловичемъ Строевымъ Погодинъ имѣлъ случай познакомиться еще во времена своего студенчества. Братъ нашего знаменитаго Археографа, Николай Михайловичъ, впослѣдствіи почтенный юристъ, былъ товарищемъ Погодина по Университету. И дѣйствительно, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ

17 ноября 1820 года, мы находимъ извѣстія о личномъ знакомствѣ его съ Строевымъ: „говорилъ вчера съ антикваріемъ Строевымъ о Калайдовичѣ, о трудахъ его, объ изданіи Славянскихъ книгъ“. Съ Константиномъ Өедоровичемъ Калайдовичемъ Погодинъ познакомился уже по выходѣ изъ Университета, и самымъ оригинальнымъ образомъ. Никогда не видавъ Калайдовича, Погодинъ, 9 марта 1822 года, отправляется къ нему и при входѣ рекомендуется: „Я люблю Русскую Исторію и пришелъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, какъ одному изъ первыхъ знатоковъ ея“. Калайдовичъ принимаетъ его „отмѣнно ласково“ и у нихъ тотчасъ же завязывается оживленная бесѣда „о нашихъ лѣтописяхъ, о Несторѣ, о золотыхъ гривнахъ, недавно найденныхъ, о Димитріи Самозванцѣ. „Какимъ образомъ“, замѣтилъ Калайдовичъ, „у насъ на Руси молодой человѣкъ можетъ *вздумать* принять на себя имя семилѣтняго убіеннаго ребенка? Могъ ли онъ быть совершенно увѣреннымъ, что ему это удастся, а онъ назвалъ себя царемъ, бывши еще въ монахахъ. Какъ Русская, старинная, суевѣрная княгиня могла признать его своимъ сыномъ предъ лицомъ всей Россіи?“ Далѣе разговоръ продолжался о Карамзинѣ, о Годуновѣ, о Каченовскомъ. При этомъ Калайдовичъ прочелъ Погодину свой отвѣтъ Каченовскому на какое-то его „глупое извѣстіе“. Затѣмъ Калайдовичъ разсказывалъ ему о новыхъ изданіяхъ, объ открытіи имъ Славянской Грамматики IX вѣка, о мнѣніи его, что на Болгарское нарѣчіе переведена Библія. „Какъ жаль“, замѣчаетъ Погодинъ, „что я не познакомился съ нимъ ранѣе. Годъ живемъ въ одномъ переулкѣ, а я не зналъ“. Съ того времени, завязались у Погодина съ Калайдовичемъ самыя близкія отношенія, продолжавшіяся неизмѣнно до самаго конца несчастной жизни Калайдовича. Это первое посѣщеніе Калайдовича произвело сильное впечатлѣніе на Погодина и онъ разсказывалъ о немъ своимъ товарищамъ, Гусеву и Кубареву. „Какъ цѣнятъ у насъ людей“, говорилъ онъ, „Калайдовичъ, напримѣръ, только губернскій секретарь“.

Знакомство съ Строевымъ и Калайдовичемъ имѣло благотворное вліяніе на Погодина и, безъ сомнѣнія, содѣйствовало возможному сосредоточенію его дѣятельности на болѣе опредѣленномъ поприщѣ. Однажды, приходитъ къ нему Кубаревъ и объявляетъ, что знаменитый Чешскій ученый, Іосифъ Добровскій, издалъ книгу о Славянской Грамматикѣ. Погодинъ этому очень обрадовался; ему мелькнула мысль перевести эту Грамматику на Русскій языкъ, и онъ „опрометью побѣжалъ“ къ Калайдовичу, попросить, чтобы онъ написалъ графу Румянцеву о намѣреніи его вмѣстѣ съ Кубаревымъ перевести трудъ Добровскаго на Русскій языкъ. Но Калайдовича онъ не засталъ дома. Тутъ напало на Погодина раздумье: „полезно ли будетъ это? Боже мой! Я теперь въ самомъ скверномъ положеніи. Сомнѣніе“ [285]). На другой день, съ тою же цѣлію, онъ опять отправляется къ Калайдовичу, который изъявляетъ согласіе исполнить его просьбу. „Я прыгалъ отъ радости“, писалъ Погодинъ, „между тѣмъ не знаю, какая этому причина — машинально, не увѣренъ совершенно въ пользѣ. И въ душѣ, и въ сердцѣ“, продолжаетъ онъ, „все у меня мѣшается. Когда не полезно состояніе ученаго, то еще безполезнѣе, смотря по христіански, состояніе живописца, музыканта, чиновника, воина, но въ государствѣ они необходимы. Богъ привелъ меня на ученую дорогу, или нѣтъ. Онъ. Итакъ я буду заниматься этимъ дѣломъ, буду христіаниномъ, чего же болѣе? Наставь меня на путь истины, Господи!“ [286]). Вскорѣ, Калайдовичъ присылаетъ за Погодинымъ и спрашиваетъ его: твердо ли онъ рѣшился переводить Добровскаго? Погодинъ отвѣчалъ, что готовъ. Тогда онъ показалъ письмо свое къ Малиновскому, въ которомъ просилъ его представить Канцлеру о желаніи кандидатовъ Погодина и Кубарева перевести трудъ Добровскаго [287]). Между тѣмъ, у нихъ завязалась бесѣда о невозможности писать теперь настоящую Исторію, о Карамзинѣ, котораго Калайдовичъ осуждалъ за самонадѣянность. Говорили они также о Каченовскомъ, о Голиковѣ, который, по разсказу Калайдовича, „будучи въ ста-

рости уже, приходилъ въ восхищеніе при одномъ имени Петра Великаго" [288]). Въ ожиданіи отвѣта отъ Канцлера, Погодинъ нерѣдко заходилъ къ Калайдовичу и пользовался его поучительною бесѣдою. Между прочимъ, они говорили объ Исторіи Малой Россіи, изданной Бантышъ-Каменскимъ. При этомъ Калайдовичъ сообщилъ, что Кочубей не хочетъ, чтобы тамъ было говорено о женѣ полковника Кочубея, при Петрѣ имѣвшей связь съ Мазепой; также одно письмо сего послѣдняго, въ коемъ онъ укоряетъ Кочубея въ томъ, что онъ, выведенный изъ мужицкихъ дѣтей, забывается, и пр. На это Погодинъ замѣтилъ: „ахъ, глупцы, чего стыдятся они". Говоря объ уставѣ Св. Владиміра, Калайдовичъ сказалъ, что покойный Р. Ѳ. Тимковскій признавалъ его дѣйствительность и дѣлалъ какія-то важныя замѣчанія насчетъ анахронизма о Фотіи. Все это пропало. Говорили также о невозвратимой потерѣ Пушкинской библіотеки. Она у него была даже не разобрана. „Часто бывалъ я съ Карамзинымъ", говорилъ Калайдовичъ, „у него. Онъ показывалъ только извѣстныя рукописи, всѣ прочія валялись у него въ двухъ огромныхъ залахъ; индѣ видѣлся пергаментъ и т. д. Онъ всегда отзывался тѣмъ, что разобравъ, покажетъ ихъ. Болтина бумаги также всѣ пропали у него" [289]). Наконецъ, Калайдовичъ приглашаетъ Погодина и объявляетъ ему отвѣтъ Канцлера Малиновскому слѣдующаго содержанія: „Грамматика Добровскаго есть такое великое сочиненіе, что нельзя тому статься, чтобы переводъ ея не былъ порученъ отъ Россійской Академіи кому-либо изъ ея членовъ, и, кажется мнѣ, не можетъ быть принадлежностію первыхъ опытовъ какого-либо таланта; но возданная хвала г. кандидату Погодину въ письмѣ г. Калайдовича возбуждаетъ во мнѣ особенное къ нему вниманіе, и вы меня премного одолжить изволите, ежели, познакомяся съ нимъ и познавъ въ немъ сущую способность и особенную любовь къ Славянскимъ Древностямъ, мнѣ впередъ укажете, на чтобы его съ успѣхомъ употребить можно" [290]). Это письмо написано Канцлеромъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Востокова,

который, между прочимъ, писалъ ему: „я желалъ бы исключительно заняться Грамматикою, нынѣ особливо, когда первый въ иностранныхъ земляхъ знатокъ Славянскаго языка, Добровскій, сообщилъ свѣту плоды многолѣтнихъ своихъ розысканій: Грамматику. Я видѣлъ экземпляръ сей книги, присланный Добровскимъ А. С. Шишкову, и нашелъ въ ней множество превосходныхъ вещей. Однако-жъ, такъ какъ онъ не имѣлъ у себя многихъ матеріаловъ, какими мы можемъ пользоваться въ Россіи, напр., Остроміриво Евангеліе, то и не могъ всего опредѣлить удовлетворительнымъ образомъ“ [291]). Калайдовичъ, объявляя отвѣтъ Канцлера, сообщилъ Погодину о желаніи Малиновскаго, чтобы онъ давалъ уроки его дочери и приглашаетъ его къ себѣ. Погодинъ, заручившись рекомендательнымъ письмомъ Калайдовича, отправляется къ самому начальнику Архива, Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому. Пріемъ отмѣнно ласковый. Малиновскій прочиталъ ему отвѣтъ графа Румянцова и послѣ того предложилъ ѣхать съ ними въ деревню. Погодинъ на это отвѣчалъ, что „условился съ княземъ Трубецкимъ, а потому не можетъ принять его предложеніе“. Несмотря на это, Малиновскій пригласилъ Погодина къ себѣ обѣдать. Благопріятель Погодина Гепишта весьма не одобрялъ его за отказъ Малиновскому. „Дѣйствительно“, сознается Погодинъ, „я поступилъ неосторожно. Надобно было бы подумать. Малиновскій могъ быть полезенъ мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно чрезъ графа Румянцова, который безъ него не сдѣлаетъ ничего, и который бы оказалъ мнѣ важное покровительство и пособіе при занятіяхъ“ [292]). Въ августѣ 1822 г., Государственный Канцлеръ посѣтилъ Москву и былъ въ такомъ положеніи, что по выраженію И. И. Дмитріева, „прекрасно сражался съ смертью, или съ авангардомъ ея, подъ командою неодолимой глухоты“ [293]); но Погодину не удалось въ это время лично представиться сему сановнику, который, по счастливому выраженію Малиновскаго, „оставилъ вельможамъ нашимъ возвышенный образецъ патріотизма: слу-

жить государству и по увольненіи отъ службы". Ему было очень досадно. „Глупецъ!" обращается онъ къ себѣ съ упрекомъ: „мнѣ бы надобно было идти къ Малиновскому, который вѣрно бы отвезъ меня къ нему" [294]). Несмотря на отказъ графа Румянцова, Погодинъ не оставлялъ мысли перевесть на Русскій языкъ трудъ Добровскаго, и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, осуществилъ его.

Къ этому же времени относится сближеніе Погодина съ Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ. Они довольно часто посѣщали другъ друга и бесѣдовали о нашихъ святителяхъ, о Шлецерѣ, о Миллерѣ, о Новиковѣ, объ Исторіи, о Русскихъ Древностяхъ. „Снегиревъ", по отзыву Погодина, „говоритъ очень умно". Увидя у Погодина портретъ Новикова, онъ сказалъ: „у него лицо святительское". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Снегиревъ сообщилъ Погодину объ инструкціяхъ, данныхъ митрополиту Платону Екатериною, въ разсужденіе надзора за Павломъ. У Снегирева онъ встрѣчалъ Ходаковскаго, Калайдовича и другихъ почтенныхъ тружениковъ, и ему, по собственному сознанію, „пріятно было быть между сими людьми дѣловыми" [295]).

Сближаясь, такимъ образомъ, съ людьми, посвятившими себя служенію на поприщѣ Русскихъ Древностей, Погодинъ не менѣе того искалъ общенія и съ служителями Русскаго Слова. Въ описываемое нами время онъ сблизился, вѣроятно черезъ Тютчева, и съ Семеномъ Егоровичемъ Раичемъ, роднымъ братомъ приснопамятнаго митрополита Кіевскаго Филарета. Раичъ былъ человѣкъ ученый и вмѣстѣ литературный, отличный знатокъ классической и Европейской Словесности. Въ литературѣ нашей Раичъ извѣстенъ какъ переводчикъ Виргиліевыхъ *Георгикъ*, Тассова *Освобожденнаго Іерусалима* и Аріостовой поэмы *Неистовый Орландъ*. По свидѣтельству И. С. Аксакова, „это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшій въ мірѣ идиллическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколика, соединявшій солидность ученаго съ какимъ-то дѣвственнымъ

поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ“. Князь П. А. Вяземскій передаетъ намъ весьма любопытный эпизодъ изъ отношеній Раича къ И. И. Дмитріеву. „Проживалъ въ Москвѣ нѣкто, котораго имя очень сбивалось на имя Раича. Онъ извѣстенъ былъ любовію своею къ Египетскому племени вообще, говоря языкомъ академическимъ, и къ одной египтянкѣ въ особенности. Тотъ и другой были только по слуху извѣстны Дмитріеву. Эти два лица сочетались въ умѣ его въ одно лицо. Когда кто то просилъ его о дозволеніи представить ему Раича, онъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ это предложеніе: ему любопытно было узнать лично и ближе человѣка, въ которомъ сочетались поэзіи Мантуанскаго лебедя и разгульная поэзія героевъ нѣкогда воспѣтыхъ Майковымъ. Познакомившись съ нимъ и вглядываясь въ него, онъ началъ мало по малу свыкаться съ этою психологическою странностію; онъ находилъ въ смугломъ лицѣ, въ черныхъ глазахъ Раича что то цыганское, оправдывающее сочувствіе и наклонности его. Ему нравились эти противорѣчія и независимость поэта, который не стѣснялъ себя свѣтскими предубѣжденіями и котораго воспріимчивая и сильная натура умѣла совмѣщать въ себѣ и согласовать такія противорѣчія и крайности. Въ третье или четвертое свиданіе, захотѣлось ему вызвать Раича на откровенную исповѣдь. Онъ началъ слегка заводить съ нимъ рѣчь о Цыганахъ. Съ сочувствіемъ говорилъ о нихъ. Кто зналъ застѣнчиваго, неловкаго и цѣломудреннаго Раича, тотъ легко представитъ себѣ удивленіе и смущеніе его при подобныхъ намекахъ. Наконецъ, дѣло объяснилось“. Родители Ѳ. И. Тютчева сдѣлали выборъ самый удачный, пригласивъ Раича воспитывать ихъ сына. Нечего говорить, что онъ имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное сложеніе своего питомца и утвердилъ въ немъ литературное направленіе. Въ домѣ Тютчевыхъ Раичъ пробылъ семь лѣтъ и оттуда перешелъ къ Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю знаменитаго Училища Колонновожатыхъ, для воспитанія меньшаго его сына, Андрея Николаевича Муравьева [296]).

С. Е. Раичъ былъ также воспитателемъ другаго питомца Училища Колонноважатыхъ, Алексѣя Васильевича Шереметева, и жилъ въ его Рузскомъ селѣ, Покровскомъ, Московской губерніи. Раичу же обязаны своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ и братья Булыгины, Ѳедоръ и Василій Ивановичи. Тютчевъ былъ большой почитатель своего наставника, а Погодинъ благоговѣлъ предъ Мерзляковымъ, и по поводу этого между двумя друзьями произошелъ однажды жестокій споръ, вызвавшій слѣдующія строки Погодина: „Тютчевъ имѣетъ рѣдкія, блестящія дарованія; но много иногда беретъ на себя, и судитъ до крайности неосновательно и пристрастно. Напримѣръ онъ говоритъ, что Раичъ переведетъ лучше Мерзлякова Виргиліевы еклоги. У Раича всѣ стихи до одного скроены по одной мѣркѣ. Ему переводить должно не Виргилія, а Делиля". Въ тотъ же день, Погодинъ бесѣдовалъ съ Кубаревымъ о Мерзляковѣ и думалъ „какъ бы издать переводы его изъ древнихъ [297]). На первыхъ же порахъ знакомства, Раичъ оказалъ Погодину услугу: рекомендаціею къ Мальцовымъ на мѣсто учителя; но Погодинъ, желая провести лѣто у Трубецкихъ, не воспользовался рекомендаціею. Этимъ Раичъ хотѣлъ загладить свою невольную вину предъ Погодинымъ, занявъ мѣсто у Рахмановыхъ, которое, какъ мы видѣли, было предложено Погодину, что нисколько не помѣшало имъ остаться въ добрыхъ отношеніяхъ. Въ это время, Раичъ замышлялъ учредить Общество молодыхъ любителей литературы. Мысль эта пришлась чрезвычайно по сердцу Погодину, и у нихъ завязались оживленные объ этомъ переговоры. „Встрѣчается Раичъ", пишетъ онъ, „я начинаю говорить съ нимъ объ Обществѣ, коего главная цѣль состоять должна въ переводѣ классическихъ книгъ со всѣхъ языковъ". Раичъ увѣрялъ его, что если оно состоится, мы найдемъ большую подпору въ князѣ Голицынѣ, Дмитріевѣ и пр. знатныхъ особахъ". Между прочимъ, Погодинъ спросилъ Раича о Рахмановскомъ мѣстѣ. Оказалось, что два года Раичь былъ уже знакомъ съ Рахмановыми и два года „условливаются", и

при этомъ заявилъ, что онъ „не съ радостію идетъ на это мѣсто“ [298]). Мечта Раича учредить Общество, какъ мы увидимъ ниже, осуществилась; но въ это время въ Москвѣ разнесся слухъ, что знаменитый Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа, Магницкій, пріѣдетъ ревизовать Московскій Университетъ. Само собою разумѣется, что этотъ слухъ произвелъ впечатлѣніе, возбудилъ толки, и отголосокъ ихъ находимъ въ *Дневникѣ* Погодина: „Толковали съ Раичемъ о состояніи просвѣщенія въ Россіи, объ усиліяхъ, которыя употребляютъ наши мистики, подавить всѣ стремленія къ нему. Въ Университетъ пришло, будто бы, предписаніе, чтобы не была пропускаема ни одна строка о политикѣ, чтобы всякое сочиненіе, если будетъ въ немъ хоть одна цензорская поправка, было переписываемо, чтобы не было ставимо болѣе трехъ точекъ, ибо де это подаетъ поводъ къ догадкамъ. Счастливыя времена, сказалъ Дмитріевъ, въ которые авторы могли удивляться, сколько хотѣли. Нынче можно ахнуть разъ два, да и полно. Магницкій запретилъ всѣмъ профессорамъ въ Казанскомъ Университетѣ употреблять вино. Здоровье Государево, на какомъ-то праздникѣ, пили они Богоявленскою водою. Еще предложилъ онъ въ Московскомъ Университетѣ уничтожить гимназіи и большую часть народныхъ училищъ, введя вмѣсто ихъ Ланкастерскія школы. Наши хваты, вмѣсто отверженія такого предложенія, еще думаютъ. Можетъ быть и согласятся“. „Думалъ о мѣрахъ“, пишетъ Погодинъ въ другомъ мѣстѣ, „принимаемыхъ Магницкимъ для погашенія просвѣщенія. Можетъ быть, онѣ хороши въ своемъ источникѣ, но онѣ насильственныя. Неужели хвалить Испанцевъ, которые съ мечемъ въ рукѣ, облитые кровію, проповѣдывали Евангеліе. Пусть идетъ все своимъ чередомъ. Развѣ, занимаясь науками, нельзя быть хорошимъ христіаниномъ? Я думаю, еще лучше. Еще докажи, что науки вредны, и тогда не будутъ ими заниматься. Въ гражданскихъ обществахъ, мнѣ кажется, они необходимы. Дѣлаютъ изъ нихъ злоупотребленія, это правда. Но изъ чего не дѣлаютъ? Умъ, озаренный вѣрою, науками подкрѣпится,

ежели съ такими чувствами будутъ заниматься ими. Просвѣщеніе человѣческое близко. Цѣль наукъ должна состоять въ познаніи природы и въ наученіи людей обуздывать свои страсти“ [299]).

Святыми молитвами родителей, добрымъ вліяніемъ товарища Загряжскаго и назидательнымъ примѣромъ благочестивой старушки Анны Васильевны Кубаревой, Погодинъ все болѣе и болѣе утверждался въ спасительныхъ догматахъ Святой Православной Вѣры и ограждалъ свой мятежный умъ отъ мертвящаго духа отрицанія, духа сомнѣнія. Вотъ что́ онъ писалъ къ своему товарищу Баталину: „установляется ли твоя вѣра? Скажу тебѣ одно: посмотри на небо, на землю, на себя. Могло ли все это произойти случаемъ? И что такое случай? Опредѣли мнѣ его? И увидишь, что и онъ предполагаетъ что-то первоначальное? Еще: человѣкъ со всѣмъ своимъ разумомъ не можетъ сотворить ни пылинки; онъ даетъ только разные виды произведеніямъ природы; какимъ же образомъ случай, безумный, слѣпой, могъ сотворить человѣку разумъ. Подумай объ этомъ хорошенько. Ты спрашиваешь меня, увѣренъ ли я самъ въ этихъ предметахъ? Не смѣю сказать, чтобы я былъ увѣренъ въ нихъ такъ, какъ увѣренъ въ томъ, что это пишу перомъ; но молю Бога, чтобы Онъ ниспослалъ мнѣ эту увѣренность, или точнѣе: желаю быть увѣреннымъ, ибо отъ этой увѣренности зависитъ счастіе человѣка: стоило ли бы жить на свѣтѣ безъ нея. Это непонятно, говоришь ты. Но понимаемъ ли мы тысячную долю того, что у насъ случается подъ носомъ? Понимаемъ ли мы, какъ дѣлаются у насъ понятія, какъ понятія соединяются съ словами, что́ такое движеніе, сила. Есть ли одна нравственная истина, въ которой бы всѣ философы совершенно согласились? Одинъ говоритъ то, другой—другое; одинъ кричитъ арбуза, другой — соленыхъ огурцовъ. Кантъ опровергаетъ Лейбница, Вольфа; Фихте—Канта; Шелингъ—Фихте, и каждый почитаетъ себя справедливымъ. Птоломей заставилъ вертѣться солнце около земли. Всѣ ему вѣрили. Коперникъ заставилъ землю вертѣться около солнца.

Всѣ ему вѣрили. Кто же намъ поручится, что чрезъ сто лѣтъ не явится кто нибудь, который насъ заставитъ вѣрить, что мы не вертимся, а прыгаемъ или скачемъ. Берклей доказалъ, что нѣтъ тѣлъ въ природѣ, такъ что, по логикѣ нельзя было прицѣпиться къ нему никакимъ образомъ. Что́ же здѣсь вѣрнаго? И можно ли положиться на разумъ? Должно *покорять его вѣрѣ*. Опять повторю тебѣ, что я желаю такъ думать. Подумай объ этомъ хорошенько и напиши мнѣ" [300]). Погодинъ въ это время нерѣдко углублялся въ чтеніе Священнаго Писанія. Такъ, читая *Апостолъ*, онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „великая, великая книга. Дай, Господи, только мнѣ вѣру и въ Тебя, и въ Христа". Отправляясь въ Успенскій Соборъ, Погодинъ думалъ: „должно ли разсуждать и стараться объ объясненіи Св. Писанія, или, подобно младенцамъ, принимать безъ изъясненія? Не лучше ли послѣднее" [301]). При этомъ онъ началъ строго соблюдать посты, и по поводу спора съ однимъ изъ своихъ товарищей, замѣтилъ: „то хорошо, что́ установили хорошіе люди". Присутствовавшій при этомъ спорѣ, Загряжскій прибавилъ: „надобно приготовить тѣло, для вмѣщенія Бога". Въ недѣлю Православія (19-го февраля 1822 года) Погодинъ отправился въ Успенскій Соборъ „слушать проклятіе"; но, не заставъ его, остался въ Кремлѣ, и вотъ что́ записалъ онъ въ *Дневникѣ:* „какое пріятное чувство возбуждаетъ глухой говоръ кремлевскихъ колоколовъ. Восхищался, стоя въ Успенскомъ Соборѣ. Первый храмъ Россіи; сюда, въ теченіе восьми вѣковъ, приходили Государи Русскіе молиться Богу за народъ свой. Здѣсь молился Донской, Іоанны; здѣсь служили Алексіи, Филиппы, отсюда выпускали на битву Холмскихъ, Воротынскихъ. Какое благоговѣніе возбуждаетъ сія простота, его куполы, его узкія окошки. Ходили въ Архангельскій Соборъ. Поклонились гробамъ Калиты, Донского, Іоанна III; помолился за Іоанна IV. Были въ Чудовѣ. Приложились къ мощамъ Св. Алексія, разсматривали одежды его, хранящіяся пятьсотъ лѣтъ. Древность возбуждаетъ высокое чувство. Какъ

жаль, что у насъ нѣтъ никакого описанія предметовъ достопамятныхъ. Ходили на Красное Крыльцо. Здѣсь, по этимъ ступенямъ ходилъ царь Алексій, за нимъ, въ трескучій морозъ, на рукахъ несли Петра. Наталія шла возлѣ. Передъ крыльцомъ толпился народъ и кричалъ: живъ буди многія лѣта, надежа Государь! и шелъ вмѣстѣ съ нимъ въ церковь Божію. Какія воспоминанія! Были въ церкви Спаса за золотою рѣшеткою. Какъ жаль, что эти почтенныя древности застроили у насъ гауптвахтами, и пр. Смотрѣли на Москву. Мечтали о Св. Руси, о старинѣ" [302]). По поводу обряда проклятія, Погодинъ вступилъ въ разсужденіе съ Кубаревымъ и находилъ его несообразнымъ съ Христіанскою религіею. „Богу судъ надъ людьми", говорилъ Погодинъ; но Кубаревъ утверждалъ, что „проклятіе должно быть соблюдаемо, какъ учрежденіе предковъ, что благоговѣніемъ къ ихъ обычаямъ, неприкосновенностью ихъ, держится любовь къ Отечеству. Какъ можно безъ дерзости отмѣнить то, что установлено Алексіемъ, Петрами, Іоаннами". На это Погодинъ замѣтилъ: „мнѣ самому казалось бы такъ, но разсудокъ говоритъ противное. Если бы такъ разсуждали предки, они не приняли бы никогда Христіанской религіи. Теперь мы восхищаемся Семеновою, за 200 лѣтъ предки наши считали театральныя зрѣлища безбожіемъ" [303]). Живя у Кубарева, близъ Сухаревой башни, онъ нерѣдко посѣщалъ сосѣдній храмъ Страннопріимнаго дома графа Шереметева, и всегда выносилъ оттуда самое благодатное чувство. Однажды, Погодинъ посѣтилъ этотъ храмъ въ торжественный день, *23-го февраля*. Страннопріимный домъ въ Москвѣ основанъ въ 1803 году, графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ, по мысли и въ память супруги своей, графини Параскевіи Ивановны. День кончины ея, 23-го февраля, во исполненіе воли учредителя Дома, ежегодно поминается заупокойною литургіею и панихидою, а по окончаніи богослуженія, въ торжественномъ собраніи членовъ Совѣта Дома, происходитъ раздача по жребію приданаго бѣднымъ дѣвицамъ. Вотъ на это торжество и по-

палъ Погодинъ въ 1822 году и вынесъ оттуда слѣдующее впечатлѣніе. „Былъ у обѣдни“, писалъ онъ, „въ Шереметевскомъ Странноприимномъ домѣ и съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на почтенныхъ старушекъ въ бѣлыхъ чепчикахъ, со свѣчами въ рукахъ, молившихся за своего благодѣтеля. Старики тронули меня еще болѣе. У всѣхъ свѣжія лица: доказательство трезвости; головы, покрытыя сѣдинами или ничѣмъ; хромые; у иныхъ на груди кресты, означающіе, что они проливали за насъ кровь свою, были на приступахъ. Теперь успокоиваются при дверяхъ гроба и готовятся, наконецъ, къ совершенному успокоенію тамъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни воздыханіе. Былъ при вынутіи дѣвицами жребіевъ на приданое. Графъ Шереметевъ! Вѣчная тебѣ память“ [304]). Въ Великую Среду Погодинъ исповѣдывался, а въ Великій Четвергъ причащался. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ своихъ приступалъ Погодинъ къ симъ Священнѣйшимъ Таинствамъ: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному!“, восклицалъ онъ, приступая къ исповѣди. Его уже въ то время возмущали анти-церковныя проявленія въ нашей обыденной жизни. Такъ, увидя освѣщенные трактиры въ Благовѣщенскую пятницу, онъ съ негодованіемъ замѣчаетъ: „неужели наши губернаторы не должны смотрѣть за нравственностью. Къ чему служатъ эти билліарды во всѣхъ трактирахъ. Они питаютъ развратъ“ [305]). Знакомство съ почтеннымъ С. А. Масловымъ также не мало содѣйствовало къ утвержденію Погодина на правой стезѣ. Назидательную бесѣду съ нимъ объ обѣднѣ Погодинъ сохранилъ въ *Дневникѣ*: „Обѣдня есть гіероглифъ для насъ“, сказалъ Масловъ. „Подъ нею Святые Отцы сокрыли таинства религіи. Что значитъ, напримѣръ, треугольникъ, коимъ оканчивается къ верху риза священника, и квадратъ одежды діаконской? Что значитъ сложеніе антиминса въ девять треугольниковъ, свѣча, носимая предъ Евангеліемъ, обращеніе кругомъ діакона, послѣ молитвы о благочестивыхъ, и такъ далѣе“. Также бесѣдовали они объ „обѣднѣ преждеосвященной, о ея величествѣ и пре-

мудромъ расположеніи. Сперва молятся оглашенные, потомъ—елицы ко просвѣщенію, наконецъ, всѣ они исходятъ, остаются одни вѣрные, и раздается: *Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ*. Выходитъ священникъ. Падаютъ ницъ. Какое таинственное величіе!" [306]). Не забудемъ при этомъ, что въ то время уже возсѣдалъ на Московской церковной каѳедрѣ самъ Филаретъ. „Съ отмѣннымъ удовольствіемъ", писалъ Погодинъ, „и пріятнымъ волненіемъ въ сердцѣ говорилъ о Филаретѣ съ Кубаревымъ, о его многообразныхъ занятіяхъ, его жизни, учености. Онъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, отъ вѣрныхъ людей имъ слышанный: Когда Филаретъ обучался еще въ Лаврѣ, Коломенскіе купцы, его знавшіе, пріѣхали къ покойному митрополиту Платону съ просьбою о поставленіи его въ діаконы въ одну приходскую церковь. Онъ вамъ не годится, отвѣчалъ Платонъ. Чрезъ нѣсколько времени они приступили съ тою же просьбою. Онъ вамъ не годится, говорю я вамъ, сказалъ опять Платонъ. Какъ, ваше высокопреосвященство, мы знаемъ его и его родственниковъ. Онъ человѣкъ добрый, и пр. Онъ годится, да не вамъ, а на мое мѣсто.- Говорили объ энтузіазмѣ, произведенномъ Платономъ въ нашемъ духовенствѣ, о всеобщей любви къ нему" [307]).

Между тѣмъ, Погодинъ принималъ сердечное участіе въ тогдашнемъ положеніи *дѣтей церкви, уготовляемыхъ на служеніе Церкви*. Встрѣтившись однажды съ Перервинскимъ ученикомъ, онъ былъ возмущенъ его разсказами, и по поводу этой встрѣчи писалъ: „съ голода морятъ бѣдныхъ. Топятъ чрезъ три дня, хлѣба даютъ по маленькой порціи; кашу, щи ѣсть нельзя,—все ржавчина. Боже мой! И этихъ людей приготовляютъ въ священники. Какое воспитаніе! Скотское. Немудрено, что они всегда бываютъ далеки отъ своихъ овецъ" [308]). По поводу этого показанія, мы считаемъ долгомъ привести слова Филарета, произнесенныя при освященіи церкви во имя Святителя Николая въ Московской духовной семинаріи. „Дѣти", обратился Филаретъ къ Московскимъ семинаристамъ, „спросите

родителей, или отцевъ ихъ: съ такою ли, какъ нынѣ, многообразною заботливостію были они призрѣваемы, когда, полувѣкомъ ранѣе, проходили поприще, вами теперь проходимое? Изъ неблагоустроенныхъ жилищъ нерѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблагоустроенный путь до дома ученія; и случалось, что только *въ поученіи нашемъ разгорался огнь* (Псал. 38, 4), когда въ согрѣвающемъ или освѣщающемъ огнѣ нуждалась учебная храмина. Воспоминаю сіе не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имѣетъ свои добрыя и достопочтенныя воспоминанія, но чтобы отдать справедливость настоящему. Вамъ предоставляется жилище, устроенное покойно, благолѣпно, величественно, и намъ открывается совсѣмъ новая надобность напомнить вамъ, чтобы вы были въ немъ, какъ обласканные, но скромные гости, и чтобы не слишкомъ привыкали утѣшаться онымъ. Надлежитъ вамъ помышлять и пріучать себя помышлять съ любовію, что послѣ сего, можно сказать вельможнаго дома, множайшимъ изъ васъ должно будетъ вновь обитать въ смиренныхъ жилищахъ, посѣщать убогія хижины, и къ сему должно вамъ перейти не съ чувствомъ тяготящей нужды, но съ чувствомъ священнаго и вожделѣннаго долга“ [309]).

Въ это время Погодинъ едва не разорвалъ связи съ Трубецкими, и вотъ по какой причинѣ. Однажды Сеймондъ объявилъ ему, что княгиня Трубецкая не соглашается давать за уроки по 150 р. въ мѣсяцъ, а предлагаетъ учить по билетамъ. „Вотъ чего я не ожидалъ уже“, восклицаетъ Погодинъ, „однакожъ не могъ удержаться отъ смѣха. Вотъ тебѣ награжденіе! А я, дурачина, теперь даже хотѣлъ сдѣлать ей пожертвованіе и не приниматься къ новому Мальцовскому мѣсту прежде пріѣзда изъ деревни, хотя бы Мальцовъ давалъ мнѣ три тысячи, какъ сказывалъ Раичъ“ [310]). Къ довершенію его огорченія, показалось ему, что и княжна Аграфена Ивановна стала съ нимъ „не совершенно ласковою“, а княгиня Голицына ему даже высказала, что ей кажется страннымъ его требованія отъ Трубецкихъ. Это мнѣніе раздѣляла и

А. П. Измайлова. „Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ. Несмотря на это, онъ далъ рѣшительный отвѣтъ Сеймонду о своемъ несогласіи на предложеніе Княгини. Когда послѣ этого рѣшенія, Погодинъ пришелъ къ Трубецкимъ, то А. П. Измайлова встрѣтила его вопросомъ: „Вы съ нами не ѣдете въ деревню"? Дѣло это не обошлось и безъ личнаго объясненія Погодина съ самою Княгинею [311]). Послѣ этого разговора, онъ пошелъ отъ Трубецкихъ „не съ веселымъ духомъ". Ему жаль было дѣтей, къ которымъ онъ привыкъ, и притомъ сознавалъ, что они ни отъ кого не могутъ получить столько пользы, сколько отъ него. Но несмотря на это справедливое сознаніе, Погодинъ вернулся домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа, и, вѣроятно, желая себя нѣсколько разсѣять, увлекся дружескою товарищескою пирушкою. На другой день, естественно, онъ проснулся очень поздно и, опомнившись, предался размышленію: „странное дѣло", думалъ онъ, „я проповѣдую, терпѣніе, твердость, обузданіе страстей, и между тѣмъ, не могу принудить себя вставать ранѣе. Умъ, искра Божества, потемняется и пропадаетъ въ винномъ чаду. Человѣкъ, летающій по воздуху, преплывающій пучины, повелѣвающій стихіями, не можетъ устоять противъ чего? Противъ вина. Какъ слабъ онъ!" [312]). Но дѣло его скоро уладилось, и Сеймондъ, отъ имени княгини Трубецкой, предложилъ Погодину 500 р. за четыре мѣсяца, которые онъ проведетъ въ Знаменскомъ. Хотя Погодинъ на это согласился, но въ *Дневникѣ* своемъ записалъ: „торгуются, какъ въ рядахъ". Въ день имянинъ княжны Александры Трубецкой и княгини Голицыной, Погодинъ отправился къ обѣдни къ Тремъ Святителямъ и тамъ засталъ конецъ проповѣди, въ которой священникъ произнесъ: „Если бы Богъ простилъ насъ словомъ, мы не видали бы образца человѣческаго совершенства". Въ этотъ день Погодинъ обѣдалъ у Трубецкихъ, гулялъ съ ними по саду, и княжна Аграфена Ивановна „съ особеннымъ участіемъ" спрашивала о болѣзни Кубарева. „Добрая, добрая!" восклицалъ

по этому поводу Погодинъ. Несмотря на этотъ печальный эпизодъ, Погодинъ у Трубецкихъ оставался все-таки своимъ человѣкомъ, хотя, въ силу своего философскаго настроенія, позволялъ себѣ иногда, по крайней мѣрѣ, въ своемъ *Дневникѣ*, дѣлать объ ихъ бытѣ саркастическія замѣчанія. Такъ, однажды, онъ былъ приглашенъ на большой обѣдъ къ Трубецкимъ, и по этому поводу онъ отмѣчаетъ въ *Дневникѣ:* „Я такъ отвыкъ отъ этихъ барскихъ столовъ. Для меня показалось очень дикимъ видѣть, какъ двадцать человѣкъ сидятъ, а другіе двадцать бѣгаютъ около нихъ, суетятся, смотрятъ въ глаза, и пр. Откуда взялось это различіе?“ [313]). Или, онъ осуждаетъ старую княгиню Трубецкую за подарки, которые она сдѣлала своему сыну, князю Николаю Ивановичу, въ день его рожденія: „какіе безпутные подарки“, замѣчаетъ Погодинъ, „получилъ онъ. Должно ли теперь заставлять его думать о щеточкахъ, духахъ, мылахъ, помадахъ“ [314]). Читая подобныя саркастистическія замѣчанія, которыя нерѣдко встрѣчаются, у Погодина о нашемъ высшемъ сословіи, и зная, что эти замѣчанія совершенно противорѣчатъ всему тому, что самъ онъ, это дитя изъ народа, испытывалъ отъ личныхъ сношеній съ этимъ осуждаемымъ сословіемъ, намъ невольно вспоминаются стихи князя П. А. Вяземскаго:

Баръ и барынь всѣ бранятъ
Подъ рукою,
Презирать ихъ каждый радъ
За спиною;

Но столкнися съ мудрецомъ
Баринъ знатный,
Иль красотка брось тайкомъ
Взоръ пріятный:

Вдругъ начнетъ иное пѣть
Нашъ Сенека:
Перемѣнится медвѣдь
Въ человѣка [315]).

Приводимъ эти стихи не въ осужденіе Погодина, но потому, что въ нихъ подмѣчена общая черта, которая особенно

бросается въ глаза въ наше время. Погодинъ въ этомъ отношеніи, конечно, заслуживаетъ менѣе упрека, чѣмъ наши современные Сенеки. Повторимъ, что если старое поколѣніе Трубецкихъ держало Погодина въ нѣкоемъ отъ себя отдаленіи, что и согласно съ чиномъ природы, но за то молодое поколѣніе этого семейства относилось къ нему, ведущему свой родъ „изъ крѣпостнаго крестьянства", совершенно побратски и дѣлилось съ нимъ своими радостями и печалями. И въ этомъ опять-таки мы видимъ подтвержденіе той исторической, духовной, нравственной связи, которая существовала въ Россіи между дворянствомъ и крестьянствомъ. Погодинъ, въ *Дневникѣ* своемъ, сохранилъ одинъ разговоръ свой съ Аграфеною Прокофьевною Измайловой о *большомъ свѣтѣ*, который можетъ служить *словомъ примиренія*. „Говорилъ", писалъ онъ, „съ Аграфеной Прокофьевной, о *большемъ свѣтѣ*, о провожденіи или, лучше, о тасканіи жизни въ немъ, о возможности и въ немъ исполнять свои обязанности... Нѣтъ ни одного человѣка на свѣтѣ, въ какомъ бы ни былъ онъ состояніи, которому бы не данъ былъ крестъ для несенія. И на тронѣ, и въ избѣ, и за туалетомъ, и за книгою, и надъ сохою, и въ кельѣ человѣкъ найдетъ въ себѣ слабости и пороки. Одного обуреваетъ честолюбіе, другой соглашается жить мѣщаниномъ, но имѣть въ сундукѣ золото; одинъ радъ отдать послѣднюю рубашку бѣдному, но не можетъ простить ничтожной обиды, ему нанесенной; другой дышетъ славою и для снисканія ея не щадитъ ничего. Пусть искореняетъ каждый свой порокъ, въ мірѣ ли онъ, въ пещерѣ ли. „Такъ спаситесь же вы", сказала Аграфена Прокофьевна Погодину, который отвѣтилъ ей на это: „духъ бодръ, а плоть немощна" [316]).

Предъ отъѣздомъ своимъ въ Знаменское, онъ простился на долгое время съ своимъ товарищемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Тютчевымъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1822 года, родственникъ его, знаменитый герой Кульмской битвы, графъ А. И. Остерманъ-Толстой, посадилъ молодого Тютчева съ собою въ карету и увезъ за-границу, гдѣ и пристроилъ его

сверхштатнымъ чиновникомъ къ Русской миссіи въ Мюнхенѣ. На козлахъ той кареты, которая увезла графа Остермана-Толстого и восемнадцатилѣтняго Тютчева за-границу, усѣлся и благополучно прибылъ въ Мюнхенъ, вмѣстѣ съ ними, знакомый Погодину старикъ, дядька Тютчева Николай Аѳанасьевъ Хлоповъ [317]).

Погодинъ простился съ своимъ товарищемъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности 27 мая 1822 года. „Онъ ѣдетъ", писалъ Погодинъ, „при посольствѣ въ Мюнхенъ. Чудесное мѣсто. Онъ спросилъ меня о Московскихъ, я его о Петербургскихъ литературныхъ новостяхъ. Далъ слово писать изъ Мюнхена" [318]).

XXI.

28 мая 1822 года, Погодинъ поѣхалъ въ Знаменское. Прощаясь съ братомъ, онъ „прослезился", а Анна Васильевна Кубарева отпустила его „какъ роднаго сына". Дорогою въ Знаменское, онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ „на деревья, на зелень, думалъ о Богѣ". Съ пріятнымъ чувствомъ въѣхалъ онъ въ Знаменское. „Никогда не забуду", писалъ онъ, „этого ласковаго пріема, съ какимъ встрѣтила меня милая княжна Аграфена Ивановна. Какъ умѣетъ она сообщить каждому поступку своему привлекательность" [319]). На другой день, онъ обошелъ кругомъ садъ и зашелъ къ священнику и разспрашивалъ его о названіяхъ окрестныхъ селеній; говорили также о Филаретѣ, Платонѣ, Августинѣ. Оправдывая вспыльчивость Августина, священникъ сказалъ Погодину: „сердце архипастыря, также, какъ и царя, въ руцѣ Божіей. Если онъ и дѣлалъ что-нибудь несогласное съ нашимъ мнѣніемъ, это воля Божія". Эти слова священника привели Погодина въ восторгъ. „Вотъ", замѣчаетъ онъ, „остатокъ нашего древняго духовенства" [320]).

Знаменское въ это лѣто было особенно многолюдно. Здѣсь

гостили Всеволожскіе, Новосильцовы, Дмитрій Борисович Мансуровъ. Необыкновенная учтивость Петра Петровича Новосильцова особенно привлекала къ нему Погодина. Съ Знаменскимъ начальствомъ, т. е. съ княземъ и княгинею Трубецкими, Погодинъ продолжалъ быть въ почтительномъ отдаленіи. Съ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ онъ, въ этотъ пріѣздъ свой въ Знаменское, не имѣлъ никакихъ сношеній. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ*, за это время, онъ упоминается только однажды, и вотъ по какому случаю, произведшему на Погодина непріятное впечатлѣніе. Однажды онъ собрался на короткое время въ Москву. За ужиномъ Княгиня спрашиваетъ его: „вы ѣдете завтра, Михаилъ Петровичъ?“ „Ѣду!“ „На чемъ?“ „Телѣгу найму!“ Промолчала. Зайдя къ Князю, Погодинъ тоже услышалъ отъ него вопросъ: „ты ѣдешь? Да на чемъ?“ „Телѣгу найму!“ Съ досады, что приходится ѣхать въ Москву въ телѣгѣ, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Это деликатность! Для одной только княжны Аграфены Ивановны можно жить въ домѣ“ [321]). На другой день, Погодинъ, дѣйствительно отправился въ Москву, въ телѣжкѣ, вмѣстѣ съ егеремъ. онъ сознается, что ему не хотѣлось ѣхать въ ней по городу. „Самолюбіе запрещало. Наконецъ, преодолѣлъ себя, хотя, впрочемъ, утѣшался мыслью, что меня почтутъ ѣдущимъ съ охоты съ егеремъ“. Но этотъ егерь оказался любопытнымъ собесѣдникомъ. Онъ нѣкогда служилъ у графа Никиты Петровича Панина, и Погодинъ узналъ отъ него нѣкія біографическія подробности о семъ государственномъ мужѣ. „Человѣкъ онъ былъ“, разсказывалъ егерь, „справедливый, хотя и жестокій. Занимается теперь только охотою. Готовясь къ поединку съ Ростопчинымъ, онъ цѣлыхъ два мѣсяца учился стрѣлять въ цѣль. Поединокъ назначенъ былъ близъ Воронова. Ростопчинъ просилъ прощенія, и они помирились“ [322]). Но какъ бы то ни было, Погодинъ началъ привыкать и къ княгинѣ Трубецкой. Прежде, по сознанію его, онъ видѣлъ въ ней одно только дурное, не имѣя случая видѣть хорошее; но теперь сталъ

замѣчать въ ней „много хорошаго“. Однажды, прогуливаясь съ Геништою, онъ толковалъ съ нимъ о характерахъ Знаменскихъ обитателей, и по поводу этого разговора, отмѣчаетъ въ *Дневникѣ*: „Есть множество очень рѣзкихъ. Княгиня большой талантъ, держитъ всѣхъ въ стрункѣ, заставляетъ самыхъ умныхъ людей смотрѣть на свои глупости въ уменьшительное стекло, смотрѣть себѣ въ глаза“ [323]). Роль ея въ семействѣ, какъ и подобаетъ, была въ полномъ смыслѣ слова первенствующая. Въ Сергіевъ день, княжны Трубецкія угощали въ своемъ саду всѣхъ обитателей Знаменскаго. Пили чай, ѣли фрукты, играла музыка. „Девять молодыхъ женщинъ“, писалъ Погодинъ, „родныхъ между собою, добрыхъ, умныхъ, любезныхъ, пятокъ ребятокъ новаго поколѣнія, и *начальница семейства*, около которой все суетится, къ которой все относится, у которой ловятъ всѣ взгляды. Прекраснѣйшая картина, еслибы... Тотъ только можетъ быть совершенно счастливъ, тотъ только можетъ *разливать* около себя *совершенное* удовольствіе, кто исполнилъ свои обязанности. Иначе, картина помрачается какимъ-то чувствомъ непріятнымъ. Послѣ играли въ горѣлки“ [324]). Но въ концѣ-концовъ, Погодинъ даже полюбилъ старую Княгиню.

Въ это время, Погодинъ особенно сблизился съ Петромъ Петровичемъ Новосильцовымъ, который, какъ мы уже знаемъ, привлекъ къ себѣ его своею отмѣнною учтивостію. Кромѣ того, Новосильцовъ привлекалъ къ себѣ Погодина и своими поучительными бесѣдами, которыя также могутъ быть отнесены къ тѣмъ *живымъ источникамъ*, о значеніи коихъ мы уже говорили прежде. Ѣдучи однажды вмѣстѣ изъ Знаменскаго въ Москву, они всю дорогу говорили о характерѣ Русскаго народа. Отецъ Новосильцова никакъ не могъ принудить своихъ крестьянъ сѣять картофель. „Это Нѣмецкая трава, твердили они, да и только. О ветлахъ, о пользѣ разведенія ихъ, для замѣны дровъ, и среди деревень, отъ пожаровъ. О Государѣ, о его недовѣрчивости, объ иностранцахъ, о Карамзинѣ и его Исторіи, о многочисленности войска и

вредѣ отъ него для Государства; о людяхъ, окружающихъ тронъ, о Петрѣ" [325]). На обратномъ пути въ Знаменское, бесѣда ихъ продолжалась и коснулась графа Ростопчина. „Онъ живетъ во Франціи, какъ частный человѣкъ. О великомъ дѣяніи его предъ взятіемъ Москвы, о сохраненіи спокойствія до послѣдней минуты. Какъ знаетъ онъ Русскихъ. Графъ великій патріотъ, ненавидитъ иностранцевъ". Новосильцовъ, бывшій у него во Франціи, говорилъ Погодину, что Ростопчинъ не можетъ безъ слезъ говорить о Россіи. „Павла любитъ, какъ своего благодѣтеля, но не какъ Государя. Во время смерти его, Графа не было въ Петербургѣ: онъ былъ тогда не въ милости... О Екатеринѣ, объ умѣ ея, ея величіи, о Суворовѣ, о Петрѣ, о Ломоносовѣ. Геній! — и я Русскій! — О законахъ, о конституціяхъ" [326]), и пр. Въ такихъ разговорахъ они вернулись въ Знаменское и попали ко дню рожденія Аграфены Прокофьевны Измайловой. Въ то время П. П. Новосильцовъ служилъ при Московскомъ главнокомандующемъ, князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ. Разсказы о немъ Новосильцова поселили въ Погодинѣ желаніе посвятить какой-нибудь свой трудъ сему достойному сановнику. Онъ же сообщилъ ему, что въ Голицынскомъ селѣ Вяземахъ *) есть Евангеліе, подписанное рукою Бориса Годунова [327]). Погодинъ, бесѣдуя однажды съ Новосильцовымъ о духѣ нашего правленія, услышалъ слѣдующее любопытное извѣстіе о молодомъ Муравьевѣ: „Онъ выговаривалъ однажды Карамзину за его похвалы самодержавію, за монархическій духъ его Исторіи. Карамзинъ отвѣчалъ: *да не буду я первый въ моемъ Отечествѣ проповѣдывать тотъ другой духъ, который омылъ кровію всю Европу*" [328]). Всеволожскіе продолжали относиться къ Погодину самымъ дружескимъ образомъ. Такъ однажды, онъ съ А. В. Всеволожскимъ „игралъ въ городки". Въ это время

---

*) Нынѣ это знаменитое село, находящееся въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, принадлежитъ внуку Главнокомандующаго, свѣтлѣйшему князю Дмитрію Борисовичу Голицыну.

Александръ Всеволодовичъ былъ занятъ устроеніемъ быта своихъ крестьянъ, и, вмѣстѣ съ Сипягинымъ, сочинилъ *постановленіе для крестьянъ.* Когда онъ прочелъ оное Погодину, то послѣдній пришелъ въ восторгъ и записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Превосходныя постановленія! Дай Богъ, чтобы побольше такихъ сыновъ имѣла Россія, и больше желать нечего. На что намъ вольность. Мы и безъ нея будемъ счастливы. Я въ жару поцѣловалъ его въ плечо. Вотъ статья для журнала [329]). Въ pendant къ этому, приведемъ разоворъ Погодина съ княгинею Голицыной и А. П. Измайловой, бывшій у нихъ во время прогулки по Знаменскому саду. „Говорили", писалъ онъ, „о рабствѣ въ Россіи, о случаяхъ, въ какихъ даже добрыя дѣла могутъ произвести вредъ. Княгиня Голицына, между прочимъ, сказала: я часто не ѣзжу зимою къ Трубецкимъ, не хотя оставлять на морозѣ людей, стараюсь облегчить ихъ сколько возможно, часто не велю ставить самовара для себя одной, и пр.; между прочимъ, люди отъ сего балуются" [330]). Съ А. В. Всеволожскимъ Погодинъ нерѣдко бесѣдовалъ о состояніи финансовъ въ Россіи, о государственномъ управленіи, о Гурьевѣ, о звонкой монетѣ, о курсѣ, о театрѣ. Мечтали они о томъ, чтобы отправить десять избранныхъ студентовъ по всѣмъ частямъ, лѣтъ на шесть, въ чужіе края. „И мы", говоритъ Погодинъ, „поклонимся Нѣмцамъ, а Московскій Университетъ прославится". Говорили они также о князѣ П. А. Вяземскомъ, о домѣ Трубецкихъ. Разбирали комедію князя Шаховскаго *Липецкія воды,* и находили, что она „наполнена грубыми ошибками во всѣхъ отношеніяхъ" [331]). Предъ Софьей Ивановной Всеволожской, Погодинъ „гремѣлъ противъ Французовъ и всего Французскаго", а также „ругалъ Московскій большой свѣтъ". Съ „откровеннымъ" Дмитріемъ Борисовичемъ Мансуровымъ Погодинъ сошелся на бостонѣ, и бесѣдуя съ нимъ однажды о масонахъ, признался ему, что его нынѣшнею зимою приглашали вступить въ масонское общество. Изъ посѣтителей Знаменскаго, особенное вниманіе Погодина обратилъ на себя князь Петръ Андреевичъ Вязем-

скій, который, вмѣстѣ съ княгинею Вѣрою Ѳедоровною, пріѣзжалъ сюда изъ своего Остафьева въ день именинъ княжны Аграфены Трубецкой, 23 іюня 1822 года. „Смотрѣлъ на Вяземскаго и Вяземскую", отмѣтилъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*: „опухъ, не пьетъ ли онъ?" [332]). Это была первая встрѣча его съ княземъ Вяземскимъ, къ которому онъ впослѣдствіи, сблизившись, до конца своей жизни, питалъ самыя горячія чувства. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой встрѣчи, на полувѣковомъ юбилеѣ Князя, Погодинъ провозгласилъ: „Да здравствуетъ заслуженный академикъ, знаменитый писатель, благородный гражданинъ, да здравствуетъ добрый человѣкъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій!" [333]).

Въ Знаменскомъ же Погодинъ познакомился съ И. В. Чертковымъ, который сообщилъ ему, что у него была богатая библіотека рукописей, погибшая въ 1812 году. Въ это время въ Знаменскомъ праздновали свадьбу княжны Волконской. Погодинъ, провожая ее къ вѣнцу пожелалъ ей счастія и присутствовалъ на свадебномъ обѣдѣ, на которомъ много пили шампанскаго, и оно ему „опротивѣло". Весьма неосторожно ему вздумалось, тотчасъ послѣ обѣда, вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ по пансіону, молодымъ графомъ Толстымъ, покататься на лодкѣ, и онъ едва не упалъ въ воду [334]).

Но нѣжныя чувства Погодинъ продолжалъ питать къ княгинѣ Голицыной и къ княжнѣ Аграфенѣ Трубецкой, особенно къ первой. Однажды онъ увидѣлъ княгиню Голицыну, сидящую около окошка и горько плачущую. „Такъ жаль, и такъ сладко мнѣ было смотрѣть на нее", отмѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „я Богъ знаетъ, чѣмъ бы радъ пожертвовать за то, чтобы быть на мѣстѣ Сеймонда, который сидѣлъ возлѣ нея" [335]). Погодинъ допытывался теперь о томъ, гдѣ и когда, онъ въ первый разъ ее увидѣлъ? Наконецъ доискивается: „это было въ заутрени на Свѣтлое Воскресенье въ 1819 году, въ церкви Введенія, на Лубянкѣ". „Я" пишетъ онъ, „не зналъ тогда еще никого изъ Трубецкихъ. Она была въ сѣромъ

платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ, стояла у образа Введенія, прислонясь къ правому углу, и съ перваго взгляда я принялъ въ ней большое участіе, хотя не могу сказать, чтобъ она тогда сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе. Увидя ее у Трубецкихъ, я не въ первый разъ вспомнилъ, что видѣлъ ее" [336]). Прогулки съ Знаменскимъ обществомъ Погодинъ считалъ для себя весьма полезными тѣмъ, что они *образуютъ обхожденіе.* „Вечеръ прекрасный", писалъ онъ, „небо ясное, вѣтра нѣтъ, мѣсяцъ величественно катится по небу; по одну сторону меня, веселая княжна Аграфена Ивановна, по другую, унылая княгиня Александра Николаевна" [337]). Посѣтивъ однажды комнату княжны Аграфены Трубецкой, Погодинъ замѣчаетъ: „Очень пріятно. Мысль о цѣломудріи разливаетъ благовоніе въ воздухѣ". На банальный комплиментъ его: „Вы очень милы сударыня", Княжна иронически отвѣтила: „Не отъ того ли, что мѣтила нынѣ чулки. Если хотите, я завтра стану шить рубашку, и буду еще милѣе". Но этотъ отвѣтъ чрезвычайно понравился Погодину. „Въ самомъ дѣлѣ", замѣчаетъ онъ по этому поводу, „въ ея голосѣ, движеніяхъ есть что-то отмѣнно привлекательное" [338]). Однажды, во время катанья на лодкѣ, княжна Трубецкая и княгиня Голицына, спрашивали его, скоро ли онъ женится? „Одна", пишетъ онъ, „обѣщалась быть у меня посаженою матерью, другая кумою. Княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ очень хочется видѣть меня *влюбленнымъ*" [339]). По поводу отъѣзда изъ Знаменскаго княгини Голицыной, Погодинъ сознается. „Я сильно привязанъ къ ней. Клянусь, теперь едва ли кто въ Знаменскомъ любитъ ее больше моего".

Среди этихъ восхитительныхъ прогулокъ, разговоровъ, объясненій, явилась мысль издавать *Знаменскій Журналъ*, и подъ 19 іюня 1822 года, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „на меня возложено изданіе журнала и я, слѣдовательно, произведенъ въ историка Знаменскаго. Въ бумагахъ его сохранился подлинникъ этого журнала.

Заглавіе его слѣдующее.

Не для всѣхъ.

Знаменскій Журналъ.

Послѣ заглавія, слѣдуетъ объявленіе о подпискѣ.

Подписка принимается въ квартирѣ у Издателя, въ галлереѣ предъ бульваромъ. Всякій день, если только можно гулять не по шею въ водѣ, выходитъ номеръ. При нѣкоторыхъ приложатся рисунки, при другихъ ноты. Тѣ и другіе будутъ изготовлены лучшими артистами Знаменскими.

Издатель ласкаетъ себя надеждою, что *Не всѣ* удостоятъ его своимъ вниманіемъ.

Посвящается

добрымъ

Людямъ Знаменскимъ.

Чтобы познакомить нашихъ читателей съ духомъ и направленіемъ сего журнала, мы предлагаемъ имъ прочитать 1-й его нумеръ, предисловіе къ которому написано самимъ Погодинымъ.

Ахъ, не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ,
На минуту позабудемся.

Карамзинъ.

№ 1-й.

Отъ издателя.

Всѣ журналисты, отъ перваго до послѣдняго, начинаютъ обыкновенно говорить съ себя. Кому неизвѣстно авторское самолюбіе; для чего же мнѣ измѣнить моей братіи, для чего мнѣ быть исключеніемъ. Мои читатели не разсердятся, если я разскажу имъ на первый случай, какимъ образомъ предпринялъ я сіе изданіе, какія причины побудили меня къ тому, и какой сонъ видѣлъ я въ это время. Пусть это будетъ вступленіе въ мое изданіе.

Живя въ Знаменскомъ, видя предъ собою безпрестанно множество характеровъ оригинальныхъ, ихъ соединенія, раздѣленія, обороты, уловки, сношенія, бывая свидѣтелемъ прекрасныхъ сценъ, кои могутъ служить предметомъ и для стихотворцевъ, и для живописцевъ, слыша множество прекрасныхъ, занимательныхъ разговоровъ, острыхъ словъ, и сожалѣя, что все это погибнетъ въ безднѣ всепоглощающаго времени, я рѣшился сдѣлаться историкомъ Знаменскаго, и сохранить для потомства память о подвигахъ его обитателей. Обширность предмета долго останавливала меня, я вникалъ въ себя, и спрашивалъ, имѣю ли я нужныя для этого способности; видѣлъ свою ничтожность; но—смѣлость города беретъ, подумалъ я: во что бы то ни стало примусь за дѣло и буду утѣшать себя мыслію, что если я сдѣлаю меньше, чѣмъ можно, я сдѣлаю, по крайней мѣрѣ, больше, чѣмъ ничего. Можетъ быть, послѣ меня какой-нибудь помазанникъ музъ прельстится моимъ предметомъ, пойдетъ по дорогѣ, мною проложенной, и удовлетворитъ вполнѣ всѣмъ требованіямъ критиковъ... Эти мысли занимали меня въ вечеру 17 іюня. Я легъ спать съ ними; долго не могъ заснуть... Наконецъ, Морфей посыпалъ на меня Знаменскимъ макомъ, я уснулъ, и вотъ что мнѣ представилось. Начинается утро, я встаю, и исполненный вчерашними предметами, сажусь за столъ, приготовляю все нужное для журналиста, обкладываюсь лексиконами, книгами для справокъ, для пріисканія эпиграфовъ, и т. д.; очиниваю сотни перьевъ, кладу стопу бумаги, ставлю двѣ банки чернилъ, песочницу, два графина воды, откашливаюсь, макаю перо, и крупными буквами вывожу *Знам*... Вдругъ потрясается все мое зданіе, громъ гремитъ надъ моею головою, потолокъ раскрывается, и нѣкій юноша, цвѣтущій какъ вѣчная радость, въ бѣломъ одѣяніи, въ сонмѣ младенцевъ, прекрасныхъ какъ майскія розы, низлетаетъ ко мнѣ на свѣтломъ облакѣ. То былъ геній Знаменскаго. Я обомлѣлъ. — Дерзкій! Что ты дѣлаешь? Я, я... я... и не могъ выговорить ни слова.—Что ты дѣлаешь? Я... я хочу быть историкомъ Знаменскаго.—Знаменскаго? Ты?

Историкомъ? Ты, дерзкій, кто ты таковъ? Я... Русскій учитель.—Мошка! тебѣ позволяютъ смотрѣть на солнце, ты хочешь говорить о немъ, судить о немъ! Опомнись, безразсудный! Лары и Пенаты смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, на лицѣ генія видно было негодованіе. Я въ замѣшательствѣ пролилъ чернила; перо выпало изъ рукъ моихъ, глаза потупились въ землю; я самъ, кажется, стыдился своей дерзости, и ожидалъ приговора. Мое смиреніе понравилось, видно, генію; Лары и Пенаты улыбались. Какъ пришло тебѣ, Пигмею, въ голову такое гигантское предпріятіе?—сказалъ онъ мнѣ нѣсколько тише. Я ободрился, и возвысивъ голосъ, отвѣчалъ ему: Геній, я хотѣлъ сохранить для потомства...—Но какъ могъ ты подумать, что можешь представить такіе разнообразные характеры. Здѣсь всякую секунду или картина, или чувство, или мысль, или слово. Можешь ли ты представить тысячную долю той любезности, того привѣтливаго обращенія, той оборотливости, той натуральной веселости, той ангельской услужливости, какою блистаетъ княжна Аграфена Ивановна Трубецкая? Можешь ли ты представить ту доброту, ту невинность, то простосердечіе, ту страстность, которая начертана на лицѣ и во взорахъ Софьи Ивановны Всеволжской. Можешь ли сдѣлать хотя очеркъ той живости въ чувствованіяхъ, той живости въ мысляхъ, той живости въ выраженіяхъ, той силы воли, той способности ко всему великому и возвышенному, которою отличается княгиня Александра Николаевна Голицына. Можешь ли представить ту обдуманность, ту осторожность, ту разборчивость, ту оборотливость, какую видишь ты въ Настасьѣ Павловнѣ Новосильцовой? Можешь ли описать эту преданность волѣ другихъ, эту терпѣливость, это милое простодушіе, которое украшаетъ Аграфену Прокофьевну Измайлову? Можешь ли представить это остроуміе, эту свѣтскую любезность, соединенную съ какою-то крѣпостію, эту натуральность, которую имѣетъ Петръ Петровичъ Новосильцовъ; это спокойствіе, это благоразуміе, эту ревность къ пользѣ отечества, которыя отличаютъ Александра Всеволодовича Все-

волжскаго? Можешь ли изобразить эту ловкость, эту рѣзвость, эту остроту, которыя показываются въ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой? Можешь ли представить это возникающее мужество, эту стойкость, которыя замѣтны въ князѣ Николаѣ Ивановичѣ Трубецкомъ? Можешь ли ты?..... Гулять, гулять, гулять, сюда, собирайтесь, сюда гулять! вдругъ раздался подъ окошкомъ голосъ княжны Аграфены Ивановны. Негодованіе, пылавшее на лицѣ моего генія, исчезло въ минуту; онъ улыбается, и самъ подходитъ къ окошку, бросивъ на меня взоръ сострадательный, который, казалось, говорилъ мнѣ: марай бумагу бѣднякъ, можетъ быть тебѣ и удастся. Сюда, сюда, гулять, гулять! раздалось снова. Я не вытерпѣлъ больше. Толпа уже собиралась предъ моими глазами. Я позабылъ и генія, и пользуясь его положеніемъ, скользнулъ въ дверь, и на дворъ — и проснулся.

Въ самомъ дѣлѣ, собирались гулять. Я отправился, и вотъ описаніе прогулки. Прогуливающіеся были: княжна Аграфена Ивановна, княгиня Александра Николаевна, Аграфена Прокофьевна, г. Сеймондъ, г. Геништа, и я замѣтилъ, что здѣсь была еще молодая княжна Александра Ивановна, которая съ честію обѣщаетъ нѣкогда заступить мѣсто княжны Аграфены Ивановны въ Знаменскомъ. Что можно сказать болѣе въ похвалу ея. Послѣ нѣкоторыхъ изъясненій о погодѣ, споровъ куда идти, какъ идти, рѣшились пробраться на Кривой мостъ, и раздѣлились на группы. Я былъ сперва съ княжной Александрой Ивановной и Аграфеной Прокофьевной. Смѣялись надъ тѣмъ, что я, хотѣвъ видѣть восхожденіе солнца, проспалъ. Послѣ отдѣлилась къ намъ княгиня Александра Николаевна. Говорили о Французскомъ романѣ *le Solitaire*; княгиня Александра Николаевна хвалила слогъ его, занимательность содержанія. Я утверждалъ противное... Геништа соглашался со мною. Разговоръ перешелъ къ Руссо, къ его твореніямъ, и сдѣлался всеобщимъ. Начали говорить о романахъ. Разлился проклятый Французскій языкъ, при каждомъ звукѣ котораго у насъ на Святой Руси, у меня волосъ дыбомъ ста-

новится. У меня высыпались было слова два три, но они были увлечены стремительнымъ его потокомъ. Ихъ не слыхали. Дѣйствительно, говоря по-французски, трудно пріучить мозгъ нашъ къ Русскимъ впечатлѣніямъ. Я замолчалъ. Вотъ мысли разговаривающихъ: княгиня Александра Николаевна утверждала, вмѣстѣ съ Геништою, что читая всякую хорошую нравственную книгу, въ которой дѣйствуетъ умъ, а не воображеніе, входишь въ себя, исправляешься, дѣлаешься лучшимъ. Княжна Аграфена Ивановна утверждала. что такое исправленіе ненадежно, что не книга, а свѣтъ научаетъ всему. Неправда, сударыня. Хорошія впечатлѣнія остаются въ насъ навсегда, и послѣ примѣняются только къ обстоятельствамъ. Кто привыкъ носиться въ идеалѣ добродѣтели, невѣроятно, чтобы тотъ не исполнялъ ее въ своей жизни, по крайней мѣрѣ, больше, нежели сколько это было бы тогда, когда бы онъ не любилъ ее видѣть въ книгахъ. За этимъ справедливымъ предложеніемъ княгини Александры Николаевны, послѣдовалъ ея же пустой парадоксъ, поддержанный Геништою, что не дѣльное чтеніе романа можетъ испортить дѣйствіе нравственныхъ книгъ. Княжна Аграфена Ивановна вооружилась противъ сего и съ честію. Если романъ изглаживаетъ хорошія впечатлѣнія, слѣдовательно, эти впечатлѣнія не сильны. Чистый силлогизмъ!“

Знаменскій Журналъ издавался съ 18 іюня по 26 августа 1822 года. Всѣхъ нумеровъ было выдано двадцать пять. Журналъ этотъ можетъ служить свидѣтельствомъ того возвышеннаго направленія Знаменскаго общества, въ которомъ имѣлъ счастіе вращаться Погодинъ съ юныхъ лѣтъ своихъ.

День Происхожденія Древъ Честнаго Животворящаго Креста съ особенною торжественностію праздновался въ Знаменскомъ. „Былъ у обѣдни“, писалъ Погодинъ, „и ходилъ на воду. Священникъ, въ полномъ облаченіи, поетъ надъ водою, погружая Святый Крестъ: *Спаси, Господи, люди Твоя.* Эти люди стоятъ около и молятся этому Господу. Вдали прекрасный ландшафтъ: направо церковь, налѣво, на горѣ,

деревня. Виденъ вездѣ народъ. Прекрасно! Ходили съ крестами по двору. Какой піитическій обрядъ". За ужиномъ, княгиня Голицина спросила у Погодина: что значитъ нынѣшній праздникъ? И онъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, и самъ сознается, что ему „стыдно было сказать предъ людьми не знаю" [340]). А между тѣмъ, учрежденіе этого праздника соединяется съ именемъ того Святаго Князя нашего, который впослѣдствіи сдѣлался однимъ изъ героевъ Погодина, которому онъ посвятилъ цѣлое сочиненіе. Праздникъ этотъ учрежденъ въ 1164 году, по поводу побѣдъ царя Греческаго Мануила надъ Срацынами, а нашего великаго князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго надъ Болгарами.

Этотъ пріѣздъ Погодина въ Знаменское, между прочимъ, ознаменованъ первою встрѣчею его съ Дмитріемъ Владиміровичемъ Веневитиновымъ, и вскорѣ послѣ того онъ завязалъ съ нимъ и братомъ его, Алексѣемъ Владиміровичемъ, крѣпкую дружбу. По дорогѣ изъ Москвы въ Знаменское, лежитъ село Черемушки. Въ этомъ селѣ проводило лѣто 1822 года семейство Веневитиновыхъ. Братья Веневитиновы въ раннемъ возрастѣ лишились отца, и своимъ воспитаніемъ всецѣло были обязаны своей матери Аннѣ Николаевнѣ. По свидѣтельству ея внука, нашего почтеннаго испытателя Русскихъ Древностей, Михаила Алексѣевича Веневитинова, Анна Николаевна (род. 1782 + 1841) была изъ роду князей Оболенскихъ. Отецъ ея былъ женатъ на Матренѣ Семеновнѣ Мусиной-Пушкиной, троюродной сестрѣ знаменитаго собирателя Русскихъ Древностей, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, а родная тетка ея была замужемъ за Чичеринымъ, дочь котораго вышла за Льва Александровича Пушкина и приходилась родною бабкою Александру Сергѣевичу Пушкину. Черезъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ Анна Николаевна Веневитинова была въ родствѣ и съ Кошелевыми. „Въ ту эпоху", справедливо замѣчаетъ Веневитиновъ, „родство и свойство являлись главными основаніями для взаимныхъ связей, знакомства и дружбы и служили непослѣднимъ подспорьемъ для свѣтскихъ и

служебныхъ успѣховъ“ [341]). Этимъ объясняются многія знакомства и нашего героя, которыя удалось ему снискать по дружбѣ его съ Веневитиновыми. Погодинъ познакомился съ ними чрезъ Гениште, который и въ этомъ семействѣ давалъ уроки музыки. Но первое знакомство не предвѣщало близкаго сближенія. 14 іюня 1822 года, онъ „ходилъ около деревни Черемушекъ“, читаемъ въ *Дневникѣ*, „въ коей давалъ уроки Гениште, и искалъ кургановъ. Лежалъ подъ деревомъ, прислушивался къ листьямъ, смотрѣлъ на небо. Какой цвѣтъ! Видѣлъ молодыхъ Веневитиновыхъ“. Въ другой разъ, возвращаясь изъ Москвы въ Знаменское, вмѣстѣ съ Геништою, они заѣхали въ Черемушки. Гениште остался тамъ давать уроки, а Погодинъ отправился пѣшкомъ въ Котлы, гдѣ разсматривалъ церковь, бесѣдовалъ съ священникомъ, и узнанное отъ него сообщилъ въ письмѣ Калайдовичу. Послѣ этого археологическаго путешествія, онъ былъ приглашенъ обѣдать къ Веневитиновымъ. „Мнѣ“, пишетъ Погодинъ, „очень не хотѣлось этого, скорѣе бы въ Знаменское; но дѣлать нечего. Послѣ обѣда ловили рыбу.—Я узналъ, что я не люблю ловить рыбу. Это то же, что стрѣлять птицъ. Деревья и цвѣты очень хорошіе. Наконецъ, пріѣхалъ, въ 8 часовъ, въ резиденцію“ [342]).

Въ августѣ 1822 года, Всеволожскіе отправились на Нижегородскую ярмарку, но во Владимірѣ занемогла С. И. Всеволожская, и они принуждены были здѣсь остановиться. Какъ только вѣсть объ этомъ достигла Знаменскаго, тотчасъ же всѣ собрались, и 30 августа поѣхали во Владиміръ, навѣстить больную. Погодинъ остался одинъ. Воспользуясь его уединеніемъ, бросимъ взглядъ на занятіе и чтеніе Погодина, во время четырехъ-мѣсячнаго пребыванія въ Знаменскомъ. Мы можемъ сказать, что онъ, несмотря на свои романтическія похожденія, здѣсь много занимался и много читалъ. Онъ переводилъ Шатобріана, дѣлалъ комментаріи на оды Горація. Читая сочиненія г-жи Сталь, онъ замѣтилъ, что ни одна книга не возбуждала въ немъ такой охоты къ занятіямъ,

какъ сочиненіе этой писательницы *о Германіи*. Со слезами читалъ о Суворовѣ, который былъ для него идеаломъ воина. Изучая басни Дмитріева, онъ пришелъ къ заключенію: „нѣтъ, это не Крыловъ. Слогъ чистый, благородный, и только. Нѣтъ живости разсказа, остроты, простоты“ [343]). Размышлялъ о Гердерѣ и Кантѣ и о тѣхъ „благодѣяніяхъ, которыя они принесли роду человѣческому“. Въ Знаменскомъ же Погодинъ написалъ свои замѣчанія на Филистри.

Еще въ 1822 году, Филистри выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе своихъ таблицъ Россійской Исторіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Историческое Зерцало или Таблица Россійской Исторіи, раздѣленная на четыре періода, украшенная національными памятниками и представляющая современныя событія Всемірной Исторіи; посвященная, по испрошенному на то Высочайшему дозволенію, Ея Величеству, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ*. Авторъ этого *Историческаго зерцала*, К. Филистри, раздѣлилъ свой трудъ на четыре таблицы: I. Россія до введенія Христіанской вѣры. II. Россія, управляемая Великими Князьями. III. Россія подъ правленіемъ Царей, и IV. Россія подъ правленіемъ Императоровъ. При каждой таблицѣ, авторъ сдѣлалъ слѣдующее общее замѣчаніе. „Второе изданіе таблицъ Россійской Исторіи, исправленное и умноженное К. Филистри. Первое изданіе (1818) удостоилось лестнаго одобренія Императорской Россійской Академіи“. Цензорская помѣтка этого втораго изданія сдѣлана въ С.-Петербургѣ, 17 августа 1820 г. Познакомившись съ этими таблицами и прочитавъ о нихъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* „великолѣпное объявленіе“, написанное „однимъ панегиристомъ“, Погодинъ рѣшился написать о нихъ свои критическія замѣчанія, съ тою цѣлію, чтобы предостеречь „несвѣдущихъ людей“, которые, прочитавъ о нихъ „великолѣпное объявленіе“, сочтя оное за справедливую похвалу, вздумаютъ руководствоваться сими таблицами, особливо при воспитаніи дѣтей, и тѣмъ самымъ приведутъ ихъ въ заблужденіе и распространятъ такія мнѣнія, о „коихъ нынѣ всякому, едва знакомому съ Исторіею, даже слушать

стыдно". Предъ своимъ отъѣздомъ въ Знаменское, Погодинъ посѣтилъ И. И. Давыдова, и встрѣтя у него Каченовскаго, спросилъ его: „Можно ли сдѣлать замѣчанія на эти Таблицы? „Непремѣнно надобно", отвѣтилъ Каченовскій.

Въ Знаменскомъ Погодинъ и написалъ свои *Замѣчанія.* Окончивъ трудъ, онъ повезъ его въ Москву, къ И. И. Давыдову, съ просьбою передать Каченовскому. Но при этомъ, убоявшись, чтобы *Замѣчанія* его не показались „глупыми", просилъ Давыдова сказать Каченовскому, чтобы Михаилъ Трофимовичъ „не подписывалъ подъ ними его имени"; но Каченовскій на это послѣднее условіе не согласился, представляя въ резонъ то обстоятельство, что издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, князь Шаликовъ, „почитая Каченовскаго сочинителемъ статей противъ него, и такъ сдѣлался уже его врагомъ". Въ іюльской же книжкѣ *Вѣстника Европы* появилась статья Погодина, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя Замѣчанія на Таблицы Россійской Исторіи, Филистри.* Въ этой статьѣ критикъ, вооружается противъ мнѣнія автора, „что Славяне суть потомки Мидянъ"; что авторъ выдаетъ „съ благородною смѣлостью" за достовѣрное то, „о чемъ наши историки только догадываются"; что авторъ „маловажныя обстоятельства ставитъ наряду съ событіями, имѣвшими вліяніе на судьбу государства; что храмы древнихъ Славянъ представлены такъ, что, кажется, не обезобразили бы самыхъ Аѳинъ въ цвѣтущій вѣкъ архитектуры Греческой. Критикъ вооружается также противъ изображенныхъ въ таблицахъ бюстовъ Рюрика, Владиміра, Іоанна, и при этомъ замѣчаетъ: „Въ сочиненіяхъ, издаваемыхъ для дѣтей, кажется, надлежало бы избѣгать всего, что можетъ ввести ихъ въ заблужденіе" [344]). Статья эта произвела въ Знаменскомъ нѣкоторое впечатлѣніе. Когда она появилась въ *Вѣстникѣ Европы*, то А. В. Всеволожскій читалъ ее вслухъ своей женѣ и княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ. Статья снискала похвалы, что было Погодину „очень пріятно"; но было ему непріятно то, что Каченовскій

въ его статьѣ „перемѣнилъ“ кое-что, мѣстахъ въ трехъ, по сознанію Погодина, „очень глупо“.

Когда Погодинъ остался одинъ въ Знаменскомъ, ему пришла мысль написать эпическую поэму *Моисей*. „Еслибы“, мечталъ онъ, „вдругъ осѣнило меня небесное вдохновеніе и я бухнулъ эпическую поэму *Моисей*, въ 24 пѣсняхъ, которая бы стала рядомъ съ *Мессіадою*, *Іерусалимомъ*. Вдругъ заговорили журналы. Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ ищутъ знакомства. А, дождались мы, сказали бы они. Въ чужихъ краяхъ зашумѣла бы молва о новой эпической поэмѣ. Академія, руками Карамзина, вручаетъ мнѣ золотую медаль. Я, тридцати лѣтъ, благодарю, называю Карамзина моимъ учителемъ. Между зрителями, княгиня Голицына. Далѣе, Петра Великаго“ [345]). Въ срединѣ сентября, Трубецкіе вернулись изъ Владиміра, и Погодинъ разспрашивалъ княжну Аграфену Трубецкую объ ихъ путешествіи, о Владимірскомъ архипастырѣ Парѳеніи. Наконецъ, приходилось разставаться съ Знаменскимъ.

„Теперь остается сказать“, пишетъ онъ, въ заключеніи *Знаменскаго Журнала*, Прости Знаменское! Простите прогулки, и издатель долженъ принести *Не Всѣмъ* искреннюю свою благодарность за то вниманіе, которымъ они удостоивали посильные труды его на пользу Знаменскаго общества. Главною цѣлію его, главнымъ желаніемъ было доставить *Не всѣмъ* хотя минутное удовольствіе, и если онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ ожиданію членовъ, то можетъ, покрайней мѣрѣ, сказать торжественно, что онъ желалъ оправдать ихъ довѣренность; но

On fait ce qu'on peut
Et non pas ce qu'on veut.

Можетъ быть, разстается онъ съ ними на долго, можетъ быть, никогда не будетъ уже принимать такого участія въ обществѣ, можетъ быть, и братія наша разсѣется; и теперь уже, окинувъ глазами наше собраніе, мы видимъ, что изъ *Не*

Всѣхъ уже убыло много. Напрасно взоры наши ищутъ княгиню Голицыну. Ея нѣтъ здѣсь! Повторимъ, братія, въ минуту разставанія, въ минуту торжественную, тѣ желанія, которыя такъ часто посылали мы къ ней: Да сохранитъ ее Богъ на пути ея, да развеселитъ ея сердце, да будетъ она опять украшеніемъ нашему обществу. Мы не видимъ также нашего добраго, привѣтливаго Геништу. Гдѣ онъ? Но для чего повторять мнѣ, что вы чувствуете. *Не всѣ*—не всѣ, но гдѣ бы они ни были, да сохранятъ они другъ къ другу тѣ чувства, которыя питаютъ теперь, да помнитъ каждый о братіи, а братія да помнитъ о каждомъ, да будутъ розно—вмѣстѣ, да не забудутъ и журналиста, да не уменьшатъ къ нему той благосклонности, которая составляла, по крайней мѣрѣ, настоящее его счастіе и доставитъ сладостное воспоминаніе впередъ, да будутъ увѣрены, что онъ былъ преданъ имъ всею душою, всѣмъ сердцемъ, любилъ ихъ и желалъ имъ всякаго блага. Братіе! Благодарность Богу за прошедшее настоящее и будущее! Взаимное воспоминаніе".

XXII.

По возвращеніи изъ Знаменскаго, Погодинъ цѣлыя двѣ недѣли кочевалъ по Москвѣ и не имѣлъ постояннаго жилища, такъ какъ жильцы его дома долго не очищали ему квартиры. Въ особенности досаждалъ ему одинъ изъ этихъ жильцовъ, нѣкто Тугариновъ. Это обстоятельство привело Погодина въ сношеніе съ квартальными, съ которыми онъ, впрочемъ, сошелся, и съ однимъ изъ нихъ даже бесѣдовалъ „о Карамзинѣ и о простотѣ его жизни". Кромѣ возни съ жильцами, онъ въ это время былъ также озабоченъ устройствомъ своего новаго жилища. „И я", писалъ онъ княгинѣ Голицыной, отъ 13 октября 1822 г., „по цѣлымъ днямъ обиталъ въ мірѣ купцовъ, мастеровыхъ, плотниковъ". Эта возня и эти хлопоты настроили мысли его на печальный ладъ: „думалъ съ тоскою о

своей жизни и цѣли ея. Куда дѣваться! Вездѣ и нигдѣ“ [346]). Наконецъ, 12 октября 1822 года, Погодинъ поселился въ своемъ домикѣ, въ приходѣ Николы Кобыльскаго, близъ мостика. „Перебрался совершенно въ свое гнѣздо“, писалъ онъ княгинѣ Голицыной, „и теперь могу сказать: щей горшокъ, да самъ большой. На новосельѣ онъ мечталъ попризаняться Математическою и Физическою Географіею, Латинскимъ языкомъ и Хронологіею. Но и здѣсь, переживаемый имъ періодъ „скитанія мыслей“ его тяготилъ. „Очень стало грустно мнѣ“, писалъ онъ, „и горько: что̀ я дѣлаю обстоятельнаго? Помолился Богу больше отъ сердца, нежели отъ разума“.

Мы знаемъ, что Погодинъ уже представлялся А. Ѳ. Малиновскому и даже получилъ отъ него предложеніе давать уроки его дочери, но, тѣмъ не менѣе, въ это время Малиновскій имѣлъ еще довольно смутное понятіе о немъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая записка его къ Калайдовичу, отъ 21 октября 1822 года: „Пришлите мнѣ записку имени и отчества того кандидата, который учитъ у князя Трубецкого и котораго вы нынѣшнимъ лѣтомъ рекомендовали мнѣ и Канцлеру, для перевода Славянской Грамматики. Добавьте къ тому мѣсто его жительства“. Черезъ недѣлю послѣ этой записки, Погодинъ является къ Малиновскому и между ними происходитъ слѣдующій разговоръ, по поводу предложенія давать уроки его дочери: „Почемъ берете“? спросилъ Малиновскій. По восьми! Отвѣтилъ Погодинъ. Почемъ возьмете съ меня? По семи! Помиримся на шести. Я пригожусь вамъ. Нечего дѣлать—согласился“ [347]). Погодинъ не ошибся. Въ Малиновскомъ онъ нашелъ надежнаго себѣ покровителя, а разсказы его принадлежатъ также къ разряду *живыхъ источниковъ;* да и самъ Малиновскій былъ, такъ сказать, олицетворенный *русскій архивъ.* Вскорѣ послѣ того, онъ пригласилъ Погодина къ себѣ обѣдать. „Принялъ отмѣнно ласково“, отмѣчаетъ послѣдній въ *Дневникѣ,* „Пріѣхалъ туда нашъ профессоръ Василевскій, еще кто-то. Я провелъ часа четыре, слушая прекрасные разговоры. Малиновскій говоритъ вѣско и хорошо по-русски.

Василевскій также складно говорилъ о театрѣ въ Италіи, о способности Русскихъ говорить на разныхъ языкахъ, объ уваженіи отечественнаго языка у другихъ народовъ, о житьѣ въ чужихъ краяхъ, объ уголовныхъ законахъ, о В. Ѳ. Тимковскомъ. Говорили также о Бенжаменъ-Констанѣ. Василевскій сказалъ, что онъ въ простомъ обществѣ человѣкъ слишкомъ обыкновенный. Прекрасно разсказывали анекдоты. Напримѣръ: въ одной деревнѣ былъ приписной крестьянинъ. Дошло какъ-то до свѣдѣнія правительства; мужики испугались. Приписной самъ представилъ себя въ жертву, для выручки всѣхъ изъ бѣды. Его убили. Государь прослезился и велѣлъ дѣтей убитаго освободить отъ всѣхъ повинностей, а Сенату—выговоръ за буквальное толкованіе закона.—П. Д. Еропкинъ, въ день, назначенный для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, ходилъ къ обѣднѣ, молился. Онъ не могъ безъ слезъ вспоминать объ одномъ наказанномъ, который сильно подозрѣваемъ былъ въ смертоубійствѣ, признался по страху и былъ сосланъ". Подобные разговоры, справедливо замѣчаетъ Погодинъ, „стоятъ урока" [348]). Такъ завязались у него добрыя отношенія съ А. Ѳ. Малиновскимъ, игравшимъ видную роль въ Московскомъ обществѣ.

Извѣстный своею ученостью и библіофильскою страстью, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, съ 1817 года проживалъ безвыѣздно во Флоренціи. Между тѣмъ, сынъ его подросталъ, и онъ былъ озабоченъ пріисканіемъ ему Русскаго учителя изъ Москвы. Жребій палъ на Погодина и ему, въ концѣ 1822 года, предложили ѣхать на два года въ Италію, для занятія Русскимъ языкомъ съ семнадцатилѣтнимъ графомъ Бутурлинымъ. Погодинъ запросилъ, кромѣ путевыхъ издержекъ, по пяти тысячъ въ годъ. Въ ожиданіи отвѣта, онъ отправился за совѣтомъ къ И. И. Давыдову, который сказалъ ему, что „мало потребовалъ"; а когда Погодинъ замѣтилъ, что хочется поучиться въ Италіи, то И. И. Давыдовъ отвѣтилъ: „Учиться можно вездѣ. Все, что ни есть тамъ лучшаго, есть у насъ въ книжныхъ лавкахъ, но быть

окруженному новыми лицами, новыми предметами — вотъ что полезно“ [349]). Повидимому, Погодинъ съ удовольствіемъ готовъ былъ ѣхать, а между тѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого предложенія, вотъ что онъ писалъ въ *Дневникѣ*: „Мнѣ кажется, если бы мнѣ предложены были неистощимые милліоны, въ самомъ прелестнѣйшемъ мѣстѣ на земномъ шарѣ; еслибы даны были всѣ способы для житья умомъ и сердцемъ; если бы я всякій день говорилъ и съ Гете, и съ Шатобріаномъ, и съ Шеллингомъ, и съ Байрономъ, и тогда я не согласился бы оставить свое отечество навсегда“ [350]). Правда, эти строки были написаны имъ въ Знаменскомъ. Извѣщая о предложеніи ѣхать въ Италію княгиню Голицыну, Погодинъ писалъ, между прочимъ: „а во Флоренціи есть чему поучиться. Впрочемъ, хорошо мнѣ и здѣсь. Очень пріятно жить въ своемъ углу“. Въ ожиданіи рѣшенія на предложенныя имъ условія ѣхать въ Италію, онъ впалъ въ уныніе. „Грусть и горечь“, писалъ онъ, „отъ неизвѣстности занятій. Кажется, въ Италіи было бы лучше, не было бы разсѣянія, зналъ бы одно дѣло, имъ бы и занимался. Здѣсь то туда, то сюда; то знакомые, то голова кругомъ идетъ. Впрочемъ, это не оправданіе, лѣнь, не могу возвыситься надъ этимъ, и въ свободное время не работаю постоянно. Горечь. Помолился Богу“ [351]). Это томительное состояніе длилось очень долго. Предложеніе Погодину шло чрезъ графиню Екатерину Артемьевну Воронцову (род. 1780, † 1836), сестра которой, графиня Анна Артемьевна, была замужемъ за графомъ Д. П. Бутурлинымъ. Наконецъ, уже въ мартѣ 1823 года, графиня Воронцова требуетъ къ себѣ Погодина; тотъ отправляется къ ней „съ надеждою ѣхать въ Италію“, но „увы! Отказъ. Дорого! [352]).

Еще до личнаго знакомства съ Пушкинымъ, Погодинъ зорко слѣдилъ за его произведеніями и своими первыми впечатлѣніями дѣлился съ Тютчевымъ. Уже въ 1820 году, онъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Говорилъ съ Тютчевымъ о молодомъ Пушкинѣ, объ одѣ его *Вольность*, о свободномъ, благородномъ духѣ, появляющемся у насъ съ нѣкотораго времени, о глупыхъ

профессорахъ нашихъ. Восхищался нѣкоторыми описаніями въ Пушкинскомъ *Русланѣ*; въ цѣломъ же такія несообразности, нелѣпости, что я не понимаю, какимъ образомъ онѣ могли придти ему въ голову“ [353]). При выходѣ въ свѣтъ *Кавказскаго Плѣнника*, Погодинъ дерзнулъ выступить критикомъ этого произведенія Пушкина. Возвратившись изъ Знаменскаго въ Москву, онъ тотчасъ же отправился къ Тверскимъ воротамъ „за *Кавказскимъ Плѣнникомъ*“, воображая себѣ удовольствіе, какое онъ ему доставитъ; но, къ его огорченію, книжная лавка была уже заперта. На другой день, онъ отправился туда же и дорогою, на обратномъ пути, „прочелъ половину“. Перечитавъ еще разъ, и найдя эту поэму „превосходною“, онъ принялся за разборъ ея. Когда окончилъ, отправился къ Кубареву прочесть свой разборъ, но „не прочлось“. На другой день онъ отнесъ разборъ Каченовскому, который, между прочимъ, разговорился съ нимъ объ Исторіи. „Первому вѣку“, пишетъ Погодинъ, „кажется, не вѣритъ вовсе. Какъ могъ дѣлать такіе походы Олегъ. Говорилъ объ изданіи лѣтописей. Карамзинъ себѣ на умѣ; потомъ, еслибы не было Шлецера, такъ, глядишь, опять попали бы на прежнюю дорогу. О Казарахъ, о Еверсѣ, о Добровскомъ. Оставилъ обѣдать у себя. Остеръ былъ за столомъ“ [354]). Разборъ Погодина *Кавказскаго Плѣнника* былъ напечатанъ въ первомъ нумерѣ *Вѣстника Европы* 1823 года. Въ этомъ разборѣ, мы, между прочимъ, читаемъ: „Давно уже любители поэзіи не получали отъ нашихъ стихотворцевъ никакихъ подарковъ значительныхъ; съ 1815 года не много вышло такихъ произведеній, которыя бы съ честію заняли мѣста въ сокровищницѣ Русской Словесности. Новый атлетъ, Пушкинъ, кажется, хочетъ вознаградить сей недостатокъ: прошлаго года онъ далъ намъ *Руслана*; нынѣ получили мы отъ него *Кавказскаго Плѣнника*, и скажемъ смѣло, что эта повѣсть должна почесться прелестнымъ цвѣткомъ на Русскомъ Парнассѣ. — Молодой стихотворецъ быстро идетъ впередъ: первая поэма его, показавшая въ полной мѣрѣ, чего отъ него ожидать должно, не удовлетворила

во многихъ отношеніяхъ строгимъ требованіямъ знатоковъ; но въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, вмѣстѣ съ юнымъ, крѣпкимъ, пылкимъ воображеніемъ, видно искусство и зрѣлый плодъ труда; соображеніе обширнѣе, планъ правильнѣе". Но Погодинъ вооружается противъ чувственности, которая иногда проявляется въ поэмѣ Пушкина, и замѣчаетъ: „слова, сказанныя плѣнникомъ о себѣ:

Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья...

или:

„Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей"...,

показываютъ, что плѣнникъ смотрѣлъ на любовь не съ благородной стороны. Можно ли выставлять такія чувства! Сіи стихи, скажемъ кстати, не напоминаютъ ли соблазнительности, коими наполнена первая поэма Пушкина. Пусть вспомнитъ онъ, что первымъ украшеніемъ Гомеровой Венеры почитается поясъ стыдливости. Неужели чувственности должна говорить Поэзія? Это ли святая цѣль ея?" Въ заключеніе своего разбора, Погодинъ пишетъ: „Порадуемся, что любезный Поэтъ нашъ обѣщается разсказать намъ повѣсть дальнихъ странъ, про нашего удалого Мстислава, обѣщается прославить битвы Русскихъ на вершинахъ Кавказскихъ. Пожелаемъ ему успѣшнаго исполненія этихъ обѣщаній" [355]). Въ это же время Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву (отъ 26 сентября 1822): „Въ поэмѣ либерала Пушкина слогъ живописенъ: я не доволенъ только *любовнымъ похожденіемъ*. Талантъ дѣйствительно прекрасный: жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія" [356]).

Въ это же время проживалъ въ Москвѣ и занимался литературой Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, сказавшій самъ о себѣ: „Давыдовъ не нюхаетъ съ важностью табаку, не смыкаетъ бровей въ задумчивости: голосъ его тонокъ, рѣчь жива и огненна. Принадлежа старѣющему поколѣнію и лѣтами, и службою, онъ свѣжестью чувствъ, веселостью характера, по-

движностью тѣлесною и ратоборствомъ въ послѣднихъ войнахъ собратствуетъ, какъ однолѣтокъ, и текущему поколѣнію. Его благослоиилъ великій Суворовъ; но кочуя и сражаясь тридцать лѣтъ съ людьми посвятившими себя исключительно военному ремеслу, онъ въ тоже время занимаетъ не послѣднее мѣсто въ Словесности. Охваченный вѣкомъ Наполеона, изрыгавшимъ всесокрушительными событіями, какъ Везувій лавою, онъ пѣлъ въ пылу ихъ, объятый пламенемъ. Миръ и спокойствіе — и о Давыдовѣ нѣтъ слуха, его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ; но повѣетъ войною — и онъ уже тутъ; торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ — и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея отрасляхъ, — въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніяхъ художествъ, въ подвигахъ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли, — вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея, — вотъ Давыдовъ!" [357]). Съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ Погодинъ имѣлъ счастіе познакомиться 16 октября 1822 года, въ домѣ Всеволожскихъ. „Огонь!", писалъ Погодинъ, „съ какимъ жаромъ говорилъ о поэзіи, о Пушкинѣ, о Жуковскомъ. Въ молодости только, говорилъ онъ, можно писать стихи; надобна гроза, буря, надобно, чтобъ било нашу лодку... Теперь я въ пристани, на якорѣ. Теперь не до стиховъ. Какъ восхищался Байрономъ, разсказывалъ мѣста изъ него. Негодуетъ на Жуковскаго, зачѣмъ онъ только переводитъ. Пушкина заставилъ Раевскій дать такой характеръ *Плѣннику*. Онъ переводить ничего не можетъ. Прекрасно дразнитъ обезьяну. Пишетъ стихи за присѣстъ, однако, мараетъ много. Александрійскіе стихи — императорскіе. Говорилъ о своемъ дневникѣ, біографіи, и пр. Огонь, огонь!" [358]) Давыдовъ до такой степени понравился Погодину, что онъ желалъ, чтобы его богиня княгиня Голицына, вышла за него за-мужъ, не зная, вѣроятно, того, что Давыдовъ, еще съ 1821 года, состоялъ въ законномъ бракѣ.

18 августа 1822 года, домашній докторъ Трубецкихъ,

Іустинъ Евдокимовичъ Зоуеръ, сообщилъ Погодину, что вышло Высочайшее повелѣніе о закрытіи масонскихъ ложъ, и при этомъ Зоуеръ сказалъ: „я знаю тайны ихъ, и, можетъ быть, только два человѣка изъ самихъ масоновъ знаютъ истинную цѣль свою“. И дѣйствительно, отъ 1 августа 1822 года былъ выданъ Высочайшій указъ на имя Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубея: *объ уничтоженіи Масонскихъ ложъ и всякихъ тайныхъ обществъ*.

Высочайшее повелѣніе гласитъ слѣдующее: „Безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ, изъ коихъ иныя, подъ наименованіемъ ложъ масонскихъ, *первоначально цѣль благотворенія* имѣвшихъ, другія, занимаясь сокровенно предметами политическими, впослѣдствіи обратились ко вреду спокойствія государствъ, и принудили въ нѣкоторыхъ сіи тайныя общества запретить.

Обращая всегда бдительное вниманіе, дабы твердая преграда была полагаема всему, что ко вреду государства послужить можетъ, и въ особенности въ такое время, когда, къ несчастію, отъ умствованій, нынѣ существующихъ, проистекаютъ столь печальныя въ другихъ краяхъ послѣдствія, я призналъ за благо въ отношеніи помянутыхъ обществъ предписать слѣдующее:

1) Всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то: масонскихъ ложъ, или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять.

2) Объявя о томъ всѣмъ членамъ сихъ обществъ, обязать ихъ подписками, что они впредь ни подъ какимъ видомъ ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ бы благовиднымъ названіемъ они ни были предлагаемы, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея составлять не будутъ.

3) Какъ несвойственно чиновникамъ, въ службѣ находящимся, обязывать себя какою-либо присягою, кромѣ той, которая законами опредѣлена, то поставить въ обязанность и

всѣмъ министерствамъ, и другимъ начальствамъ, въ обѣихъ столицахъ находящимся, потребовать отъ чиновниковъ, въ вѣдомствѣ ихъ служащихъ, чтобы они откровенно объявили, не принадлежатъ ли они къ какимъ-либо масонскимъ ложамъ или другимъ тайнымъ обществамъ въ Имперіи или внѣ оной, и къ какимъ именно?

4) Отъ принадлежащихъ къ онымъ взять особую подписку, что они впредь принадлежать уже къ нимъ не будутъ; если же кто таковаго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться въ службѣ.

5) Поставить въ обязанность главноуправляющимъ въ губерніяхъ и гражданскимъ губернаторамъ строго наблюдать: во-первыхъ, чтобъ нигдѣ ни подъ какимъ предлогомъ не учреждалось никакихъ ложъ или тайныхъ обществъ, и, во-вторыхъ, чтобъ всѣ чиновники, кои къ должностямъ будутъ опредѣляемы, обязываемы были, на основаніи статей 3-й и 4-й, подписками, что они ни къ какимъ ложамъ или тайнымъ обществамъ не принадлежатъ и впредь принадлежать не будутъ" [359]). Хотя Погодинъ масономъ никогда не былъ, но имѣлъ съ ними нѣкое соприкосновеніе и даже получалъ приглашеніе вступить въ масонское общество: on a examiné ma manière de penser, сознается онъ. Другъ его, Н. А. Загряжскій, которому онъ, какъ мы уже видѣли, былъ столь обязанъ въ своемъ религіозномъ образованіи, былъ, кажется, не чуждъ масонства. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 16 октября 1822 г., мы находимъ слѣдующую запись: „Ходилъ извѣстить Головина о конференціи съ графинею Воронцовою. Знаете ли вы Загряжскаго?—Знаю.—О чемъ вы говаривали съ нимъ? — О чемъ случится. — Однако-жъ?—Молчу.—Напримѣръ, не говорилъ ли онъ о масонствѣ?—Иногда, въ обыкновенныхъ разговорахъ.—Не ссужалъ-ли васъ книгами? — Я бралъ у него масонскія... Если бы спросилъ меня теперь Загряжскій о масонствѣ, что отвѣчалъ бы я ему? Право, не знаю". Не менѣе любопытна и слѣдующая запись Погодина, подъ тѣмъ же числомъ: „Толковали

о храмѣ Христа Спасителя. Великолѣпнѣйшее будетъ зданіе. Не есть ли это мысль масоновъ, выраженная Витбергомъ". Но на смѣну масоновъ явились *шеллингисты*.

Начало Словесной службы Погодина совпадаетъ съ появленіемъ въ Москвѣ послѣдователей Шеллинга, смѣнившихъ послѣдователей Канта. Фридрихъ Вильгельмъ Іосифъ фонъ-Шеллингъ (род. 1775 † 1854), мыслитель первой величины, надѣленный творческимъ умомъ и пламенною фантазіею, философъ и ученый, физикъ и медикъ, литераторъ и дѣловой человѣкъ — другъ и единомышленникъ Фихте. Онъ испытывалъ природу, какъ она изливается въ своихъ явленіяхъ изъ обильнаго источника духовной дѣятельности. Шеллингъ стремился, въ созерцаніи міра, къ цѣлому, къ безусловному, коего откровеніе—вселенная. Объять вселенную дѣйствіемъ умственнаго созерцанія, не тѣсниться въ кругу ограниченнаго, мелочнаго *Я*, а познать все сущее, природу и духъ, въ общемъ ихъ началѣ,—вотъ и главная цѣль его, и блистательная заслуга [360]). Въ 1829 году, П. В. Кирѣевскій, будучи въ Мюнхенѣ, посѣтилъ Шеллинга, и въ письмѣ своемъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія какъ о личности, такъ и обстановкѣ знаменитаго Германскаго мыслителя: „Я сейчасъ возвратился отъ Шеллинга... Меня встрѣтила дѣвушка лѣтъ 19-ти, недурная собой, съ маленькой сестрою, лѣтъ десяти, и, когда я спросилъ, здѣсь ли живетъ der Herr geheime Hoffrath von Schelling, сказала маленькой: Sieh doch nach, ob der Papa zu Hause ist?.. Проситъ меня войти на минуту въ пріемную комнату, а самъ сейчасъ выйдетъ. Гостиная—маленькая комнатка, и не только имѣющая видъ простоты, но даже бѣдности... На голыхъ стѣнахъ, нѣсколько закопченыхъ, виситъ одинъ маленькій эстампъ, представляющій очерки какой-то фигуры, едва видной въ лучахъ свѣта, и вокругъ нея молящійся народъ... Наконецъ, отворилась дверь,—вошелъ Шеллингъ... Я увидалъ человѣка, по наружности, лѣтъ сорока, средняго роста, сѣдаго, нѣсколько блѣднаго, и Геркулеса, по крѣпости сложенія, съ лицомъ спокойнымъ и яснымъ. Глаза

его свѣтло-голубые, лицо кругловатое, лобъ крутой, носъ нѣсколько вздернутый къ верху, сократически, верхняя губа довольно длинная и нѣсколько выдавшаяся впередъ, но, не смотря на то, черты лица довольно стройныя, и лицо, хотя округлое, но сухое; вообще, онъ, кажется, весь составленъ изъ однѣхъ жилъ и костей. Опредѣлить выраженіе его лица всего труднѣе... И говорившій, что выраженіе лица на портретѣ Жанъ-Поля слишкомъ индивидуально, назвалъ бы выраженіе Шеллингова — абсолютнымъ. Только въ нижней части лица видна какая-то энергія, и легкій оттѣнокъ задумчивости въ глазахъ, когда онъ перестаетъ говорить. Но когда онъ, опустивъ на минуту глаза въ землю, вдругъ взглянетъ, какая-то молнія блеснетъ въ его глазахъ, обыкновенно совершенно спокойныхъ... Въ кабинетѣ его я ничего не могъ замѣтить, кромѣ кипы бумагъ на большомъ столѣ, и нѣсколько рядовъ книгъ на доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ... Началъ разспрашивать о Москвѣ, Лодерѣ, съ которымъ былъ знакомъ... Говорилъ, что воображаетъ въ Москвѣ большое разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, смѣшеніе азіатской роскоши и обычаевъ съ европейскимъ образованіемъ... Онъ говорилъ о трудностяхъ Русскаго языка для иностранцевъ, и какъ важно, между тѣмъ, его изученіе; хвалилъ его звучность, говорилъ, что очень много слышалъ о нашемъ Жуковскомъ, и что, по всѣмъ слухамъ, это долженъ быть человѣкъ отличный. Очень хвалилъ Тютчева: das ist ein sehr ausgezeichneter Mensch, сказалъ онъ, между прочимъ, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gern unterhält. Голосъ его довольно тихій и густой: онъ говоритъ не медленно и не скоро, а нѣсколько отрывисто. Разговоръ его такъ простъ, живъ и не размѣренъ, что невольно забываешь, что говоришь съ этимъ огромнымъ Шеллингомъ“ [361]). „Счастливы государства“, проповѣдывалъ Шеллингъ, „гдѣ люди, зрѣлые и богатые положительными знаніями, постоянно возвращаются къ Философіи, чтобы освѣжать и обновлять духъ свой и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобщими началами, которыя дѣйствительно упра-

вляютъ міромъ и связуютъ какъ бы въ неразрывныхъ узахъ всѣ явленія природы и мысли человѣческой. Только отъ частаго обращенія души къ этимъ общимъ началамъ образуются мужи, въ полномъ смыслѣ слова способные всегда становиться передъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе не способные положить оружіе передъ мелочностью и невѣжествомъ даже тогда, когда, какъ нерѣдко бываетъ, многолѣтняя общественная вялость позволила крайне посредственнымъ людямъ возвыситься и крайне невѣжественнымъ сдѣлаться вожаками общества" [362]).

Князь В. Ѳ. Одоевскій, въ своемъ сочиненіи *Русскія Ночи*, прекрасно изобразилъ значеніе Шеллинговой философіи. „Вы не можете себѣ представить", говоритъ онъ, „какое дѣйствіе произвела въ свое время Шеллингова философія, какой толчокъ дала она людямъ, заснувшимъ подъ монотонный напѣвъ Локковыхъ рапсодій. Въ началѣ XIX вѣка Шеллингъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Христофоръ Колумбъ въ XV: онъ открылъ человѣку неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословныя преданія—его душу. Какъ Христофоръ Колумбъ, онъ нашелъ не то, чего искалъ; какъ Христофоръ Колумбъ, онъ возбуждалъ надежды неисполнимыя, но, какъ Колумбъ, далъ новое направленіе дѣятельности человѣка! Всѣ бросились въ эту чудную, роскошную страну, кто ради науки, кто изъ любопытства, кто для поживы. Одни вынесли оттуда много сокровищъ, другіе лишь обезьянъ, да попугаевъ, *но многіе и потонули*" [363]). Первымъ проводникомъ въ Россію философіи Шеллинга былъ Данило Михайловичъ Веланскій (1774 † 1847), одинъ изъ любимыхъ учениковъ Шеллинга и „славный" въ свое время Петербургскій профессоръ Физіологіи. Вотъ что́ писалъ онъ къ князю В. Ѳ. Одоевскому, отъ 17 іюля 1824 года: „Почти за двадцать лѣтъ предъ симъ, т.-е. въ 1804 г., я первый возвѣстилъ Россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основаныхъ на философическомъ понятіи, которое, хотя значилось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ.

Таковыя познанія относилъ я единственно къ физическимъ предметамъ, не принаравливая оныхъ ни къ какимъ происшествіямъ въ области духа человѣческаго; однако же, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ не могли ни понять, ни опровергнуть моихъ положней, старались представить оныя предосудительными въ моральномъ и религіозномъ смыслѣ. До мрачныхъ обстоятельствъ для просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ, я не страшился пустыхъ нареканій. Но съ того времени, какъ обскурантизмъ началъ управлять колесницею Русскаго Феба, ужаснулся я отъ тучъ, окружавшихъ оную, и остаюсь въ бездѣйствіи“ [364]). Къ тому же Петербургъ не представлялъ и благодарной почвы для посѣва сѣмянъ Философіи, и Веланскій, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ тамъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Москвѣ. Почва Московская была вполнѣ благопріятна для сего посѣва и произрастила плоды, которыми украшалось и гордилось наше Отечество. Шеллингова философія была привезена въ Московскій Университетъ знаменитымъ профессоромъ, Михаиломъ Григорьевичемъ Павловымъ, и очаровала тогда всю учащуюся молодежь. И. И. Давыдовъ, бывшій тогда инспекторомъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, былъ проводникомъ ея въ старшихъ классахъ: онъ давалъ книги воспитанникамъ, толковалъ съ ними о новой системѣ, и имѣлъ сильное вліяніе на цѣлое поколѣніе. „Моя юность“, писалъ впослѣдствіи одинъ изъ питомцевъ Пансіона, со страстію изучавшій Шеллинга, князь В. Ѳ. Одоевскій, „протекла въ ту эпоху, когда Метафизика была такою же общею атмосферою, какъ нынѣ Политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы построить всѣ явленія природы, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной жизни, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка. Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ,

которые рылись *въ грубой матеріи.* Изъ Естественныхъ наукъ лишь одна намъ казалась достойною вниманія любомудра, — Анатомія, какъ наука человѣка. Мы принялись за оную практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера; но Анатомія естественно натолкнула насъ на Физіологію, науку, тогда только-что начинавшуюся и которой первый плодовитый зародышъ появился у Шеллинга, впослѣдствіи у Окена и Каруса. Но въ Физіологіи, естественно, встрѣчались намъ на каждомъ шагу вопросы, необъяснимые безъ Физики и Химіи, да и многія мѣста въ Шеллингѣ были темны безъ Естественныхъ наукъ. Вотъ какимъ образомъ гордые метафизики были приведены къ необходимости завестись колбами, реципіентами и тому подобными снадобьями, нужными для грубой матеріи.

Въ собственномъ смыслѣ, именно Шеллингъ, можетъ быть неожиданно для него самого, былъ истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи и Россіи. Въ этихъ земляхъ, лишь по милости Шеллинга и Гете, сдѣлались поснисходительнѣе къ Французской и Англійской наукѣ, о которой прежде, какъ о грубомъ эмперизмѣ, мы и слышать не хотѣли" [365]). Даже самъ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій писалъ въ своемъ *Вѣстникѣ Европы:* „Нѣмецкія системы, у насъ мало извѣстныя и не многими понимаемыя, никогда не будутъ имѣть догматической важности. Со всѣмъ тѣмъ любопытно знать, какими путями и до какихъ предѣловъ простираются умозрѣнія метафизиковъ Нѣмецкихъ" [366]). Но „тучи", о которыхъ говоритъ несчастный Веланскій, идущія съ Востока, отъ града Казани, отчасти коснулись и Московскаго неба Философіи. Въ 1821 году, ревностный проводникъ философіи Шеллинга, И. И. Давыдовъ, издалъ *Начальныя основанія Логики для благородныхъ воспитанниковъ Пансіона Московскаго Университета.* Эта книга имѣла несчастіе обратить на себя вниманіе попечителя Казанскаго учебнаго округа, Магницкаго и подверглась его строгому разбору. Въ своей оффиціальной запискѣ, поданной Министру Народнаго Просвѣщенія, Магницкій, между

прочимъ, пишетъ: „увѣдомился я изъ публичныхъ извѣстій, что въ Парижскомъ Университетѣ запрещено преподаванiе не только Философiи, но и Исторiи новѣйшей послѣднихъ временъ, сей школы возмущенiй и неистовствъ, ибо она есть только картина практической философiи, образчикъ того ада, который падшiй разумъ человѣческiй, не плѣненный вѣрою, распространить въ Европѣ старается“. А что эти науки стали проникать и къ намъ, тому доказательствомъ, по мнѣнiю Магницкаго, могла служить *Логика*, изданная Московскимъ профессоромъ, Иваномъ Давыдовымъ. „Нынѣшняя Философiя“, говоритъ далѣе Магницкiй, „опасна именно потому, что она есть ни что иное, какъ настоящiй иллюминатизмъ, обязанный новому своему имени только тѣмъ, что христiанскiя правительства у себя публичное преподаванiе его дозволяютъ, даже платятъ жалованье распространителямъ онаго“. Эпиграфомъ къ своему разбору *Логики* Давыдова Магницкiй избралъ слѣдующiя слова *Апокалипсиса: И видѣхъ изъ моря звѣря исходяща, имуща главъ седмь и роговъ десять, и на розѣхъ его вѣнецъ десять и на главахъ его имена хулна* (13, 1). Въ этомъ разборѣ Магницкiй старается доказать, что вышеупомянутая книга пропитана, отъ начала до конца, „*богопротивнымъ ученiемъ Шеллинга*, распространяющаго влiянiе свое на всѣ отрасли человѣческихъ свѣдѣнiй и даже на литературу“. Основу Шеллинговой философiи составляетъ, по словамъ Магницкаго, „*вольнодумство* и *развратъ*. Вѣру замѣняетъ она знанiемъ, таинственные символы—естественными изъясненiями; отвергаетъ увѣренность въ существованiи будущей жизни, ибо будущая жизнь, по ея теорiи, состоитъ въ соединенiи съ источникомъ мiра, со всеобщею жизнью природы; что, подъ видомъ идеализма, проповѣдуетъ она самый грубый матерiализмъ; учитъ, подобно Горацiанскому эпикурейскому правилу—ловить минуты наслажденiй, и для достиженiя этой цѣли, все существующее можетъ, по ученiю ея, сдѣлаться предметомъ нашихъ вождѣленiй, ибо нѣтъ казни въ будущемъ. „Воздадимъ хвалу всеблагому Господу“, восклицаетъ Магницкiй, „открывающему намъ столь

страшныя замыслы врага Божія еще въ дѣтскомъ лепетаніи г. Давыдова, который, кажется, и самъ не понимаетъ всего ужаса этихъ началъ!“ [367]). Но этотъ *врагъ Божій*, по свидѣтельству И. В. Кирѣевскаго, „убѣдившись въ ограниченности самомышленія, и въ необходимости Божественнаго Откровенія, хранящагося въ преданіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости живой вѣры, какъ высшей разумности и существенной стихіи познаванія, не обратился къ Христіанству, но перешелъ къ нему естественно, вслѣдствіе глубокаго и правильнаго развитія своего разумнаго самопознанія: ибо въ основной глубинѣ человѣческаго разума, въ самой природѣ его заложена возможность сознанія его коренныхъ отношеній къ Богу. Только оторвавшись отъ этой глубины можетъ мысль человѣческая кружиться въ отвлеченномъ забвеніи своихъ основныхъ отношеній. Шеллингъ же, по своей врожденной геніальности и по необычайному развитію своего философскаго глубокомыслія, принадлежалъ къ числу тѣхъ существъ, которыя рождаются не вѣками, но тысячелѣтіями. Но, стремясь къ Божественному Откровенію, гдѣ могъ онъ найти его чистое выраженіе, соотвѣтствующее его разумной потребности вѣры?— Бывъ отъ рожденія протестантомъ, Шеллингъ не могъ не видать ограниченности протестантизма, отвергающаго преданіе, которое хранилось въ Римской Церкви. Но Шеллингъ также ясно видѣлъ и въ Римской Церкви смѣшеніе преданія истиннаго съ неистиннымъ, Божественнаго съ человѣческимъ. Тяжелое должно быть состояніе человѣка, который томится внутреннею жаждою Божественной истины... Жалкая работа— сочинять себѣ вѣру!“ Что касается Погодина и до отношеній его къ новому вѣянію философскому, то, сколько намъ извѣстно, на первыхъ порахъ, онъ не примыкалъ къ послѣдователямъ Шеллинга и даже относился къ нимъ скептически. Такъ, когда вышла *Логика* Давыдова, онъ, прочитавъ ее вмѣстѣ съ Кубаревымъ, замѣтилъ: „начало дичь, которой Давыдовъ самъ, думаю, не понимаетъ“ [368]). Не менѣе замѣчательна и слѣдующая запись его: „были у меня Кубаревъ и Гусевъ, тол-

ковали о Русской философіи. У насъ говорятъ о Нѣмецкой философіи, какъ Нѣмцы говорятъ о насъ. Изъ нуля выводятъ тамъ все. Наши путешественники привезли ее къ намъ. Голову отдать можно, что не понимаютъ и сотой доли Шеллинга, да и когда было узнать его“ [369])? Но жизнь Погодина такъ складывалась, что ему волею и неволею приходилось прислушиваться, съ одной стороны, къ толкамъ о Шеллингѣ и признавать, что и „чрезъ закопченое стеклышко видно солнце“, а съ другой—непрестанно останавливаться предъ явленіями нашей Православной жизни. Такъ, обѣдая однажды у Трубецкихъ, онъ встрѣтился тамъ съ одною почтенною особою, которая съ восторгомъ говорила ему о Ростовѣ. „Видно“, писалъ по этому поводу Погодинъ, „что она предана Св. Димитрію. Гдѣ искать начала такой преданности? Чтó значитъ такая преданность. Какъ цѣнить ее должно? Какъ согласить вѣру такихъ людей съ ихъ пороками, слабостями. *Я совершенно счастлива, говоритъ она, была въ Ростовѣ*“ [370]).

Поселившись въ своемъ домѣ, Погодинъ „весело отпраздновалъ день своихъ именинъ“, 8 ноября 1822 года. Въ *Дневникѣ* онъ перечисляетъ своихъ гостей. У него были: Раичъ, Оболенскій, Басалаевъ, Веселовскій Посоховъ, Черняевъ, Григоровичъ, Магеровскій, Карповъ, Черницкій, Загряжскій, Кубаревъ, Кондратьевъ. Пирушка стоила ему около 80 рублей. Трубецкіе также не забыли этотъ день. Отъ своихъ учениковъ, князя Николая Ивановича и княжны Александры Ивановны, онъ получилъ чайную ложечку, но сознается, что ему „стыдно было взять ее отъ Константина (слуги); а княжна Аграфена Ивановна прислала ему голову сахара и пріятную записочку, которая доставила ему „удовольствіе“. Впечатлѣніями этого дня Погодинъ подѣлился съ княгинею Голицыною, которая въ это время пребывала въ Рязани. „Въ имянины мои“, пишетъ онъ, „у меня была вечеринка; были гости, человѣкъ 15 товарищей университетскихъ изъ всѣхъ отдѣленій, и медики, и политики, и математики, и литераторы. Было много споровъ; каждый защищалъ свою науку. Литера-

торъ утверждалъ, что поэзія, краснорѣчіе доставляютъ лучшія чистѣйшія удовольствія человѣку, влекутъ его къ міру духовному и слѣдовательно добродѣтельны. Нѣтъ, нѣтъ, закричалъ математикъ, у васъ одно воображеніе, у насъ истина, у насъ совершенствуется разумъ, мы ведемъ его по пути прямому. На помочахъ ведете вы его, отвѣчали мы, вы насилуете его, онъ не идетъ у васъ, вы тащите его (между доказательствами, что Математика, будучи основана на очевидности, есть простѣйшая наука, помѣщено было и то, что даже у Французскаго народа, самаго немыслящаго, были отличные математики), и гдѣ оканчивается nec plus ultra, тамъ является вамъ въ помощь наше соображеніе, ему-то обязаны славою ваши Невтоны, Кеплеры, Ейлеры. Полноте, господа что вы говорите, возстали политики, что можете вы знать безъ нашихъ наукъ? Наша наука-то показываетъ истинныя права человѣка, истинныя права гражданина; опредѣлить его отношенія ко всему есть краеугольный камень для всѣхъ наукъ. А Исторія-то, Исторія-то, развѣ не помогаетъ вамъ, заговорили мы. Здоровы ли, вы, господа, здоровы ли вы, пульсъ вашъ, закричали медики — вы позабыли насъ, своихъ цѣлителей, мы учимъ васъ наукѣ природы, мы открываемъ ее. Подите съ вашею Медициною, зашумѣло все собраніе; вы язва рода человѣческаго, одно это скажемъ вамъ; вы лѣчите москвитянина Американскими лѣкарствами; неужели Богъ положилъ для него лѣкарство за тридевять земель. Не успѣетъ дойти оно до него, а онъ уже въ землѣ. Вамъ еще много надо работать. Но, сударыня, уже 11 часовъ, боюсь, что опоздаю на почту. Вчера вечеромъ началъ я читать *Корину*, г-жи Сталь. Первая страница напомнила мнѣ о васъ“. Кубаревъ остался ночевать у Погодина, и они „весело разговаривали о новой нашей Философіи ex ungue leonem, о Денисѣ Давыдовѣ. Съ восхищеніемъ читали журналъ Жуковскаго *Для немногихъ* [371]).

Конецъ 1822 и начало 1823 года Погодинъ, какъ надо полагать, провелъ въ Рязани, у княгини Голицыной. По крайней мѣрѣ, сохранилось черновое письмо его отъ 2 февраля

1823 г., къ княгинѣ, въ которомъ онъ описываетъ свое путешествіе изъ Рязани въ Москву. „Прежде всего позвольте, сударыня“, пишетъ онъ, „принести вамъ искреннюю благодарность за введеніе вами странниковъ въ домъ. Дорогою отъ Васъ, изъ Рязани, въ Москву было множество приключеній. Извощикъ, въ жару вакхическаго восторга, наѣзжалъ разъ пять на подводы и передавилъ было людей. На первой верстѣ потерялъ кнутъ, на седьмой верстѣ потерялъ подрѣзъ, и сани начали раскачиваться; снѣгъ былъ глубокій, ухабовъ много, и лошади едва дотащили насъ до станціи. На другой день, на пути въ Коломну, донялъ насъ морозъ. За Броницами, изломался отводъ, и сани на каждыхъ пяти саженяхъ опрокидывались на бокъ. Насилу доплелись шагомъ до Москвы. Я могу сказать, что дорога изъ Рязани въ Москву никуда негодится. Дома я нашелъ свою старуху няню помертвѣвшею отъ холода и горя; хотѣла-было идти къ ворожеѣ“. Но Погодинъ утѣшился тѣмъ, что за свою поѣздку къ княгинѣ Голицыной названъ княжною Аграфеной Ивановной excellent jeune homme!

XXIII.

По пріѣздѣ въ Москву, съ 21 января по 14 февраля 1823 года, Погодинъ провелъ самымъ непріятнымъ образомъ, „по причинѣ ужаснѣйшаго холода“, бывшаго въ его домѣ, такъ что онъ, съ своими домочадцами, въ продолженіе этого времени, принужденъ былъ помѣститься въ одной кухнѣ. „Впрочемъ“, пишетъ онъ, „я не скучалъ слишкомъ, и прочелъ первую часть Шлегеля и выписалъ нѣкоторыя мѣста. Сидѣлъ, кажется, нѣсколько надъ Гораціемъ, который меня держитъ за руки. Больше не помню ничего. Перешли, наконецъ, въ комнаты“ [372]).

Но сердце Погодина отогрѣвалось у Трубецкихъ. Ученица его, княжна Александра Трубецкая, подростала и начинала уже привлекать къ себѣ вниманіе учителя. Въ февралѣ

у Трубецкихъ былъ спектакль и балъ, и Погодинъ, какъ *excellent june homme*, разумѣется, былъ приглашенъ на это торжество и любовался игрою своей ученицы. „Удивительна княжна Александра“, пишетъ онъ въ *Дневникѣ*. „До сихъ поръ никакъ нельзя узнать ее. Иногда хороша, иногда чортъ. Объ ея чувствованіяхъ, духѣ, ничего сказать нельзя“ [373]). Франтовство было далеко не чуждо Погодину, по крайней мѣрѣ, въ описываемое нами время. Такъ, зайдя однажды къ Трубецкимъ изъ Университетскаго Пансіона, онъ сознается, что ему „стыдненько было въ *кирпичныхъ* панталонахъ“ [374]). Но это нисколько не стѣснило хозяевъ дома оставить его у нихъ обѣдать; а „обѣдъ“, по его словамъ, „былъ чудный“. Вскорѣ послѣ того, посѣтивъ Трубецкихъ, онъ „шутилъ“ съ княжною Александрою и читалъ ей *Братьевъ Разбойниковъ*, Пушкина [375]).

Между тѣмъ, кругъ знакомыхъ Погодина съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялся. Въ это время Ширай познакомилъ его съ пріѣхавшимъ въ Москву графомъ Н. Н. Гудовичемъ. „И Ширай“, пишетъ онъ, „рекомендовалъ меня ему, какъ человѣка, о которомъ часто говорилъ съ нимъ прежде“ [376]). Въ день Благовѣщенія 1823 года Погодина посѣтилъ Черняевъ, и между ними завязалась любопытная бесѣда, ярко изображающая образъ мыслей молодыхъ людей того времени, еще находившихся въ томъ періодѣ жизни, который превосходно Т. И. Филипповымъ названъ періодомъ *скитанія мыслей*. Въ этотъ день Погодинъ слушалъ обѣдню у Большаго Вознесенія. „Огромная прекрасная церковь“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*. Вечеромъ посѣтилъ его Черняевъ. „И мы“, пишетъ онъ, „провели съ нимъ вечеръ въ прекраснѣйшихъ разговорахъ о Россіи и обо всемъ Русскомъ. О нашемъ Дворянствѣ. Невѣжи, и они еще думаютъ о конституціи. При ней они пострадаютъ первые, ибо теперь пользуются величайшими преимуществами предъ прочими угнетенными состояніями. Понимаютъ ли, что́ хотятъ они. Стѣснили привиллегіи докторовъ, единственный способъ достигнуть дворянства сред-

нему состоянію. О воспитаніи дѣвицъ. Самое негодное у насъ. Не думаютъ дѣлать изъ нихъ *матерей, хозяекъ.* Овдовѣвшая въ молодости есть самое несчастное твореніе, сказалъ Черняевъ. Она въ домѣ ничто. Я вспомнилъ княгиню Голицыну. Правда! Не умѣютъ управлять своимъ имѣніемъ хозяева, и пр. Мысли объ этомъ помѣщу въ Письмѣ къ Лужницкому Старцу. Объ иностранныхъ учителяхъ, и пр. О характерѣ Русскаго народа. Великій, безпримѣрный. Возьмемъ въ примѣръ время Петра. Невѣжество; появился Петръ, и какіе явились люди изъ среды этихъ невѣжъ. Все одушевилось! О, Петръ, Петръ—человѣческій богъ! Но онъ сдѣлалъ важную ошибку, начавъ передѣлывать насъ на иностранный манеръ. Погибла національность. Нельзя было это предвидѣть ему. Но еслибы воскресъ онъ теперь. Ему стоило бы побыть часъ въ Благородномъ Собраніи, и онъ *проникъ* бы свою ошибку; другой день посвятилъ бы на исправленіе, и исправилъ бы. О, великій человѣкъ! Толковали о его жизни, о его преемникахъ. О связи съ Меншиковымъ. Для меня пріятно и любопытно смотрѣть на эту связь. Одному Меншикову онъ спускалъ. О Ломоносовѣ, о Суворовѣ. Что сдѣлалъ бы съ Ломоносовымъ Петръ. Что почувствовала бы душа Петра, прочтя первую оду Ломоносова, О Румянцовѣ. Великій человѣкъ. О характерѣ Русскаго народа. При Павлѣ, одинъ на крестѣ Ивана Великаго гулялъ. Быстрота смысла, чудо.— Барство унизило его много. Тутъ возникли происки, интриги. О спокойствіи его при всѣхъ перемѣнахъ въ Балтійскомъ уголкѣ. Терпимость древняя. О Державинѣ, Крыловѣ,—какъ все по-русски.—Чудо! И медвѣдь Крылова, видно землякъ, что Русскій. Признаюсь, я самъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на бѣлаго медвѣдя, престепенный малый! О Фонъ-Визинѣ. *Недоросль* долженъ быть помѣщенъ оригиналомъ въ нашу Исторію. Борьба невѣжества съ образованностію доставила рѣзкія черты Фонъ-Визину. Восхищались имъ, Державинымъ. Ругали нашихъ бестій, которые не понимаютъ ихъ. Я начинаю вѣрить предопредѣленію. А мы думаемъ еще, что-нибудь сдѣ-

14*

лать сами, барабошимъ". Бесѣда эта заключилась „прекраснымъ" ужиномъ [377]). Въ pendant къ этому разговору, приведемъ попавшуюся намъ въ *Дневникѣ* Погодина одну замѣтку, которая заключаетъ въ себѣ обломокъ или зачатокъ мысли, бродившей въ его головѣ „Златоустъ—изъ *дворянъ*, Ѳеодосій Печерскій—Курскій *помѣщикъ*" [378]).

Добрыя отношенія Погодина къ А. Ѳ. Малиновскому все болѣе и болѣе укрѣплялись. Онъ нерѣдко былъ приглашаемъ къ нему на обѣдъ, и въ его домѣ впервые встрѣтился и познакомился съ Степаномъ Дмитріевичемъ Нечаевымъ и Аврамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ. Упоминая въ своемъ *Дневникѣ* объ этой встрѣчѣ, Погодинъ говоритъ: „Разговоры были занимательные: о Платонѣ, о чтецахъ, о Пушкинѣ, о Дмитріевѣ" [379]). Въ то же время Малиновскій предложилъ ему вступить въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ [380]).

Мы уже знаемъ, что еще въ 1822 году, Погодинъ велъ переговоры съ Раичемъ объ учрежденіи литературнаго Общества. Наконецъ, эта мысль осуществилась, и онъ, 15 марта 1823 года, писалъ княгинѣ Голицыной: „У насъ составилось Общество друзей. Собираемся раза два въ недѣлю. Читаемъ свои сочиненія и переводы. У насъ положено, между прочимъ, перевести всѣхъ Греческихъ и Римскихъ классиковъ и перевести со всѣхъ языковъ лучшія книги о воспитаніи, и уже начаты Платонъ, Демосѳенъ и Титъ Ливій". Центромъ этого Общества былъ Семенъ Егоровичъ Раичъ, а членами Степанъ Петровичъ Шевыревъ, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, Владиміръ Павловичъ Титовъ, Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ, Василій Ивановичъ Оболенскій, Василій Петровичъ Андросовъ, Петръ Ивановичъ Колошинъ, Николай Васильевичъ Путята, Антонъ Францовичъ Томашевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій и др. [381]).

Къ этому времени относится дружеское сближеніе Погодина съ Шевыревымъ, котораго впервые онъ примѣтилъ еще въ 1821 году, когда вступилъ учителемъ Географіи въ Уни-

верситетскій Пансіонъ. Въ это время Шевыревъ уже окончилъ курсъ въ Пансіонѣ, и 24 февраля 1823 года въ Засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, и въ присутствіи почетнаго члена, А. Ѳ. Малиновскаго, Шевыревъ, уже будучи сотрудникомъ Общества, прочелъ свое стихотвореніе *Пѣснь Старца*. Въ этомъ же засѣданіи, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ прочелъ стихотвореніе графа Д. И. Хвостова *Псаломъ 42*, П. А. Новиковъ —Объ *идеалѣ изящныхъ искусствъ и о геніи*, К. Ѳ. Калайдовичъ – *Отвѣтъ на замѣчанія Капниста о древности языка Русскаго*. С. В. Смирновъ прочелъ стихотвореніе А. С. Норова *Альпы*, И. М. Снегиревъ – о простонародныхъ картинкахъ, С. Д. Нечаевъ—свое стихотвореніе, а также М. Н. Загоскинъ—свое стихотвореніе *Посланіе къ Людмилѣ* [382]). Въ этомъ засѣданіи присутствовалъ и Погодинъ. „Зашелъ въ Общество", писалъ онъ, „Антонскій поцѣловалъ Шевырева, *не яко Іуда, но яко разбойникъ*. Ужасъ, что читали. Видѣлъ Ходаковскаго, и какъ бы стыдились говорить съ нимъ [383]). 14 апрѣля того же 1823 года, Шевыревъ произнесъ рѣчь въ торжественномъ собраніи Университетскаго Благороднаго Пансіона, по случаю выпуска воспитанниковъ: *О вліяніи Поэзіи и Краснорѣчія на счастіе гражданскихъ обществъ*, въ которой значеніе Философіи опредѣляетъ такимъ образомъ: „Какая наука являетъ намъ всѣ высокіе образцы истины и блага въ чертахъ болѣе разительныхъ и священныхъ, какъ не Любомудріе? Оно опредѣляетъ законы человѣка и природы; оно показываетъ взорамъ мыслящаго всѣ сокровенныя тайны мірозданія и объясняетъ человѣку его истинное предназначеніе; оно, какъ солнце, оживляющее всю сферу наукъ, изливаетъ на нихъ благодатный свѣтъ свой; гдѣ нѣтъ его, тамъ все мрачно. Гдѣ не видимъ его дѣйствія? Воззримъ ли мы на государства? Не оно ли ихъ устроило? Воззримъ ли на поэзію и краснорѣчіе? И здѣсь является Философія: возвышаетъ духъ, повергая въ прахъ все чувственное. Для образованія Демосѳена былъ нуженъ Платонъ; безсмертный Гора-

цій подъ прелестными цвѣтами Поэзіи почти всегда скрываетъ высшія истины Любомудрія". Въ заключеніе ораторъ сказалъ: „Друзья-товарищи! кто знаетъ, куда назначенъ путь нашъ? Можетъ быть, никогда уже мы не увидимся! Принесемъ теперь достодолжную дань почтеннымъ мужамъ, возлелѣявшимъ нашу юность! Имъ принадлежатъ всѣ наши чувства и мысли, всѣ сокровища образованія, которыя каждый изъ насъ пріобрѣлъ по своимъ силамъ. Будемъ помнить ихъ совѣты, и мы съ честію исполнимъ долгъ свой.

Благодѣтельный, великій Монархъ! все отъ тебя; твое и тебѣ приносимъ. Клянемся посвятить жизнь нашу Отечеству, тобою сильному, тобою счастливому, тобою въ цѣломъ мірѣ возвеличенному [384]).

Занятія Погодина и Шевырева вскорѣ такъ „переплелись", что о нихъ большею частію нельзя говорить раздѣльно. Въ это время онъ сблизился и съ товарищами Шевырева по Пансіону: Титовымъ, княземъ Одоевскимъ, Ознобишинымъ и въ особенности съ первыми двумя. „Титовъ прекрасный молодой человѣкъ", писалъ Погодинъ [385]). Нерѣдко они бесѣдовали между собою о Шеллинговой философіи. Изъ разговоровъ съ нимъ Погодинъ заключилъ, что Титовъ основательно ее изучилъ. Слушая однажды, какъ Титовъ развивалъ Шеллингово ученіе, онъ сознается, что слушалъ безъ большаго вниманія, „хотя ему и представлялись возраженія". Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ взялъ обѣщаніе съ Титова перевесть *Трансцендентальный идеализмъ* Шеллинга [386]). По свидѣтельству А. Н. Муравьева, В. П. Титовъ, „какъ бы предчувствуя свое призваніе къ Востоку, съ любовію изучалъ языкъ Греческій и перевелъ трагедію Эсхила" [387]). Князя Одоевскаго Погодинъ впервые увидѣлъ, въ 1819 или 20-мъ году, въ засѣданіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности, которое собиралось въ залахъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, и Одоевскій, въ качествѣ воспитанника Пансіона, „въ узенькомъ фрачкѣ темно-вишневаго цвѣта, съ сенаторскою важностію разводилъ дамъ, почтительно указывая имъ назна-

ченныя мѣста, и потомъ останавливался съ краю фланговымъ наблюдателемъ порядка во время чтенія". Въ то время, по свидѣтельству Погодина, „всякое чтеніе въ Обществѣ дѣлалось предметомъ живыхъ споровъ и сужденій у студентовъ. Русскій языкъ былъ главнымъ, любимымъ предметомъ въ Пансіонѣ. Русская литература была главною сокровищницею, откуда молодые люди почерпали свои познанія, образовывались. И въ этой школѣ образовался слогъ, развился вкусъ у Одоевскаго, равно какъ и у его товарищей, старшихъ и младшихъ" [388]). Но съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ Погодинъ „познакомился получше" только въ концѣ 1823 года [389]). Съ остальными членами Раичевскаго Общества онъ былъ знакомъ еще прежде, а съ Антономъ Францовичемъ Томашевскимъ былъ связанъ узами университетскаго товарищества, и дружба ихъ съ того времени и до смерти не прерывалась. Томашевскій происходилъ отъ православныхъ Босняковъ, переселившихся еще, при Магометѣ II, въ нынѣшнюю Волынскую губернію, гдѣ они были потомъ ополячены. Отецъ Томашевскаго, отказавшись вступить въ послѣднюю Польскую конфедерацію, переѣхалъ въ Россію [390]). Еще въ 1822 году Погодинъ писалъ къ Томашевскому, находившемуся тогда въ Курской губерніи: „Затѣвали было мы здѣсь Общество, да что-то не клеится: для однихъ слишкомъ низко, для другихъ высоко, а середины мало. Работай на досугѣ и готовь статейки. Можетъ быть, дѣйствительно выйдетъ у насъ что-нибудь путное". Въ это время Томашевскій, находясь подъ вліяніемъ любителя Философіи, И. И. Давыдова, изучалъ творенія Веймарскаго философа Бахмана и трудился надъ переводомъ его *Философіи и ея Исторіи* (Іена 1811). Любопытно, что онъ избралъ для своихъ студій такого философа, который не присталъ ни къ догматизму Фихте, Шеллинга, Гегеля, ни къ усовершенствованному критицизму Фриса, ни къ спектикѣ Шульца и Бутервека; но по временамъ писалъ дѣльныя замѣчанія на всякую новую систему, обличая слабыя ея стороны. Томашевскій былъ также связанъ узами дружбы

и родства съ С. Т. Аксаковымъ. В. И. Оболенскому Погодинъ былъ сослуживецъ по Университетскому Пансіону, гдѣ онъ былъ учителемъ и надзирателемъ Своимъ классическимъ образованіемъ, трудолюбіемъ, ученою бесѣдою, любезнымъ характеромъ Оболенскій принесъ много умственной и нравственной пользы старшимъ питомцамъ Пансіона того времени. Онъ познакомилъ Погодина съ ученикомъ своимъ, Александромъ Ивановичемъ Кошелевымъ, съ которымъ завязалась у инхъ крѣпкая дружба, тоже не прерывавшаяся до конца. По свидѣтельству профессора Пѣховскаго, „жизнь Оболенскаго была открыта и ясна всѣмъ, его знавшимъ. Онъ былъ набоженъ и соблюдалъ всѣ уставы Церкви, которую тщательно и усердно посѣщалъ. Дома читалъ всякій день молитвы и нѣкоторыя главы изъ Библіи на Греческомъ языкѣ. Имѣлъ сердце чистѣйшее и добрѣйшее, совѣсть неукоризненную. Всегда былъ расположенъ дѣлать добро, и дѣлалъ его даже не въ соразмѣрности съ своими средствами [391]). Съ будущимъ издателемъ *Московскаго Наблюдателя* и любимымъ ученикомъ Мерзлякова, Василіемъ Петровичемъ Андросовымъ, Погодинъ былъ уже давно знакомъ. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* его, подъ 18 апрѣля 1822 года, мы находимъ слѣдующую запись: „Былъ Андросовъ. Хорошій, кажется, человѣкъ". Цивилизація, по свидѣтельству Погодина, было „любимое слово, любимое желаніе, любимое занятіе" Андросова. Познакомившись съ нимъ покороче, онъ отозвался о немъ: „Характера былъ благороднаго и независимаго. Можетъ быть эти качества и мѣшали его успѣхамъ въ свѣтѣ" [392]). Изъ такихъ-то людей составился въ Москвѣ соборъ, одушевленный любовію къ Отечеству и къ его нетлѣнной славѣ. Дѣятельность Общества въ это время проявилась изданіемъ книжечки, подъ заглавіемъ *Новыя Аониды*, на 1823 годъ. Москва. Въ Типографіи Августа Семена. 1823. 8°. Съ эпиграфомъ изъ Батюшкова:

Наставники—піиты,
О, Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!

Въ Предисловіи къ этому изданію сказано: „Нѣсколько пріятелей, занимаясь чтеніемъ разныхъ произведеній нашей Словесности, появившихся въ прошломъ 1822 году, вознамѣрились остановить легкокрылое удовольствіе и подѣлиться онымъ съ друзьями. Вотъ происхожденіе издаваемыхъ *Аонидъ*. Собравъ все хорошее, разсѣянное по листкамъ многихъ журналовъ и книгъ, мы вмѣстили въ одну книжку, и теперь предлагаемъ читателямъ плоды протекшаго года. Мы старались лучшее выбрать изъ хорошаго, а потому и не принимаемъ на себя обвиненіе, что книжка не довольно пространна, а просимъ отнестись съ жалобою къ нашимъ писателямъ, изъ коихъ нѣкоторые слишкомъ мало, другіе совсѣмъ не печатаютъ своихъ сочиненій. Названіе принято въ подражаніе *Аонидъ*, г-на Карамзина. Счастливы будутъ наши *Аониды*, если привлекутъ такое же вниманіе, какъ предшественницы ихъ". Въ этомъ сборникѣ помѣщены произведенія слѣдующихъ писателей: М. А. Дмитріева, А. Крылова (посланіе къ Плетневу), Олина, Д. В. Давыдова, А. С. Пушкина, князя П. А. Вяземскаго, Мансурова (Торжество Побѣдителей), С. Д. Нечаева (Весна), Гнѣдича, Ѳ. Н. Глинки, Писарева, Ѳ. И. Тютчева (Одиночество), Баратынскаго, Арапова (Признаніе), Жуковскаго. Изъ письма Погодина къ княгини Голицыной (отъ 15 марта 1823 г.) мы узнаемъ, что онъ читалъ въ Обществѣ свой переводъ изъ Тита Ливія *Софонизбу*, замѣчанія на мнѣнія Карамзина о началѣ Россійскаго Государства, о характерѣ Іоанна Грознаго. Кромѣ того, читалъ свой переводъ *Рене*, Шатобріана. Въ этомъ же засѣданіи, бывшемъ 12 апрѣля 1823, кто-то читалъ разсужденіе о Фихте, которое Погодину очень понравилось. Изъ засѣданія онъ вышелъ съ Титовымъ, выразившимъ желаніе познакомиться съ нимъ „покороче" [393]). О чтеніяхъ другихъ членовъ мы знаемъ только, что Шевыревъ читалъ свои переводы съ Греческаго и опыты стихотвореній. Князь Одоевскій прочелъ переводъ первой главы Натуральной Философіи Окена, послѣдователя Шеллинга: *о значеніи нуля, въ которомъ успо-*

коиваются плюсъ и минусъ [394]). Эти засѣданія привлекли просвѣщенное вниманіе начальника Москвы, свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына, который посѣтилъ однажды Общество, въ домѣ Г. Н. Рахманова, близъ Никитскаго монастыря [395]). Общество намѣревалось издавать журналъ. Въ собраніи, бывшемъ 3 мая 1823 года, было разсужденіе объ этомъ предметѣ. Это собраніе посѣтилъ и князь П. А. Вяземскій. „Мы затѣвали журналъ", писалъ Погодинъ, „и при разсужденіи о составѣ первой будущей книжки, Одоевскій смѣло сказалъ: для первой книжки я напишу повѣсть. Увѣренность, съ которою произнесены были эти слова, подѣйствовала на нѣкоторыхъ изъ насъ очень сильно: каковъ Одоевскій! Прямо, такъ-таки и говоритъ, что напишетъ повѣсть: стало быть, онъ надѣется на себя. Журналъ, впрочемъ, не состоялся. Полевой, ободренный княземъ Вяземскимъ, задумалъ уже тогда *Телеграфъ*, а князь Одоевскій, познакомясь съ Кюхельбекеромъ, объявилъ въ слѣдующемъ году объ изданіи *Мнемозины*" [396]). Въ *Дневникѣ* Погодина мы находили свѣдѣнія, хотя и скудныя, о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ Общества. Послѣ засѣданія, въ которомъ происходили толки о журналѣ, Погодинъ пошелъ вмѣстѣ съ Титовымъ и Оболенскимъ, первый просилъ проводить его. Титовъ въ это время спросилъ Погодина: „Могу ли я переѣхать къ вамъ, вышедъ изъ Пансіона?" Можете! отвѣтилъ Погодинъ; но тутъ же вспомнилъ: „Не стали бы сердиться на меня за это Давыдовъ и Антонскій". Разставшись съ Титовымъ, они встрѣтился съ Раичемъ, Томашевскимъ, Ознобишинымъ, и всѣ отправились ужинать. „Пришелъ домой вспотѣвшій и сталъ читать Филарета" [397]) Зайдя однажды къ Раичу, Погодинъ былъ задержанъ у него Кошелевымъ и Рахмановымъ Завязалась любопытная бесѣда о Грекахъ, объ Англійскихъ короляхъ. Рахмановъ сообщилъ, что Карамзина назначаютъ попечителемъ въ Москву. О, utinam. Затѣмъ отправились въ садъ. „Выпили, пишетъ Погодинъ, „четверо три бутылки шампанскаго. Я пилъ такъ, потому что надобно было пить. Безъ ѣды я не люблю.

Острили, хохотали“ [398]). 10 мая 1823 года, Ознобишинъ далъ обѣдъ своимъ сочленамъ: Раичу, Титову, Оболенскому, Томашевскому и Погодину. Это заставило послѣдняго не досидѣть у Малиновскаго на урокѣ полчаса и поспѣшить къ Ознобишину, приславшему за нимъ. За обѣдомъ разговоръ шелъ о правленіи, о перемѣнахъ въ министерствѣ. Шампанское пѣнилось. Гуляли по саду и бесѣдовали, между прочимъ, „о мощахъ“, о „явленныхъ иконахъ“ [399]). Но веселымъ собесѣдникамъ, вѣроятно, было неизвѣстно, что святый старецъ Серафимъ Саровскій запрещалъ послѣ обѣда разсуждать о духовныхъ предметахъ, ибо, училъ онъ, „въ насыщенномъ чревѣ нѣсть вѣдѣнія таинъ Божіихъ“. Вспоминая эти обѣды и вечера, Ознобишинъ писалъ Погодину изъ своего Троицкаго (отъ 9 августа 1823): „Я мысленно переношусь въ Москву, мысленно бесѣдую съ вами. Часто переселяюсь я въ маленькій садикъ, одушевленный дружбою и шампанскимъ,—я думаю и вы не забыли тѣхъ веселыхъ минутъ, когда...

Когда подъ сводами вѣтвей
И зеленѣющихъ акацій,
Въ кругу пирующихъ друзей,
Въ честь Вакха, музъ и юныхъ грацій
Мы пили свѣтлое вино...
Минуты быстрыя летѣли,
Какъ съ Оболенскимъ заодно
Съ земли на небо вы глядѣли
И всѣхъ плѣняли остротой;
Какъ мы не твердою стопою
На горку медленно взбирались.

Но это время прошло слишкомъ быстро. Оно было предвѣстникомъ близкой нашей разлуки“ [400]). Хотя и не видно, чтобы И. И. Давыдовъ участвовалъ въ этомъ Обществѣ, но вліяніе его на членовъ было очень значительное и между прочимъ, и на самого Погодина. Такъ, по его указанію, послѣдній перевелъ Астово введеніе въ Исторію и посвятилъ Давыдову, который принялъ это посвященіе „очень благосклонно, благодарилъ и жалъ руку“ Погодину. Онъ даже

думалъ устроить обѣдъ въ честь Давыдова; но привести въ исполненіе это намѣреніе ему отсовѣтовалъ Оболенскій [401]).

Въ то же самое время, когда Погодинъ сближался съ поклонниками Шеллинга, онъ все болѣе и болѣе углублялся въ творенія Московскаго Святителя Филарета. Въ *Дневникѣ* его мы находимъ объ этомъ безпрестанныя, хотя и лаконическія записи: „читалъ Филарета". Погодинъ положилъ даже читать по вечерамъ Библію и началъ *Записками* Филарета, *руководствующими къ основательному разумѣнію книги Бытія* [402]). „Развернулъ Филарета", пишетъ онъ, „Богъ въ природѣ, какъ душа въ тѣлѣ. Весьма ясное въ себѣ понятіе въ отношеніи къ настоящему моменту человѣка, но послѣ? Опять темно! Человѣкъ умираетъ: какъ же продолжить сходство? Приняться, приняться за Шеллингову Философію. Но все кажется никогда не объяснить человѣку: что такое онъ, для чего онъ? Что такое вѣчность, и пр." [403]). Между тѣмъ, наши шеллингисты, кажется, не особенно благоволили къ Филарету, по крайней мѣрѣ Погодинъ, толкуя однажды о немъ съ В. П Титовымъ, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Титовъ о Филаретѣ слышалъ дурное" [404]).

Погодинъ составилъ себѣ обычай говѣть на Страстной. Святая 1823 года была поздняя и приходилась 22 апрѣля. Въ среду, на Страстной, „принесъ покаяніе въ грѣхахъ своихъ. Со страхомъ думалъ объ этомъ и молилъ Бога" [405]). Въ Великій Четвергъ пріобщался Св. Таинъ. „Какъ слабъ человѣкъ"! писалъ по этому поводу Погодинъ, „или, какъ слабъ я. Со страхомъ и вѣрою подходилъ къ Св. Тайнамъ, только въ дурномъ значеніи сихъ словъ. Боялся, да не въ осужденіе ямъ и пію; вѣровалъ только желаніемъ вѣрить, не имѣя крѣпкой вѣры". Возвратясь домой, онъ сталъ читать Евангеліе и Филарета; а всенощную въ этотъ день слушалъ у Трубецкихъ [406]). Въ Свѣтлый праздникъ былъ у заутрени. „Какъ я", писалъ Погодинъ, „бывало радовался, на паперти, предъ воспѣваніемъ: Христосъ Воскресе! И нынче мнѣ было пріятно. Великолѣпные стихи поются! Церковь

полна! До тѣхъ поръ, покамѣстъ люди будутъ радоваться этому празднику, до тѣхъ поръ не исчезнутъ въ нихъ добрыя искры". Послѣ ранней обѣдни разговѣлся и легъ спать. Потомъ отправился поздравлять профессоровъ. Началъ съ Антонскаго, который ему сказалъ: „Вы все-то бранитесь-та, Географію-та разбранили". Погодинъ по этому поводу замѣтилъ, что „въ чужомъ пиру похмѣлье". Заходилъ также къ Веселовскому, Давыдову, Черепанову. Особенно остался онъ доволенъ пріемомъ Черепанова. „Старикъ принялъ меня", пишетъ онъ, „ласково, говорилъ съ какимъ удовольствіемъ читалъ онъ піесы мои въ *Вѣстникѣ Европы*. Разсказывалъ, какъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ не сдѣлалъ его профессоромъ ординарнымъ", Погодинъ посѣтилъ также и Гаврилова, который встрѣтилъ его словами: „вы хотите переводить грамматику Добровскаго, вотъ будетъ у насъ свой Добровскій". „У насъ онъ уже есть, Матѳій Гавриловичъ", отвѣтилъ Погодинъ [407]).

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1822 года было напечатано слѣдующее странное объявленіе: *Егерь изъ Германіи желаетъ опредѣлиться егеремъ или въ гувернеры. Спросить на Моросейкѣ* [408]). Это объявленіе исполнило Погодина справедливаго негодованія, которое излилъ въ своемъ *Письмѣ къ Лужницкому старцу*. Лужницкимъ старцемъ называли Каченовскаго, по мѣсту его жительства въ Малыхъ Лужникахъ, близъ Воробьевыхъ горъ. Но прежде, чѣмъ отдавать это письмо въ *Вѣстникъ Европы*, Погодинъ счелъ за благо прочесть его своимъ сочленамъ по Обществу: Раичу, Томашевскому и Ознобишину. Всѣмъ оно очень понравилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, между ними зашла рѣчь о какой-то пирушкѣ, на которой степенный А. А. Прокоповичъ - Антонскій былъ „подъ хмѣлькомъ, а проповѣдникъ философіи Шеллинга, И. И. Давыдовъ, даже „прыгалъ" [409]). Заручившись одобреніемъ сочленовъ, Погодинъ отнесъ свое *Письмо* къ Каченовскому, который съ величайшимъ удовольствіемъ и напечаталъ его въ своемъ *Вѣстникѣ Европы*. „Неужели вы", спрашиваетъ Пого-

динъ въ этомъ *Письмѣ* Лужницкаго старца, „не бросите разящихъ перуновъ на эту иноземную челядь, которая торжественно требуетъ себѣ и *дѣтей*, и *собакъ* на воспитаніе? Неужели не ударите полдюжиною записокъ на эту саранчу, которая занимаетъ у насъ мѣсто и учителей, и учительницъ, и гувернеровъ, и гувернантокъ? Нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій старецъ! вы авторъ, вы Русскій, вы патріотъ, вы филантропъ; душа ваша не вынесетъ такого позора! Зло сдѣлалось у насъ общимъ. Лучшіе люди въ государствѣ считаютъ для себя непремѣнною обязанностію имѣть по штукѣ изъ этого волчьяго стада. Ихъ дѣти, цвѣтъ Россійскаго юношества, надежда Отечества, ввѣряются людямъ, иногда не имѣющимъ никакихъ правилъ. Среднее состояніе туда же несется: какой-нибудь купецъ, удачнымъ *несостоятельствомъ* пришедъ въ силу, отдѣляетъ десятину отъ барышей своихъ и платитъ произвольную дань Галлу". Далѣе Погодинъ умоляетъ Каченовскаго начать свое поученіе ex abrupto, какъ Цицеронъ въ Словѣ на Катилину. „Укажите достопочтеннѣйшимъ родителямъ, кои ввѣряютъ дѣтей своихъ заморскимъ гувернерамъ, что иностранцы, вами употребляемые въ воспитатели, соглашаюсь съ вами, заслуживаютъ полную вашу довѣренность, имѣютъ прекрасныя правила, украшены всѣми человѣческими познаніями, но они—иностранцы. Могутъ ли иностранцы вдохнуть въ своихъ питомцевъ любовь къ отечеству, для нихъ чуждому, эту первую добродѣтель гражданскую? Могутъ ли вдохнуть преданность къ религіи, къ царскому сану—главное свойство Русскаго народа, которымъ онъ отличается въ продолженіе почти десяти столѣтій отъ всѣхъ Европейскихъ? Въ натурѣ ли то вещей. Къ этимъ важнѣйшимъ причинамъ прибавьте: Вы согласитесь съ Локкомъ, родители, что душа младенца есть бѣлый листъ бумаги, на которомъ все написать можно, и, слѣдовательно, всякій французъ воспитатель, взявъ себѣ на руки несчастнаго сироту пяти лѣтъ, необходимо погубитъ въ немъ національность, перельетъ въ него и свой образъ мыслей,

и свои нравы, и свой характеръ, словомъ, свое все. Что же выйдетъ изъ питомца? Французская обезьяна.

Отечество мое, чрезъ сихъ ли ослѣпленныхъ
Ты будешь славою и силой возрастать? *)

Вы не забудете сказать слова два о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ сими иноплеменниками въ качествѣ совѣтодателей, совѣтодательницъ, друзей дома, распорядителей имѣній, и пр., и пр., и пр. У насъ вѣдь, особливо между знатными, нѣтъ ни сговора, ни свадьбы, ни развода, ни смерти, ни завѣщанія, ни рожденія, въ коемъ бы французъ, тѣмъ или другимъ способомъ, не принималъ участія. Семейственные праздники, спектакли, сюрпризы, похороны.—все распоряжается ими... Наконецъ, въ заключеніе, спросите: что можно сказать о такомъ гражданинѣ, который оставляетъ собственное отечество, имѣющее на него священнѣйшія права; не служитъ ему, для того, чтобъ отправиться за тридевять земель въ тридесятое царство и снискивать тамъ хлѣбъ поденщиною? Достоинъ ли такой гражданинъ имѣть отечество, и хорошъ ли этотъ примѣръ для воспитанника? Деньги есть единственная цѣль, къ которой стремятся ихъ поступки, дѣйствія, мысли, слова, каждое движеніе руки, ноги, глазъ; наживъ сколько нужно, они отправляются во-свояси. Можно ли же вдругъ возымѣть довѣренность къ человѣку, имѣющему эту цѣль? У насъ ни одинъ французъ не остается трехъ мѣсяцевъ безъ мѣста. Тутъ кстати примолвите, сколько попадалось между ними галерныхъ невольниковъ, бѣглыхъ солдатъ, клейменыхъ преступниковъ, лакеевъ, и пр., и пр.; какими же благородными чувствами можно заняться отъ такихъ негодяевъ! Но, почтеннѣйшій старецъ, вы сами всотеро лучше и изобрѣтете, и расположите, и выразите ваши филиппики. Быть можетъ, съ вашей легкой руки будетъ мало-по-малу отгоняться эта хищная саранча, которая безпрестанно налетаетъ на Святую Русь, пожираетъ всѣ добрыя сѣмена и оставляетъ плевелы“ [410]).

*) Гораціево посланіе о стихотворствѣ, въ переводѣ Мерзлякова.

Когда это *Письмо* появилось въ печати, то Погодинъ убоялся, вѣроятно, мести проживающихъ въ Москвѣ гувернеровъ и гувернантокъ. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить себѣ слѣдующей записи его въ *Дневникѣ*, подъ 25 марта 1821 года: „Сказалъ квартальному, что можетъ быть спроситъ меня Шульгинъ *), за напечатаніе піесы въ *Вѣстникѣ Европы*? Нѣтъ, это ничего, отвѣтилъ тотъ: гувернеръ вѣдь дядька, притомъ и чрезъ полицію объявляли“. Едва только Погодинъ покончилъ съ иностранными воспитателями, какъ до слуха его дошло другое извѣстіе, которое не менѣе возмутило его, это—пожертвованіе Демидова въ пользу бѣдныхъ во Флоренціи. И онъ написалъ *Второе посланіе Лужницкому Старцу*: „Увы, почтеннѣйшій старецъ! какимъ громовымъ ударомъ долженъ я еще поразить чувствительное сердце ваше! Боюсь даже, чтобы вы отъ него совсѣмъ не онѣмѣли... Скрѣпитесь и призовите въ помощь все ваше мужество Славяно-Русское. Вотъ вамъ pendant къ объявленію, доставленному мною въ прежнемъ письмѣ моемъ. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, читавши въ *Гамбургскомъ Корреспондентѣ* (1823 г. февраля 15-го, № 27) слѣдующія строки: „Богатый Россіянинъ — — —, основатель весьма много посѣщаемаго Французскаго театра въ Римѣ, роздалъ бѣднымъ 30.000 скудій“. Предокъ знаменитый, о ты, заслужившій вниманіе Великаго Монарха! чтò чувствуетъ Русская душа твоя, радовавшаяся до нынѣ въ селеніяхъ небесныхъ, слыша о такомъ употребленіи сокровищъ, извлеченныхъ тобою изъ нѣдръ хребта Рифейскаго? Въ Римѣ, котораго имя едва ли доходило до благочестивыхъ, нетерпѣвшихъ ничего бусурманскаго, ушей твоихъ, мимо Святой Руси разсыпаются сіи сокровища, и въ такое время, когда одному изъ потомковъ твоихъ воздвигается памятникъ иждивеніемъ благодарныхъ его сограждан!

Тѣнь священная! успокойся! Признательное потомство умѣетъ чувствовать и отличать твои заслуги. Добро дѣлать

*) Московскій оберъ-полиціймейстеръ.

должно всѣмъ, соглашаюсь: французъ, готтентотъ, японецъ страдаетъ,—облегчить по возможности участь страдальца—долгъ всякаго добраго человѣка; но на пожертвованіе столь огромное имѣетъ первое, священнѣйшее для всякаго право, по моему мнѣнію, отечество: истинный космополитъ, скажу съ почтеннѣйшимъ Н. М. Карамзинымъ, есть существо метафизическое. 150,000 рублей, облитыхъ Русскимъ потомъ, отдать Итальянскимъ лазаронамъ,—это ни на что не походитъ. Можетъ быть, я и заблуждаюсь, почтеннѣйшій старецъ, пусть наши правоучители назначать предѣлы любви къ отечеству: предметъ важный для размышленія!—Впрочемъ, позволителенъ ли такой поступокъ, непозволителенъ ли, достоинъ ли подражанія или нѣтъ,—но его нельзя не признать плодомъ иностраннаго воспитанія, и доставляемое объявленіе, вѣроятно, найдетъ себѣ мѣсто въ Запискахъ нашихъ". Но Каченовскій подвергъ это извѣстіе сомнѣнію, и къ *Письму* сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Гамбургскій корреспондентъ, вѣроятно, *слилъ пулю*, по обычаю Нѣмецкихъ газетеровъ" [411]). Когда письмо это Погодинъ прочелъ у Трубецкихъ, то принужденъ былъ выдержать споръ съ П. П. Новосильцовымъ о томъ, что Демидовъ не имѣетъ права жертвовать своими деньгами въ чужихъ краяхъ. По поводу этого спора, онъ хотѣлъ писать третье письмо къ Лужницкому Старцу, но воздержался [412]). Впрочемъ, сюжетъ для *третьяго письма* вскорѣ представился.

Въ Москвѣ въ это время появился какой-то итальянецъ по имени Таліафери, объявившій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что онъ вызывается *удовлетворить каждую изъ особъ, которая пожелаетъ имѣть родословіе свое и своихъ предковъ, также и гербъ своей фамиліи, сдѣлавъ выписку изъ знаменитой библіотеки, существующей для сего въ одномъ городѣ Миланѣ и извѣстной во всей Европѣ своею вѣрностью на счетъ существованія каждой фамиліи; онъ обязуется доставить оной въ пятимѣсячный срокъ и на хорошей цвѣтной*

бумагъ. Цѣна за сіе полагается сорокъ рублей ассигнаціями" [413]). Прочитавши это объявленіе, Погодинъ написалъ *Третье письмо къ Лужницкому Старцу:* „Для литературы ли только, или также и для свѣта вы умерли, почтенный старецъ? Умерли или обмерли, а я все намѣренъ къ вамъ обращаться съ моими письмами: для меня это какъ-то ловче. Иностранцы проказятъ у насъ такъ, что уже ни на что не похоже: недавно явился въ Москвѣ новый артистъ—г. Таліафери, изъ города Милана. Онъ вызывается: „удовлетворить каждую изъ особъ, которая пожелаетъ имѣть свое родословіе". Съ такою увѣренностью браться за доставленіе изъ Милана родословныхъ для всѣхъ желающихъ Россіянъ—значитъ предлагать услуги, для иныхъ вовсе непостижимыя. Имѣя особливыя понятія объ отношеніяхъ нашего государства къ другимъ, о взаимныхъ связяхъ ихъ, и, словомъ, обо всѣхъ обстоятельствахъ стороннихъ, кто-нибудь спроситъ: какъ могутъ залетѣть въ Миланъ вѣрныя Русскія родословныя росписи, когда мы сами, дома, только съ трудомъ составлять ихъ можемъ? Впрочемъ, это не стоитъ вниманія, и не нужно опровергать исторически такую выходку. Притомъ ça passe encore: проворство и смѣтливость—искони есть безсрочная и безпошлинная привилегія многихъ услужливыхъ иностранцевъ.—Что скажете вы, почтенный старецъ, если у насъ найдутся гуси, которые, возжелавъ породниться съ Капитолійскими, повѣрятъ (чего добраго) услужливому Миланцу?—Искуситель!—выбралъ же струнку! и за какую дешевую цѣну берется онъ доставить драгоцѣнное деревцо, безъ котораго, иные, можетъ быть, сидятъ на мели. Врагъ и горами качаетъ. Благодаря образованности, за столичныхъ жителей бояться все-таки, я думаю, нечего; но за провинціаловъ не ручаюсь. И какія же сѣти для нихъ приготовляются: на Коренной ярмаркѣ открыта будетъ книга, гдѣ можно подписываться желающимъ! Кого не искушалъ злой духъ самолюбія? И не провинціаламъ чета спотыкались на этотъ остроуголь-

ный камень. Какому нибудь Перфилью Перфильевичу, который

> Понакопилъ кой-что лѣтъ въ десятокъ..,
> Ни хлѣбомъ, ни скотомъ, ни выводомъ телятокъ,

какому нибудь, говорю, Перфилью, какъ не отдать изъ барыша на ярмаркѣ четыре красненькія за будущее удовольствіе увидѣть между своими предками и Ярослава, и Святослава, и Игоря, или даже Августа Кесаря Римскаго, и Мосоха Іафетовича? Не бездѣлица, думаю, развернуть, эдакъ къ случаю, между сосѣдями, хартію сажени въ двѣ длиною съ именами предковъ! Одно ожиданіе чего стоитъ! Для такихъ своеродолюбивыхъ людей можно бы даже назначить прейсъ-курантъ родословнымъ, съ повышеніемъ цѣны, смотря по числу степеней, кому сколько ихъ имѣть благоугодно будетъ; ибо кто дастъ за обѣщаемое, еще неизвѣстное родословіе сорокъ рублей, тотъ вѣрно дастъ двѣсти и пятьсотъ за родословіе на выборъ. Ейлера просила же какая-то дама въ обсерваторіи снова показать ей, по знакомству, затмѣніе солнца, уже кончившееся. А Простаковыхъ для иностранцевъ у насъ есть еще много непочатыхъ десятковъ. Замѣтимъ, однакожъ, что господинъ Таліафери не требуетъ денегъ впередъ: доказательство, что онъ отъ чистаго сердца увѣренъ въ возможности исполнить свое обѣщаніе, то-есть родословныя росписи дворянъ Русскихъ отыскать—въ Миланѣ!" [414]). Написавъ это письмо, Погодинъ отправился къ самому Таліафери и спросилъ его: „какіе источники есть въ Миланѣ для Русскихъ родословій"? И этотъ ему отвѣтилъ: „у насъ всѣ есть, даже Китайскія. Ваши фамиліи происходятъ изъ Есклавіи и Польши". Лично Таліафери произвелъ на него пріятное впечатлѣніе, „и мнѣ", пишетъ онъ, „стало совѣстно ругать его, и я ослабилъ нѣкоторыя мѣста въ *Письмѣ* моемъ" [415]). Нужно ли пояснять, что тревога Погодина была совершенно напрасная. Очевидно, онъ забылъ о существованіи у насъ Герольдіи, которая постановляетъ свои опредѣленія и подноситъ ихъ на Высочайшее утвержденіе не

по измышленіямъ частныхъ лицъ, а на основаніи несомнѣнныхъ документовъ. Такіе документы, конечно, могли оказаться и въ Миланскомъ архивѣ, какъ и въ прочихъ Европейскихъ архивахъ.

Въ это время, Погодинъ ревностно трудился надъ своею знаменитою диссертаціею *О происхожденіи Руси*, и все болѣе и болѣе напитывался Шлецеромъ и Несторомъ, которые и вывели его на тотъ путь, къ коему стремилась душа его и на которомъ стяжалъ онъ достопочтенное званіе *Русскаго Историка.* Эти занятія дѣйствовали на него спасительно и своею трезвостію охраняли его отъ порывовъ необузданной фантазіи, которымъ онъ былъ столь подверженъ. Но въ то время, когда *Вѣстникъ Европы* былъ дружелюбно открытъ для Погодина, и на страницахъ его помѣщались *Письма къ Лужницкому старцу*, самъ Старецъ печаталъ въ своемъ *Вѣстникѣ Европы* свой переводъ сочиненія Фатера *О происхожденіи Русскаго языка и о бывшихъ съ нимъ перемѣнахъ*, которое, по словамъ Каченовскаго, озаряло „новымъ свѣтомъ начало языка и самое происхожденіе имени Русскаго“. Въ этомъ сочиненіи Фатеръ признавалъ призванныхъ нами Руссовъ Готѳами, оставшимися издревле при Черномъ морѣ и соединившимися тамъ съ поселенцами Норманскими [416]). Прочитавъ это, Погодинъ написалъ разборъ Фатерова разсужденія и желалъ напечатать его въ *Вѣстникѣ Европы* [417]); но Каченовскій, стоявшій за *южное* происхожденіе Руссовъ, отказался напечатать этотъ разборъ. Между тѣмъ, въ Погодинѣ приняли участіе и Калайдовичъ, и Снегиревъ, и Давыдовъ, и Антонскій. Калайдовичу онъ разсказывалъ о ссорѣ своей съ Каченовскимъ, на что тотъ замѣтилъ: „задоренъ онъ“ [418]). Снегиревъ встрѣтилъ Погодина съ распростертыми объятіями и сказалъ ему, что для него было утѣшительно читать его разсужденіе о Фатерѣ. Читалъ его и Антонскій. Погодинъ не желалъ подписывать подъ нимъ своей фамиліи; но Давыдовъ ему замѣтилъ: „для чего же нѣтъ. Піеса очень хорошая“ [419]). Но несмотря на это участіе и ходатайство, разборъ Погодина не

былъ напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы*; „а я было думалъ", писалъ онъ, „уже о пріятномъ впечатлѣніи на университетскихъ". Въ классѣ Давыдовъ сказалъ ему, что статья его „задѣла Михаила Трофимовича, хотя онъ человѣкъ искусившійся и доблестный, тѣмъ болѣе, что самъ не сдѣлалъ на статью Фатера никакого замѣчанія и почиталъ ее за неприкосновенную". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Давыдовъ сообщилъ Погодину, что Каченовскій „хочетъ дать ему какую-то книгу, и говоритъ, что если онъ и послѣ ея останется при своемъ мнѣніи, тогда напечатаетъ разборъ. Но это Давыдовъ находилъ со стороны Каченовскаго однимъ только отводомъ; ибо, говорилъ онъ Погодину: „ему совѣстно не напечатать такъ, потому-что это дѣло было гласное. Читалъ ее и я, и Антонъ Антоновичъ. Замѣчаній самъ Каченовскій писать не хочетъ". При этомъ Давыдовъ совѣтовалъ ему сходить къ Каченовскому Погодинъ отправился. Въ это время Каченовскій собирался на лекцію, и встрѣтилъ Погодина словами: „вотъ, не во время гость хуже татарина, знаете ли вы эту пословицу"? Несмотря на это, принялъ его и сказалъ: „Я вамъ хотѣлъ дать книгу; возьмите Еверса, прочтите ее со вниманіемъ, здѣсь вы увидите много свѣта. Надо знать всѣ мнѣнія, и если послѣ вы останетесь при своемъ, то посмотримъ" [420]). Каченовскій далъ Погодину *Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Rossen* (Dorpat 1814). Въ этомъ сочиненіи Еверсъ доказываетъ, что Руссы были Хозары, пришельцы отъ Чернаго моря. И Погодинъ принялся за изученіе Еверса. Давыдовъ, узнавъ объ этомъ, съ улыбкою спросилъ его „не перейдетъ ли онъ подъ знамена Михаила Трофимовича" [421]). Но въ концѣ концевъ Каченовскій все-таки не напечаталъ разбора сочиненія Фатера. Несмотря на это, въ виду своего магистерскаго экзамена, Погодину вовсе былъ не разсчетъ ссориться въ это время съ Каченовскимъ, а потому онъ счелъ нужнымъ предупредить Калайдовича о „скромности", такъ какъ ему приходилось, вѣроятно, неоднократно ругать Каченовскаго при Калайдовичѣ. И дѣйствительно,

вплоть до самаго 1825 года, мы видимъ на страницахъ *Вѣстника Европы* статьи Погодина.

Мысль о переводѣ Славянской Грамматики Добровскаго не покидала Погодина. Калайдовичъ, принимая въ этомъ нѣкоторое участіе, спрашивалъ Востокова: не переводитъ ли кто изъ Академиковъ эту грамматику? Востоковъ отвѣчалъ (янв. 1823): „помнится, однажды въ собраніи Академіи говорили, что не худо бы перевести эту книгу, но формальнаго къ тому порученія никому не сдѣлано. Я, съ моей стороны, не взялся бы быть просто переводчикомъ этой грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія. Кто хочетъ пользоваться ею въ настоящемъ видѣ, можетъ читать и Латинскій подлинникъ. Книга эта писана собственно для ученыхъ, которые должны разумѣть по-латыни. Другое дѣло, перевести грамматику сію на Русскій съ нужными дополненіями и примѣчаніями. Я и за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочинить свою Славянскую Грамматику, въ которой, конечно, не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго. Крайне желалъ бы я васъ имѣть предшественникомъ моимъ на семъ поприщѣ“ [422]). Заручившись этимъ письмомъ Востокова, Калайдовичъ совѣтовалъ Погодину не покидать своей мысли о переводѣ, и по его настоянію, Погодинъ, вмѣстѣ съ Кубаревымъ, рѣшились даже обратиться въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ съ слѣдующимъ отношеніемъ: „Сорадуясь со всѣми истинными ревнителями отечественнаго Просвѣщенія возстановленію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и желая посильными трудами споспѣшествовать благой цѣли его, мы осмѣливаемся предложить почтеннѣйшимъ членамъ онаго, не благоугодно ли имъ будетъ возложить на насъ переводъ Славянской Грамматики знаменитаго Добровскаго. Предпріятіе сіе, полезное для всѣхъ занимающихся языкомъ Славянскимъ и не имѣющихъ способа пользоваться подлинникомъ, кажется намъ не чуждымъ цѣли Общества: Исторія народа тѣсно связана съ Исторіею языка; языкъ же древній, на коемъ писаны всѣ наши лѣтописи и

другіе историческіе памятники, въ семъ отношеніи особенно важенъ. Впрочемъ, почитаемъ за ненужное распространяться о пользѣ и достоинствахъ сей книги, признанной классическою всѣми изслѣдователями языка Славянскаго: кому извѣстно сіе болѣе ученыхъ мужей, составляющихъ Общество? Скажемъ только, что почтенные члены изданіемъ сего перевода могутъ оказать другую важнѣйшую пользу литературѣ Славянской, присоединивъ къ оному собственныя свои замѣчанія на Грамматику Добровскаго. Касательно хозяйственныхъ разсчетовъ, замѣтить должны, что издержки на напечатаніе перевода отнюдь не могутъ быть обременительными для Общества: ибо однѣ казенныя заведенія: академіи, семинаріи и гимназіи, въ коихъ языкъ Славянскій преподается, ихъ обезпечатъ". Отношеніе это было прочитано въ засѣданіи Общества, бывшемъ 14 іюля 1823 года, и Общество, выслушавъ оное, опредѣлило: „какъ сіе болѣе относится до словесности, то и препроводить отношеніе Кубарева и Погодина въ подлинникѣ въ Общество любителей Россійской Словесности" [423]). Что постановило по этому вопросу Общество Любителей Россійской Словесности намъ неизвѣстно; но въ *Дневникѣ* Погодина имѣется запись, впрочемъ довольно неопредѣленная и, вѣроятно, относящаяся къ этому вопросу: „Къ Калайдовичу. Настаиваетъ на переводѣ Добровскаго. Въ Обществѣ Давыдовъ сказалъ объ этомъ мелькомъ, Каченовскій возразилъ, и кончилось дѣло. Что за двуличность. Мнѣ говорилъ Давыдовъ съ величайшимъ участіемъ объ этомъ, а тутъ вышло дѣло другое". Не смотря на это, Погодинъ и Кубаревъ не охлаждались къ Добровскому, чему можетъ свидѣтельствовать слѣдующая запись въ *Дневникѣ*: „Читали съ Кубаревымъ Добровскаго. Восхищались его мыслію: искать коренные звуки словъ. Какое обширное поле для историка, философа, филолога открывается здѣсь. Тутъ увидимъ мы, какіе предметы прежде другихъ были названы, какъ къ нимъ прививались другіе. Отсюда - какое нарѣчіе древнее". Затѣмъ, Погодинъ сообщаетъ: „Пришелъ Титовъ. Восхищались Шлецеромъ, Ломоносовымъ, читали Тредьяковскаго.

Ужинали вмѣстѣ“ [424]). Но хлопоты Калайдовича по переводу Погодинымъ Славянской Грамматики остались безуспѣшны [425]) и дѣло перевода было предоставлено будущему, и это дѣло совершилъ Погодинъ, какъ увидимъ, но только не въ сотрудничествѣ Кубарева, а Шевырева.

Академическая жизнь 1823 года заключилась засѣданіемъ Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ 14 іюня 1823 года, о которомъ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ Дневникѣ Погодина: „Къ Калайдовичу. Говорили о собраніи Общества Словесности. Мерзляковъ пришелъ туда разсерженный. Зарекался писать для Общества. Послѣ предложилъ Антонскій писать похвальное письмо Завадовскому и Шувалову, и онъ умилился, самъ же началъ говорить, сколько имъ обязанъ, и взялся писать. Какая добрая душа! Жаль, что спился съ кругу“ [426]). Черезъ недѣлю послѣ этого засѣданія, Погодинъ зашелъ къ Трубецкимъ освѣдомиться: поѣдутъ ли въ Знаменское, и узналъ, что „ѣдутъ!“ При этомъ онъ сообщаетъ, что ему довелось слышать „управительскіе разговоры“.

XXIV.

21 іюня 1823 года, Трубецкіе прислали за Погодинымъ экипажъ, и онъ отправился въ Знаменское на лѣтнее и осеннее тамъ пребываніе. По пріѣздѣ, по обычаю, прошелся по саду; а о своемъ расположеніи духа, отмѣтилъ въ *Дневникѣ* двумя словами: „Радехонекъ, покоенъ“. Время свое онъ расположилъ такимъ образомъ: Вставалъ въ 5 или 6 час. Утро посвящалъ урокамъ князю Николаю Ивановичу и княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ. Послѣ классовъ онъ занимался, между прочимъ, Цицерономъ, а послѣ обѣда читалъ Карамзина, съ замѣчаніями. Кромѣ того, гулялъ, купался, говорилъ по французски. Въ 11 ложился спать. Но въ это время Погодинъ былъ озабоченъ магистерскимъ экзаменомъ, и размышляя о немъ, онъ пришелъ къ грустному сознанію, „что только по

Русскому просвѣщенію можетъ быть буду я магистромъ, не больше. Много-ль я читалъ? Что я знаю? Дрянь“ [427]). Въ Знаменскомъ онъ продолжалъ трудиться надъ своею диссертаціею „*О происхожденіи Руси*“. Здѣсь, въ деревенскомъ уединеніи, „подъ тѣнію дуба и березы“, онъ изучалъ Нестора, Шлецера, Миллера, Карамзина, Еверса, и восхищаясь „молніеобразною мыслію въ Исторіи Шлецера, очень строго и даже непозволительно относился къ Карамзину, и мы съ неудовольствіемъ читаемъ въ *Дневникѣ* слѣдующія строки: „Такую дичь написалъ Карамзинъ въ 1-й главѣ, что ни на что не похоже. Едва ли не одно достоинство остается за Карамзинымъ: искусство писать“ [428]).

Кромѣ спеціальныхъ своихъ занятій Русскою Исторіею, Погодинъ въ это пребываніе въ Знаменскомъ занимался переводомъ *Ніобы*, Овидія. Мысль эта пришла ему при чтеніи перевода Жуковскаго изъ Овидіевыхъ превращеній *Цеиксъ* и *Гальціона*. Однажды даже онъ „съ утра до вечера переводилъ Ніобу“, и отмѣчаетъ въ *Дневникѣ*: „Хорошо идетъ“. Переводъ свой онъ читалъ А. В. Всеволожскому. На слѣдующій день, онъ занимался тѣмъ же, и оставался чрезвычайно доволенъ своимъ переводомъ. „Весьма удачными“, писалъ онъ, „кажутся многіе стихи, и я прыгалъ отъ удовольствія въ саду“; [429]) къ вечеру онъ окончилъ свой переводъ и при этомъ впалъ въ раздуміе: кому посвятить оный? Сначала онъ намѣревался посвятить его Жуковскому, но потомъ ему вспомнился Мерзляковъ. „Ему, по всѣмъ законамъ, слѣдуетъ, какъ учителю и первому образцу“. Но въ концѣ-концовъ Погодинъ рѣшился посвятить свой переводъ „всѣмъ нашимъ поэтамъ“. Своимъ успѣхомъ онъ желалъ подѣлиться съ Кубаревымъ, и съ этою цѣлію, вмѣстѣ съ Знаменскимъ священникомъ, поѣхалъ въ Москву „съ пріятною мыслію о чтеніи стиховъ Кубареву“; но Кубаревъ, хотя хвалилъ переводъ, но эта похвала показалась Погодину „не отъ сердца“. [430]) По возвращеніи въ Знаменское, ему пришла мысль написать посланіе къ Пушкину.

Бесѣдуя объ этомъ съ княжною Аграфеною Ивановною, услыхалъ, что императоръ Александръ I, прочтя *Кавказскаго Плѣнника*, сказалъ: „надо помириться съ Пушкинымъ". [431]) Въ то же время, Погодинъ изучалъ *Катихизисъ* Филарета и вмѣстѣ съ тѣмъ, замышлялъ перевесть *Донъ-Карлоса* и другія произведенія Шиллера, а также *Мессіаду*, и переводы свои посвятить Гёте. „Тогда, мечталъ онъ, слава осѣнитъ меня" [432]). Живя въ Знаменскомъ, Погодинъ не прерывалъ сношеній съ своими Московскими друзьями. Такъ, онъ получилъ изъ Москвы письмо отъ В. П. Титова (отъ 13 августа 1823 года), которое есть какъ бы продолженіе ихъ Московскихъ бесѣдъ и любопытно для насъ, какъ живое отраженіе тѣхъ идей, которыя воодушевляли цвѣтъ нашего юношества двадцатыхъ годовъ. „Давно уже я писалъ бы къ вамъ, если бы не обманывала меня надежда, пустая, къ несчастію, — васъ самихъ видѣть въ скоромъ времени и съ вами *обмѣняться рѣчьми*, какъ говорятъ Греки. Надежда исчезла — и я принимаюсь писать; нѣсколько понуждаетъ меня къ тому нужда напомнить вамъ объ обѣщанномъ мнѣ Діодорѣ Сицилійскомъ, о которомъ я прошу васъ извѣстить меня, можно ли его взять, и какъ, и отъ кого. Прочтя Гезіодову *Ѳеогонію*, увидѣлъ я, что всѣ мои прежнія мнѣнія о Миѳологіи, о которыхъ я вамъ съ такимъ жаромъ декламировалъ, построены на пескѣ; я воротилъ Греческіе идеалы, какъ мнѣ хотѣлось, и вышло на дѣлѣ навыворотъ. Впрочемъ, это мнѣ урокъ: впередъ не полагаться на память, а побольѣе учиться. Въ замѣну теперешняго, однако, я замѣтилъ въ *Ѳеогоніи* мѣсто занимательное: Зевесъ, чтобы наказать Прометея за покражу огня небеснаго, повелѣлъ Вулкану слѣпить женщину; то была первая женщина. Вы со мною порадуетесь, увидя какъ близко это переводится на языкъ Естественной Философіи. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ вскорѣ достигнулъ бы божественнаго просвѣщенія, еслибы не препятствовало тому половое раздвоеніе организма, по которому одно нераздѣльное никогда не можетъ исполнить идею сво-

его рода, а по соединеніи съ другимъ, вновь себя производитъ. Не менѣе удивительно сходство въ описаніи боя Титановъ съ Зевесомъ съ библейскими повѣствованіями о боѣ отпадшихъ ангеловъ. Здѣсь три архангела заключаютъ сатану въ адъ, отстоящій отъ земли столько же, сколько земля отъ неба. Девять сутокъ они съ нимъ туда спускались. Тамъ сторукіе сыны Урановы, Вріарій, Гигъ и Коттъ, мещутъ скалами въ Титановъ и заключаютъ ихъ въ бездну Тартара, куда, по словамъ Гезіода, брошенная съ земли наковальня долетѣла бы въ девять сутокъ, употребя равное время на путь отъ неба до земли. Я не понимаю ни того, ни другого, и жду, не придетъ ли вамъ на умъ, по обыкновенію, геніальная мысль, которою вы меня, надѣюсь, освѣтите. Вы, любезный Михаилъ Петровичъ, я думаю читали Жебеленя; я бралъ недавно сію книгу у В. И. Оболенскаго и въ ней нашелъ много обширныхъ видовъ. Жебелень, кажется, дошелъ, посредствомъ труднаго анализа, почти до того, къ чему привелъ Аста счастливый синтезъ. Пріятно, читая его, утверждаться въ мысли, какъ всегда близки двѣ стороны истины—центръ и окружность. Чтеніе Геродота и неудачныя занятія Миѳологіей обратили мое вниманіе къ изслѣдованію духа древнихъ; здѣсь я старался находить подтвержденіе прекраснымъ о нихъ мыслямъ Вагнера. Онъ говоритъ, что вѣкъ разнообразія, необходимости, анализа—вѣкъ женскій, составляетъ древность; вѣкъ единства, свободы, синтеза, напротивъ—вѣкъ мужескій, составляютъ новѣйшее. Дѣйствительно, у древнихъ видимъ правленіе республиканское — господство слѣпаго закона, у нихъ видимъ вѣру къ оракуламъ и къ неизбѣжимому исполненію ихъ предсказаній, религію, въ которой господствуетъ необходимость и разнообразіе, у нихъ видимъ таинства, видимъ отправленіе свѣтскихъ должностей всегда нераздѣльнымъ отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ. Замѣчательно постепенное приближеніе древняго къ новѣйшему какъ во всякомъ особомъ народѣ, такъ и во всей планетѣ. У Евреевъ и Египтянъ предсказанія были во всей силѣ; верховный сановникъ былъ вмѣ-

стѣ и жрецомъ; у Римлянъ первое было слабѣе, второе повторялось съ тѣмъ различіемъ, что народъ выбиралъ сановниковъ вмѣстѣ духовныхъ и свѣтскихъ; у Грековъ первыхъ, вмѣстѣ съ Ѳукидидомъ и Платономъ, возникло новѣйшее стремленіе; потомъ и въ Римѣ начали смѣяться надъ авгурами; ученіе Іисуса Назаретскаго рѣшило борьбу древняго съ новѣйшимъ — представительное правленіе должно быть вѣнцемъ новѣйшаго вѣка, реформація была ступенью. Можетъ быть, мои неспѣлые опыты произведутъ въ васъ, любезный Михаилъ Петровичъ, много мыслей, гораздо зрѣлѣйшихъ; я симъ утѣшаюсь. Напишите, скоро ли вы къ намъ будете. Мы съ Томашевскимъ часто поминаемъ о томъ вожделѣнномъ времени. Очень бы желалъ знать, окончили ли вы вашу Географію, и что послѣ нея привлечетъ глубокомысленный взоръ вашъ“ [433]).

Вскорѣ по полученіи этого письма, Погодинъ былъ очень огорченъ извѣстіемъ о кончинѣ своего любимаго профессора, добраго старца Никифора Евтропіевича Черепанова. „Искренно сожалѣю о немъ“, отмѣтилъ онъ въ *Дневникѣ* [434]). По свидѣтельству Т. Н. Грановскаго, „смиреніе, простота и христіанская нравственность были отличительными чертами жизни почившаго профессора“ [435]).

„Кумиры у насъ недолговѣчны. Позолота ихъ скоро линяетъ. Набожность поклонниковъ остываетъ. Уже строится новое капище для водворенія новаго кумира“, сказалъ князь П. А. Вяземскій [436]). Въ „капищѣ“ сердца Погодина въ это время водворялся новый кумиръ,—это роза, расцвѣтающая въ саду Знаменскомъ. „Моя весна, моя поэзія, героиня моихъ повѣстей“, писалъ онъ о ней, уже будучи въ глубокой старости. Но эта роза, въ описываемое нами время, все еще сидѣла за учебнымъ столомъ, подъ ферулою своего обожателя, который давно уже всматривался въ нее, и ему досадно было видѣть, что старая Княгиня „любитъ больше Николиньку, нежели *Сашеньку*. Объ этомъ у него однажды зашелъ даже споръ съ княжною Аграфеною Ивановною, которая старалась

доказать, что это неправда. „Удивительно добрая душа“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „я увѣренъ, что она внутренно была согласна со мною и не хотѣла, чтобы другой кто-нибудь зналъ и обвинялъ ея маменьку“. Читатели догадываются, что мы говоримъ о молодой княжнѣ Александрѣ Трубецкой. Въ то же время Погодинъ посвящаетъ ей двѣ піесы, переведенныя имъ изъ Гете [437]), и мечтаетъ о сочиненіи повѣсти, въ которой былъ бы изображенъ портретъ плѣнившей его ученицы [438]). Описывая одну прогулку въ Знаменскомъ обществѣ, онъ отмѣчаетъ: „кокетничалъ съ княжною Александрою Ивановною“; а эта, являя, вѣроятно, особый видъ кокетства, предложила своему поклоннику заниматься съ нею Латинскимъ языкомъ. „Я очень радъ“, заявляетъ Погодинъ, „мнѣ хотѣлось бы, чтобы у насъ хоть одна дама знала Латинскій языкъ“ [439]). Однажды вся Знаменская „братія“ завтракала подъ деревомъ Погодина. Княжна Аграфена Ивановна, давая ему яблокъ, сказала: „Voilà une pomme pour vous; elle est douce.—Comme vous, отвѣчалъ Погодинъ. Княжна Александра Ивановна подала тоже. Погодинъ спросилъ: Elle est...? Elle est aigre, monsieur, отвѣчала она. Je n'ose pas finir. Послѣ, начавъ ѣсть яблоко, поданное ему княжною Александрою Ивановною, онъ сказалъ: Elle n'est aigre, qu'en apparence“. „Любезничалъ“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ. Въ то же время онъ почувствовалъ „отмѣнное расположеніе къ молитвѣ [440]). Находясь въ такомъ влюбленномъ и молитвенномъ настроеніи, Погодину было омерзительно смотрѣть на Цыганъ, появившихся въ Знаменскомъ, вѣроятно, по поводу какого нибудь торжества. И сіи Фараониты вызвали строгое сужденіе нашего героя: „отвратительно смотрѣть на этотъ кочующій и оскотинившійся народъ“, замѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* [441]).

Знаменское въ это лѣто (1823) было не особенно многолюдно. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* упоминаются только Всеволжскіе и Новосильцовы. Съ А. В. Всеволожскимъ и съ П. П. Новосильцовымъ Погодинъ, по-прежнему, велъ

любопытныя бесѣды, содержаніе которыхъ онъ, по своему досадному обычаю, передаетъ только въ однихъ общихъ очеркахъ. Они бесѣдовали и о *Придворной грамматикѣ* Фонъ-Визина, и о недовѣрчивости Государя къ дворянству, и о препонахъ къ просвѣщенію, и о Нѣмцахъ, и о Русскихъ. Новосильцовъ сообщилъ Погодину, что ему и товарищамъ его не позволяли учиться Статистикѣ у Германа [442]). Толковали также и о нашемъ правленіи, и о мѣрахъ, принимаемыхъ Правительствомъ „остановить потокъ" [443]). Съ Знаменскимъ священникомъ Погодинъ былъ также въ очень дружелюбныхъ отношеніяхъ. Послѣ обѣдни, на праздникъ Преображенія, онъ посѣтилъ его и бесѣдовалъ о нынѣшнемъ обученіи духовныхъ. „Слава Богу", говоритъ, „ныньче можно учиться: сытъ, обутъ, одѣтъ; а прежде, бывало, мы учились въ погребахъ; холодно, голодно". Говорили о разстригшемся архимандритѣ. „Ну, слава Богу, не изъ нашихъ", сказалъ священникъ, когда Погодинъ отвѣтилъ на его вопросъ, что этотъ архимандритъ не изъ духовнаго званія. „Вотъ духъ нашего духовенства", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ [444]). Съ почтеннымъ Сеймондомъ онъ продолжалъ быть въ отличныхъ отношеніяхъ. Сеймондъ такъ свыкся съ домомъ Трубецкихъ, что Погодинъ однажды замѣтилъ о немъ: „Сеймондъ совсѣмъ отрубечился и такъ привыкъ къ нимъ, что сдѣлался ихъ роднымъ. Ему невозможно оставить ихъ. Онъ рожденъ для настоящей своей должности въ ихъ домѣ. Его участіе истинно" [445]). Бесѣды его съ Погодинымъ всегда были и поучительны, и содержательны. „Говорилъ съ Сеймондомъ", пишетъ онъ, „объ управленіи, о богатствахъ, которыя могли бы составить наши бояре, еслибъ умѣли управлять своими имѣніями. Князь Юрій Ивановичъ уѣдетъ въ Италію и продастъ все свое имѣніе. Кому достанется Знаменское? Даже мнѣ пріятно будетъ, лѣтъ черезъ 20, пріѣхать въ Знаменское" [446]). Не таковы были отношенія Погодина къ проживающему въ Знаменскомъ французу Версену. Однажды, этотъ французъ позволилъ себѣ говорить съ пре-

небреженіемъ о графѣ Ѳ. В. Ростопчинѣ. Это взорвало Погодина, и между ними произошла сцена очень не симпатичная. Погодину было также противны сужденія этого француза и о явленіяхъ Русской жизни. „Версенъ", пишетъ онъ, „говоритъ какъ пустоголовый французъ. Напримѣръ, увидя, что женятъ крестьянъ слишкомъ молодыхъ, и что они имѣютъ дѣтей, онъ заключилъ, что жены ихъ живутъ съ отцами мужей; что во всякой деревнѣ есть гнусные дома, общія бани" [447]).

Конецъ августа 1823 года былъ ознаменованъ прибытіемъ императора Александра I въ Москву. Еще отъ 10 августа, изъ Царскаго села, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Недѣли черезъ двѣ будетъ у васъ Государь: ты, конечно, ему обрадуешься. Люблю его всею душею. Онъ опять беретъ съ собою на дорогу нѣсколько тетрадей моей Исторіи: царствованіе Годунова и сына его" [448]). 16 августа, Государь предпринялъ изъ Царскаго Села путешествіе во внутреннія области Имперіи. Чрезъ Ладогу, Тихвинъ, Мологу, Рыбинскъ, Ярославль, Ростовъ и Переяславль, Государь прибылъ въ Москву, и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мы читаемъ: „Государь Императоръ удостоилъ Высочайшимъ прибытіемъ своимъ сію столицу съ 24 на 25 августа, въ 2 часа пополуночи" [449]). Погодинъ въ это время пріѣзжалъ изъ Знаменскаго въ Москву, и вмѣстѣ съ народомъ встрѣчалъ Государя. „Сердце у меня билось", писалъ онъ, „когда я въѣзжалъ въ Кремль и видѣлъ вокругъ себя народъ по обѣимъ сторонамъ. Казакъ началъ разгонять народъ.—Экъ не хочется тебѣ, чтобъ мы были здѣсь, сказали они и только. Смѣялся много разговору нѣсколькихъ „сѣрокъ" объ одномъ генералѣ, ходившемъ по подмосткамъ. 1-й. – Чай, выспался днемъ, вотъ и ходитъ теперь. 2-й.—Много хлопотъ имъ. 3-й.—Иное и на лаптишки достанется. 4-й.—За то и честь. 5-й.—Большому кораблю большое и плаваніе. Когда показался Государь, „ура" было не слишкомъ громко, да и народа не слишкомъ" [450]). На другой день, Государь изволилъ слушать обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ высокопреосвященнѣйшій Филаретъ встрѣтилъ Его Вели-

чество привѣтственною рѣчью: „Предъ Богомъ срѣтаемъ Тебя, Благочестивѣйшій Государь! И благодаримъ Его, что утѣшаетъ насъ Тобою, и молимъ Его, да утѣшитъ и Тебя нами“.

„Воззри еще на сей царелюбивый народъ и утѣшься его любовію, которая и сокрываемому въ глубокой нощи пришествію Твоему не допустила утаиться, но воспріяла Тебя гласомъ восторга“.

„Воззри еще на сей много-вѣковый царственный градъ, который дано Тебѣ, въ краткое время, изъ развалинъ и пепла возродить; и утѣшься симъ, какъ знаменіемъ того, что Богъ, посѣтившій неправды наши, еще сохранилъ здѣсь благословеніе праведныхъ: ибо въ *благословеніи правыхъ возвысится градъ,* говоритъ Слово правды (Притч. 11, 11)“.

„Богъ благословеній да споспѣшествуетъ Тебѣ выну и въ важнѣйшемъ царственномъ зиждительствѣ Твоемъ,—въ зиждительствѣ и возвышеніи нравственнаго и духовнаго порядка, въ утвержденіи вѣры и правды, которыми и цари велики, и царства непоколебимы“.

„Господи! Спаси Царя и благослови, и сохрани вхожденіе его и исхожденіе его, ко спасенію царства“ [451])“.

Въ это пребываніе императора Александра I въ Москвѣ совершилось величайшее государственное событіе. 27 августа 1823 года императоръ вручилъ архіепископу Филарету, для храненія въ Успенскомъ Соборѣ, актъ отреченія цесаревича Константина Павловича отъ правъ на престолъ и манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. Сіи государственные акты были сложены въ конвертъ за государственною печатью и съ собственноручною подписью Государя: „Хранить въ Успенскомъ Соборѣ, съ государственными актами, до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины, открыть Московскому епархіальному архіерею и Московскому генералъ-губернатору, въ Успенскомъ Соборѣ, прежде всякаго другаго дѣйствія“. Въ навечеріе дня тезоименитства Государя, когда въ Успенскомъ Соборѣ были только протопресвитеръ, сакелларій и прокуроръ Синодальной Кон-

торы, архіепископъ Филаретъ вошелъ въ алтарь, показалъ имъ печать, но не надпись принесеннаго конверта, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ всѣмъ тремъ свидѣтелямъ, къ строгому исполненію Высочайшей воли, чтобы о совершившемся никому не было открываемо, и такимъ образомъ, по краснорѣчивому выраженію Филарета, „какъ бы во гробѣ хранилась погребенною царская тайна, сокрывавшая государственную жизнь“ [452]). Замѣчательно, что сія „царская тайна“, не была тайною для Карамзина, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его къ Дмитріеву, написанное уже по смерти императора Александра (отъ 3 января 1826 года): „Самъ покойный государь, еще осенью 1824 года, сказывалъ мнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ объ этотъ распоряженіи наслѣдства. Мы не измѣнили тайнѣ“.

На другой день этого событія, т. е. въ день своего тезоименитства, 30 августа, Государь слушалъ Божественную Литургію въ Успенскомъ соборѣ, которую совершалъ высокопреосвященнѣйшій Филаретъ. Вечеромъ Государь посѣтилъ балъ, бывшій въ домѣ Благороднаго собранія. Шесть дней Государь изволилъ пробыть въ Москвѣ и, оставилъ ее 31 августа, въ 7 часовъ утра [453]). Въ отвѣтъ на письмо И. И. Дмитріева, Карамзинъ изъ Царскаго Села, писалъ своему другу (отъ 11 сент. 1823): „Сердечно благодарю тебя за увѣдомленіе о любезнѣйшемъ нашемъ Государѣ; чувство мое къ нему есть истинное: я вижу въ немъ только человѣка, будучи самъ уже внѣ свѣтскихъ отношеній, и дворскихъ и государственныхъ, отъ моихъ лѣтъ, религіи и *метафизики* если такъ сказать можно“ [454]).

Послѣ отъѣзда Государя, Погодинъ провелъ въ Москвѣ дней шесть. Видѣлся съ своими, друзьями Кубаревымъ, Загряжскимъ, Титовымъ и Оболенскимъ. Отъ послѣдняго онъ узналъ, что Раичъ въ Одессѣ познакомился съ Пушкинымъ [455]). Наканунѣ Рождества Богородицы, Погодинъ вернулся въ Знаменское. „Ночью гулялъ по саду и восхищался звѣздами, свѣтящимися черезъ деревья“.

16

Но недолго Погодину оставалось блаженствовать въ Знаменскомъ, и 28 сентября онъ „простился со всѣми и отправился въ Москву“. На прощаніи, онъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Жизнь моя въ Знаменскомъ была прекрасная. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ—ни одного непріятнаго впечатлѣнія. Работалъ я порядочно. Самое привольное житье и обильное“ [456]).

XXV.

Вернувшись, 28 сентября 1823 года, въ Москву, Погодинъ отправился къ Кубареву и у него ночевалъ, и всю ночь протолковали „о безконечности творенія и ничтожности человѣка; о предметахъ древнихъ для трагедій“; но когда зашла рѣчь о Французской поэзіи, то у него „зажглась мысль“ опрокинуть Расина, съ цѣлію „уменьшить сколько нибудь пристрастіе нашихъ магнатовъ къ Французамъ“. Въ тоже время Погодинъ прочелъ Кубареву свой переводъ изъ Гете и снискалъ похвалу его [457]).

Въ это время Погодину предстоялъ экзаменъ на степень магистра Русской Исторіи. Примѣчательно, что экзаменъ случился въ день, празднуемый нашею Церковью память преподобнаго отца нашего Нестора, лѣтописца Россійскаго, 27 октября. Въ этотъ день, въ 3 часа, Погодинъ, „помолясь Богу“, отправился на экзаменъ. Собраніе профессоровъ его поразило своимъ величіемъ. „Экзаменъ начался Гавриловымъ“, пишетъ онъ, „переводилъ Псаломъ кое-какъ; односложные вопросы и отвѣты изъ Эстетики; чтобъ говорить что нибудь, я началъ возражать противъ мнѣнія о подражаніи природѣ, и пр. И онъ разсердился, кажется. Давыдовъ заминалъ рѣчь. Потомъ Давыдовъ началъ кое-что изъ общаго понятія о Латинскомъ языкѣ, Филологіи, и пр. Отвѣчалъ ему хорошо. Ульрихсу отвѣчалъ на всѣ вопросы очень хорошо; Пельту, Каменецкому, Побѣдоносцеву и, наконецъ, Мерзлякову также. Ни одинъ

вопросъ не остался безъ отвѣта. Мерзляковъ и Каменецкій послѣ сказали, что напрасно спорилъ я съ Гавриловымъ, хотя это и ничего“ [458]). „Первый экзаменъ“, писалъ Погодинъ княгинѣ Голицыной, „кончился благополучно; не знаю, что Богъ дастъ на второмъ“. „Перекрестясь“, 14 ноября, отправился онъ на второй и послѣдній экзаменъ. „Каченовскому отвѣчалъ пресчастливо. Къ Давыдову: попался было письменный вопросъ о различіи между Греческою и Римскою Словесностью. — Возьмите другой, этотъ слишкомъ длиненъ, и я взялъ о всадникахъ. Славно дѣло кончилось. *Задали диссертацію*“ [459]).

Предметомъ диссертаціи Погодина былъ вопросъ *О происхожденіи Руси*, которымъ онъ уже давно занимался и для рѣшенія котораго у него были уже подготовлены матеріалы. Выдержавъ благополучно магистерскій экзаменъ, онъ сталъ мечтать о пріобрѣтеніи *имени книжнаго*. Толковалъ объ этомъ съ Кубаревымъ, и они рѣшили, что слѣдуетъ посовѣтоваться съ И. И. Давыдовымъ, который и „наставитъ насъ на путь истинный“ [460]). Одновременно съ Погодинымъ, держалъ докторскій экзаменъ Александръ Григорьевичъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, который въ то же время хлопоталъ объ участіи въ кругосвѣтномъ путешествіи капитана Коцебу, въ качествѣ естествоиспытателя и медика. Погодинъ почему-то отнесся къ этому весьма неодобрительно, и въ *Дневникѣ* своемъ записалъ: „ходилъ къ Кубареву за рѣшеніемъ о Фишерѣ. Онъ ѣдетъ, можетъ быть, вокругъ свѣта. Мы ѣздимъ вокругъ свѣта, а что подъ носомъ, того не знаемъ. И какая слава для насъ отъ этихъ путешествій? Вездѣ Нѣмцы. Мы даемъ только деньги“ [461]). Но намѣреніе Фишера не осуществилось [462]).

Не смотря на разногласіе о происхожденіи Руси у Погодина съ Каченовскимъ, въ это время между ними были добрыя отношенія. Погодинъ посѣщалъ лекціи Каченовскаго, и при встрѣчахъ, профессоръ жалъ ему руку и съ участіемъ разспрашивалъ его объ экзаменѣ, о диссертаціи. Погодинъ даже нерѣдко посѣщалъ Каченовскаго, и однажды принесъ

ему свой переводъ о Софійской церкви и еще переводъ Томашевскаго о Языкѣ. По этому поводу, Каченовскій замѣтилъ ему, что наша публика еще не подготовлена для такихъ статей [463]). Въ другой разъ, посѣтивъ Каченовскаго, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о Геттерерѣ, Шлецерѣ. „Вотъ познанія", сказалъ Каченовскій, „а мы что́ знаемъ". „Я", сознается Погодинъ, „проболтался, что у насъ не опредѣлено различіе въ племенахъ". „А у Шторха!" возразилъ Каченовскій. Разстались они дружелюбно, и Каченовскій довезъ Погодина „до валу" [464]). Въ это время Погодинъ занимался переводомъ изъ книги Тунмана о Козарахъ. Тунманъ принадлежитъ къ числу тѣхъ трудолюбивыхъ писателей, которые изысканіями своими очень много способствовали къ „освѣщенію мрака древней Россійской Исторіи". Сочиненіе его *Untersuchungen über der Geschichte der östlichen Europäischen Völker* извѣстна была въ то время только по ссылкамъ Шлецера и Карамзина [465]), но у послѣдняго, замѣчаетъ Погодинъ, „о Козарахъ есть совершенное сокращеніе Тунмана. И на слова объ этомъ въ примѣчаніяхъ. Гдѣ у Туимана нѣтъ ссылки, тамъ нѣтъ и у Карамзина". Когда онъ окончилъ свой переводъ, то отнесъ его къ Каченовскому, который, по свидѣтельству самого Погодина, былъ ему „радехонекъ" [466]) и помѣстилъ его въ декабрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* 1823 года. Отношенія его къ Каченовскому были до того хороши, что Погодинъ въ это время мечталъ даже быть его сотрудникомъ по *Вѣстнику Европы*, лишь бы Каченовскій давалъ ему по 25 рублей за листъ [467]).

Еще будучи студентомъ, Погодинъ штудировалъ Горація и писалъ къ нему комментаріи. Въ этомъ трудѣ его поощряли, съ одной стороны, преемникъ Тимковскаго по каѳедрѣ Римской Словесности, И. И. Давыдовъ, а съ другой стороны, любимый ученикъ Тимковскаго и другъ Погодина, Кубаревъ, который, между прочимъ, исправлялъ ему Латинское предисловіе къ изданной Погодинымъ книгѣ [468]). Наконецъ, 20 іюня 1823 года, Погодинъ окончилъ свой многолѣтній трудъ.

„Слава Богу“, восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Незнаю, что будетъ за изданіе, какой въ немъ толкъ, какой путь, и не смѣшно ли оно. Вотъ что называется: куда кривая ни вынесетъ“. Дальнѣйшую судьбу своего труда Погодинъ вручилъ И. И. Давыдову. Еще до окончанія его, онъ заѣзжалъ къ Давыдову, и происшедшій между ними разговоръ вселилъ въ немъ надежду, хотя очень слабую и неопредѣленную, занять Латинскую каѳедру въ Московскомъ Университетѣ, такъ какъ И. И. Давыдовъ въ это время, какъ послѣдователь и проводникъ ученія философа Шеллинга, прочилъ себя на каѳедру Философіи. „Вы хотите остаться въ Университетѣ? спросилъ Давыдовъ Погодина. „Хочу“, отвѣтилъ тотъ. На это Давыдовъ сказалъ: „Я подалъ просьбу о другой каѳедрѣ, говорилъ въ Совѣтѣ о васъ, для замѣщенія моего мѣста, предлагая отправить васъ путешествовать—вѣроятно, будутъ всѣ согласны. Пока мѣсто каѳедры препоручится Шлецеру, до вашего возвращенія“. На это Погодинъ возразилъ: „Но есть люди, меня достойнѣйшѣе, напримѣръ, Кубаревъ, который этимъ занимался всегда, который въ этомъ дѣлѣ вдесятеро опытнѣе и старше меня“. „Онъ не хочетъ остаться въ Университетѣ, его никогда не видать“, отвѣчалъ Давыдовъ. „Если бы ему это предложено было, онъ согласился бы“, сказалъ Погодинъ. „Онъ богачъ“, сказалъ Давыдовъ. „Нѣтъ, безъ большого состоянія“, возразилъ Погодинъ. „Притомъ онъ боленъ, а для перенесенія такихъ трудовъ нужны силы. По исторической части много претендентовъ, и я совѣтывалъ бы, если вы хотите быть профессоромъ“, продолжалъ Давыдовъ. „Это очень далеко“, замѣтилъ Погодинъ. „Напротивъ, очень близко, чрезъ годъ вы будете магистръ и поѣдете. Пробудете три года, возьмете докторскій экзаменъ и будете профессоромъ“, возразилъ Давыдовъ. „Но теперь уже посланъ одинъ“, сказалъ Погодинъ. „Всегда можно посылать двоихъ“, заключилъ Давыдовъ. Этотъ разговоръ погрузилъ Погодина въ слѣдующее размышленіе: „Страшно приняться за такую часть, которая недавно была въ рукахъ

Тимковскаго. Сколько надобно узнать, чтобъ быть чѣмъ нибудь. Страшно, страшно. Занимаясь, впрочемъ, четыре года плотно, мнѣ кажется, что можно дойти до кое-чего. Какъ дико будетъ говорить по латыни, пріѣхавши. Всѣ будутъ смотрѣть въ глаза. Можно ли успѣть? Тимковскій, бывъ студентомъ, прочелъ четыре раза Овидія—я едва нюхать начинаю. Удивительно: для меня ничего не стоитъ говорить въ пользу Кубарева. Я выхвалялъ его совершенно съ свободнымъ духомъ. Теперь, если бы я захотѣлъ попросить Антонскаго, Давыдова, и пр., дѣло было бы въ шляпѣ. Но это принадлежитъ Кубареву. Если онъ не поѣдетъ, я посовѣтуюсь и, можетъ быть, рѣшусь“ [469]). Латинская каѳедра, конечно, не досталась Погодину, но, тѣмъ не менѣе, И. И. Давыдовъ оказалъ покровительство труду его о Гораціи и, по его ходатайству, онъ былъ напечатанъ на казенный счетъ. Такимъ образомъ, въ концѣ 1823 года вышла въ свѣтъ книга, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Quinti Horatii Flacci Opera. E recensione Pr. cel Buhle, cum Commentario ex Ianio desumpto.* Mosquae Typis Caesareae Universitats. 1823. На оборотѣ этого листа: „Ex auctoritate Senatus Academice“.

Въ предисловіи читаемъ:

Curam hujus libri edendi ex gravissimo et ornatissimo consilio atque auctoritate Senatus Academici almae Universitatis Mosquensis suscepimus. Textus ad modum Pr. Cel. Buhle est expressus; commentarium vero ex Ianio selectum dedimus; adnotationum aliae latine, aliae autem vernacula conscriptae sunt, prout explicandi ratio exigere videbatur.

Мы приняли на себя трудъ изданія этой книги по весьма вѣскому и почетному для насъ совѣту и внушенію Совѣта Московскаго Университета. Текстъ напечатанъ по рецензіи проф. Буле, а избранный комментарій мы предложили изъ Яна; нѣкоторыя примѣчанія написаны по-латыни, а другія на отечественномъ языкѣ, смотря по тому, какъ требовалъ способъ объясненія.

Non ignoramus delectum animadversionum vix omnibus iri probatum; cum autem ipsa voluntas aliquid boni, honesti pulchrique perficiendi a sapientissimis laudetur, minime dubitavi, quim haecce editio studiosis scholae litterarum Romanorum prodesset praecertim in tanta inopia subsidiorum, quae in istis studiis addiscendis sint necessaria.

Is mihi erat finis eaque spes, et curam non fore irritam arbitror, si istud opusculum interpretationem Horatii quodammodo reddiderit faciliorem atque studiis humanitatis in patria nostra propogandis contulerit.

Мы очень хорошо знаемъ, что выборъ примѣчаній едва-ли будетъ всѣми одобренъ; но такъ какъ самое желаніе сдѣлать что нибудь хорошее, благородное и прекрасное заслуживаетъ похвалы со стороны мудрыхъ людей, то я нисколько не сомнѣвался, что это изданіе будетъ полезно изучающимъ Римскую литературу, въ особенности при такомъ недостаткѣ пособій, которыя необходимы въ этихъ занятіяхъ; это была моя цѣль и надежда, и я считаю, что трудъ мой не будетъ безплоденъ, если сколько-нибудь облегчитъ толкованіе Горація и поможетъ распространенію въ нашемъ отечествѣ гуманныхъ наукъ *).

Латинскій текстъ одъ Горація обнимаетъ съ 1-й до 136-й стр. книги, а остальная часть книги (137—302 стр.) заключаетъ въ себѣ комментаріи на оды Горація, писанныя по-Русски.

Съ осени 1823 года, ученикъ Погодина, князь Николай Ивановичъ Трубецкой, началъ брать уроки у Московскихъ профессоровъ Мерзлякова, Цвѣтаева, Бекетова и Гаврилова. Это особенно сблизило Погодина съ профессоромъ Римскаго Права, Львомъ Алексѣевичемъ Цвѣтаевымъ. Вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, княземъ Трубецкимъ, онъ самъ слушалъ у

*) Переводъ сдѣланъ графомъ Павломъ Шереметевымъ, въ настоящее время проходящимъ курсъ классическаго образованія.

Цвѣтаева лекціи о Правѣ и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ о любезномъ ему Шлецерѣ, такъ какъ Цвѣтаевъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ въ то время, когда онъ украшался славными въ исторіи наукъ именами, каковы, напримѣръ, Шлецеръ, Гуго и другіе [470]). На этихъ лекціяхъ, Погодина восхитила мысль Шлецера, переданная Цвѣтаевымъ: *прежде, нежели должно показать людямъ права ихъ, надобно научить ихъ исполнять ихъ должности.* О самомъ Шлецерѣ Цвѣтаевъ разсказывалъ Погодину: Шлецеръ спрашивалъ его на экзаменѣ, и очень былъ радъ услышать, что Цвѣтаевъ говоритъ по-латыни. Онъ восхищался крестомъ Владиміра, присланнымъ ему Государемъ. Экзаменуя Цвѣтаева изъ Нравственной Философіи, Шлецеръ спросилъ его: по чьей системѣ учились вы?—По Канту. Я Канта не понимаю, сказалъ Шлецеръ. Я учился по Вольфу. Но такъ скажите намъ, отчего вы оставили Вольфа и взяли Канта?" Кромѣ того, Цвѣтаевъ разсказывалъ Погодину о Французахъ, о Шишковѣ, и также сообщилъ ему, что проповѣдь, сказанная Платономъ при освященіи церкви у графа Безбородко, была причиною его ссоры съ Павломъ [471]).

Въ это время, т. е. осенью 1823 года, въ Москвѣ пребывалъ Грибоѣдовъ и окончательно отдѣлывалъ свое *Горе отъ Ума* [472]). Упоминаніе этого славнаго имени Погодинымъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ 10 декабря 1823 года, въ слѣдующей лаконической записи *Дневника*: „Говорилъ съ княжною Аграфеною Ивановною Трубецкою *о Грибоѣдовѣ*"; но что̀ говорилъ, намъ, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ.

Осенью 1823 года возобновилась и дѣятельность литературнаго Общества, собиравшагося у С. Е. Раича. Въ это время Погодинъ привлекъ въ Общество Андросова и Кубарева. Въ одномъ засѣданіи, Погодинъ прочелъ свою *Ніобу*, которую онъ перевелъ изъ Овидія, во время лѣтняго своего пребыванія въ Знаменскомъ; но это чтеніе, кажется, не имѣло успѣха, ибо онъ, какъ самъ сознается, „не слишкомъ много слышалъ похвалъ" [473]). Въ засѣданіи, бывшемъ 31 октября, толковали

о Тацитѣ, котораго Погодинъ въ это время началъ изучать и мечталъ перевести его сочиненіе *О Германіи.* Толковали также о Цицеронѣ, отрывокъ изъ котораго переводилъ Погодинъ съ Кубаревымъ. Кубаревъ въ этомъ засѣданіи предложилъ соорудить памятникъ Ломоносову. По окончаніи засѣданія, Погодинъ ужиналъ у Кубарева [474]). Въ день имянинъ Погодина, было также засѣданіе Общества, въ которомъ онъ прочелъ свой переводъ изъ Аста. Въ этомъ засѣданіи „хохотали надъ Норовымъ". Черезъ недѣлю, Погодинъ съ Кубаревымъ опять отправились въ засѣданіе Общества, и при этомъ Погодинъ замѣтилъ, что князь Одоевскій „обошелся съ нимъ не такъ, какъ съ Кубаревымъ" [475]). Въ засѣданіи 29 ноября, читали *Бахчисарайскій Фонтанъ,* и Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтилъ: „Вздоръ". Кромѣ засѣданій у Раича, члены Общества сходились и у Погодина, и у Титова, и у Кубарева, и толковали о предметахъ возвышенныхъ и интересовавшихъ Общество. Въ день Святыхъ Тріехъ Святителей, Петра, Алексія и Іоны, былъ обѣдъ у именинника Кубарева, и толковали о древней Миѳологіи, о Янусѣ, Оденѣ. Погодинъ свои имянины праздновалъ 10 ноября. Онъ заказалъ „пирогъ у Юрцовскаго". Къ нему собрались: Оболенскій, Томашевскій, Бычковъ, Кубаревъ, Черняевъ, Григоровичъ, и безъ зову явился Кантемировъ. Однажды вечеринку Кубарева посѣтилъ В. П. Титовъ и „плѣнилъ Кубарева". Предметомъ разговоровъ были Іудеи, хранившіе понятіе объ единомъ Богѣ въ древности. Не забытъ былъ также и Шеллингъ. Говорили о томъ „небесномъ состояніи, въ которомъ была душа Шеллинга, когда онъ постигъ свою систему". Вечеръ заключили ужиномъ. На Погодина произвелъ этотъ вечеръ самое пріятное впечатлѣніе. „Превосходны такія дружескія бесѣды", отмѣтилъ онъ въ *Дневникѣ.* Собесѣдниковъ своихъ Титовъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Въ назначенный день, 19 октября, Погодинъ зашелъ къ Кубареву, и вмѣстѣ отправились къ Титову. Вечеръ прошелъ въ разнообразныхъ и любопытныхъ бесѣдахъ, содержаніе кото-

рыхъ Погодинъ, по обычаю своему, передаетъ только въ однихъ очеркахъ. Говорили о Шеллинговой Философіи, о Руссо, о нашихъ обрядахъ, объ ученомъ сословіи, о Несторѣ, объ Исторіи. Отъ Титова онъ отправился къ Кубареву ужинать и продолжали бесѣду о Титовѣ, о журналѣ, и пр. При этомъ Погодинъ сознается: „Многому научился я отъ Кубарева“. Бесѣды у Титова произвели на Погодина такое впечатлѣніе, что даже на другой и на третій день онъ размышлялъ о нихъ, и записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Нравственное преобразованіе міра предшествовало преобразованію политическому. Сперва явился Христосъ, произошелъ поворотъ въ умѣ; потомъ переселеніе народовъ измѣнило внѣшній видъ всего. Второй примѣръ: реформація, революціи. — Чудно. – Думалъ объ Исторіи. Надлежитъ пересмотрѣть всѣ оригинальныя историческія сочиненія, столпы Исторіи, напр., Моисея, Геродота, Діодора. Подвергнуть ихъ критикѣ; далѣе, пересмотрѣть всѣ сочиненія, извлечь изъ нихъ нужное и полезное, оцѣнить и, такимъ образомъ, избавить нашихъ потомковъ отъ невозможнаго труда прибѣгать къ симъ безчисленнымъ сочиненіямъ. Раздѣлить по вѣкамъ эту работу [476]).

XXVI.

Въ 1824 году, въ Москвѣ, князь П. А. Вяземскій издалъ, на свой счетъ, *Бахчисарайскій фонтанъ* Пушкина и, *по просьбѣ* автора, написалъ предисловіе къ этой поэмѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Разговоръ между издателемъ и классикомъ* съ *Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова* [477]). Пушкинъ остался чрезвычайно доволенъ этимъ предисловіемъ и писалъ изъ Одессы (весною 1824 года) князю Вяземскому: „*Разговоръ* прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ“; [478]) но *Разговоромъ* остался недово-

ленъ Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ и выступилъ въ *Вѣстникѣ Европы* противъ князя Вяземскаго, напечатавъ тамъ другой *Разговоръ*, уже между классикомъ и издателемъ *Бахчисарайскаго фонтана*, но подъ статьею не подписалъ своего имени. Князь Вяземскій „съ энергіею и ловкостью возражалъ Дмитріеву въ *Дамскомъ Журналѣ*, князя П. И. Шаликова. Такимъ образомъ запылала война, обратившая на себя въ тогдашнемъ Словесномъ мірѣ всеобщее вниманіе. Какъ относился къ этому спору Погодинъ мы не знаемъ; но въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующее, къ этому спору относящееся: „Былъ у Мерзлякова. Хулилъ Вяземскаго предисловіе“. Каченовскій также весьма неодобрительно отзывался объ этомъ предисловіи [479]). Несочувственные отзывы этихъ двухъ столповъ супротивной князю Вяземскому стороны намъ совершенно понятны. Однажды, Погодинъ заходитъ къ Каченовскому и застаетъ у него М. А. Дмитріева, который, какъ мы уже знаемъ, не подписалъ своего имени подъ *Вторымъ разговоромъ*, и они стали толковать о *Разговорѣ* князя Вяземскаго и contra. Между прочимъ, Каченовскій сказалъ, что Калайдовичъ „получаетъ за деньги чрезъ наборщиковъ корректурные листы; я замѣтилъ разъ это“, продолжалъ Каченовскій, „услыша отъ Мерзлякова въ Обществѣ такія штуки, которыхъ онъ знать самъ не могъ; отнесся къ фактору и объяснилось дѣло. У него, Калайдовича, видѣлъ на столѣ эти листики“. Погодину не хотѣлось быть свидѣтелемъ этой бесѣды Каченовскаго съ Дмитріевымъ, и онъ ушелъ, изъ боязни, чтобы не подумалъ Дмитріевъ, что чрезъ Погодина разнесся слухъ о принадлежности Дмитріеву *Второго разговора* [480]). Дмитріевъ въ одномъ мѣстѣ своего *Второго разговора*, между прочимъ, напечаталъ слѣдующее: „*Издатель* (т. е. князь Вяземскій). И такъ, *Разговоръ* мой вамъ не нравится? *Классикъ* (т. е. Дмитріевъ). Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина. Думаю, и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ“ [481]). Это мѣсто задѣло за живое самого Пушкина, и онъ вынужденъ былъ въ *Сынѣ Отече-*

ства сказать, между прочимъ, слѣдующее: „Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ, изъ дружбы ко мнѣ, изданіе *Бахчисарайскаго фонтана*, присоединивъ къ оному *Разговоръ* между издателемъ и антикритикомъ, разговоръ, вѣроятно, вымышленной: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ классиками Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью. *Авторъ очень радъ*, что имѣетъ случай благодарить князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. *Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны* писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны и не стоятъ столь блистательнаго отраженія“ [482]). Но Пушкинъ вообще былъ недоволенъ этою полемикою, по крайней мѣрѣ вотъ что писалъ онъ къ будущему декабристу, А. А. Бестужеву (24 іюня 1824): „Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишишь. Кто же будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? Хороши! Еслибы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гете, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобы ихъ стравить, поддразнить или окатить холодною водою. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду“ [483]). Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что современники, еще тогда занимавшіеся явленіями нашей Словесности, съ „напряженнымъ вниманіемъ“, слѣдили за этимъ споромъ, возникшемъ по поводу выхода въ свѣтъ *Бахчисарайскаго фонтана*, да и князь П. А. Вяземскій былъ не такой человѣкъ, чтобы изъ пустяковъ сталъ ломать копья, что болѣе, чѣмъ кому либо, было извѣстно и самому Пушкину.

Переводъ небольшого отрывка изъ сочиненія Тунмана о *Козарахъ*, напечатанный въ декабрьской книжкѣ *Вѣстника*

Европы 1823 года, сдѣлалъ Погодина извѣстнымъ государственному канцлеру, графу Н. П. Румянцову, который, между прочимъ, писалъ (отъ 18 января) А. Ѳ. Малиновскому: „Кто таковъ Погодинъ, который помѣстилъ въ послѣднемъ номерѣ *Вѣстника Европы* переводъ свой о Казарахъ Тунманова ученаго сочиненія". Когда Малиновскій сообщилъ Государственному Канцлеру требуемыя имъ свѣдѣнія, то послѣдній отвѣчалъ (отъ 15 февраля 1824): „Г. Погодина поощряйте, пожалуйте, вятще, вятще его заниматься познаніями Исторіи нашей и о ея первобытныхъ временахъ" [484]). Въ это время Погодинъ усердно занимался своею диссертаціею *О происхожденіи Руси* и отрывки изъ нея печаталъ въ *Вѣстникѣ Европы*. „Отвезъ Каченовскому", пишетъ онъ, „пьесу на Карамзина" [485]), и эта пьеса, подъ заглавіемъ: *Нѣчто о толкованіи однаго мѣста въ Несторѣ* (отрывокъ 1), вскорѣ появилась на страницахъ *Вѣстника Европы*. Погодинъ доказываетъ, что выраженіе Нестора „Пояша по себѣ всюю Русь", значитъ: „взяли съ собою всѣхъ Русовъ". Между тѣмъ, Карамзинъ полагалъ, что это выраженіе значитъ: „что братья (Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ) раздѣлили между собою Чудскую и Славянскую землю" [486]). Вслѣдъ за симъ, появился въ *Вѣстникѣ Европы* рядъ отрывковъ изъ диссертаціи Погодина. Отрывокъ 2-й. *Еще объ одномъ мѣстѣ изъ Нестора*. Здѣсь разбирается слѣдующее мѣсто изъ Нестора:" *Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги совокуписта и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же, княжащу въ Новгородѣ, въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374, иде Аскольдъ и Диръ на Греки*". Карамзинъ читалъ это мѣсто такъ: Аскольдъ, и пр. начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же, княжащу въ Новѣгородѣ въ лѣто 6371 (863), и пр. Но Погодинъ доказывалъ, что это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: „Аскольдъ и Диръ—начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ.—Въ лѣто 863, 864, 865, 866 иде Аскольдъ" [487]). Еще въ 1822 году, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Выступилъ на сцену въ *Сѣверномъ*

Архивѣ мой новый неблагопріятель, какой-то полякъ, начинающій свою глубокомысленную критику объявленіемъ, что онъ ни въ чемъ не согласенъ со мною, и что всѣ мои мысли объ искусствѣ историческомъ ложны, Богъ съ ними со всѣми! Всего забавнѣе, что и Ѳадей Булгаринъ, издатель *Сѣвернаго Архива*, считаетъ за должность бранить меня и пересталъ ко мнѣ ѣздить. По крайней мѣрѣ, я дѣломъ либералистъ; пусть говорятъ и пишутъ, что́ хотятъ" [488]). Противъ этого „неблагопріятеля" Карамзина возсталъ Погодинъ и напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы*: *Нѣчто противъ опроверженія г. Лелевеля* (Отр. 3). Въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1823 г. Лелевель помѣстилъ рядъ статей, подъ заглавіемъ: *Разсмотрѣніе Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина*. Въ одной изъ этихъ статей, Лелевель говоритъ, что доказательства, приведенныя Карамзинымъ для подтвержденія мнѣнія, что первымъ мѣстопребываніемъ государей Русскихъ былъ Новгородъ, а не Ладога, недостаточны. Погодинъ, раздѣляя мнѣніе Карамзина, разсматриваетъ основательность его доказательствъ и приводитъ еще въ подтвержденіе мнѣніе К. Ѳ. Калайдовича, въ его статьѣ *О пришествіи Рюрика въ Ладогу*. Въ заключеніе, онъ извиняется предъ Лелевелемъ: „Да не покажутся замѣчанія мои оскорбительными. Осмѣливаюсь думать, впрочемъ, что Лелевель окажетъ Русскимъ большую услугу, если разсмотритъ *Исторію Государства Россійскаго* въ отношеніи ея къ Польской исторіи". Тутъ же Погодинъ воздалъ хвалу нашему меценату, государственному канцлеру, графу Н. П. Румянцову. „Исторія наша", пишетъ онъ, „прибавлю здѣсь кстати, быстро совершенствуется. Нельзя не радоваться, смотря на успѣхи столь многихъ ученыхъ мужей, подвизающихся на ея поприщѣ и стремящихся къ одной мечтѣ высокой, благородной: къ *истинѣ*, къ *достоинству науки*. По счастію, они имѣютъ покровителя, который подкрѣпляетъ и оживляетъ ихъ въ семъ трудномъ поприщѣ, — покровителя, коего имя пребудетъ навсегда достояніемъ Россійской Исторіи: музы благодарны, Кліо благодарнѣе всѣхъ" [489]). Погодинъ остался

очень доволенъ, что отрывокъ этотъ былъ напечатанъ Каченовскимъ „безъ перемѣны". Вмѣстѣ съ тѣмъ его интересовалъ вопросъ: „Каково-то понравится Графу?" [490]). Въ то же время, онъ „хохоталъ" надъ „какими-то прекрасными остротами Каченовскаго". Вслѣдъ за симъ, Погодинъ напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы* еще три отрывка изъ своей диссертаціи: Отрывокъ 4-й. *Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ Несторѣ*, въ которыхъ разсмотрѣно слѣдующее мѣсто въ Несторѣ: „*Въ лѣто 6452, Игорь же, совокупивъ вои многи, Варяги Русь, и Поляны... поиде на Грекы.* Р. Ѳ. Тимковскій и П. М. Строевъ соединили *Варяговъ—Русь*, разумѣя подъ ними поселившихся между Славянами призванныхъ Варяговъ-Русь; но Погодинъ полагаетъ, что въ этомъ мѣстѣ Варяговъ должно отдѣлить запятою отъ Руси" [491]). *Отрывокъ 5-й. Варяги-Русь 862 года, не суть Варяги 859 года.* Въ этомъ отрывкѣ, Погодинъ, вопреки Карамзину и Шлецеру, отличаетъ Варяговъ изгнанныхъ отъ призванныхъ, и это мнѣніе свое онъ подкрѣпляетъ слѣдующими словами Арцыбашева; „Ето были точно не одни: допустя угнетеннымъ народамъ употребленіе самаго скуднаго человѣческаго разсудка, нельзя подумать, чтобы они подвергли себя снова игу тирановъ раздраженныхъ, или бы стали искать въ нихъ самихъ защитниковъ противу ихъ самихъ" [492]).

Наконецъ, въ Отрывкѣ 6-мъ, Погодинъ объясняетъ: какое море Несторъ называетъ Варяжскимъ, и что разумѣть должно подъ землями *Агнянска* и *Волошска* [493]). Всѣ эти статьи обратили сугубое вниманіе на Погодина Государственнаго Канцлера, который писалъ Малиновскому: „Я такъ продолжаю быть доволенъ истолкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Нестора г. Погодина, которыя онъ помѣщаетъ въ *Вѣстникѣ Европы*, что очень желаю съ нимъ познакомиться лично, а васъ прошу, при появленіи изслѣдованія о сочиненіяхъ *Іоанна Болгарскаго*, подарить ему отъ меня одинъ экземпляръ, въ знакъ моего къ нему уваженія". Когда Малиновскій объявилъ это письмо Погодину, то сей послѣдній пришелъ въ восторгъ: „Добрый старецъ!", восклицаетъ онъ въ *Дневникѣ*, и „съ торжествомъ"

разсказывалъ объ этомъ у Трубецкихъ [494]). Благосклонное вниманіе Государственнаго Канцлера къ Погодину произвело впечатлѣніе и на Малиновскаго, который, какъ мы уже видѣли выше, и ранѣе того оказывалъ расположеніе къ Погодину, и даже пригласилъ его въ свой Архивъ въ то время, когда оный обозрѣвалъ архіепископъ Филаретъ. При этомъ Погодинъ примѣтилъ, что Филаретъ „оправдывалъ больше патріарха Никона, нежели царя Алексія“ [495]). Во всякомъ случаѣ на Малиновскаго произвело впечатлѣніе вниманіе Государственнаго Канцлера къ Погодину. Когда, послѣ того, Погодинъ зашелъ къ Малиновскому, то послѣдній обласкалъ его до крайности и при этомъ сообщилъ ему много любопытныхъ свѣдѣній. „Однажды“, разсказывалъ Малиновскій, „Екатерина спросила историка Шербатова: — какое государство будетъ процвѣтать черезъ сто лѣтъ. — Тотъ отвѣчалъ — Россія. — Я не для этого васъ спрашивала, — возразила Государыня, — я мѣчу на Америку. Щербатова рекомендовалъ Екатеринѣ Миллеръ, отказавшійся писать Исторію за старостію. Говорили о Вяземскомъ, Дмитріевѣ. Карамзинъ, издавая *Вѣстникъ Европы*, не могъ заняться имъ совершенно, по причинѣ тяжкой болѣзни жены, и взялъ Жуковскаго къ себѣ, — тотъ, по его назначенію, работалъ. Карамзинъ, впрочемъ, иногда жаловался, — „вотъ, — говоритъ, — никакъ нельзя не смотрѣть самому, — на выворотъ выходитъ“. Въ іюнѣ 1824 года, Москву посѣтилъ Государственный Канцлеръ, и Погодинъ имѣлъ счастіе быть приглашеннымъ къ нему на обѣдъ. Маститый Меценатъ принялъ молодого, только что выступающаго на свое поприще, ученаго „отмѣнно ласково“. Этотъ пріемъ очень польстилъ и тронулъ Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая запись его въ *Дневникѣ*: „Румянцовъ имѣетъ прекрасныя познанія. Я слабъ, старъ, — сказалъ онъ, — видите, въ какомъ положеніи, по крайней мѣрѣ стараюсь дѣлать возможное. Почтенный человѣкъ!“ [496]).

Въ это время графъ Румянцовъ предложилъ Погодину перевесть новый трудъ Іосифа Добровскаго *о Кириллѣ*

и Меѳодіѣ. Погодинъ принялъ это предложеніе съ радостью. „Съ восхищеніемъ думалъ“, писалъ онъ, „о переводѣ новой книжки Добровскаго: *Кирилла и Меѳодія*“.[497]) Черезъ нѣсколько времени, графъ Румянцовъ писалъ Малиновскому: „Препровождаю къ вамъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, сочиненное славнымъ Добровскимъ, критическое изслѣдованіе *о Кириллѣ и Меѳодіѣ.* Предложите, пожалуйте, отъ меня именно г. Погодину взять на себя трудъ сію книжку перевесть на Русскій языкъ. Въ воздаяніе за сіе, я готовъ отдѣлить 50 экземпляровъ печатныхъ отъ изданія сего перевода, которые онъ можетъ пустить въ продажу себѣ на пользу; но вы можете дѣлать мнѣ возраженіе противъ таковаго моего заключенія, что сіе воздаяніе не достаточно. Г. Погодинъ ищетъ содѣлать себя извѣстнымъ, и таковый его трудъ, конечно, къ тому поведетъ его отличнымъ образомъ. Вслѣдъ за симъ, графъ Румянцовъ вторично писалъ Малиновскому по сему предмету: „Вы меня одолжить изволили, склоня г. Погодина на переводъ критическаго изслѣдованія *о Кириллѣ и Меѳодіѣ*, знаменитаго Добровскаго. За трудъ, столь отличнаго переводчика я готовъ воздать деньгами, сколько ваше превосходительство мнѣ присудите; но не могу согласиться на то, чтобы подарить ему по одному экземпляру изъ тѣхъ книгъ, кои печатались на мое иждивеніе. Изъ сего вышелъ бы примѣръ, для меня невыгодный: всѣ экземпляры будутъ расходиться по моимъ знакомымъ, не доходя до публики и, слѣдовательно, минуя совершенно ту цѣль, для которой я таковыя изданія предпринималъ“. Погодинъ съ ревностью приступилъ къ переводу. 23-го ноября 1824 года онъ его окончилъ и отнесъ къ Малиновскому, который этотъ переводъ отправилъ графу Румянцову. Въ отвѣтъ на письмо, по поводу присылки перевода, Румянцовъ писалъ (25 ноября 1824) Малиновскому: „Поблагодарите пожалуста г. Погодина за то, что не замедлилъ переводомъ. Съ большимъ удовольствіемъ готовъ я заплатить ему за сей трудъ 250 р. асс. Прикажите сдѣлать смѣту, во сколько станетъ печатаніе сего

изданія“ [498]). Съ своей стороны, Погодинъ написалъ слѣдующее письмо Государственному Канцлеру: „Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Съ чувствомъ искренняго глубокаго почтенія вашему сіятельству окончилъ порученный мнѣ переводъ книги славнаго Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ. И мои скудныя *двѣ лепты* влагаются въ сокровищницу Просвѣщенія, вами сооружаемую, — примите ихъ съ благосклонностію; ваше вниманіе будетъ для меня лестнѣйшимъ ободреніемъ. Осмѣлюсь предложить также на судъ вашего сіятельства слѣдующія замѣчанія на книгу Добровскаго:

Какимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій, *Греки, Греческіе подданные, исповѣдовавшіе вѣру по Греческому уставу*, рѣшились по духовнымъ дѣламъ своимъ между Славянами признать надъ собою власть *Папы Римскаго*? Добровскій оставляетъ безъ объясненія сей мудреный вопросъ; Шлецеръ также. Нельзя ли, въ разрѣшеніе такого недоумѣнія, сказать, что въ этомъ дѣлѣ вмѣшался личный раздоръ Кирилла (а съ нимъ и Меѳодія) съ Греческимъ патріархомъ, гордымъ и своенравнымъ Фотіемъ? Раздоръ сей могъ произойти отъ несогласія въ мнѣніяхъ между ними, которое было столь важно и гласно, что извѣстіе объ ономъ сохранилось въ современныхъ лѣтописяхъ. Анастасій библіотекарь говоритъ, что нашъ Кириллъ, бывъ другомъ Фотію, упрекалъ его, когда онъ сталъ вводить ученіе о двухъ душахъ въ человѣкѣ, говоря, что зависть и ненависть къ патріарху Игнатію ослѣпили его, и пр. Это мѣсто въ Анастасіи можно видѣть у Шлецера, въ его *Несторѣ*, по Русскому переводу, II, 445; у Добровскаго, 36. Посему-то Фотій, въ посланіи своемъ къ Восточнымъ архіепископамъ, говоря объ обращенныхъ народахъ: Булгарахъ, Руссахъ, не упоминаетъ вовсе о Моравахъ, чему такъ удивлялся Шлецеръ (II, 448). Въ обращеніи ихъ Фотій не имѣлъ никакого участія, и обратители подчинились Риму, врагу Фотіеву. Сія подчиненность Кирилла и Меѳодія Риму приводитъ меня также къ заключенію, что наши Апостолы не были торжественно посланы Греками къ Славянамъ: если бы они были *посланы Греками*,

тогда никакимъ уже образомъ не могли бы относиться не къ Грекамъ. Дѣйствительно, требованіе Ростиславомъ, Святополкомъ и Коцеломъ учителей у Грековъ, о коемъ говоритъ вставщикъ Несторовъ, по многимъ причинамъ, невѣроятно. Самому Добровскому кажется оно сомнительнымъ, выдуманнымъ для прикрасы, хотя онъ и не выразился объ этомъ рѣшительно. Страны, въ коихъ владѣли Князья сіи, пріяли уже святое крещеніе отъ Римскихъ миссіонеровъ, имѣли Римскихъ священниковъ, и подчинены были Папѣ; съ чего же Князьямъ симъ обратиться вдругъ къ чуждому Двору, къ Греческому? Въ 865 году, по извѣстію современнаго Кириллу и Меѳодію писателя, въ эпоху пребыванія тамъ братьевъ, Зальцбуржскій архіепископъ *Адальвинъ* праздновалъ у *Коцела* день Рождества Христова. Князья были заняты въ это время важными политическими дѣлами, раздорами и между собою, и съ Нѣмецкими государями. Святополкъ, вовсе не вступавшійся въ дѣла духовныя, является впослѣдствіи совершенно на сторонѣ *Латинскихъ* священниковъ, и принуждаетъ Меѳодія оставить свою епархію и удалиться съ горестію въ Римъ. Объ обращеніи Моравовъ Греки молчатъ совершенно. Замѣтимъ наконецъ, что извѣстіе о семъ требованіи находится въ одной легендѣ, причемъ упоминается только Ростиславъ; вставщикъ Несторовъ, жившій, по мнѣнію Добровскаго, въ XIV вѣкѣ, прибавляетъ уже Святополка и Коцела. Кажется, что Кириллъ и Меѳодій начали проповѣдь между Моравами сами собою, по крайней мѣрѣ, безъ торжественнаго участія Греческой церкви. Кириллъ и Меѳодій были въ Римѣ въ концѣ 867 года. Кириллъ принесъ туда мощи св. Климента, получилъ великую благодарность отъ папы, скончался тамъ и погребенъ былъ съ великою честію; Меѳодій посвященъ папою въ архіепископа. И при всемъ томъ, папа (преемникъ посвятившаго), Іоаннъ VIII, въ буллѣ своей къ Святополку Моравскому, 880 года, говоритъ, что Славянскія письмена изобрѣтены *какимъ-то* философомъ Константиномъ. Добровскій видѣлъ противорѣчіе въ этомъ обстоятельствѣ, но не объяснилъ

онаго (76). Шлецеръ назвалъ мимоходомъ папу Іоанна за это невѣждою, какъ будто бы Папа и Римляне, знавшіе прежде, могли позабыть, кѣмъ и какъ изобрѣтена Славянская грамота. Не должно ли заключить изъ такихъ словъ Папы, что Кириллъ и Меѳодій, явясь въ первый разъ въ Римъ и долженствуя, какъ чужестранцы, преодолѣть много затрудненій, для удержанія за собою обращенныхъ земель, *скрыли* введеніе ими Богослуженія на Славянскомъ языкѣ (и, слѣдовательно, изобрѣтеніе Славянской грамоты), столь несогласное съ духомъ Римской церкви. Сія догадка превращается въ полную достовѣрность, когда мы читаемъ, по какимъ причинамъ папа Іоаннъ VIII, въ буллѣ 879 года, вызываетъ Меѳодія изъ его архіепископіи въ Римъ, для отвѣта. „*Слышимъ* мы“, говоритъ Папа (у Шлецера, II, 503), „что ты поешь Литургію на варварскомъ, т. е. на Славянскомъ, языкѣ“. Слѣдовательно, въ 879 году Папа еще не зналъ оффиціально объ употребленіи Славянскаго языка въ службѣ. По сему вызову уже Меѳодій пріѣзжалъ въ Римъ, объяснилъ все дѣло, и пр. Во время же перваго пріѣзда Кирилла и Меѳодія въ Римъ, дѣло между ними и Папою шло, вѣроятно, безъ дальнихъ подробностей. Призванъ ли былъ Кириллъ Папою, слышавшимъ, какъ говоритъ Діоклеецъ у Шлецера, (II, 413), что Кириллъ проповѣдію своею обратилъ множество народа, или сами Кириллъ и Меѳодій пришли въ Римъ, съ намѣреніемъ признать надъ собою власть папы, неся какъ бы на поклонъ мощи Св. Климента? Патріархъ Греческій и папа Римскій ревновали одинъ передъ другимъ въ обращеніи земель. Папѣ очень нужно было, какъ замѣчаетъ Добровскій, утвердить за собою Моравію, посему онъ и принялъ съ радостію поддававшихся Грековъ, кои мнѣніемъ о себѣ народа были тамъ сильны, ласкалъ ихъ на первый случай, и оставлялъ все какъ бы на ихъ волю. Впослѣдствіи папа, вѣрный своей политикѣ, поступаетъ иначе, *призываетъ* Меѳодія *къ отвѣту*, и пр. При семъ случаѣ должно замѣтить о великихъ талантахъ Меѳодія. Какимъ образомъ могъ онъ довести папу до того,

что онъ не только оставилъ безъ вниманія всѣ навѣты *своего* Латинскаго духовенства, но и торжественно позволилъ употребленіе Славянскаго языка? Послѣ смерти Меѳодіевой, папы заговорили другимъ языкомъ: тотчасъ являются Латинскіе архіепископы. Іоаннъ XII (чрезъ 100 лѣтъ), позволяя основать Епископство Пражское, именно говоритъ (у Шлецера II, 527): „однакожъ, не по обряду или сектѣ Булгарскаго народа, или Русскаго или Славянскаго языка". По какому обряду совершаемо было Богослуженіе въ обращенныхъ земляхъ, по Греческому или Римскому? Добровскій не упоминаетъ объ этомъ любопытномъ вопросѣ. Мнѣ кажется, отчасти по Римскому. Чтó могъ обѣщать Меѳодій папѣ при первомъ своемъ подданствѣ, какъ не это? Чѣмъ могъ оправдаться послѣ и поддержать довѣренность папы, какъ не этимъ? „Слышимъ мы", говоритъ Іоаннъ VIII, въ буллѣ Твентару Моравскому (Шлецеръ, II, 504), „что архіепископъ вашъ Меѳодій, поставленный предшественникомъ нашимъ, папою Адріаномъ, учитъ иначе, нежели какъ *обѣщался* вѣровать, словесно и письменно". Что это было *клеветою* на Меѳодія завидовавшихъ Латинскихъ духовныхъ, свидѣтельствуетъ тотъ же Папа, въ буллѣ къ Сватополку: „Итакъ, мы вопрошали сего Меѳодія, почтеннаго архіепископа вашего, предъ лицемъ нашихъ братьевъ епископовъ, такъ ли онъ вѣруетъ Символу Православной вѣры, и поетъ его на Литургіи, какъ исповѣдуетъ Римская церковь; онъ же объявилъ, что исповѣдуетъ и поетъ по Евангельскому и Апостольскому ученію, какъ научаетъ Св. Римская церковь. Мы же, нашедъ его во всѣхъ церковныхъ ученіяхъ православнымъ исповѣдникомъ, посылаемъ паки къ управленію ввѣренныя ему церквами Божіями".

Вѣроятно, что Кириллъ и Меѳодій, столь въ высокой степени *благоразумные* Греки, желая сохранить важнѣйшую выгоду,—употребленіе Славянскаго языка и свое вліяніе на обращенныхъ, рѣшились на принятіе нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ Римскихъ, тѣмъ болѣе, что въ существенномъ Церкви тогда не различались,—послѣ нихъ, все уже подавлено было Латинствомъ. Принятіе Кирилломъ епископскаго сана, которое и До-

бровскій не совсѣмъ утверждаетъ, сомнительно. Какая назначена была ему епископія? За нѣсколько дней только предъ смертію, онъ принялъ уже имя Кирилла.

Обращеніе Хозаріи также сомнительно. Извѣстіе объ ономъ находится только въ Легендѣ и у Діоклейца. Хозары долго послѣ Кирилла и Меѳодія были не христіанами; для обращенія, которое, вѣроятно, по незнанію языка, должно было быть гораздо труднѣе, нежели обращеніе знакомыхъ Славянъ, полагалось мало времени; нѣтъ никакихъ слѣдовъ старанія Константинова утвердить вѣру въ новообращенныхъ; у Византійцевъ нѣтъ извѣстія объ обращеніи Хозаровъ.

Осмѣливаюсь предложить слѣдующіе вопросы Добровскому, нужные, кажется, для поясненія. Почему отказались Киримъ и Меѳодій отъ вліянія на обращенную ими Болгарію? — Нельзя ли сего обстоятельства употребить также для первой моей догадки? Есть ли что̀-нибудь въ Греческихъ Минеяхъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ? Нужно изслѣдованіе подробнѣйшее о времени сочиненія первой Латинской легенды. Нѣтъ ли какихъ-нибудь оффиціальныхъ извѣстій о мощахъ св. Климента въ Римѣ, кромѣ находящихся въ Легендахъ? Желательно также имѣть все мѣсто изъ Анастасія библіотекаря о сихъ мощахъ. Нельзя ли найти какой-нибудь слѣдъ для объясненія, кто былъ Твентаръ, къ коему папа Іоаннъ VIII писалъ посланіе? Собственное ли это имя, или парицательное? Вихингъ—какое имя? Нужно доказательство подробнѣйшее, что мѣсто о Кириллѣ и Меѳодіѣ въ Несторѣ принадлежитъ не ему, а вставщику. Доказательства Добровскаго послужили бы новою мѣрою для опроверженія другихъ сомнительныхъ мѣстъ въ Несторѣ.

Желательно также, чтобъ извѣстные наши филологи: Востоковъ, Калайдовичъ, Ермолаевъ обратили вниманіе въ слѣдующемъ отношеніи на Несторову Лѣтопись: нѣтъ ли въ мѣстахъ, почитаемыхъ позднѣйшими вставками, какихъ-либо отмѣнъ орфографическихъ отъ прочихъ мѣстъ, несомнительно принадлежащихъ Нестору. Такими сомнительными кажутся мнѣ, напримѣръ, еще нѣсколько мѣстъ сряду, начинающихся

однимъ и тѣмъ же предложеніемъ: „Поляномъ бо, жившимъ особь", и пр. Нельзя ли представить какой-нибудь догадки, откуда Руссъ XIV столѣтія заимствовалъ свое извѣстіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ, несогласное отчасти со всѣми Латинскими и Греческими сочиненіями, приводимыми славнымъ Добровскимъ? *).

На это письмо графъ Румянцовъ отвѣчалъ Погодину: „Благодарю васъ за письмо, каковымъ меня удостоить изволили, и за то, что довершили возложенный на васъ трудъ перевода новаго сочиненія ученаго Добровскаго. Я сей переводъ отправилъ въ Петербургъ къ г. Востокову, для сличенія съ Нѣмецкимъ подлинникомъ... Я точно исповѣдую предъ вами, что, прельстясь глубокими тѣми познаніями, которыя изобличаютъ въ замѣчаніяхъ вашихъ насчетъ Кирилла и Меѳодія, и той остроумной проницательностію, съ коею изыскиваете историческую истину, я буду, такъ сказать, гоняться за тѣмъ, чтобы утвердить навсегда между вами и мною безпрерывное сношеніе. Не трудно мнѣ и теперь предузнать, что вы будете однимъ изъ лучшихъ моихъ орудій! Кириллъ и Меѳодій точно не были ни слѣпые приверженцы, ни избранные посланники или апостолы Восточной церкви. Мнѣ даже помнится, что Церковь наша, хотя и почитаетъ ихъ за святыхъ и празднуетъ ихъ память 11 мая, но сама Цареградская церковь ихъ въ святыхъ не считаетъ и не празднуетъ. Вамъ не трудно будетъ сіе повѣрить въ Московскомъ Греческомъ монастырѣ. Вамъ извѣстно, какой для Церкви нашей великій праздникъ день перенесенія мощей Николая чудотворца. Греческая церковь не празднуетъ сей день, а скорбитъ о немъ. Въ утвержденіе вашихъ замѣчаній можно многія доказательства привесть, что въ древнія времена, до совершеннаго раздора обѣихъ Церквей, христіане восточныхъ и западныхъ областей могли по произволу показывать наклонность къ обрядамъ или постановленіямъ чужой Церкви. Я

*) На копіи этого письма находится слѣдующая скрѣпа М. А. Веневитинова: „Съ подлиннымъ вѣрно. Михаилъ Веневитиновъ".

точно помню, что читалъ, что тотъ монашескій католическій орденъ, который извѣстенъ подъ именемъ Les fréres Ecossais, при всемъ подданствѣ своемъ Католической Церкви, первоначально хранилъ въ обрядахъ церковныхъ чиноположеніе Цареградской Церкви. Помнится мнѣ также, что въ Православіи столь извѣстная Студійская обитель, переселясь вся въ Римъ, иногда, при возникавшихъ между обѣими Церквами большихъ спорахъ и разрывахъ, оправдывала ученіе Римлянъ“ [499]). Переводъ Погодина графъ Румянцовъ отправилъ Востокову при слѣдующемъ письмѣ: „Препровождаю къ вамъ въ копіи письмо отъ г. Погодина. Вы изволите увидѣть, что этотъ молодой человѣкъ готовится къ большому отличію; сдѣланный же имъ переводъ, который, кажется, требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ, я на сей конецъ къ вамъ препровождаю, покорно васъ прося со тщаніемъ разсмотрѣть оный, сличить съ Нѣмецкимъ подлинникомъ, поправить ошибки и указать мнѣ ихъ на особомъ листочкѣ. Г. Погодинъ знаетъ, что я васъ просилъ о сличеніи подлинника съ переводомъ. Вы найдете, на стр. 158 перевода г. Погодина: *безъ вѣдома приходскаго архіепископа и епископа.* Я понять не могу, какъ съ тѣмъ просвѣщеніемъ, которымъ онъ отличается, сдѣлалъ онъ такую ошибку [500]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Румянцевъ писалъ Малиновскому: „Попросите г. Погодина заготовить самое краткое введеніе, съ тѣмъ, что ежели станетъ въ немъ упоминать обо мнѣ, то съ весьма воздержною хвалою“ [501]). О письмѣ Погодина Востоковъ сдѣлалъ графу Румянцову весьма благопріятный отзывъ: „Я съ удовольствіемъ прочелъ сообщенное мнѣ вашимъ сіятельствомъ письмо г. Погодина, содержащее въ себѣ весьма дѣльныя замѣчанія на книгу Добровскаго. Въ непродолжительномъ времени, займусь просмотрѣніемъ перевода его“ [502]). Этотъ отзывъ очевидно произвелъ на Румянцова благопріятное впечатлѣніе въ пользу Погодина, что видно изъ слѣдующаго письма Румянцова Малиновскому: „Свидѣтельствуйте, пожалуйте, мой поклонъ г. Погодину и отдайте ему выписку изъ письма Востокова. Я точно прочу себѣ этого молодаго человѣка, и иногда у меня бро-

дитъ въ мысляхъ намѣреніе употребить его дарованія и большія уже познанія за-границею. И для того мнѣ заблаговременно нужно знать: женатъ ли онъ или холостъ, свободно ли говоритъ по-французски, по-нѣмецки, имѣетъ ли хоть малый навыкъ въ Итальянскомъ языкѣ; также, какое онъ по службѣ занимаетъ мѣсто и получаетъ жалованье, и сверхъ того, сколько трудами своими въ Москвѣ, т. е. за уроки, въ годъ собрать можетъ. Однако, прошу ваше превосходительство собрать эти свѣдѣнія какъ будто отъ себя и не объявляя ни Погодину, ни другому кому, что къ вамъ теперь о немъ пишу" [503]). „О радость!" восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „графъ Румянцовъ пишетъ Малиновскому вопросы обо мнѣ, показующіе, что онъ хочетъ отправить меня въ Италію". Мысль эта засѣла ему въ голову и онъ уже мечталъ о томъ, чтобы Румянцовъ, отправляя его путешествовать, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ бы ему осмотрѣть всѣ учебныя заведенія въ Европѣ, съ согласія нашего Министерства. „Я именемъ человѣчества", писалъ Погодинъ, „попросилъ бы Окена и Шеллинга начертать планъ воспитанія для Россіи". [504]) Получивъ нужныя свѣдѣнія о Погодинѣ, Румянцовъ писалъ (13 февраля 1825 г.) Малиновскому: „Всѣ доставленныя свѣдѣнія о г. Погодинѣ моимъ будущимъ на него видамъ благопріятствуютъ. При первомъ моемъ появленіи въ Москву, я объ этомъ съ вами, а потомъ съ нимъ бесѣдовать буду, и можетъ статься, изъ таковыхъ моихъ видовъ выйдетъ польза". Но когда Малиновскій сообщилъ Румянцову о предложенномъ Погодину мѣстѣ у графа Кочубея, Румянцовъ писалъ: „Не токмо неудерживайте Погодина, но даже присовѣтуйте ему согласиться на сдѣланное ему предложеніе ѣхать въ чужіе края съ сыномъ графа Кочубея; моимъ видамъ обстоятельство сіе еще способствовать будетъ, ибо прежде выполненія ихъ хорошо ознакомитъ г. Погодина съ чужими краями, тамошними учеными и библіотеками" [505]). Но въ то самое время, когда Погодинъ предавался своимъ мечтамъ, несчастный Востоковъ сидѣлъ за Египетскимъ и неблагодарнымъ трудомъ. По при-

казанію графа Румянцова, онъ сличалъ переводъ Погодина съ подлиннымъ сочиненіемъ Добровскаго, писаннымъ на Нѣмецкомъ языкѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, ему было бы гораздо легче перевести самому, нежели исправлять чужой переводъ. Окончивъ возложенное порученіе, Востоковъ писалъ Государственному Канцлеру (18 февраля 1825 г.). „Съ сожалѣніемъ долженъ я донести вашему сіятельству, что переводчикъ весьма слабъ въ Нѣмецкомъ языкѣ. Изъ поправокъ вы усмотрѣть изволите, что онъ нѣкоторыя мѣста понялъ совсѣмъ превратно. Я ожидалъ отъ него болѣе, судя по статьямъ, какія онъ помѣщаетъ въ *Вѣстникѣ Европы*“.

По полученіи этого отзыва, графъ Румянцовъ написалъ и Востокову, и Малиновскому. Первому онъ писалъ (отъ 3 марта 1825): „Справедливыя ваши замѣчанія на счетъ г. Погодина меня очень опечалили. Я для перевода изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіѣ предпочелъ его потому, что въ Москвѣ утверждали съ нѣкоторою о немъ хвалою, что онъ занимается переводомъ Добровскаго Славянской Грамматики, и признаюсь, что прельщался нѣкоторыми статьями, помѣщенными въ *Вѣстникѣ Европы* [506]). Въ тотъ же день, Государственный Канцлеръ писалъ и Малиновскому: „Посылаю двѣ выписки изъ писемъ Востокова, изъ которыхъ только одну можно показать г. Погодину, а по содержанію первой войдите только въ изустномъ разговорѣ въ объясненіе, съ тою скромностію и вѣжливостію, кои столь отличаютъ ваше превосходительство. Однакоже, нельзя мнѣ не желать самому г. Погодину тоже, чтобы его переводъ, какъ приступимъ къ изданію, былъ устраненъ отъ всякаго осужденія, не токмо въ несохраненіи вѣрности, но даже и въ несоблюденіи всей красоты Русскаго слога“ [507]). По прочтеніи этого письма, Малиновскій пригласилъ къ себѣ Погодина. „Думалъ“, писалъ послѣдній по поводу этого приглашенія, „что Малиновскій зоветъ съ извѣстіемъ графа Румянцова о путешествіи. Не тутъ-то было, Графъ прислалъ *Кирилла* со множествомъ поправокъ Востокова, и большею частію такихъ, о которыхъ онъ могъ бы

написать ко мнѣ. Досадно очень. Блинъ да комомъ“ [508]). Получивъ свой переводъ, онъ тотчасъ же написалъ письмо къ Государственному Канцлеру, слѣдующаго содержанія: „Переводъ мой книги Добровскаго я имѣлъ честь получить вмѣстѣ съ замѣчаніями г. Востокова, которыми не премину воспользоваться. Приношу вашему сіятельству усердную благодарность за доставленіе мнѣ случая видѣть трудъ мой разсмотрѣннымъ отъ такого литератора, каковъ г. Востоковъ. Очень радъ, что поправки его относятся только къ слогу, и что касательно вѣрности, на которую я обращалъ большее вниманіе, не найдено еще мною доселѣ погрѣшностей по замѣчаніямъ. Въ оправданіе мое предъ вашимъ сіятельствомъ и въ первомъ отношеніи, долженъ сказать, что намѣренъ былъ выправить слогъ при печатаніи и отмѣтилъ мѣста у себя, на которыя по сему должно было обратить вниманіе, о чемъ говорилъ и его превосходительству, А. Ѳ. Малиновскому“. Желая сколько нибудь выгородить Погодина, Румянцовъ писалъ Востокову (отъ 7 апрѣля 1825): „Изъ приложенной здѣсь выписки, изъ полученнаго мною письма отъ г. Погодина, усмотрѣть изволите, съ какою благодарностью онъ принялъ замѣчанія ваши на его переводъ Добровскаго“. Востоковъ же, въ свою очередь писалъ Румянцеву: „Сердечно сожалѣю, ежели замѣчанія мои о переводѣ г. Погодина уменьшили доброе мнѣніе, какое ваше сіятельство имѣли о семъ молодомъ человѣкѣ, въ коемъ, судя по статьямъ его, помѣщеннымъ въ *Вѣстникѣ Европы*, нельзя не примѣтить отличной способности къ историческимъ изслѣдованіямъ. Изъ перевода его видно только, что онъ слабъ въ Нѣмецкомъ языкѣ. Можетъ быть, онъ лучше знаетъ Латинскій языкъ, и слѣдовательно, удачнѣе переведетъ Грамматику Добровскаго, нежели Нѣмецкую его книжку о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Впрочемъ, переводъ его, послѣ сдѣланныхъ въ немъ поправокъ, можетъ напечатанъ быть, особливо, ежели просмотрѣнъ будетъ какимъ-нибудь опытнымъ литераторомъ, напр., г. Каченовскимъ или Калайдовичемъ“ [509]).

Погодину начинала уже прискучать эта безконечная пе-

реписка о *Кириллѣ*. Разъ приглашаетъ его къ себѣ Калайдовичъ, и онъ думаетъ, что услышитъ отъ него предложеніе на какое-нибудь мѣсто, такъ какъ у него почему-то „составилось понятіе“, что графъ Бобринскій предложитъ ему занять мѣсто библіотекаря и приэтомъ онъ мечталъ, что тотъ, подъ его руководствомъ, будетъ споспѣшествовать просвѣщенію, печатать ежегодно книгъ тысячъ на пятьдесятъ. Но этимъ не ограничились мечты Погодина; онъ разсчитывалъ даже поселиться въ домѣ графа Бобринскаго и съ своей будущею супругою. Но увы! Калайдовичъ сообщилъ нашему мечтателю „нѣчто о *Кириллѣ*, отъ графа Румянцова“ [510]), и онъ волею-неволею долженъ былъ отложить на время свои мечтанія и вести переписку съ Востоковымъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ.

„По препорученію его превосходительства, Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго“, писалъ Погодинъ Востокову, „честь имѣю препроводить къ вамъ оттискъ молитвы „Отче нашъ“ изъ Остромирова Евангелія, приложенный къ книгѣ г. Добровскаго о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, и просить объ исправленіи корректуры, если въ оной окажется какая-либо неисправность при сравненіи съ подлинникомъ. Очень радъ, что долженъ въ первомъ письмѣ моемъ къ вамъ изъявить искреннюю мою благодарность за тѣ замѣчанія, которыя вамъ угодно было сдѣлать на переводъ мой книги г. Добровскаго, хотя, признаюсь откровенно, мнѣ было и очень больно въ первую минуту получить отъ графа Румянцова тетрадь свою въ такомъ пестромъ видѣ. Желавъ поскорѣе исполнить порученіе его сіятельства, и занимавшись въ то время другими дѣлами, я позабылъ-было мудрое правило festina lente, и предполагалъ исправить переводъ свой предъ печатаніемъ. Вы простите меня, милостивый государь, за мою откровенность: мнѣ хотѣлось при первомъ случаѣ высказать все, что было у меня на сердцѣ, дабы дать просторъ тѣмъ чувствованіямъ, кои питаю я къ вамъ съ давняго времени. Любя науки, и въ особенности нашу родную Исторію, со всею пылкостію молодого человѣка, я съ чувствомъ горячаго патріота радуюсь, что и у насъ на Руси

начинаютъ дѣлать дѣло просвѣщенія, что и у насъ есть люди, которымъ Несторы Европейскаго ученаго свѣта отдаютъ полную справедливость, а Востоковъ давно уже стоитъ въ почтенномъ кругу ихъ. Могу ли же я питать къ такому человѣку что-либо кромѣ отличнаго уваженія! Осмѣливаюсь спросить еще у васъ, могу ли я при переводѣ помѣстить свои замѣчанія, которыя вамъ, кажется, уже извѣстны чрезъ графа Румянцова. Я писалъ уже объ этомъ къ его сіятельству, но ваше неодобреніе послужитъ для меня, равно какъ и для Графа, достаточною причиною отложить ихъ въ сторону. Также: какіе документы, думаете вы, полезно будетъ приложить къ переводу? Сводъ вашъ изъ Прологовъ я имѣлъ удовольствіе получить, и очень радъ, что Русское изданіе съ такимъ прибавленіемъ будетъ имѣть свою собственную цѣну" [511]).

Съ своей стороны, и Востоковъ не замедлилъ отвѣтить Погодину любезнымъ письмомъ: „Радуюсь случаю съ вами познакомиться. Что касается до переправокъ и замѣчаній, какими я осмѣлился испестрить тетрадь вашего перевода книжки о Кириллѣ и Меѳодіѣ, — усерднѣйше прошу васъ простить мнѣ непріятность, какую я вамъ причинить могъ симъ поступкомъ, при коемъ единственными побужденіями моими были искреннее желаніе вамъ добра и любовь къ истинѣ. Лестныя похвалы, коими вамъ угодно осыпать меня, приводятъ меня въ смущеніе и заставляютъ чувствовать, сколь много еще мнѣ остается сдѣлать, чтобъ заслужить ихъ. Въ принадлежащемъ графу Н. П. Румянцову *Хронографѣ*, писанномъ *1494 г. во Псковѣ*, на об. 444 л., есть отвѣтъ Кирилла-Философа Логоѳету на вопросъ его о Философіи: „Премудрость Философа. Вопроси же, глаголя Философу Логоѳетъ, царевъ строитель: хотѣхъ увѣдѣти, что есть Философія? Онъ же рече: Божіямъ и человѣческимъ бытіямъ разумъ, елико можетъ человѣкъ приближитися Бозѣ, яко дѣтелію учитъ человѣка по образу и по подобію быти створшему й". Къ сему присовокуплено странное, и, вѣроятно, вымышленное извѣстіе, будто бы *гра-*

мота Русская изобрѣтена въ Корсуни нѣкоторымъ Русиномъ, отъ котораго Константинъ Философъ научился оной“ [512]).

Въ апрѣлѣ 1825 года, Погодинъ представилъ рукопись своего перевода въ Цензуру. Многоопытный Каченовскій сказалъ, „что нельзя пропустить въ *Кириллъ* о нашей *Минеи* [513]). И дѣйствительно, когда Кеппенъ напечаталъ въ своихъ *Библіографиче кихъ Листахъ* (№№ 8—10) извлеченіе изъ книги Добровскаго, то проживающій въ то время въ Петербургѣ попечитель Казанскаго учебнаго округа Магницкій, прочитавъ это извлеченіе, тотчасъ же написалъ Министру Народнаго Просвященія А. С. Шишкову (отъ 12 мая 1825 г.): „Статьи сіи, основанныя на иноземныхъ сочиненіяхъ, содержатъ въ себѣ: 1) Обличеніе Святцевъ нашихъ, Церковію утвержденныхъ и издаваемыхъ, въ невѣрности. 2) Совершенно искаженное превращеніе жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія, въ опровerженіе священно-церковной книги Четіи Минеи, клонящееся къ тому, чтобы доказать, въ противность положительному преданію Церкви, что не они переводили наши Священныя Книги. 3) Клевету на Святополка, исповѣдовавшаго Православную вѣру, яко бы онъ *заставлялъ народъ свой вѣровать то Христу*, то дьяволу, и другія, подобныя сему, непозволительныя и вредныя нелѣпости“. По мнѣнію Магницкаго, „ежели не самый журналъ, то означенные нумера (8—10) подлежатъ запрещенію“. Вслѣдствіе этого донесенія, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, по порученію Министра, потребовалъ отъ Кеппена объясненія: „Какъ Русскій дворянинъ“, писалъ Кеппенъ князю Ширинскому (15 іюня 1825), „какъ чиновникъ, съ 1806 года безпорочно продолжавшій службу, не могу не огорчаться тѣмъ, что есть люди, старающіеся находить мнимое зло въ моихъ посильныхъ трудахъ, подкрѣпляемыхъ однимъ токмо желаніемъ быть полезнымъ моему Отечеству, желаніемъ, которому я пожертвовалъ лучшими лѣтами и всѣми выгодами сей жизни и которое побудило меня избрать службу, недоставляющую мнѣ даже необходимѣйшаго жалованья. Вмѣсто всякаго удовлетворенія за нанесенную мнѣ обиду, я прошу

одной только милости, состоящей въ томъ, чтобы дозволено было напечатать здѣсь, или въ чужихъ краяхъ, какъ поданное на меня доношеніе, такъ и мои по оному объясненія. Буде его высокопревосходительство не рѣшится самъ на удовлетвореніе сей моей просьбы, то я покорнѣйше прошу испросить мнѣ на сіе Высочайшее Его Императорскаго Величества, отца и заступника всѣхъ и каждаго изъ своихъ подданныхъ, соизволеніе. Если же, паче чаянія, замѣчанія г. Попечителя Казаннаго учебнаго округа, М. Л. Магницкаго, могли быть удостоены какого-либо дальнѣйшаго вниманія, то мнѣ, почитая сіе лишеніемъ послѣдняго и единственнаго моего имущества: *чести*, остается только всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи мнѣ у престола Его Императорскаго Величества дозволенія на безсрочный, съ начала будущаго года, выѣздъ за границу, гдѣ я трудами моими смѣю надѣяться обезпечить мое существованіе". При этомъ письмѣ Кеппенъ представилъ подробное объясненіе, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Логическія и Историческія объясненія противъ поданнаго господиномъ попечителемъ Казанскаго учебнанаго укруга М. Л. Магницкимъ, доношенія о непозволительныхъ якобы статьяхъ, напечатанныхъ въ №№ 8—10 „Библіографическихъ лисtовъ"*.

Объ этомъ казусѣ Кеппенъ не замедлилъ извѣстить Погодина: „Доносъ г. Магницкаго, послѣдовавшій по случаю напечатанія извлеченія изъ книги г. Добровскаго, вами переведенной, заставилъ меня рѣшительно выказать его невѣжество. Теперь могу вамъ сказать только, что начальство не соглашается на напечатаніе обвиненій и оправданій". Когда слухъ о семъ дошелъ до Государственнаго Канцлера, то онъ съ негодованіемъ писалъ А. С. Шишкову: „Защитите, пожалуйста, преполезные *Библіографическіе листы*, издаваемые Кеппеномъ, отъ того гоненія, которое поднялъ на нихъ Магницкій. Ежели онъ въ своемъ представленіи успѣетъ, какому же осужденію подвергнемся мы непремѣнно за-границею, когда ученые свѣдаютъ, что у насъ сочиненіе г. Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ подъ запрещеніемъ, единственно потому, что

сей ученый и почтенный мужъ повѣствуетъ обстоятельства жизни ихъ не такъ, какъ описаны они въ нашей *Минеи-Четіи*. Охраните насъ отъ такого стыда“ [514]). Это письмо Государственнаго Канцлера, вѣроятно, и понудило Шишкова представить донесеніе Магницкаго и объясненія Кеппена на судъ Митрополита Новгородскаго Серафима, который не замедлилъ отвѣтомъ, вполнѣ благопріятнымъ Кеппену. „Конференція Духовной Академіи“, писалъ Митрополитъ, „въ совокупности съ членами Цензурнаго Комитета, разсмотрѣвъ какъ обвинительные пункты г. Попечителя Казанскаго Университета, такъ и отвѣтъ на оные г. Кеппена, представила мнѣ, что она находитъ отвѣтъ сей основательнымъ и удовлетворительнымъ, каковымъ и я его нахожу“. Тѣмъ дѣло и кончилось, а Магницкій началъ познавать западъ свой. Но не въ оправданіе Магницкаго, а въ утѣшеніе наше припомнимъ отзывъ самаго Шлецера о нашей *Минеи Четіи*, заключающей въ себѣ, подъ 11 мая, житіе св. Кирилла и Меѳодія, написанное, какъ извѣстно, Святителемъ Ростовскимъ Димитріемъ. „До сихъ поръ всѣ думали“, пишетъ Шлецеръ, „что весь припасъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, состоитъ только изъ сухаго и запутаннаго мѣста изъ Діоклейца, двухъ Латинскихъ легендъ и изъ буллъ папы Іоанна VIII. Я давно уже зналъ изъ Татищева, что въ *Четьѣ Минеѣ* и *Прологѣ* говорится также о нашихъ герояхъ; но ни гдѣ не могъ отыскать сихъ книгъ, и сверхъ того приводимое изъ нихъ Татищевымъ не возбуждало во мнѣ слишкомъ большаго любопытства. Но теперь, къ счастію, попалась мнѣ вышесказанная книга нечаянно въ нашей Геттингенской публичной библіотекѣ; къ удивленію своему нахожу я въ ней *отмѣнно полное* и подробное повѣствованіе о нашемъ дѣлѣ, которое во многихъ существенныхъ происшествіяхъ *согласуется* съ свѣдѣніями, доселѣ извѣстными, и *противорѣчатъ* онымъ во многихъ другихъ. Какъ удивятся этой находкѣ иностранцы, которые до сего должны были держаться своихъ легендъ! Русская *Четья Минея*, достойна уваженія не менѣе Латинской! Сверхъ того

частныя извѣстія, которыхъ тутъ довольно, несравненно правдоподобнѣе, нежели въ *Acta Sanctorum;* они пріятны, имѣютъ внутреннее вѣроподобіе, и по большей части согласуются съ прочею тогдашнею Исторіею; хотя и здѣсь встрѣчаются анахронисмы, но они важны, а не смѣшны".

Отпечатанные листы перевода Погодина сочиненія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ, дошли до Канцлера тогда, когда дни его были уже сочтены и онъ лежалъ въ постели „отъ страшнаго убоя", происшедшаго, какъ пишетъ онъ Малиновскому, „единственно отъ того, что безъ помощи хотѣлъ со стула встать и только выпрямиться, упалъ на полъ, и такъ зашибся больно, что люди меня съ трудомъ могли поднять и донести до постели"; но, тѣмъ не менѣе, онъ не терялъ надежды „хвалиться" трудомъ Погодина „предъ преосвященнымъ митрополитомъ Евгеніемъ" [515]).

Наконецъ, вышелъ въ свѣтъ переводъ Погодина, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Кириллъ и Меѳодій, Словенскіе первоучители.* Историко-критическое изслѣдованіе Іосифа Добровскаго. Переводъ съ Нѣмецкаго. М. 1825. in 4°.

Въ предисловіи къ переводу мы читаемъ: „Г. Добровскій, заслужившій сочиненіемъ образцовой Словенской Грамматики славное титло третьяго изобрѣтателя Словенской грамоты, издалъ книгу о безсмертныхъ своихъ предшественникахъ Кириллѣ и Меѳодіѣ, и тѣмъ пріобрѣлъ новое право на благодарность ученаго свѣта...

Господину Государственному Канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову, не оставляющему безъ вниманія никакого случая къ распространенію въ нашемъ Отечествѣ полезныхъ свѣдѣній, преимущественно относящихся къ Россійской Исторіи, благоугодно было поручить мнѣ переводъ сей книги, и я почитаю себя счастливымъ, что могъ, исполнивъ желаніе Его Сіятельства, принести посильную услугу всѣмъ занимающимся отечественною Словесностью...

Къ переводу своему присовокупилъ я сводное житіе Св. Кирилла и Меѳодія, изъ нѣкоторыхъ списковъ, Прологовъ, и

отрывокъ о Кириллѣ, изъ одного хронографа, доставленныхъ мнѣ достопочтеннымъ филологомъ нашимъ А. Х. Востоковымъ, коему за сіе, а равно какъ и за замѣчанія на нѣкоторыя мѣста моего перевода, приношу мою искреннюю и усердную благодарность... Мнѣ остается пожелать, чтобъ сія книга подала поводъ къ новымъ изысканіямъ о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ въ нашемъ Отечествѣ". Цензорская помѣта Каченовскаго: 30 апрѣля 1825 г.

Не смотря на всевозможныя неудачи, мысль о переводѣ на Русскій языкъ Словенской Грамматики Добровскаго никакъ не могла оставить Погодина. И вотъ онъ, вмѣстѣ съ Кубаревымъ, положилъ первый переведенный листъ посвятить Калайдовичу. По окончаніи, онъ отнесъ этотъ листъ къ Калайдовичу, но получилъ отъ него „немного благодарности". Но это не остановило ихъ отъ перевода, и черезъ мѣсяцъ послѣ того, они снесли продолженіе своего труда тому же Калайдовичу. Когда они къ нему пришли, то Погодинъ, по его свидѣтельству, „боялся нѣкоторыхъ выраженій Калайдовича, чтобъ Кубаревъ", поясняетъ онъ, „не подумалъ, якобы я себѣ присвоиваю переводъ; а я ни душой, ни тѣломъ" [516]).

Между тѣмъ, въ Засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшемъ 29-го февраля 1824 года, „члены, разсуждая о необходимости имѣть каталогъ собраннымъ ими рукописямъ и монетамъ, положили: присоединить въ званіе соревнователя кандидата М. П. Погодина, извѣстнаго по любви его къ историческимъ изысканіямъ, и опредѣлить въ помощники г. библіотекаря" [517]). На другой день, Малиновскій „объявилъ" Погодину объ этомъ избраніи, но Послѣдній принялъ это извѣстіе холодно, и саркастически замѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 1 марта 1824 года: „Вотъ чѣмъ мажутъ эти головы, а о Добровскомъ ни слова". Предсѣдателемъ Общества былъ въ то время генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Писаревъ, сдѣлавшійся вскорѣ попечителемъ Московскаго учебнаго округа. По свидѣтельству его современника, М. А. Дмитріева, генералъ Писаревъ былъ

„человѣкъ добрый, но не имѣвшій основательныхъ свѣдѣній въ Литературѣ, и къ несчастью, самъ литераторъ". Въ Литературѣ нашей онъ извѣстенъ слѣдующими сочиненіями: 1) *Предметы для художниковъ, избранные изъ Россійской Исторіи, Славенскаго баснословія*, и пр. (1807). 2) *Начертаніе художествъ* (1808). 3) *Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера* (1809). 4) *Военные письма* (1817), „въ которыхъ, по замѣчанію М. А. Дмитріева, на первой же страницѣ, въ первой строкѣ заглавія, сдѣлалъ ошибку противъ правописанія, напечатавъ: *военные*". 5) Онъ стоялъ нѣкогда съ своимъ полкомъ въ Калугѣ, завелъ тамъ литературное общество, и напечаталъ въ двухъ томахъ: *Калужскіе вечера* (1825), которые, по ѣдкому замѣчанію того же Дмитріева, суть „собраніе совершенно безталантныхъ произведеній, по большей части, военныхъ литераторовъ" [518]).

А. А. Писаревъ очень любезно отнесся къ своему новому сочлену, и на другой же день по избраніи Погодина, писалъ Калайдовичу: „Не забудьте г. Погодина включить въ число соревнователей, и познакомьте его со мною; а въ засѣданіи Общества, бывшемъ 31-го мая 1824 года, Погодинъ имѣлъ честь лично познакомиться съ своимъ предсѣдателемъ, который и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ [519]). Но недолго довелось ему быть нижнимъ чиномъ въ Обществѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ возсѣлъ тамъ на свое кресло, и это кресло доставилъ ему Каченовскій, что свидѣтельствуетъ о благородствѣ почтеннаго Михаила Трофимовича; ибо, не смотря на свои разногласія съ Погодинымъ по вопросу *о Происхожденіи Руси*,—а вопросы науки были дѣломъ жизни Каченовскаго,—сей почтенный мужъ въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 15-го ноября 1824 года, представилъ письменно о заслугахъ въ разсужденіи Отечественной Исторіи соревнователя Общества, кандидата Погодина, рекомендуемаго имъ въ дѣйствительные члены Общества; такія же представленія поданы были членами Общества И. М. Снегиревымъ, о профессорѣ Д. Е. Василевскомъ, и

П. М. Строевымъ, о Курскомъ купцѣ Полевомъ. На основаніи устава Общества, опредѣлено: баллотировать рекомендуемыхъ въ слѣдующее засѣданіе и въ засѣданіи 6-го января 1825 г., Погодинъ „большинствомъ голосовъ" былъ избранъ въ члены Общества [520]).

Въ мартѣ 1824 года, въ Москвѣ были получены X и XI томы *Исторіи Государства Россійскаго*, а подъ 27 марта, мы находимъ слѣдующую запись въ *Дневникѣ* Погодина: „Читалъ X томъ Карамзина и восхищался имъ. А. П. Малиновская дала мнѣ его безъ вѣдома Алексѣя Ѳедоровича". Не смотря на это, чрезъ нѣсколько дней послѣ этой записи, обѣдая у Трубецкихъ, въ разговорѣ съ П. П. Новосильцовымъ о Карамзинѣ и на „восхищеніе" Новосильцова, онъ, по собственному сознанію, „отвѣчалъ большею частью односложно". При этомъ, А. В. Всеволожскій сообщилъ ему, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ о Карамзинѣ, который, по словамъ его, былъ „говорливъ, но однажды у императрицы Маріи Ѳедоровны онъ все молчалъ; кто-то замѣтилъ это, и великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ: c'est pour la première fois que je vois notre historien *tacite*" [521]).

Кромѣ Русской Исторіи, Латинская Словесность была въ это время любимымъ предметомъ студій Погодина. Эти два предмета закрѣпляли старую дружбу Погодина съ Кубаревымъ. Слѣдуя по стопамъ своего незабвеннаго наставника, Романа Ѳодоровича Тимковскаго, Кубаревъ стремился уже тогда примѣнять классическіе пріемы и къ изученію классическихъ памятниковъ Русскихъ Древностей. И онъ возлюбилъ *Кіево-Печерскій Патерикъ*. Погодинъ и Кубаревъ одинаково восхищались и Цицерономъ, и Несторомъ, и древнимъ Римомъ, и древнею Русью. Эта любовь къ наукѣ сглаживала тѣ, являющіяся иногда между двумя пріятелями, шероховатости отношеній, вытекавшія изъ ихъ личныхъ характеровъ. На Кубарева иногда находили капризы. Такъ, напримѣръ, однажды Погодинъ написалъ ему, въ партикулярной запискѣ: „*Алексѣй*". Кубаревъ обидѣлся, и просилъ въ отвѣтѣ, чтобы Погодинъ

писалъ его имя не подъ титлами. Послѣдній оправдывался тѣмъ, что, писавъ къ пріятелю, онъ не думалъ о формахъ. Въ другой разъ, Кубаревъ взялъ у Погодина Шеллинга, и когда тотъ попросилъ вернуть эту книгу *поскорѣе*, Кубаревъ опять обидѣлся. „Чтó значитъ *поскорѣе*“, спрашивалъ онъ. „Мнѣ дѣйствительно эта книга нужна, ибо почти всякій день беру ее въ руки“, отвѣчалъ Погодинъ. „Это вздоръ“, возражалъ Кубаревъ, „у тебя много книгъ, которыхъ ты не читаешь“. „Чудной человѣкъ“, замѣчаетъ, по этому поводу, Погодинъ, „что за капризы находятъ на него“ [522]). Впрочемъ, Кубаревъ въ это время былъ въ раздраженномъ состояніи по поводу своей диссертаціи, представленной на полученіе степени магистра, подъ заглавіемъ: *De origine, summo perfectionis gradu variisque fatis eloquentiae Romanae.* Такъ какъ, по словамъ его, непріятности шли отъ Мерзлякова, то у Погодина закралось опасеніе, не подозрѣваетъ ли его въ чемъ нибудь мать Кубарева, ибо Анна Васильевна, по нѣжной любви своей къ сыну, принимала самое живѣйшее участіе во всѣхъ его радостяхъ и горестяхъ. „Чортъ знаетъ, какъ мнѣ это досадно“, замѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* [523]). Но эти подозрѣнія, если только они существовали, были напрасны, ибо Погодинъ принималъ также живѣйшее участіе въ дѣлахъ своего друга, и нарочно пріѣзжалъ изъ Знаменскаго, чтобы хлопотать о немъ. „Мучили бѣднаго Кубарева“, пишетъ онъ, „и отказали. Безсовѣстно поступилъ И. И. Давыдовъ, сколько судить должно по словамъ Мерзлякова [524]).

Возвратившійся изъ Одессы Раичъ посовѣтовалъ Погодину хлопотать о мѣстѣ профессора въ Ришельевскомъ Лицеѣ, съ жалованьемъ въ 4000 р. Мысль эта заняла Погодина, и въ *Дневникѣ* онъ отмѣчаетъ: „Думалъ объ Одессѣ. Еслибы намъ ѣхать туда впятеромъ: мнѣ, Раичу, Кубареву, Григоровичу. Чудо бы“ [525]). Въ концѣ февраля 1824 года, въ Москвѣ было получено письмо изъ Одессы, въ которомъ Погодина приглашаютъ туда профессоромъ. По этому поводу, онъ „пилъ горское дома“. Начались „совѣщанія по этому предмету. Но

вопросъ этотъ былъ вскорѣ рѣшенъ письмомъ, полученнымъ Раичемъ изъ Одессы, въ которомъ Погодинъ прочелъ, между прочимъ слѣдующія строки: „*можетъ быть*, утвердятъ г. Погодина профессоромъ". Эти строки привели его къ рѣшительному заключенію: „Для *можетъ быть* я не поѣду" [526]). Такимъ образомъ, судьбѣ было угодно, чтобы Погодинъ не оставлялъ Москвы, гдѣ слава его, какъ учителя, все болѣе и болѣе распространялась, и онъ безпрестанно получалъ отъ разныхъ нашихъ почтенныхъ фамилій предложенія занять мѣсто наставника ихъ дѣтей. Такъ, графъ В. П. Кочубей, озабочиваясь воспитаніемъ своихъ сыновей, обратился къ попечителю Московскаго учебнаго округа, князю А. П. Оболенскому, съ просьбою указать ему студента Московскаго Университета, достойнаго быть наставникомъ его сыновей. Естественно, князь Оболенскій обратился за этимъ указаніемъ къ ректору Университета Антонскому. Когда послѣдній сообщилъ объ этомъ Погодину, прося его совѣта о таковомъ студентѣ, то у него мелькнула мысль пристроить себя къ этому мѣсту. „Въ хорошіе профессора", думалъ онъ, „я не гожусь, а Кочубеевское мѣсто удивительно выгодно"; а потому ему стало досадно, когда, не обдумавши, онъ „разболтался" объ этомъ Кубареву. „Можетъ быть", писалъ онъ, „и самому будетъ выгодно. Въ Латынѣ-то я не крѣпко силенъ". Въ это же время, какъ мы уже видѣли, и Румянцовъ имѣлъ виды на Погодина, чтобы отправить его въ Италію, съ ученою цѣлію. Но когда Погодинъ получилъ отъ самого Попечителя предложеніе занять мѣсто у Кочубея, то попросилъ позволенія посовѣтоваться объ этомъ съ Антонскимъ. „Мнѣ бы хотѣлось", сказалъ ему Антонскій, „пристроить васъ къ Университету". Эти слова повергли его въ недоумѣніе, и онъ писалъ; „Я теперь на распутіи: къ Румянцову, Кочубею, въ Университетъ. Куда кривая вынесетъ". И „кривая" его вынесла въ Университетъ, хотя Румянцовъ, какъ мы также знаемъ, и совѣтовалъ ему не отказываться отъ Кочубеевскаго мѣста. Кромѣ Кочубея, къ Погодину обращались, съ подоб-

ными же предложеніями, въ теченіе 1824 года, князь Андрей Петровичъ Оболенскій, князь Мещерскій, князь Волконскій [527]); но ученыя занятія и отношенія къ Трубецкимъ не дозволили ему въ полной мѣрѣ воспользоваться этими предложеніями. Въ особенности ему трудно было отказаться отъ предложенія князя Оболенскаго, принять которое его убѣждалъ самъ Антонскій, и онъ оправдывалъ себя только тѣмъ, что ему совѣстно было отказаться отъ дома Трубецкихъ, въ которомъ онъ „обласканъ былъ со студенчества".

XXVII.

Таинства Философіи Шеллинга все болѣе и болѣе привлекали къ себѣ любознательный умъ Погодина. Онъ мечталъ даже отправиться путешествовать и представиться Шеллингу, и просить его, чтобы онъ „просвѣтилъ его и приготовилъ для пользы цѣлаго Сѣвера". „Я добръ", сказалъ бы ему Погодинъ, „люблю науку, просвѣтите меня. Возбуждается во мнѣ сильно потребность заниматься Философіею" [528]). Пока только почтенный Галичъ былъ руководителемъ Погодина въ этой премудрости, и онъ, „переворачивая о Шеллинговой системѣ у Галича", восхищался чуднымъ ея ходомъ [529]). Но въ тоже время Погодинъ постоянно скорбѣлъ о недостаточности своихъ познаній. „Былъ у насъ Титовъ", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*. „Говорилъ, между прочимъ, съ В. И. Оболенскимъ о Виргиліи въ сравненіи съ Гомеромъ. Я не могу здѣсь вымолвить ни слова. О стыдъ! Вечеромъ былъ у насъ Мухинъ, говорилъ съ Оболенскимъ о Философіи, и я опять ни слова" [530]). Погодина плѣняла мысль Шеллинга, что „Богъ есть душа Вселенной". Положеніе Шеллинга онъ силился примѣнить къ Исторіи. „Природа есть незрѣлый разумъ, говоритъ Шеллингъ, всѣ творенія образуютъ цѣпь, изъ коихъ въ каждомъ слѣдующемъ повторяются всѣ предыдущія и вмѣстѣ

является новая степень. Человѣкъ есть вѣнецъ всего творенія. Въ немъ отразилась вся природа. *Что прекрасно можно примѣнить къ Исторіи; событія должны составлять такую же цѣпь: въ каждомъ слѣдующемъ повторяются всѣ предъидущія. Вотъ точка, съ которой смотрѣть на Исторію. Вотъ предметъ для развитія*". Строки эти были написаны Погодинымъ предъ исповѣдью (2 апрѣля 1824). „Человѣкъ въ первую минуту", философствовалъ онъ, „своего творенія явился только съ сѣменемъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ способностей. Человѣческій родъ началъ жизнь свою младенчествомъ, а не совершенствомъ. Онъ долженъ былъ развертывать самъ всѣ способности. Будущій моментъ, въ которомъ онъ, по развитіи всего, явится всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ быть, будетъ довершеніемъ творенія. Развить эти мысли для сочиненія: *Взглядъ на Исторію человѣческаго рода,* которое посвятится съ благоговѣніемъ Шеллингу" [531]). Однажды, В. И. Оболенскій привезъ Погодину Шеллинга и Естественную Исторію Окена. Это возвысило его духъ и онъ сталъ даже прыгать отъ радости, и тутъ же взялся переводить рѣчь Шеллинга объ искусствѣ [532]). Увлеченіе Философіею Шеллинга у Погодина все росло и росло и достигло до Геркулесовыхъ столбовъ. Такъ, онъ мечталъ однажды „объ объятіи всей Шеллинговой системы" въ эпическую поэму *Моисей.* „Нѣтъ предмета", писалъ Погодинъ, „богатѣйшаго для таланта. Пою Моисея. Имъ преобразился Христосъ, путь къ блаженству человѣческому. Уже столько-то лѣтъ жили Евреи въ Египтѣ съ отношеніями къ прежнимъ патріархамъ. Притѣсненія Египтянъ. Рожденіе Моисея и пiитическое спасеніе. Каковы, напримѣръ, будутъ подъ великимъ перомъ эпизоды: рожденіе, спасеніе, царица и воспитаніе Моисеево, переходъ чрезъ Чермное море, ниспосланіе манны, воды, огненный столпъ впереди, дарованіе законовъ Моисею, зрѣніе Бога, откровеніе будущихъ судебъ человѣчества, смерть Моисея, описаніе Обѣтованной земли. И это все въ значеніяхъ аллегорическихъ, примѣненныхъ ко всему роду человѣческому. Вся Шеллингова Философія должна

здѣсь явиться. Посвятить такую поэму должно Шеллингу. Учиться! Учиться!“ [533]). Но среди этихъ философствованій, наступили святые дни Страстной недѣли (1824 года). Въ Великую среду Погодинъ исповѣдывался и въ Великій четвергъ пріобщался Святыхъ Таинъ, „былъ спокоенъ и молился. „*Вѣрую Господи*“, восклицалъ онъ, „*помози моему* невѣрію“. Чтеніе Двѣнадцати Евангелій и субботнюю заутреню Погодинъ прослушалъ въ домовой церкви Трубецкихъ и при этомъ приведенъ былъ въ замѣшательство вопросомъ Набокова: чтó значитъ стояніе со свѣчею у заутрени? И онъ „со стыдомъ“ долженъ былъ сказать, что не знаетъ! Но послѣ сказалъ Набокову: „обряды христіанской религіи могутъ казаться нелѣпыми только тѣмъ, кто не вникаетъ въ сокровенный смыслъ ихъ“ [534]). Великій день (6-го апрѣля 1824 г.) онъ встрѣтилъ и провелъ съ миромъ. „Смѣялся надъ поздравильщиками“, и рѣшилъ „не поздравлять никого“ [535]).

Занятія философіею Шеллинга сблизили Погодина съ другомъ Веневитинова, Николаемъ Матвѣевичемъ Рожалинымъ, извѣстнымъ въ нашей литературѣ своимъ переводомъ сочиненія Гете: *Страданія Вертера* (въ двухъ частяхъ. М. 1828—1829). Въ предисловіи къ этому сочиненію, Гете, между прочимъ, писалъ: „Что только могъ я развѣдать о жизни бѣднаго Вертера, все то рачительно собралъ и теперь предлагаю вамъ, увѣренный, что вы будете мнѣ за это благодарны. Его душѣ, его характеру вы не откажете въ удивленіи и любви; его жребій стоитъ слезъ вашихъ. А ты, добрая душа, которая чувствуешь ту же тоску, что онъ, найди свое утѣшеніе въ его страданіяхъ и сдѣлай эту книгу своимъ другомъ, если, по несчастью, или по собственной винѣ, ты не можешь найти ничего болѣе близкаго“. Погодинъ познакомился съ Рожалинымъ въ Университетѣ, 10 мая 1824 года. Потомъ онъ встрѣтился съ нимъ на балѣ у Трубецкихъ, и по поводу этой встрѣчи, сдѣлалъ странную замѣтку въ *Дневникѣ*: „Мнѣ стыдно было слушать Рожалина, говорящаго хорошо *по-французски*“ [536]); но вскорѣ онъ съ нимъ очень сблизился. Въ это же время

Погодинъ познакомился съ Петромъ Александровичемъ Мухановымъ, будущимъ декабристомъ, и Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ. Мухановъ владѣлъ драгоцѣннымъ письмомъ Ломоносова къ И. И. Шувалову, по поводу намѣренія Шувалова помирить Ломоносова съ Сумароковымъ. Это письмо и послужило къ ихъ сближенію. Въ Раичевскомъ Обществѣ Погодинъ познакомился съ Н. А. Полевымъ, который „совѣстясь читалъ тамъ о *Полярной Звѣздѣ*“ [537]); но дружбы между ними не завязалось, а, напротивъ того, на первыхъ же порахъ, Погодинъ собирался написать противъ Полевого статейку „за то, что онъ писалъ объ Іоаннѣ Экзархѣ безъ ссылки на Калайдовича“ [538]). Вскорѣ послѣ того, Полевой объявилъ подписку на *Московскій Телеграфъ*.

19 апрѣля 1824 года, въ Миссолунгѣ, *тридцати семи лѣтъ* отъ роду, скончался лордъ Байронъ. Смерть этаго геніальнаго писателя произвела сильное впечатлѣніе въ нашемъ Отечествѣ. Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи *Къ Морю*, помянулъ его вслѣдъ за Наполеономъ:

И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ!
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Стихотвореніе это было напечатано въ *Мнемозинѣ*, изданіи пріятеля Погодина, князя В. Ѳ. Одоевскаго, и было доставлено туда княземъ П. А. Вяземскимъ [539]). Погодина извѣстіе о кончинѣ лорда Байрона сильно поразило, а толки о немъ сердили: „Говорятъ безтолковые, пишетъ онъ, что Байронъ однообразенъ. Онъ такъ однообразенъ, какъ солнце“. И Погодинъ, подобно Пушкину, совершая поминки по Байрону, не забылъ и Наполеона. И онъ, читая творенія Байрона и восхищаясь ими, въ особенности однимъ его выраженіемъ, что *чаша жизни играетъ*

только по краямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, углублялся въ изученіе жизни Наполеона, и это изученіе привело его къ слѣдующимъ афоризмамъ: Читалъ Наполеонову Исторію. Геній обширный! Не послѣдуетъ ли за настоящимъ временемъ *второе исправленное изданіе Среднихъ вѣковъ варварство?* Европа съ тѣхъ поръ досел ѣ шла безпрестанно *впередъ* во всѣхъ отношеніяхъ. Не будетъ ли она должна остановиться теперь—пауза? *Разсмотрѣть такія остановки въ Исторіи.* За каждою остановкою слѣдовало большое усовершенствованіе, въ сравненіи съ тѣмъ, на которомъ родъ человѣческій останавливался. Шеллингъ-Наполеонъ. Теперь въ Европѣ слѣдуетъ угнетеніе свободы и даже внутренняя наклонность къ рабству, разумѣется, благороднѣйшему предъ средними. Особенно видно это на Франціи, которая показала столь много энергіи въ революціи, и которая теперь такъ слаба, что склонила голову подъ облагороженный аристократизмъ. Государи дѣлаютъ, что хотятъ. Въ Англіи свободной запретили, напримѣръ, общества масонскія. Хотя, впрочемъ, много еще свободы въ Европѣ. Напримѣръ, свободы книгопечатанія въ Германіи. Не дойдутъ ли до того, чтобъ уничтожить ее, по тому примѣру, какъ у насъ запрещено Право Естественное и Философія. Между тѣмъ, ростетъ Америка, не кончится ли она по древне-гречески? И тогда весь свѣтъ своротитъ съ дороги. И скоро ли явятся новые возстановители, новый XV вѣкъ? И гдѣ? Это будетъ лѣтъ черезъ четыреста. До чего же послѣ дойдетъ человѣкъ? Нынче государи не воюютъ съ государями, но государи съ народами. Между собою же согласны. Священный союзъ. Въ революціи, сказалъ Наполеонъ, Галлы свергли съ себя иго Франковъ. У насъ, всѣ столповые дворянскіе роды отъ Варяговъ и другихъ пришельцевъ. Нѣтъ, думаю, пяти, кои могли бы доказать дворянское свое Скандинавское происхожденіе“ [540]).

Въ это время Погодинъ былъ занятъ переводомъ трагедіи Вернера (1768—1823) и, по поводу этихъ своихъ занятій, писалъ: „Переписывалъ Вернера и восхищался этою безподобною трагедіею. Если бы удалось мнѣ исправить ее. На

театрѣ она произведетъ величайшее дѣйствіе, и при рукоплесканіяхъ явится переводчикъ на сцену. Вернеръ перемѣнилъ лютеранскую вѣру на католическую. Нѣтъ ли тутъ аналогіи съ усилившимся монархизмомъ. Не подпадаетъ ли лютеранское исповѣданіе, основанное на свободѣ, не подпадаетъ ли безусловной покорности! Точно какъ духъ свободный, проявившійся въ революціи Французской, и проч., покоряется монархіи. Не совершила ли эта свобода своего періода, и не начнется ли теперь новая эпоха облагороженнаго рабства и политическаго, и умственнаго, въ томъ духѣ, въ какомъ была эпоха, предыдущая реформаціи. Это, кажется, очевидно. Когда проявится новая благословенная заря для духа человѣческаго. Въ какомъ XV вѣкѣ. При какомъ Лютерѣ, въ какой Франціи и Америкѣ? [541]).

Въ то самое время, когда Погодинъ мыслію облеталъ необозримое поле Исторіи Вселенной, въ нашемъ Отечествѣ, во главѣ Народнаго Просвѣщенія, поставленъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. Это событіе совершилось 15 мая 1824 года. Черезъ недѣлю послѣ своего назначенія, новый министръ писалъ Государю: „Угодно было монаршей волѣ твоей, безъ всякаго у меня вопроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня министромъ Народнаго Просвѣщенія въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу твоему въ 1812 году. Съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ повинуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ Церкви и Престола. Но, Государь, могу ли я, утружденный бременемъ лѣтъ и болѣзнями, стать противу гидры, которую преодолѣть потребны Геркулесовы силы! Нравственный развратъ, подъ названіемъ *духа времени*, долго росъ и усиливался. Сіе ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія, умѣло вползать въ невинныя сердца и заражать ихъ ядомъ своимъ. Министерство Просвѣщенія, не знаю, по какимъ причинамъ, но явно и очевидно попускало долгое время рости сему злу, и мало сказать—попускало, но оказывало тому вся-

кое покровительство и одобреніе“ [542]). Не радовался этому назначенію Карамзинъ, который съ грустью писалъ своему другу И. И. Дмитріеву: „Возставать противъ грамоты есть умножать къ ней охоту: слѣдственно, дѣйствіе хорошо и достойно цѣли Министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится о ту и другую, а все плыветъ. Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ: то-есть увѣренъ въ милости Божіей... Новый министръ думаетъ учредить новую цензуру, и посадить въ этотъ трибуналъ человѣкъ шесть или семь: на всякую часть литературы будетъ особенный цензоръ. То-то раздолье! Словесность наша съ цензорами процвѣтетъ и безъ авторовъ“ [543]).

Черезъ годъ послѣ назначенія Шишкова министромъ Народнаго Просвѣщенія, Владыко Московскій Филаретъ, произнесъ въ Архангельскомъ соборѣ Слово о *плевелахъ*, на текстъ: *Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо имать плевелы?* (Матѳ. 13, 28). Въ этомъ Словѣ мы, между прочимъ, читаемъ: „Рабы, не знающіе таинъ небеснаго земледѣлія, хотѣли бы тотчасъ полоть, силою исторгать и истреблять плевелы; но Премудрый Господинъ поля не позволяетъ. *Ни, да некогда, восторгающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу*“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ Словѣ мы читаемъ и слѣдующее: „Перестанемъ обманываться и не будемъ почитать плевелъ обыкновеннымъ порожденіемъ и естественною принадлежностію пшеницы. И если не можемъ догадаться, откуда они подлинно, то вопросимъ о семъ Господа, и отъ Него пріимемъ вразумленіе. Онъ отвѣтствуетъ: *врагъ человѣкъ сіе сотвори*,—спящымъ же человѣкомъ, пріиде врагъ его, и всѣя *плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде;—врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ*. Мнѣ кажется, что если бы мы чаще и съ большею вѣрою думали о семъ происхожденіи нашихъ душевныхъ плевелъ, то не такъ легко попускали бы имъ разрождаться и разрастаться. *Врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ*: онъ посѣялъ ихъ въ легкомысленныхъ или зломысленныхъ

сочиненіяхъ, въ изнѣженныхъ пѣсняхъ, въ соблазнительныхъ зрѣлищахъ, въ вольномъ обращеніи, въ нескромныхъ и непостоянныхъ обычаяхъ. Не спи или пробудись, возлюбленная душа; изощряй выну око твое ко свѣту Божію; ходи въ присутствіи Божіимъ; просвѣщайся внутренно Словомъ Божіимъ и молитвою, дабы и во время сна тѣлеснаго заря духа не угасала въ сердцѣ твоемъ, и не допускала до тебя врага темнаго, сѣющаго плевелы“ [544]).

Въ концѣ мая 1824 года, ученикъ Погодина, князь Николай Трубецкой, благополучно выдержалъ экзаменъ у Московскихъ профессоровъ, и у Погодина явилась мысль предложить Трубецкимъ сдѣлать изданіе переводовъ изъ древнихъ, Мерзлякова, которое могло бы служить подаркомъ Мерзлякову за занятіе его съ княземъ Трубецкимъ. Вскорѣ послѣ того, онъ отправился въ Знаменское; но дня черезъ два вернулся въ Москву, чтобы выручить пріятеля своего Кубарева изъ затрудненія, которыя причинила ему диссертація. На обратномъ пути въ Знаменское съ нимъ приключилась дорожная непріятность. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ и докторъ Зоуеръ. „Пять разъ“, пишетъ Погодинъ, „вытаскивали насъ изъ грязи. Въ Чертановѣ, посереди рѣчки уропили, и мы, измоченные, наняли крестьянскихъ лошадей, на коихъ едва дотащились до Знаменскаго. Зоуеръ настращалъ ревматизмами, и пр. Зоурша наболтала чортъ знаетъ что“ [545]). Въ Знаменскомъ Погодинъ прожилъ, по обычаю, до конца сентября. Но свѣдѣніи наши о его пребываніи здѣсь очень скудны. Знаемъ только, что умъ его въ это время былъ занятъ диссертаціею *О происхожденіи Руси*, а сердце — княжною Александрою Трубецкою. Еще въ Москвѣ прочелъ онъ ей свой переводъ изъ Овидія *Нарциса, съ посвященіемъ Розѣ К. А. И. Т.* [546]). Несчастная страсть влюбляться причиняла Погодину немало страданій, ставила его въ жалкое и смѣшное положеніе и отвлекала отъ прямыхъ занятій. Будучи чѣмъ-то огорченъ предметомъ своего обожанія, онъ писалъ: „Завтракъ въ рощѣ. Очень были непріятны нѣкоторыя выходки княжны

Александры Ивановны. Это дѣтски, но оскорбительно. Удивляюсь, что это за твореніе. Кажется, она ни къ чему на свѣтѣ не имѣетъ привязанности. Вижу это и по другимъ, и по себѣ. Я старался дѣлать для нея все пріятное, стараясь возбудить въ ней охоту къ занятіямъ, долженъ бы произвесть какое нибудь чувство благодарности къ себѣ, ни тутъ то было"! [547]). Но вслѣдъ за симъ, Погодинъ восхищается ею, и пишетъ: „какъ прекрасно закинула голову княжна Александра Ивановна. Очень нравится мнѣ умная княжна Александра Ивановна". Въ *Дневникѣ* мы находимъ также и слѣдующую забавную запись его о самомъ себѣ: „Мечталъ о женитьбѣ профессора Погодина, возвратившагося изъ путешествія, на княжнѣ Александрѣ Трубецкой, съ удовольствіемъ. То-то бы житье" [548]). Въ Знаменскомъ Погодинъ былъ очень утѣшенъ, получивъ отъ кого-то портреты Фихте, Мюллера, Фуше, Гиббона и Географію Мальтбрюна. Предметъ чтенія Погодина въ Знаменскомъ былъ согласенъ съ его тогдашнимъ настроеніемъ. Онъ прочелъ *Елоизу* Руссо, и плакалъ надъ кончиною Юліи. Читалъ также жизнь Шиллера, и восхищался многими мѣстами. Онъ даже нашелъ какое-то сходство Шиллера съ собою. „И я, можетъ быть", „буду поэтомъ; встрѣчались многія обстоятельства у Шиллера подобныя со мною, въ чувствахъ. Шиллеръ думалъ также о поэмѣ Моисей. Борисъ Годуновъ, Софія, Самозванецъ вертѣлись въ головѣ" [549]). Въ это же время вышелъ въ свѣтъ давнишній трудъ Погодина, предпринятый имъ вслѣдствіе бесѣдъ съ любимымъ своимъ профессоромъ, И. А. Геймомъ. Это переводъ Ничевой Древней Географіи: *Краткое начертаніе Древней Географіи. Издано при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Москва. Въ Университетской Типографіи.* in 8°. Въ предисловіи сказано: „Мы имѣемъ на Русскомъ языкѣ очень мало книгъ по части Древней Географіи. Это самое побудило меня перевести съ Нѣмецкаго Ничеву Географію, изданную Маннертомъ". Переводъ сдѣланъ еще въ 1819 году, съ четвертаго изданія, но исправленъ совершенно по восьмому. Любопытно, что книга эта отпечатана въ 1823 г.:

цензорская помѣта (проф. Николая Бекетова) 19 апр. 1823, а предисловіе помѣчено: 1824, іюня 16.

Мы уже сказали, что умъ Погодина въ Знаменскомъ былъ занятъ сочиненіемъ диссертаціи *О Происхожденіи Руси.* Приступая писать это сочиненіе, еще въ февралѣ 1824 года, онъ молился Богу „да подастъ ему силу разумѣнія, да будетъ дѣло во благо, да пропадетъ самолюбіе". Въ Знаменскомъ ему довелось видѣть конецъ своего труда. Но приэтомъ у него возникъ вопросъ: кому посвятить свою диссертацію? „Прежде хотѣлъ я" посвятить Карамзину, а Географію Муравьеву. Но какъ же ничего Антонскому. Мнѣ совѣстно посвящать ему. А хочется быть отправленнымъ путешествовать" [550]). Но въ концѣ-концовъ Погодинъ призналъ за благо не посвящать никому. Возвратившись въ Москву, онъ представилъ диссертацію въ факультетъ, который долженъ былъ принять и одобрить ее. Вотъ тутъ и начались мытарства, которыя Погодинъ, хотя лаконически, описываетъ въ своемъ Дневникѣ: Подъ *11 Октября.* „Къ Болдыреву. Высылаетъ съ лакеемъ диссертацію въ переднюю. Скотина! Къ Ульрихсу, въ Типографію, къ Побѣдоносцеву. Усталъ какъ собака!" Подъ *12 октября.* „Къ Ивашковскому, къ Побѣдоносцеву. Каченовскій старается предубѣдить во вредъ мнѣ и Ульрихса. Бездѣльникъ! Думалъ объ апологѣ: посвященіе въ таинство, гдѣ бы описать всѣхъ нашихъ бездѣльниковъ. Объ отсылкѣ къ Министру, о полученіи на зло имъ ордена". Подъ *13 октября.* Разсказалъ Мерзлякову дѣло, и онъ стоитъ за меня. Хотѣлъ прочесть диссертацію. Пошли Богъ ему вниманіе благопріятное".

Но въ то самое время, когда Погодинъ погруженъ былъ въ хлопоты о своей диссертаціи, 7 ноября 1824 года, Царствующій градъ нашъ постигло страшное бѣдствіе, объ отвращеніи котораго наша Церковь, въ своихъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, ежедневно молитъ Бога.

...силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева

Обратно шла гнѣвна, бурлива
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась....
. . . Царь. . .
. . . на балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ
И молвилъ: *съ Божіей стихіей*
Царямъ не совладѣть. Онъ сѣлъ,
И, въ думѣ, скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.

„Вы знаете уже", писалъ самъ Царь Карамзину, „о печальныхъ происшествіяхъ 7 ноября! Погибшихъ много, нещастныхъ и страдающихъ еще болѣе! Мой долгъ быть на мѣстѣ: всякое удаленіе причтў себѣ въ вину. Вамъ не трудно представить себѣ грусть мою. *Воля Божія: намъ остается преклонить главу предъ Нею*". Въ свою очередь, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Петербургъ никогда не славилъ такъ отеческой попечительности Государя, какъ въ нынѣшнемъ бѣдствіи. Народъ, слушая панихиду въ Казанскомъ Соборѣ, плакалъ и смотрѣлъ на Царя... Боюсь за Царя... Онъ думаетъ только объ утѣшеніи несчастныхъ и не хотѣлъ даже говорить мнѣ о своей ногѣ" [551]). Пушкинъ изъ своего Михайловскаго заточенія писалъ своему брату: „Закрытіе ѳеатровъ и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность требовала. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ; онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу,—безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ничуть не забавно стоять въ *Инвалидѣ* наряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ" [552]). Это великое народное бѣдствіе произвело ужасающее впечатлѣніе на всѣхъ, и въ томъ числѣ и на Погодина: „Какое ужаснѣйшее несчастіе въ Петербургѣ и какія великія слѣдствія. *Какъ-то пособятъ наши маг-*

наты“ [553]). Но Погодинъ напрасно безпокоился за „нашихъ магнатовъ“. Они, съ свойственною имъ издревле отзывчивостью къ народнымъ бѣдствіямъ, не замедлили явиться съ щедрыми пожертвованіями. Изслѣдованіе о количествѣ сдѣланныхъ ими въ то время приношеній не составляетъ нашей задачи, но изъ случайно попавшагося намъ въ руки листка *Русскаго Инвалида* того времени мы усмотрѣли, что графиня Орлова-Чесменская пожертвовала сто тысячъ, графъ Шереметевъ пятьдесятъ тысячъ, графъ Б. Потоцкій двадцать тысячъ, графъ Литта десять тысячъ, княгиня Бѣлосельская пять тысячъ, графъ Воронцовъ четыре тысячи. А генералы Александровскіе, которыхъ тоже можно причислить къ „нашимъ магнатамъ“,

.... Изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
.... Пустились...
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.

Праздникъ Рождества Христова въ 1824 году Погодинъ провелъ у своихъ родителей, въ Орловской губерніи. Предъ отъѣздомъ изъ Москвы, ему довелось видѣть „нечаянно“ рекрутскій наборъ, и это произвело на него мрачное впечатлѣніе. „Страшное зрѣлище“, писалъ онъ. „Люди нагіе въ толпѣ одѣтыхъ, свидѣтельство лѣкарей, ощупываніе, лица отчаянныя. Волосъ дыбомъ“ [554]). Но это мрачное впечатлѣніе вскорѣ изгладилось свиданіемъ его съ родителями. „Радость велія“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*. „Провелъ не долго въ самодовольствѣ. Что за добрая и веселая женщина маменька“. И ему „горько было“ уѣзжать отъ нихъ.

XXVIII.

6 января 1825 года Погодинъ вернулся въ Москву. Въ это время здѣсь доживалъ свои послѣдніе дни графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, который еще въ 1823 году возвра-

тился въ Отечество и поселился въ Москвѣ. По свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, „сошедъ съ служебнаго поприща, знаменитый Россіянинъ сей не утратилъ своего значенія, не походилъ на временщиковъ, которыхъ счастіе возводитъ на высоту, а ничтожность при паденіи не поддерживаетъ. Въ простой одеждѣ, представлялъ онъ вельможу величавою осанкою, гордою поступью, отважнымъ словомъ, проницательнымъ взглядомъ“ [555]). По возвращеніи изъ Орловскихъ имѣній Графа, Погодинъ на другой же день явился къ нему, и записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Жаль, что я передъ нимъ не разговорчивъ“ [556]).

Въ собраніи факультета, бывшемъ 17 января 1825 года, рѣшили печатать, подъ наблюденіемъ Мерзлякова, диссертацію Погодина. Мерзляковъ, какъ строгій словесникъ, несмотря на все свое расположеніе къ нему, внимательно наблюдалъ за правильностію языка, что естественно замедляло ходъ печатанія, и это сердило Погодина. „Не поспѣетъ диссертація къ средѣ. Мерзляковъ надоѣдаетъ. Придирается къ мелочамъ слога“ [557]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодина не оставляла мысль, кому посвятить свою диссертацію. „Хотѣлъ-было“, пишетъ онъ, „Карамзину, помимо графа Румянцова не годится, да и Шишкову не полюбится“ [558]). Но тезисъ диссертаціи: *Варяги-Русь не Хозары*, не могъ быть пріятенъ Каченовскому, который съ высоты университетской каѳедры, согласно Дерптскому ученому Еверсу, проповѣдывалъ *Хозарство Руси*; а между тѣмъ, Каченовскій былъ первый судія диссертаціи, почему Погодинъ, читая корректуру, рѣшилъ себѣ: „Нѣтъ, не понесу я этого листа Каченовскому. Онъ не пропуститъ отзывъ объ Еверсѣ“ [559]). Познакомившись же съ диссертаціею Погодина, Каченовскій отдалъ ее, съ „вопросами“, Антонскому. „Что за діаволъ!“ восклицаетъ по этому поводу Погодинъ, „опять остановка“. онъ обращается къ Антонскому, который съ доброжелательствомъ указалъ ему „на пустыя бездѣлицы“, о которыхъ говорилъ Каченовскій. „Перемѣнилъ нѣкоторыя слова“, пишетъ Погодинъ, „отвезъ къ Каченовскому. Когда

прочту, тогда и доставлю слѣдующіе листы, сказалъ онъ, безсовѣстный. Мнѣ кажется, впрочемъ, что онъ изъ трусости больше дѣйствуетъ такъ. Мерзляковъ сказывалъ, что онъ въ ужасномъ гнѣвѣ на меня. Мнѣ не показалось этого“ [560]).

Въ самомъ началѣ марта 1825 года, диссертація Погодина вышла изъ печати на свѣтъ Божій, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *О происхожденіи Руси, разсужденіе, сочиненное Императорскаго Московскаго Университета кандидатомъ Словесныхъ наукъ Михаиломъ Погодинымъ, для полученія степени магистра. М. 1825.* Въ этой диссертаціи Погодинъ попалъ на счастливую мысль: для порѣшенія спора о Варягахъ, онъ собралъ всѣ мѣста объ нихъ изъ лѣтописей и прочихъ памятниковъ, и на этомъ основаніи опредѣлилъ ихъ Норманское происхожденіе, также какъ и отношеніе ихъ къ Руси. Эта метода сдѣлалась путеводною для всѣхъ послѣдовавшихъ изслѣдованій Погодина. Литература предмета была изучена имъ вполнѣ, и всѣ мнѣнія ученыхъ изложены съ потребными объясненіями, дальнѣйшими подтвержденіями и опроверженіями. „До сихъ поръ“, писалъ онъ, уже будучи въ старости, „съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ первомъ своемъ и любезномъ трудѣ“.

Наканунѣ диспута, Погодинъ развезъ свою книгу профессорамъ, генералу Писареву, А. Ѳ. Малиновскому и графу Ѳ. В. Ростопчину, который разговорился съ нимъ „объ Америкѣ и переселеніи народовъ“ [561]). Вернувшись домой, онъ перечиталъ свою диссертацію и у него „забилось сердце“.

Наконецъ, 11 марта 1825 года, Погодинъ явился на диспутъ, торжественно защищать слѣдующіе тезисы:

I.

Варяги-Русь не Шведы.

II.

Варяги-Русь не Пруссы.

III.

Варяги-Русь не Финны.

IV.

Варяги-Русь не Хозары.

V.

Варяги-Русь не Готѳы Черноморскіе.

VI.

Варяги-Русь не Фрисландцы.

VII.

Варяги-Русь составляли племя Норманское, обитавшее въ нынѣшней Швеціи.

VIII.

Доказательства сему послѣднему мнѣнію находятся въ языкѣ и дѣйствіяхъ Варяговъ-Руси, въ лѣтописяхъ отечественныхъ, Византійскихъ, Франкскихъ, Арапскихъ.

IX.

Сіе мнѣніе составляется изъ изысканій преимущественно Байера, потомъ Струбе, Тунмана, Стриттера, Миллера, Шлецера, Лерберга, Круга, Еверса, Карамзина, Френа.

На диспутѣ, по требованію Мерзлякова, Погодинъ произнесъ рѣчь. „Обрядъ“, пишетъ онъ, „для молодыхъ людей учащихся довольно торжественный. Человѣкъ двѣсти студентовъ зрителей“. Погодинъ боялся, что Каченовскій не пріѣдетъ. Опасенія его оказались напрасны. Каченовскій пріѣхалъ на диспутъ, но не произнесъ почти ни однаго слова, и ограничился только требованіемъ, чтобы Погодинъ смягчилъ въ своей диссертаціи нѣкоторыя грубыя выраженія противъ Еверса [562]), и Погодинъ долженъ былъ сознаться, что Каченовскій „не такъ не добръ, какъ объ немъ думаютъ“ [563]). Возражало человѣкъ пять, и „не остались“ безъ отвѣта. Вообще, все обошлось благополучно. Счастливый магистръ Русской Исторіи задалъ обѣдъ своимъ товарищамъ: Кубареву, Оболенскому, Мухину, Загряжскому и Бычкову, а вечеромъ съ тріумфомъ отправился къ Трубецкимъ. На другой день,

онъ поѣхалъ благодарить своихъ профессоровъ, и въ особенности Мерзлякова, „за его хлопоты, или по крайней мѣрѣ, доброжелательство“. „Сочиненіе Погодина *о Происхожденіи Руссы*, по отзыву К. Н. Бестужева-Рюмина, „до сихъ поръ представляетъ лучшій сводъ главнѣйшихъ доказательствъ Норманизма, и далеко выдѣлялось изъ ряда тогдашнихъ диссертацій“ [564]).

По защищеніи диссертаціи, Погодинъ вздумалъ представить ее Карамзину при письмѣ, которое онъ составлялъ съ особенною осмотрительностію. Съ проектомъ письма онъ отправился къ своему любезному наставнику Мерзлякову, который откровенно сказалъ Погодину, что „письмо его никуда не годится“; но Кубареву это письмо понравилось. Не довольствуясь отзывами Мерзлякова и Кубарева, Погодинъ пожелалъ выслушать мнѣніе М. А. Дмитріева, который, одобривъ письмо, посовѣтовалъ выбросить „только первыя двѣ строки“ [565]). Диссертація и письмо къ Карамзину приблизило Погодина къ самому И. И. Дмитріеву. Съ письмомъ и книгою, въ началѣ апрѣля 1825 года, отправился молодой магистръ нашъ къ маститому писателю, на Спиридоновку, въ его знаменитый домъ, воспѣтый княземъ П. А. Вяземскимъ, и былъ принятъ очень ласково. Погодинъ просилъ переслать какъ письмо, такъ и книгу Карамзину, и Дмитріевъ взялся исполнить его просьбу „съ удовольствіемъ“ [566]). Погодинъ, между прочимъ, писалъ Карамзину: „У васъ началъ я учиться добру, языку и Исторіи; позвольте же посвятить вамъ, въ знакъ искренней благодарности, первый трудъ мой“. Карамзина видимо тронуло это выраженіе чувствъ молодого магистра Русской Исторіи, и онъ не замедлилъ отвѣтить Дмитріеву (отъ 27 Апрѣля 1825): „Прилагаю письмо къ М. П. Погодину, желая ему всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ дальнѣйшихъ историческихъ розысканіяхъ“ [567]). Сердце Погодина исполнилось радостію, когда онъ читалъ слѣдующія строки самого Карамзина: „Милостивый государь, Михаилъ Петровичъ. Примите изъявленіе искреннѣйшей моей признательности. Съ живѣйшимъ любопыт-

ствомъ читаю ваше разсужденіе, писанное основательно и пріятно. Усердно желаю, чтобъ вы и впредь занимались такими важными для Россійской Исторіи предметами, къ чести вашего имени и нашей исторической литературы. Прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонности, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.“ [568]). Весьма понятно, что съ этимъ письмомъ Погодинъ обѣжалъ всю Москву и остановился на своемъ благожелателѣ и поклонникѣ Карамзина, П. П. Новосильцовѣ, который, между прочимъ, показалъ ему „Голоса вельможъ о состояніи Россіи послѣ Петра Великаго“. Съ этого времени, Погодинъ началъ пользоваться благосклонностью И. И. Дмитріева и удостоился получить приглашеніе бывать у него, чѣмъ, разумѣется, воспользовался, и имѣлъ такимъ образомъ возможность наслаждаться поучительною бесѣдою нашего знаменитаго писателя. Въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ: „Былъ у И. И. Дмитріева. Бесѣда его прекрасная и поучительная. Вотъ какой анекдотъ слышалъ я отъ него о Державинѣ. Державинъ, собираясь издать свои стихотворенія, поручилъ Дмитріеву и Капнисту пересмотрѣть ихъ и представить свои замѣчанія. Тѣ пересмотрѣли, приносятъ, начинаютъ чтеніе. Онъ сначала соглашается, „пожалуй“, потомъ возражаетъ и начинаетъ сердиться, „что за придирка“. Дмитріевъ перестаетъ читать. Всѣ молчатъ. Приходитъ, чрезъ четверть часа, жена Державина (первая). „Что за молчаніе у васъ?“ Чего, матушка, мы поссорились съ Иваномъ Ивановичемъ. За что это? Да вотъ за что. Но вѣдь ты самъ просилъ ихъ. Они требуютъ Богъ знаетъ чего, „они хотятъ заставить меня *снова жить*“. Въ этомъ словѣ—ода. Нынѣшнихъ журналистовъ назвалъ Дмитріевъ *плехами*. Былъ тутъ еще Пинскій„ [569]). Кромѣ того, Погодинъ встрѣчался съ И. И. Дмитріевымъ и въ свѣтѣ. Такъ, на семейномъ обѣдѣ у Трубецкихъ, Дмитріевъ удостоилъ его двухчасовою бесѣдою. „Обѣдалъ у Трубецкихъ“, пишетъ Погодинъ, „по магнатски. Послѣ обѣда, цѣлыхъ два часа разговаривалъ со мною И. И. Дмитріевъ. Я объяснялъ ему о

томъ, что можно сдѣлать для Россійской Исторіи, объ ученыхъ экспедиціяхъ. Сказалъ, что необходимо index, что это можно поручить, по словамъ Дмитріева, канцеляріи Исторіографа. Дмитріевъ хотѣлъ настоять на этомъ въ пріѣздъ Двора въ Москву. Разсказывалъ мнѣ любопытнѣйшія подробности о Карамзинѣ" [570]).

За свою диссертацію, Погодинъ удостоился получить и отъ Государственнаго Канцлера также нѣсколько лестныхъ строкъ. „Диссертація ваша обнаруживаетъ обширныя свѣдѣнія и способность большую къ критическимъ изслѣдованіямъ" [571]). Но онъ остался этими строками какъ бы недоволенъ, ибо въ *Дневникѣ* его читаемъ: „Отъ графа Румянцова получилъ за диссертацію спасибо *голодное*" [572]). Представитель тогдашней исторической критики, академикъ Кругъ, незнакомый еще съ Погодинымъ, остался очень доволенъ его диссертаціею и писалъ къ Френу:

„Благодарю Васъ за Погодина и посылаю ее назадъ, ибо, возвратившись вчера съ конференціи, я нашелъ назначенный для меня экземпляръ, который я съ удовольствіемъ прочелъ уже до половины. Такого критическаго ума и такого здраваго сужденія я еще не встрѣчалъ между молодыми Русскими. Исключая нѣкоторыхъ ошибокъ, я отнюдь не могъ отказать ему въ своемъ одобреніи, и очень желалъ бы имѣть такого адъюнкта. Сочинитель возбуждаетъ радостныя надежды для Русской Исторіи. Проницательный, изслѣдовательный умъ", и пр. [573]).

Этому отзыву не противорѣчилъ и Востоковъ, по крайней мѣрѣ, въ письмѣ его къ Калайдовичу, читаемъ: „Я еще не имѣлъ времени прочесть разсужденія г. Погодина, но сколько могъ замѣтить, пробѣгая оное мелькомъ, сочиненіе сіе писано со здравою историческою критикою, совсѣмъ не такъ, какъ нѣкоторыя статьи, обезображивающія важную часть Трудовъ нашего Общества Исторіи и Древностей" [574]). Ободренный успѣхомъ, Погодинъ задумалъ представить свою диссертацію, чрезъ П. П. Новосильцова, императрицѣ Маріи

Θеодоровнѣ. Мы не имѣемъ свѣдѣній, приведено ли это намѣреніе въ исполненіе; но знаемъ, что за представленіе диссертаціи императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, по ходатайству А. Θ. Малиновскаго и Н. М. Лонгинова, авторъ удостоился получить золотые часы, при слѣдующей бумагѣ отъ Лонгинова: „Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лонгиновъ, извѣщая магистра Московскаго Университета М. П. Погодина о всемилостивѣйшемъ принятіи государынею императрицею Елисаветою Алексѣевною, сочиненной имъ книги *О происхожденіи Руси* и о пожалованіи ему, въ знакъ высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія и вниманія къ трудамъ его, золотыхъ часовъ, даръ сей, по волѣ ея величества, при семъ препровождаетъ“ [575]).

По полученіи степени магистра Русской Исторіи, Погодинъ не особенно стремился занять каѳедру въ Университетѣ. „Мѣсто адъюнкта“, сознается онъ самъ, „я могу получить здѣсь, при маломъ стараніи. Но я буду плохой адъюнктъ. Онъ мечталъ даже опредѣлиться къ Московскому Главнокомандующему и сдѣлаться при немъ начальникомъ Статистическаго Отдѣленія. Желалъ также взять на себя должность правителя канцеляріи у Исторіографа и издавать полный index матеріаловъ для словаря“. Но любимою мечтою его въ то время было сдѣлаться учителемъ историческихъ наукъ великаго князя Александра Николаевича. Въ то же время онъ мечталъ объ учрежденіи училища, въ которомъ могъ бы воспитываться Великій Князь, Божіею милостію, будущій Императоръ „и всѣ магнаты“, и сознается что у него „мысли сверкаютъ прекрасныя. Дай Богъ только, чтобы они были сѣменами и дали мнѣ плодъ обильный. Отверзи очи мудрости“. Мечталъ онъ также и объ основаніи журнала, при содѣйствіи Шевырева, Раича и Оболенскаго. Замышлялъ издавать Письма Петра Великаго, насчетъ графа Румянцова, и разбирать Миллеровы портфели; сочинить жизнь Ломоносова, переводить Овидія, Шиллера, Вернера; учиться по-англійски, нѣмецки, французски, италіянски, и пр., и пр.,

и пр.“ Эти пожеланія Погодинъ заключаетъ слѣдующимъ: „А трагедіи. А учить Александра Николаевича“. Къ довершенію всего, давнишній доброжелатель его, Дружининъ, въ это время предлагалъ ему заняться разборомъ рукописей почтеннаго Зосимы. „Радъ“, замѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „еслибы найти Нестора древнѣйшій списокъ“ [576]).

Дневникъ Погодина знакомитъ насъ и съ сокровенными, такъ сказать келейными, мыслями будущаго профессора Исторіи. Посѣтивъ Успенскій Соборъ въ Недѣлю Православія (14 февр. 1825), онъ замѣчаетъ: „Былъ въ Соборѣ на проклятіи. Обрядъ торжественный, но несогласный съ духомъ христіанской религіи! Съ благоговѣніемъ произнесъ вѣчную память Петру Великому. Я назвалъ бы идеальную свою исторію: *Вѣчная Память*. Прекрасное, кажется, названіе“... Игнатій Лойола и Мартинъ Лютеръ также занимали мысли Погодина. „Лойола и Лютеръ“, пишетъ онъ, „суть противоположные полюсы. іезуитство есть такое же свободное созданіе духа. какъ и лютеранизмъ. Какъ Лютеръ думалъ, что человѣкъ долженъ имѣть полную свободу, такъ Лойола думалъ, что человѣкъ долженъ быть слѣпо покоренъ. Оба дѣйствовали по внутреннему убѣжденію, и только укрѣпились внѣшними причинами“. Чтеніе Гиббона навело его на слѣдующее размышленіе: „Періодъ времени отъ Августа до Ромула-Августа я почитаю болѣзнью Рима, которая довела его до гроба. Время Августа потому иные ставятъ высоко, что смотрятъ на оное какъ на вѣнецъ славнаго республиканскаго времени. Пусть лучше смотрятъ на оное какъ на начало послѣдующихъ ужасовъ. Искусство историка состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобъ онъ такъ умѣлъ представить подробности, чтобъ читатель внимательный могъ ихъ подводить подъ общіе виды“. Пріѣздъ въ Москву наслѣднаго принца Оранскаго, котораго Погодину довелось видѣть въ Странопріимномъ Домѣ Графа Шереметева, далъ поводъ ему отмѣтить въ *Дневникѣ*: „Голландія искони была убѣжищемъ всѣхъ свободномыслящихъ. Замѣтить въ Исторіи“. Любопытно также и слѣдующее за-

мѣчаніе: „Одно изъ примѣчательныхъ всемірныхъ произшествій есть то, что Англія получила владѣніе въ Германіи. Могъ ли бы Университетъ Геттингенскій писать такъ свободно, еслибы находился въ другомъ какомъ-либо государствѣ. Банкиры въ Европѣ составить могутъ государство особое, гирю новую на вѣсахъ. Вотъ еще явленіе, которое напрасно мы будемъ искать у древнихъ. Писатели составятъ еще силу въ Европѣ, особое государство... Осуждаютъ историки Карла Великаго, Владиміра I, что они раздѣлили свои владѣнія между сыновьями. Другими словами: зачѣмъ человѣкъ IX столѣтія не имѣлъ ума XVI столѣтія; зачѣмъ Карлъ Великій не носилъ очковъ". Россію Погодинъ сравнивалъ съ Сѣверною Сибирью, въ которой „оттаяла только поверхность, а внизу ледъ", а Русскихъ находилъ похожими „на овецъ, которые пойдутъ черезъ рѣку за козломъ"; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признавалъ, что Россія „есть такое цѣлое, которое все имѣетъ въ себѣ и можетъ довольствоваться своимъ оборотомъ". Наконецъ, у Погодина мы встрѣчаемся съ мыслями, далеко предварившими мысли графа Л. Н. Толстого, развиваемыя имъ въ наши дни. 26 ноября 1825 года, Погодинъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Исторія должна скоро перемѣнить лице свое. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше будетъ въ ней собственныхъ именъ, и наконецъ они исчезнутъ [577]).

Въ январѣ 1825 года, у Трубецкихъ совершилось важное семейное событіе, въ которомъ Погодинъ, въ качествѣ *добраго друга дома*, не могъ не принять участія. Старшій сынъ ихъ, князь Юрій Ивановичъ, женился на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской. За невѣстой давалось въ приданое пять тысячъ душъ. „Ихъ богатство", писалъ по этому поводу Погодинъ, „даже смѣшно. Что за вѣкъ! Съ пятью тысячами душъ идетъ за обезсиленнаго. По крайней мѣрѣ, добрый человѣкъ". 19 апрѣля того же года происходило ихъ бракосочетаніе. Погодинъ смотрѣлъ на свадьбу: „торжественно и нарядно", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* [578]).

Въ февралѣ 1825 года, пріѣхала въ Москву княгиня А. Н. Голицина. Мы уже знаемъ, что предметомъ сердечнаго

поклоненія Погодина въ это время была княжна Александра Трубецкая, а потому насъ не удивитъ слѣдующая его запись: „Пріѣхала княгиня Голицына. Не съ прежнею радостью я уже встрѣтилъ ее“. Но у Голициной въ это время жила или гостила Елизавета Ѳоминишна Вагнеръ, съ своею дочерью Елизаветою Васильевною. Сія послѣдняя и заполонила бѣдное сердце Погодина. „У меня было тепло на сердцѣ“, писалъ онъ, „когда я смотрѣлъ на Лизавету Васильевну. Но я не люблю еще ее, можетъ быть и не буду любить. Любовь еще снаружи, не извнутри. Но, можетъ быть, такъ она и должна начинаться. Такъ что жъ? Посмотримъ“. Княгиня Голицына, вѣроятно, замѣтивъ нѣжную страсть Погодина, спросила его: „Когда вы женитесь? Чрезъ годъ! Я буду матерью посаженою“. Вслѣдъ за описаніемъ этого разговора, онъ отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Шутилъ съ Лизаветою Васильевною. У нея характеръ мужественный. Остра“ [579]). Съ Голициной Погодину нерѣдко приходилось бесѣдовать о предметѣ своей новой страсти, и объ одномъ изъ этихъ разговоровъ онъ записалъ, что говорила „двусмысленно и умно“. Между тѣмъ, наступили Святые дни Страстной недѣли (23 — 28 марта 1825 г.), но Погодинъ не чувствовалъ расположенія говѣть, однако, послѣ рѣшился, и всѣ эти дни проводилъ у Трубецкихъ, слушая въ домовой церкви „обѣдни и заутрени“. Приступая къ Святому Причастію, онъ думалъ: „Понятно, очистить въ извѣстное время свою душу отъ всего зла, возвыситься до идеала, пріять въ себя Бога“ [580]).

Въ качествѣ надзирателя за дѣтьми княгини Голициной, въ ея квартирѣ жилъ товарищъ Погодина Мухинъ. Однажды онъ „не ночевалъ дома“, за что Княгиня рѣшилась ему отказать, и Погодинъ вызывался переѣхать и занять его мѣсто. Онъ намекалъ Княгинѣ о Кубаревѣ, „но она“, пишетъ Погодинъ, „хочетъ иностранца, и дурно сдѣлаетъ. Кубаревъ выручилъ бы, увѣренъ, меня и честь Русскихъ учителей“. Онъ указывалъ также Княгинѣ и на Рожалина; но на это она замѣтила: „Боюсь, что онъ также влюбится въ Лизавету

Васильевну. А почему же вы не боитесь за меня?“ сказалъ ей на это Погодинъ. Кончилось, однако, тѣмъ, что онъ самъ переѣхалъ на жительство къ княгинѣ Голициной, въ качествѣ надзирателя за ея дѣтьми, и прожилъ у нея до 28 мая 1825 г. Прощаніе обошлось не безъ слезъ: „Княгиня, всѣ дѣти, Лизавета Васильевна плакали очень“, пишетъ Погóдинъ, „прощаясь со мною, и я плакалъ. Пріятно заслужить такія слезы“ [581]).

Какъ учитель дочери Начальника Московскаго Архива Иностранной Коллегіи, А. Ѳ. Малиновскаго, Погодинъ былъ, что называется, своимъ человѣкомъ въ его домѣ; а это обстоятельство, помимо всего, другого способствовало сближенію его съ „архивными юношами“, служившими подъ начальствомъ Малиновскаго. Въ спискѣ этихъ „архивныхъ юношей“, составлявшихъ цвѣтъ тогдашняго Московскаго общества, мы встрѣчаемъ слѣдующія имена: братья Веневитиновы, братья Кирѣевскіе, Ѳ. С. Хомяковъ, Н. А. Мельгуновъ, С. А. Соболевскій, В. П. Титовъ, И. С. Мальцовъ, А. И. Кошелевъ, С. П. Шевыревъ и мн. др. „Служба наша“, свидѣтельствуетъ одинъ изъ этихъ юношей, а потомъ маститый старецъ, А. И. Кошелевъ, „главнѣйше заключалась въ разборѣ, чтеніи и описи древнихъ столбцевъ. Понятно, какъ такое занятіе было для нась мало завлекательно. Впрочемъ, Начальство было очень мило: оно и не требовало отъ насъ большой работы. Сперва, бесѣды стояли у насъ на первомъ планѣ; но затѣмъ мы вздумали писать сказки, такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми нами. Десять человѣкъ соединилось въ это общество, и мы положили писать каждому не болѣе двухъ страницъ и не разсказывать своего плана. Какъ между нами были люди даровитые, то эти сочиненія выходили очень забавными, и мы усердно являлись въ Архивъ въ положенные дни — по понедѣльникамъ и четвергамъ. Архивъ прослылъ сборищемъ блестящей Московской молодежи, и званіе архивнаго юноши сдѣлалось весьма почетнымъ, такъ что впослѣдствіи мы даже попали въ стихи начинавшаго

тогда входить въ большую славу А. С. Пушкина". Мы уже знаемъ, что всѣ эти юноши находились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ лекцій профессора Павлова, которыя возбудили въ тогдашнемъ поколѣніи Москвичей сочувствіе къ Философіи Германской, и въ Запискахъ А. И. Кошелева мы находимъ любопытныя свѣдѣнія объ Обществѣ Любомудрія. „Оно", пишетъ Кошелевъ, „собиралось тайно, и объ его существованіи мы никому не говорили. Членами его были: князь В. Ѳ. Одоевскій, И. В. Кирѣевскій, Д. В. Веневитиновъ, Рожалинъ и я. Тутъ господствовала Нѣмецкая Философія, т. е. Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Океиъ, Гёрресъ и др. Тутъ мы иногда читали наши философскія сочиненія; но всего чаще, и по большей части бесѣдовали о прочтенныхъ нами твореніяхъ Нѣмецкихъ любомудровъ. Мы собирались у князя Одоевскаго, въ домѣ Ланской (нынѣ Римскаго-Корсакова), въ Газетномъ переулкѣ. Онъ председательствовалъ, а Дмитрій Веневитиновъ всего болѣе говорилъ, и своими рѣчами часто приводилъ насъ въ восторгъ. Эти бесѣды продолжались до 14-го декабря 1825 года, когда мы сочли необходимымъ ихъ прекратить, какъ потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточивали на себѣ все наше вниманіе. Живо помню, какъ, послѣ этого несчастнаго числа, князь Одоевскій насъ созвалъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего Общества Любомудрія". По словамъ А. И. Кошелева, занятіе членовъ этого общества состояло преимущественно въ *изученіи Нѣмецкой Философіи, которая вполнѣ замѣняла молодымъ людямъ религію*. Политика примѣшалась въ ихъ задачи лишь впослѣдствіи, подъ вліяніемъ встрѣчъ съ нѣкоторыми изъ будущихъ декабристовъ, именно съ М. М. Нарышкинымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ, княземъ Е. П. Оболенскимъ, И. И. Пущинымъ и нѣкоторыми другими. Вечеръ у М. М. Нарышкина, въ февралѣ или мартѣ 1825 года, на которомъ Рылѣевъ читалъ свои *Думы*, и въ общемъ разговорѣ выражались рѣзкія и крайнія сужденія о тогдашнемъ

правительствѣ, произвелъ на 19-ти лѣтняго автора *Записокъ* самое сильное впечатлѣніе. Онъ тотчасъ поспѣшилъ подѣлиться имъ съ своими друзьями И. В. Кирѣевскимъ, Д. В. Веневитиновымъ и Рожалинымъ. Вслѣдствіе этого, Нѣмецкая Философія была оставлена въ пренебреженіи, молодые философы налегли на изученіе политическихъ писателей, и главнымъ предметомъ ихъ бесѣдъ сдѣлались событія внутренней политики Россіи" [582]). Но Погодинъ, несмотря на свое увлеченіе въ это время Философіею, держалъ себя нѣсколько въ сторонѣ отъ этого Общества и самъ сознавался, что „чувствуетъ систему Шеллингову, хотя и не понимаетъ ее" [583]). Съ Раичевскимъ же Обществомъ онъ не прерывалъ связи, и въ собраніяхъ его, отъ времени до времени, прочитывалъ свои статьи и переводы. Такъ, въ засѣданіи, бывшемъ 30 января 1825, по собственному выраженію его, „чортъ дернулъ прочесть Батте, и опозорился" [584]). Въ другомъ засѣданіи онъ прочелъ свой переводъ изъ Макіавеля [585]). Въ это же время Погодинъ началъ все болѣе и болѣе сближаться съ Дмитріемъ Владиміровичемъ Веневитиновымъ. „Говорилось хорошо", пишетъ онъ, „съ Веневитиновымъ о Шлегелѣ, о Философіи, о талантахъ Мерзлякова" [586]). Дружба его съ В. П. Титовымъ также закрѣплялась. На Троицынъ день (17 мая 1825) они были вмѣстѣ у обѣдни. Богослуженіе погрузило ихъ въ глубокое размышленіе и было поводомъ слѣдующей бесѣды между двумя мыслителями: „Титовъ", пишетъ Погодинъ, „обратилъ мое вниманіе на высокую молитву: *Царю небесный, утѣшителю, душе* (духъ) *истинный, который все собою наполняетъ, пріиди въ меня и очисти меня.* Слушающему мнѣ Евангеліе, нечаянно объяснилось мѣсто изъ Матѳія, котораго я не понималъ прежде: *вино новое должно вливать въ мѣхи новые*; ученіе новое не примется человѣкомъ, зараженнымъ предразсудками. Я сообщилъ это Титову, а онъ пересказалъ мнѣ вчерашнія его мысли о молитвѣ: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ.* Боже — Богъ-Отецъ, крѣпкій — Сынъ воплотившійся, безсмертный — Духъ.

Вздумалось мнѣ еще у обѣдни, что всю Исторію рода человѣческаго можно представить въ трагедіяхъ, изъ коихъ каждая представлять будетъ въ дѣйствіи какой-либо моментъ, эпоху въ человѣческомъ образованіи — Исторіи. Предпріятіе всемірное, безсмертное! — Зарождайся же во мнѣ огонь! Титовъ однажды замѣтилъ мнѣ, что въ *Вѣрую* члены о Богѣ пропѣты съ благоговѣніемъ, о воскресеніи Сына — съ торжествомъ. Какъ прекрасно расположены молитвы въ нынѣшней Службѣ. Сперва молитвы смиренныя о ниспосланіи Св. Духа, потомъ, въ заключеніе, — благодарственные. Давали ли сочинители сихъ молитвъ такой смыслъ, какой могутъ дать имъ нынѣшніе философы? Не безусловно ли (безъ сознанія) у нихъ вылились онѣ? Необходимо нужна книга, описывающая наше Богослуженіе. Масоны, кажется, знаютъ много хорошаго объ этомъ. Говорилъ съ Титовымъ о высокости Христіанскаго ученія. Говорилъ я ему также о планѣ моемъ представить новыя истины въ антитезахъ. Далъ ему участіе въ восторгѣ моемъ къ Шлецеру" [587]). На другой день послѣ Духова Дня, члены Раичевскаго Общества предприняли прогулку въ Архангельское. „Послѣ скучныхъ и досадныхъ хлопотъ", пишетъ Погодинъ, „отправились въ Архангельское: я, Раичъ, Оболенскій, Титовъ и Шевыревъ. Дорогою много забавлялись, ходили по саду, поужинали". На другой день (мая 20), Погодинъ „съ удовольствіемъ смотрѣлъ на кипарисы" и говорилъ о Байронѣ. Обозрѣвали Галлерею, которая не произвела на него ожидаемаго дѣйствія. Въ библіотекѣ князя Юсупова Погодина поразило отсутствіе Жуковскаго и др. „Ему еще не докладывали о нихъ", сказалъ Оболенскій. Послѣ веселаго завтрака, друзья вернулись въ Москву [588]).

Каждое лѣто, А. Ѳ. Малиновскій имѣлъ обыкновеніе отдыхать отъ своихъ трудовъ въ своей Подмосковной, Луневѣ. Погодинъ получилъ приглашеніе провести съ ними мѣсяцъ въ деревнѣ. 30 мая 1825 года, онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Лунево. Время, проведенное здѣсь, произвело на

него отрадное впечатлѣніе. „Малиновскіе такъ ласкають меня“, писалъ онъ, „что я не знаю, какъ отблагодарить ихъ. Гулялъ. Читалъ Виргилія. Мать природа! Какъ хорошо, какъ пріятно“. Самъ хозяинъ былъ для Погодина неисчерпаемымъ источникомъ, такъ сказать, живымъ Русскимъ архивомъ, изъ котораго молодой магистръ Русской Исторіи почерпалъ достовѣрныя свѣдѣнія о текущей и минувшей Исторіи нашего Отечества. „Почерпаю прекрасныя свѣдѣнія изъ разговоровъ съ А. Ѳ. Малиновскимъ достопочтеннымъ. Какъ сыръ въ маслѣ, катаюсь въ рѣчахъ Алексѣя Ѳедоровича, котораго уважаю болѣе и болѣе. Примѣчательное записываю въ особую тетрадь“. Въ Луневѣ Погодинъ не оставлялъ своихъ занятій. Вмѣстѣ съ ученицею своею, Екатериною Алексѣевною Малиновскою, онъ переводилъ Всеобщую Исторію для дѣтей, Шлецера. Тамъ же, онъ сидѣлъ и надъ переводомъ Неймана, и съ большимъ удовольствіемъ думалъ „о своихъ трудахъ, и о хозяйствѣ и объ отдохновеніи съ Елизою“. Въ то же время, у него явилась мысль сдѣлать, съ П. М. Строевымъ, географическо-историческое описаніе Русскихъ княженій. Между тѣмъ, знакомая уже намъ Елиза, „изъ русой косы“ которой, какъ мы уже знаемъ, „упала искра на сердце“ Погодина, „ни по утру, ни въ вечеру“ не выходила изъ головы его. Прогулки въ Луневѣ доставляли ему особенную пріятность. „Гуляю“, писалъ онъ, „съ большимъ удовольствіемъ, слушаю пѣніе птицъ и мечтаю о будущей жизни“. Онъ любилъ въ рощѣ читать Виргилія, думать о трудахъ своихъ и мечтать объ Елизѣ „Гуляемъ“, мечталъ онъ, „съ Елизою по утру, пьемъ кофе въ рощѣ“. „Мнѣ кажется“, продолжаетъ онъ, „что это моя половина, хотя я еще не чувствую рѣшительной склонности. Судьба моя скоро рѣшится. Хочется мнѣ попутешествовать, но она теперь цвѣтетъ. Нельзя ли съ нею?“

12 іюня 1825 года, Погодинъ разстался съ прекраснымъ уединеніемъ Малиновскихъ и черезъ Москву отправился въ Знаменское [589]). Въ Москвѣ пробылъ нѣсколько дней, и 17

іюня отправился на Троицкое подворіе, чтобы представиться архіепископу Филарету; но къ величайшему своему сожалѣнію, не засталъ его дома, и только познакомился съ его секретаремъ [590]).

Въ это время, на мѣсто князя А. П. Оболенскаго, попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа назначенъ былъ генералъ-маіоръ А. А. Писаревъ. По поводу этого назначенія, Погодинъ отмѣтилъ въ *Дневникѣ:* „Вотъ тебѣ разъ! Мнѣ не хуже можетъ быть, и добро сдѣлаетъ Университету; но жаль, что будетъ слушать какого нибудь С.“ [591]).

19 іюня 1825 года мы видимъ Погодина въ Знаменскомъ, дающимъ урокъ своей богинѣ, княжнѣ Александрѣ Трубецкой. Вотъ какую запись объ этомъ урокѣ мы находимъ въ *Дневникѣ*: „Давалъ урокъ Княжнѣ, которая была послѣ ванны съ распущенною косою, и у меня затеплилось сердце, загорѣлось, особенно при нѣкоторыхъ движеніяхъ. У Елизы такая же русая коса“. За обѣдомъ, Погодину пришло въ голову написать повѣсть *Русая Коса.* Черезъ недѣлю, повѣсть была готова, и Погодинъ остался очень доволенъ нѣкоторыми ея мѣстами. „Не пойду ли я“, замѣчаетъ онъ, „по одной дорогѣ съ Карамзинымъ въ литературѣ“ [592]). Въ этой повѣсти Погодинъ изобразилъ себя подъ именемъ Минскаго, княжну Александру Ивановну Трубецкую подъ именемъ графини О., а Елизавету Васильевну Вагнеръ подъ именемъ Маріи. Княжна Александра Трубецкая изображена въ такихъ чертахъ: „Она живетъ, кажется, въ мірѣ внѣшнемъ; кажется, сама есть прелестное явленіе изъ внѣшняго міра, рѣзвится, веселится, всѣмъ играетъ, надо всѣмъ смѣется, вездѣ находитъ сторону вещественную, хотя и облагораживаетъ ее. Ни что не останавливаетъ ея вниманія на долго; своенравная, она летаетъ отъ одного предмета къ другому, безпрестанно противорѣчитъ себѣ и другимъ; не плѣняетъ, но завоевываетъ и бросаетъ свои завоеванія; на нее нельзя не радоваться, но нельзя и не сердиться. Это какая-то легкая поэзія“. Повѣсть начинается слѣдующею сценою: „Что съ тобою сдѣлалось

товарищъ?“ спросилъ молодой Д., вошедъ въ комнату пріятеля своего, Минскаго. „Давнымъ давно ты ни къ кому изъ насъ не являешься. Іенскія ученыя вѣдомости лежатъ у тебя на столѣ не разрѣзанныя, и даже... любезный твой Несторъ,—вотъ онъ,—покрытъ новою пылью, сверхъ собственной древней!“ Ты все шутишь Александръ! мнѣ не до шутокъ.

„О чемъ же грустишь ты, смѣю спросить? Отъ чего въ тебѣ такая перемѣна?

О какой перемѣнѣ говоришь ты?.. Давно ли я видѣлся со всѣми вами, говорилъ о литературныхъ новостяхъ, спорилъ...

„Поздравляю... ты, вѣрно, съ древнимъ монахомъ заслушался какой-нибудь райской птички... Да не спугнулъ ли ее?... Знаешь ли, что со времени твоего затворничества вышелъ новый томъ исторіи Карамзина, Жуковскій перевелъ еще Байронову поэму... Словомъ, ты цѣлую недѣлю сидишь дома“.

И это можетъ быть. Я погруженъ въ созерцаніе...

„Но и прежде ты погружался въ созерцаніе; однакожъ, товарищи имѣли удовольствіе принимать въ немъ участіе... Перестань вертѣться... Смѣлѣе, смѣлѣе, ну—выговори“!

Я... влю... нѣтъ, мнѣ кажется теперь, что я могу... Что можно влюбляться.

„Браво! браво! Такъ я и предполагалъ. Ну, что, философъ, гдѣ твоя философія?... Кому же міръ конечный одолженъ за возвращеніе любезныхъ правъ своихъ“?

Русой косѣ!

„Русой косѣ! Я горю любопытствомъ... Разскажи мнѣ свое похожденіе“.

И Минскій сталъ разсказывать своему пріятелю, что нандняхъ онъ приходитъ къ графинѣ О. съ *Чернецомъ* Козлова. „Въ передней комнатѣ, на ея половинѣ, говорятъ мнѣ, что Графиня недавно вышла изъ ванны и принять меня, вѣроятно, не можетъ. Я воротился было назадъ, какъ вдругъ раздался голосъ изъ кабинета: „что́ вамъ угодно, Н. П. Здравствуйте!“

Я принесъ къ вамъ литературную новость и очень пріятную. „Ахъ, подите, подите сюда поскорѣе, прочтемте вмѣстѣ“... Я вошелъ... Графиня стояла еще передъ зеркаломъ, въ голубомъ ситцевомъ капотѣ... Подлѣ горничная... Вытертые, но еще не высохнувшіе волосы спускались со всѣхъ сторонъ длинными, густыми кистями... Ахъ, Александръ, она была очаровательна... Я весь трепеталъ... Я возвратился домой, и съ тѣхъ поръ не выхожу со двора. Въ первый разъ говорю только... Но я чувствую, мнѣ теперь лучше... Черезъ недѣлю, веселый Д. является къ своему другу и находитъ его совершенно въ другомъ положеніи. На столѣ лежитъ десятокъ квартантовъ, одиннадцать томовъ Исторіи Карамзина, изслѣдованія Калайдовича, Строева, Шлецера, корректуры, тетради. Минскій разсматривалъ внимательно какую-то древнюю рукопись и не примѣтилъ вошедшаго.

„Съ выздоровленіемъ, съ выздоровленіемъ, закричалъ Д., захохотавъ изо всей силы... Позволь прежде узнать отъ тебя, какъ развивается любезная наша *русая коса*“?... Теперь я любуюсь на нее издали и безопасно.

Прошло нѣсколько времени. Минскій, по прежнему, продолжалъ ревностно заниматься науками, съ тою только разницею, что подъ-часъ голова его наполнялась другими видѣніями. Часто, въ сумерки, на зарѣ, мысли его рѣзвились съ удовольствіемъ около какихъ-то живыхъ идеаловъ. Иногда представлялъ онъ себѣ *ножки*, которыя приводятъ нашего Пушкина въ такое смущеніе, иногда эфирный станъ, иногда, и всего чаще, *русую косу*... Но доскажемъ поскорѣе, какъ сбылись темныя предчувствія Минскаго.

По какимъ-то обстоятельствамъ, пришлось Минскому прожить нѣсколько времени въ домѣ г-жи *С.* *). У сей госпожи воспитывалась дочь дальней ея родственницы, дѣвушка въ семнадцать лѣтъ, бѣлокурая, высокая ростомъ, прекрасная лицемъ, прекрасная душею. Въ первое уже свиданіе изъ *русой косы* ея упала искра на сердце Минскаго, и онъ ее

*) Княгиня А. Н. Голицына.

почувствовалъ, хотя и не обратилъ на то особеннаго вниманія. Марія... была очень хорошо образована. Дѣло кончилось тѣмъ, что Минскій женился на Маріи".

Въ заключеніе этой своей повѣсти, Погодинъ написалъ: „Молодые люди! Опасенъ огонь, опасна вода, но *русая коса* всего опаснѣе. Молодые люди, молодые люди! Остерегайтесь *русой косы*".

„А вы, прелестницы, вы должны... но коварная улыбка является на лицѣ вашемъ; вы уже, кажется, грозите мнѣ, мстительныя, за ненужной совѣтъ мой... Страшусь вашего гнѣва и кладу печать молчанія на дерзкія уста свои" [593]).

Окончивъ одну повѣсть, Погодинъ принялся за другую, подъ заглавіемъ: *Какъ аукнется, такъ и откликнется*, и радовался многими мѣстами ея, по словамъ самого его, „очень удачными", и „съ удовольствіемъ читалъ ее княжнѣ Александрѣ Трубецкой [594]). Въ этой повѣсти, вообще довольно незанимательной, мы, между прочимъ, читаемъ: „Ахъ, друзья мои, танцы ужасное изобрѣтеніе, ужасное, говорю я, хотя и благодарю мудрую судьбу, что она не выучила меня танцовать. Я дрожалъ бывало на стулѣ, какъ на электрическихъ креслахъ, смотря издали на кружившихся дѣвушекъ. Какъ онѣ мило устаютъ, какъ онѣ мило отдыхаютъ!"... Повѣсть свою онъ заключаетъ преподаніемъ слѣдующей морали: „Зачѣмъ забывать, что истинное счастіе вкушается только въ семейственной жизни, что его должно искать не въ мазуркахъ, не въ вальсахъ, не на вечерахъ, но въ глубинѣ своей души, своего сердца" [595]). Въ Знаменскомъ же Погодинъ началъ и окончилъ свою повѣсть *Нищій* [596]). Здѣсь же онъ задумалъ написать повѣсть, подъ заглавіемъ *Барскія милости*, и, по поводу этого намѣренія своего, замѣчаетъ: „Нынче новый штатъ для боярскихъ домовъ и положено имѣть Русскаго учителя, у котораго можно спросить за обѣдомъ, въ какой губерніи Суздаль, и пр." [597]). Острота со стороны Погодина, по меньшей мѣрѣ, неумѣстная, ибо мы хорошо знакомы съ тѣмъ почетнымъ положеніемъ, которое занималъ

Русскій учитель въ боярскомъ домѣ Трубецкихъ. Здѣсь мы находимъ не лишнимъ привести слѣдующую запись Погодина изъ *Дневника* его: „человѣкъ низкаго состоянія, въ какомъ либо отношеніи близкій къ человѣку высшаго состоянія, поневолѣ долженъ брать тонъ надменный, боясь унизиться" [598]).

Лѣтомъ 1825 года, пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ Ѳ. И. Тютчевъ. Погодинъ увидѣлся съ нимъ въ Знаменскомъ, и, какъ видно, пріѣзжій пріятель произвелъ на него непріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, вотъ что́ мы читаемъ въ *Дневникѣ*: „Говорилъ съ Тютчевымъ объ иностранной литературѣ, о политикѣ, объ образѣ жизни тамошнемъ. Мечетъ словами, хотя и видно, что тамъ не слишкомъ много занимался дѣломъ. Онъ пахнетъ Дворомъ. Отпустилъ мнѣ много остротъ. Въ Россіи канцеляріи и казармы. Все движется около кнута и чина". При этомъ Погодину не понравилось „кокетство" княгини А. Н. Голицыной, которой, какъ ему было извѣстно, Тютчевъ не нравился, а она говорила съ нимъ безпрестанно. Но все это не помѣшало Погодину навѣщать Тютчева въ Троицкомъ и бесѣдовать съ нимъ о Байронѣ, „о бѣдности нашей въ мысляхъ" и о другихъ матеріяхъ важныхъ. Впрочемъ, и при этомъ Погодинъ замѣчаетъ: „говорилъ съ Тютчевымъ, съ которымъ мнѣ не говорится", и тутъ же прибавляетъ: „остро сравнивалъ Тютчевъ нашихъ ученыхъ съ дикими, кои бросаются на вещи, выброшенныя къ нимъ кораблекрушеніемъ" [599]).

Совсѣмъ иное впечатлѣніе своими бесѣдами производилъ на Погодина, гостившій также въ Знаменскомъ, П. П. Новосильцовъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ ему слѣдующій анекдотъ о Наполеонѣ: когда Балашовъ былъ у него въ Вильнѣ, онъ, говоря съ нимъ, ходилъ по комнатѣ. Форточка растворилась; Наполеонъ подошелъ и притворилъ ее, и началъ ходить по-прежнему; форточка чрезъ нѣсколько времени растворилась опять. Наполеонъ отбилъ ее совсѣмъ отъ оконницы, бросилъ въ отверстіе, и сталъ ходить по-прежнему" [600]).

Въ началѣ сентября 1825 года, Трубецкіе поѣхали въ Ростовъ, на богомолье [601]), и во время ихъ отсутствія, Погодинъ, живя въ Москвѣ, намѣревался съѣздить въ Лунево, ибо еще въ іюлѣ, А. Ѳ. Малиновскій писалъ ему: „Скажите намъ о своемъ здоровьѣ, любезный Михаилъ Петровичъ. Мы очень желаемъ видѣть васъ“ [602]). Но эта поѣздка не состоялась, и онъ принужденъ былъ кочевать по Москвѣ, „иногда съ большимъ неудовольствіемъ у Кубарева и у дяди“ [603]). По возвращеніи Трубецкихъ изъ Ростова, и Погодинъ вернулся въ Знаменское. Здѣсь онъ узналъ двѣ новости: что княгиня А. Н. Голицына выходитъ замужъ за Левашова и что Пушкинъ пишетъ *Бориса Годунова*. По поводу первой, Погодинъ таинственно замѣтилъ: „Вотъ тебѣ cousin! Радъ, наконецъ она отдохнетъ“; а по поводу второй, непонятно замѣтилъ: „мнѣ какъ будто это противъ было“ [604]).

Наканунѣ Покрова, Погодинъ съ грустью отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Оставляемъ Знаменское, въ которомъ я живу и выгодно, и счастливо“ [605]).

XXIX.

Первые дни, по возвращеніи изъ Знаменскаго въ Москву, Погодинъ провелъ самымъ скучнымъ образомъ. Комнаты его передѣлывались, и онъ принужденъ былъ шататься. „Гдѣ ночь, гдѣ день“, писалъ онъ, „первые пять у князя Н. И. Трубецкого. По вечерамъ, былъ у Княженъ и пріятно проводилъ съ ними время“ [606]). Но вскорѣ все устроилось и пошло своимъ порядкомъ.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ, по предложенію М. Т. Каченовскаго, былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и уже въ Засѣданіи Общества, 23 февраля 1825 г., которое посѣтили Московскій Главнокомандующій, князь Д. В. Голицынъ и И. И. Дмитріевъ, Погодинъ, въ присутствіи сихъ са-

новниковъ, прочелъ *Объясненіе* двухъ мѣстъ Несторовой Лѣтописи, и по поводу этого чтенія въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтилъ: „Читалъ сухое разсужденіе о Несторѣ". Тѣмъ не менѣе, познакомимся хоть съ содержаніемъ этого чтенія. Въ описаніи земель, доставшихся тремъ сынамъ Ноя, Несторъ, исчисливъ земли Іафетовы, по Византійскимъ писателямъ, прибавляетъ отъ себя: „Въ Аѳетовѣ же части сидятъ Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома. Весь, Мордва Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Земѣгола, Корсь, Лѣтьгола, Любь". Здѣсь Русь, по мнѣнію Погодина, употреблена въ смыслѣ собирательномъ, и стоитъ вмѣсто всѣхъ племенъ Словянскихъ, составившихъ Русское Государство.

„Въ лѣто *6360*, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская Земля".

Годъ въ семъ извѣстіи Нестора, по мнѣнію Погодина, относится не къ началу имени Русскаго, какъ нѣкоторые думали, а къ началу царствованія Михаила, и онъ предлагаетъ переводъ этихъ словъ такимъ образомъ: „При Михаилѣ, начавшемъ царствовать въ лѣто *852* (6360) началось, имя Руской Земли". По окончаніи засѣданія, къ Погодину подошелъ И. И. Дмитріевъ и сказалъ ему „нѣсколько учтивостей". Въ засѣданіи 15 апрѣля 1825, Погодинъ предложилъ объ изданіи на Русскомъ языкѣ главныхъ изысканій, сдѣланныхъ иностранцами по части Русской Исторіи, преимущественно древней, и о переводѣ, на первый разъ, Байера, Еверса, и Общество опредѣлило переводъ Еверса поручить самому же Погодину. Такъ какъ Погодинъ, по указанію Каченовскаго, давно уже занимался Еверсомъ, то не удивительно, что черезъ мѣсяцъ послѣ предложенія, онъ уже представилъ въ Общество готовый переводъ Еверсовыхъ предварительныхъ изысканій, относящихся къ древней Россійской Исторіи. Общество опредѣлило напечатать этотъ переводъ „подъ цензурою И. И. Давыдова [607]). Въ концѣ года, переводъ вышелъ въ свѣтъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Еверса для Россійской*

Исторіи. Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ двухъ книгахъ. М. 1825. Цензорская помѣтка И. И. Давыдова 23 ноября 1825. Переводчикъ посвятилъ свой трудъ „Его Превосходительству, Милостивому Государю Александру Александровичу Писареву, Президенту Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ знакъ искренней благодарности". Въ октябрѣ 1825 года, Полевой читалъ въ Общеетвѣ объ именахъ лицъ, встрѣчающихся въ договорахъ Игоря и Олега. „Я вспомнилъ", писалъ по поводу этого чтенія Погодинъ, „что сказалъ Полевому, мѣсяца четыре тому назадъ, мысль свою о нихъ, и предупредилъ Каченовскаго, подлѣ меня сидѣвшаго". Какъ только Полевой началъ читать, его прерываетъ Погодинъ и начинаетъ говорить, что онъ воспользовался его мыслію, стоившею ему многихъ наблюденій, и что онъ напишетъ самъ объ этомъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Полевой запирался и смутился; наконецъ, даже сказалъ, что уничтожаетъ свою статью, однако, предсѣдатель Писаревъ и ректоръ Антонскій его удержали, а П. М. Строевъ примирилъ ихъ [8]).

Въ томъ же засѣданіи, извѣстный П. П. Свиньинъ читалъ обозрѣніе своего путешествія по Россіи, и предложилъ въ почетные члены Общества княгиню З. А. Волконскую, князя Н. Б. Юсупова и графа Ѳ. В. Ростопчина. Свиньинъ произвелъ на Погодина самое пріятное впечатлѣніе. „Этотъ человѣкъ", писалъ Погодинъ, „достоинъ всякаго почтенія за собраніе богатыхъ свѣдѣній о Россіи". Погодинъ выпросилъ у него альбомъ, чтобы показать его Трубецкимъ [609]). Любопытно, что Свиньинъ, въ своихъ *Отечественныхъ Запискахъ*, напечаталъ статью о знаменитомъ Грузинѣ, въ которой довольно безцеремонно отзывался о Римѣ, Аѳинахъ. Это дало поводъ князю П. А. Вяземскому написать на Свиньина эпиграмму, которою очень восхищался Пушкинъ:

Что пользы, говоритъ разсчетливый Свиньинъ,
Намъ кланяться развалинамъ безплоднымъ
Пальмиры древней, иль Аѳинъ?
Нѣтъ, лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ.

Тамъ, кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.
Оставимъ славы дымъ поэтамъ сумасброднымъ:
Я не поэтъ, а дворянинъ [610]).

Погодинъ старался привлечь въ Общество Исторіи и Древностей своего друга Кубарева; но эта попытка была неудачна и вызвала слѣдующую замѣтку его въ *Дневникѣ:* „Какой слабый характеръ у Кубарева. Боится вступить теперь въ Общество, потому что Антонскій смотритъ на оное косо“ [611]).

Недовольствуясь существовавшими въ Москвѣ Обществами, въ которыхъ Погодинъ принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, онъ учредилъ, подъ предсѣдательствомъ Мерзлякова, Общество Переводчиковъ, и 25 октября 1825 года было собраніе у Мерзлякова [612]). Въ бумагахъ Погодина сохранился листокъ, собственноручно имъ писанный, изъ котораго мы почерпаемъ свѣдѣнія о задачахъ этого Общества: „1825 года, ноября 11 дня, гг. студенты: Артемовъ, Леопольдовъ, Штейнъ и Бюргеръ, кандидаты: Рожалинъ, Зиновьевъ, Лихонинъ, Кольчугинъ, Максимовичъ, Данилевскій и магистръ Погодинъ, собравшись у г. профессора Россійской Словесности Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова, изъявили предъ нимъ желаніе составить Общество для перевода книгъ съ языковъ иностранныхъ, и просили его представить начертанный ими планъ онаго начальству, для утвержденія. Планъ сей состоитъ въ слѣдующемъ: По причинѣ недостатка въ книгахъ классическихъ на Русскомъ языкѣ по всѣмъ наукамъ, учреждается, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Общество для перевода оныхъ съ языковъ иностранныхъ. Общество сіе состоитъ изъ гг. студентовъ, кандидатовъ и магистровъ университетскихъ, въ вѣдѣніи г. профессора Россійской Словесности. Каждый членъ Общества обязанъ избрать книгу, сообразную съ цѣлью Общества, и принять переводъ оной на себя, по одобреніи всѣми членами Общества и утвержденіи начальствомъ. Общество имѣетъ ежемѣсячныя собранія, въ продолженіе коихъ члены читаютъ отрывки изъ своихъ переводовъ и чрезъ своего секретаря представляютъ обстоятельное

объ оныхъ извѣстіе г. профессору. Собранія сіи присоединяются къ чтеніямъ, имѣющимъ быть при Педагогическомъ Институтѣ. Книга, переводомъ конченная, представляется въ Общество, которое отдаетъ ее тремъ членамъ для просмотрѣнія, повѣрки и сообщенія своихъ замѣчаній, и по одобреніи, отдается г. профессору, для доставленія начальству.

Книги переведенныя печатаются на счетъ Университета, подъ надзоромъ переводчиковъ.

По отпечатаніи, переводчикъ получаетъ сто экземпляровъ книги, а остальные поступаютъ въ продажу по цѣнѣ, назначенной переводчикомъ и утвержденной начальствомъ.

По выручении употребленной Университетомъ на печатаніе суммы, остальные экземпляры обращаются въ пользу переводчика.

Общество составляется теперь изъ опредѣленнаго числа членовъ; впослѣдствіи будутъ приниматься въ члены по переводамъ, представленнымъ въ Общество и одобреннымъ онымъ.

Первоначальныя правила сіи имѣютъ быть исправлены и дополнены, по мѣрѣ потребностей, которыя усмотритъ Общество, начавъ свои дѣйствія.

Подлинное подписали: Кандидатъ Алексѣй Зиновьевъ, Кандидатъ Иванъ Данилевскій, Кандидатъ Петръ Кольчугинъ, Студентъ Андрей Бюргеръ, Студентъ Петръ Артемовъ, Студентъ Александръ Штейнъ, Магистръ Михаилъ Погодинъ, Андрей Леопольдовъ.

Кромѣ того, Погодинъ принималъ участіе въ учрежденіи и *Педагогическихъ Чтеній.* Свѣдѣнія о нихъ мы также почерпаемъ изъ одного сохранившагося въ его бумагахъ листика, писаннаго неизвѣстною намъ рукою, но съ поправками Мерзлякова. Наименованіе Погодина *магистромъ* даетъ намъ возможность съ вѣроятностью предполагать, что бумага эта писана въ 1825 году.

Педагогическія чтенія:

Въ силу Устава Императорскаго Московскаго Университета, имѣютъ быть собранія литературныя изъ магистровъ

и кандидатовъ всѣхъ отдѣленій. Главная цѣль занятій членовъ состоитъ въ такъ называемыхъ Педагогическихъ чтеніяхъ, т. е. въ пріуготовленіи молодыхъ людей изъяснять легко, ясно и удовлетворительно предметы изъ оной науки, которой каждый изъ нихъ себя преимущественно посвятилъ. Для сего будутъ приглашаемы гг. профессоры той части, по которой читаютъ разсужденія, дабы такимъ образомъ давать настоящее и правильное направленіе занятіямъ молодыхъ людей, которые готовятъ себя къ высшимъ должностямъ по Университету. Общество сіе состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ директора Педагогическаго Института, ординарнаго профессора Мерзлякова. *Для сей цѣли* первоначально постановить слѣдующія правила: 1) Собранія дѣлятся на частныя и общія. Первыя назначаются для предварительнаго прочтенія тѣхъ пьесъ, которыя будутъ читаны во второмъ. 2) День собранія того и другого назначается директоромъ Общества. Положено каждый мѣсяцъ собираться одинъ разъ. 3) Дабы доставлять болѣе разнообразія общимъ собраніямъ, предположено читать стихотворенія, повѣсти и другія пьесы, въ которыя менѣе входятъ ученыя изслѣдованія. Пьесы сіи могутъ быть доставляемы студентами всѣхъ отдѣленій въ приготовительное собраніе, и будутъ читаны въ общемъ, если будутъ признаны стоющими вниманія въ какомъ бы то ни было отношеніи *). Въ концѣ этой бумаги, рукою Погодина написаны члены Педагогическихъ Чтеній: Магистры: Гавриловъ, Коцауровъ, Щедритскій, Погодинъ, Васильевъ. Кандидаты: Григоровичъ, Жодейко, Максимовичъ, Кольчугинъ, Генриховъ, Розбергъ, Рожалинъ, Лихонинъ, Зерновъ, Петрашкевичъ, Будревичъ, Ежевскій.

Возбужденный примѣромъ *Полярной Звѣзды*, произведшей движеніе въ литературѣ, Погодинъ, въ 1825 году, рѣшился издать альманахъ *Уранію*. Это предпріятіе приблизило его къ князю Вяземскому, къ которому онъ въ это время обратился съ просьбою написать о немъ Пушкину. Исполняя

*) Курсивъ означаетъ поправки, сдѣланныя рукою Мерзлякова.

желаніе Погодина, князь Вяземскій писалъ Пушкину: „Здѣсь есть Погодинъ университетскій и, повидимому, *хорошихъ правилъ*: онъ издаетъ альманахъ въ Москвѣ на будущій годъ и проситъ у тебя Христа ради. Дай ему что нибудь изъ *Онѣгина*, или что нибудь изъ мелочей" [613]). Погодинъ горѣлъ нетерпѣніемъ получить отвѣтъ Пушкина, а потому неоднократно заходилъ къ князю Вяземскому справляться объ этомъ. У князя Вяземскаго онъ встрѣтился съ Д. В. Давыдовымъ, съ которымъ, какъ мы уже знаемъ, впервые познакомился въ домѣ Всеволожскихъ, и остался очень доволенъ тѣмъ, что Давыдовъ ласково съ нимъ обошелся [614]). Наконецъ, князь Вяземскій получаетъ отвѣтъ Пушкина, но содержаніе его было таково, что его неудобно было показывать Погодину. Пушкинъ изъ своего Михайловскаго (3 дек. 1825) писалъ князю Вяземскому: „Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшія" [615]). Князь Вяземскій выбралъ для *Ураніи* слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Мадригалъ* (Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати), *Движеніе* (Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ), *Совѣтъ* (Повѣрь: когда и мухъ, и комаровъ), *Соловей и Кукушка*, *Дружба* (Что дружба?..). Съ своей же стороны, князь Вяземскій внесъ въ *Уранію* свое прекрасное *посланіе Д. В. Давыдову*. Желая привлечь Востокова къ участію въ *Ураніи*, Погодинъ писалъ ему: „Ободренный вашею благосклонностію, я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: мнѣ думается издать альманахъ на 1826 годъ, въ коемъ всѣ здѣшніе литераторы принимаютъ участіе. Не украсите-ли вы оный какою нибудь вашею піесою? [616]). Но Востоковъ отвѣтилъ: „Я бы за великую честь себѣ поставилъ видѣть какую нибудь піесу мою въ альманахѣ, который вы издавать намѣрены: но теперь у меня ничего нѣтъ готоваго. Я совсѣмъ отсталъ отъ поэзіи, погрузясь въ бездну филологіи. Послѣдніе стихи, мною писанные, суть переводы нѣкоторыхъ Сербскихъ пѣсенъ (собранія Вука Сте-

фановича), коими я занимался по просьбѣ барона Дельвига, помѣстившаго ихъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* [617]). Болѣе посчастливилось Погодину у Капнистовъ, и, изъ Обуховки, Семенъ Васильевичъ Капнистъ писалъ Погодину: „Братъ мой сообщилъ мнѣ письмо ваше, въ которомъ вы изъявляете желаніе имѣть, для помѣщенія въ Альманахѣ вашемъ, статью сочиненія покойнаго батюшки. Съ удовольствіемъ исполняю желаніе ваше, препровождая при семъ его стихи. Пріятно мнѣ имѣть новое доказательство, что есть люди, которые дорожатъ именемъ отца моего“ [618]). У И. И. Дмитріева Погодинъ встрѣтился съ Баратынскимъ и выпросилъ у него нѣсколько стихотвореній [619]). Въ *Ураніи* мы встрѣчаемъ также стихотворенія несчастнаго Полежаева, который посѣщалъ иногда Погодина, и студента Ротчева. Кромѣ того, въ этомъ альманахѣ мы находимъ драгоцѣнное письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщенное Погодину Петромъ Александровичемъ Мухановымъ, любопытнѣйшую статью П. М. Строева: *Отечественная Старина.* Самъ Погодинъ помѣстилъ двѣ повѣсти: *Нищій* и *Какъ аукнется, такъ и откликнется*, написанныя имъ, какъ намъ уже извѣстно, въ Знаменскомъ. Шевыревъ, принявшій въ изданіи *Ураніи* самое живое и непосредственное участіе, помѣстилъ въ ней нѣсколько переводовъ изъ Шиллера и Гёте и свое примѣчательное стихотвореніе *Я есмь*, которое обратило на него вниманіе Пушкина и Баратынскаго [620]). Не окончивъ печатанія *Ураніи*, Погодинъ, какъ мы увидимъ, уѣхалъ въ Петербургъ, „мечтая зашибить на ней тысячъ пять“. Шевыревъ принялъ на себя окончаніе изданія, которое, украшенное произведеніями князя Вяземскаго, Пушкина, Баратынскаго, Веневитинова, Тютчева, Мерзлякова, Строева и др., вышло въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Уранія, карманная книжка на 1826 годъ для любительницъ и любителей Русской Словесности. Изданная М. Погодинымъ. Москва. Въ Типографіи Селивановскаго.* За труды свои по изданію этого альманаха, Погодинъ имѣлъ утѣшеніе получить отъ друга Пушкина, барона Дельвига, слѣдующее письмо:

„Уважая и любя васъ за литературные труды ваши, я не зналъ ни вашего имени, ни мѣста жительства. Позвольте поблагодарить васъ за пріятное товарищество на поприщѣ альманаховъ. *Уранія* меня обрадовала одна въ этомъ году, прочіе соперники наши лучше бы сдѣлали, если бы не родились. Вы мнѣ давно знакомы и не по однимъ ученымъ, истинно критическимъ историческимъ трудамъ, но и какъ поэта знаю и люблю васъ“ [621]).

XXX.

Явившаяся въ ноябрѣ 1825 года комета была знаменіемъ не на добро. „Всѣ Москвитяне“, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „смотрѣли на нее, и думали „не перемѣнится ли что̀ нибудь въ Царѣ“; но въ Москвѣ все было тихо [622]). Между тѣмъ, извѣстія о болѣзни императора Александра I приводили въ уныніе вѣрноподданныхъ. 27 ноября, когда Государь уже скончался, въ Москвѣ было извѣстіе успокоительное; но то былъ послѣдній лучъ угасающей надежды. На другой день, 27 ноября, „пришелъ къ Архіепископу Московскому одинъ знакомый для слушанія всенощнаго бдѣнія, и на вопросъ, что̀ онъ печаленъ, отвѣчалъ; развѣ вы не знаете? уже съ утра нынѣшняго дня извѣстно, что мы лишились Государя. Когда Архіепископъ опомнился отъ перваго пораженія печалію: ему показалось страннымъ, что онъ долго оставленъ въ неизвѣстности со стороны Генералъ-Губернатора, которому должна быть извѣстна не только важность, но и затруднительность открывающихся обстоятельствъ. Въ слѣдующее утро, 29-го дня, Архіепископъ, пригласивъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Сергія Михаиловича Голицына, пріѣхалъ съ нимъ къ Генералъ-Губернатору для совѣщанія. Архіепископъ изложилъ свои мысли о затруднительности настоящихъ обстоятельствъ. цесаревичъ Константинъ Павловичъ написалъ къ императору Александру Павловичу письмо о

своемъ отреченіи отъ наслѣдованія престола, въ началѣ 1822 года; до половины 1823 года, не было по сему составлено Императорскаго акта. Послѣдовавшее составленіе и храненіе акта о назначеніи на престолъ великаго князя Николая Павловича произошло въ глубокой тайнѣ. Посему можетъ случиться, что Цесаревичъ не знаетъ о существованіи сего акта и намѣреніе свое почитаетъ не получившимъ утвержденія; что посему онъ можетъ быть убѣжденъ къ принятію престола, и что мы можемъ получить изъ Варшавы манифестъ о вступленіи на престолъ Константина Павловича, прежде, нежели успѣемъ получить изъ Петербурга манифестъ о вступленіи на престолъ Николая Павловича. При семъ оказалось, что Генералъ-Губернаторъ не зналъ о существованіи новаго акта въ Успенскомъ Соборѣ, и онъ изъявилъ было желаніе идти туда, чтобы въ семъ удостовѣриться. На сіе Архіепископъ не согласился, представляя, что изъ сего возникнуть могутъ молвы, какихъ нельзя предвидѣть, и даже клевета, будто теперь что̀-то подложено къ государственнымъ актамъ, или положенное подмѣнено. Въ заключеніе сего совѣщанія, положено, чтобы, въ томъ случаѣ, есть ли бы полученъ былъ манифестъ изъ Варшавы, не объявлять о немъ и не приступать ни къ какому дѣйствію по оному, въ ожиданіи манифеста изъ Петербурга, который укажетъ истиннаго Императора“ [623]). Погодинъ узналъ объ этомъ прискорбномъ событіи на другой день, т. е. 29 ноября, за обѣдомъ у Малиновскаго. „Ахъ Боже мой!“, пишетъ онъ, „меня ошеломило. Малиновскій въ большомъ смущеніи“ [624]). Зайдя къ Мерзлякову, Погодинъ засталъ его въ глубокой горести. „Онъ“, пишетъ Погодинъ, „искренно сожалѣетъ о Государѣ. Александръ, сказалъ онъ, первый началъ уступать права свои народу, любилъ просвѣщеніе“. Но Погодинъ по поводу этого замѣчаетъ: „Объ уступкѣ мудрено сказать: какъ жалъ онъ Испанцевъ, Неаполитанцевъ, Богъ знаетъ, какая была у него система. Всѣ, съ кѣмъ встрѣчался, сожалѣли очень много. Селивановскій разливался слезами и многіе дру-

гіе. Сожалѣніе общее. Ропотъ умолкнулъ. Смерть миритъ всѣхъ“ [625]). „Мы не имѣли времени“, писалъ Карамзинъ Дмитріеву, „приготовиться къ удару: изумились, и хотѣли бы плакать еще болѣе, нежели плачемъ, еслибы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру. Онъ еще дѣйствуетъ на мою судьбу земную: его Мать добродѣтельная, Братъ, Великія княгини вѣрятъ моей искренней, чистой къ нему любви, и видятъ меня, чтобы плакать вмѣстѣ. Союзъ печали имѣетъ свою сладость. Объ императрицѣ Елисаветѣ едва смѣю думать“ [626]). „Общая горесть наша“, пишетъ онъ же Малиновскому, „велика. Царствованіе Александра было и славно, и милостиво, а въ сердцѣ его что̀-то ангельское. Договоръ нашъ не исполнился: давъ мнѣ слово быть покровителемъ моихъ дѣтей послѣ моей смерти, онъ предупредилъ ее своею безвременною кончиною.—Одно въ Петербургѣ и въ Москвѣ: слезы искреннія. Петербургъ удивительно тихъ“ [627]). Но эта тишина была передъ жестокою бурею. О происходящемъ въ это время въ Москвѣ мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство самого архіепископа Филарета, который, какъ свѣтильникъ, освѣщаетъ эти мрачныя страницы нашей Исторіи. 29 ноября 1825 года, Московскій Главнокомандующій получилъ изъ Петербурга отъ графа Милорадовича письмо, въ которомъ объявлялось, что въ Петербургѣ принесена присяга вѣрности императору Константину Павловичу, что первый присягнулъ великій князь Николай Павловичъ, что непремѣнная воля Великаго Князя есть, чтобы и въ Москвѣ была принесена также присяга, и чтобы не была открываема бумага, какая есть въ Успенскомъ Соборѣ. Когда Главнокомандующій пріѣхалъ съ этимъ письмомъ къ Филарету, для совѣщанія, то Архіепископъ представилъ на сіе, что объявленіе графа Милорадовича не можетъ быть принято какъ оффиціальное въ дѣлѣ толикой важности. Но Генералъ-Губернаторъ находилъ, что когда присяга принесена уже въ Петербургѣ, отлагать оную въ Москвѣ было бы неблаговидно и, можетъ быть, неблаго-

пріятно для общественнаго спокойствія. Архіепископъ продолжалъ представлять, что въ основаніе государственной присяги, въ церкви нуженъ государственный актъ, безъ котораго, и также при неимѣніи указа отъ Святѣйшаго Сѵнода, неудобно на сіе рѣшиться духовному начальству. Генералъ-Губернаторъ сказалъ, что онъ уже видѣлся съ оберъ-прокуроромъ общаго собранія Сената, княземъ Гагаринымъ, и что сей обѣщалъ созвать сенаторовъ въ чрезвычайное собраніе; что, впрочемъ, естьли они не рѣшатся ни на какое дѣйствіе, то онъ полагаетъ привести къ присягѣ, по крайней мѣрѣ, губернскіе чины. На сіе Архіепископъ возразилъ, что было бы не только далеко отъ точности оффиціальной, но и неблаговидно, и сомнительно для народа, естьли бы присягала Губернія, а Сенатъ не присягалъ. Наконецъ, когда Генералъ-губернаторъ требовалъ, чтобы присяга была, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, естьли Сенатъ постановитъ о семъ опредѣленіе и оно прочитано будетъ въ Успенскомъ Соборѣ, Архіепископъ не нашелъ возможнымъ отказаться отъ сего и принять на свою отвѣтственность послѣдствія сего отказа. „Нельзя быть одному императору въ Москвѣ, а другому въ Петербургѣ“ [628]).

Въ то самое время, когда въ Москвѣ шли эти переговоры между Главнокомандующимъ и Архіепископомъ, С.-Петербургъ, а съ нимъ и всю Россію, посѣтило бѣдствіе, объ отвращеніи и этаго бѣдствія Церковь наша, въ своихъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, ежедневно молитъ Бога. „19 ноября“, повѣствуетъ князь П. А. Вяземскій, „отозвалось грозно въ смутахъ *14 декабря*. Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха, кроваво имъ ознаменованная, была страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давнопрошедшихъ“. Исторіографъ же нашъ писалъ къ своему другу И. И. Дмитріеву: „*14 декабря* я былъ во Дворцѣ съ дочерьми, выходилъ и на Исаакіевскую площадь, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова, и камней пять-шесть упало къ моимъ ногамъ. Новый Императоръ оказалъ неустрашимость и

твердость. Первые два выстрѣла разсѣяли безумцевъ съ *Полярною Звѣздою*, Бестужевымъ, Рылѣевымъ и достойными ихъ клевретами. Милая жена моя, нездоровая, прискакала къ намъ во Дворецъ около семи часовъ вечера. Я, мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крестъ, ни митрополитъ не дѣйствовали. Какъ скоро грянула первая пушка, императрица Александра Ѳеодоровна упала на колѣни и подняла руки къ небу. Она нѣсколько разъ говорила: „для чего я женщина въ эту минуту!“ Добродѣтельная императрица Марія повторяла: „что скажетъ Европа!“ Я случился подлѣ нихъ; чувствовалъ живо, сильно, но самъ дивился спокойствію моей души странной; опасность подъ носомъ уже для меня не опасность, а рокъ, и не смущаетъ сердца; смотришь ей прямо въ глаза съ какою-то тишиною. Въ большой залѣ Дворца толпа знати часъ отъ часу рѣдѣла; однакожъ все было тихо и пристойно. Молодыя женщины не изъявляли трусости. Въ общемъ движеніи, къ сторонѣ, неподвижно сидѣли три магната: князь Лопухинъ, графъ Аракчеевъ и князь А. Б. Куракинъ, какъ три монумента! Въ седьмомъ часу пѣли молебенъ; въ осьмомъ стали всѣ разъѣзжаться. Войско ночевало, среди огней, вокругъ Дворца. Въ полночь я съ тремя сыновьями ходилъ уже по тихимъ улицамъ, но въ 11 часовъ утра, 15 декабря, видѣлъ еще толпы черни на Невскомъ проспектѣ. Скоро все успокоилось, и войско отпустили въ казармы. Теперь ждемъ вѣстей отъ васъ; надѣюсь, хорошихъ. Вотъ нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ либералистовъ! Дай Богъ, чтобы истинныхъ злодѣевъ нашлось между ними не такъ много! Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурею: да будетъ такъ и въ новомъ царствованіи! Константинъ прославился на-вѣки великодушнымъ отреченіемъ; да будетъ славенъ Николай I между вѣнценосцами, благотворителями Россіи! Въ моихъ глазахъ, Онъ перекрестился и подписалъ манифестъ ввечеру 13 декабря, не безъ предчувствія, чему надлежало случиться. Этотъ

манифестъ сочиненъ имъ самимъ, а написанъ для печати Сперанскимъ (равно какъ и вторый о ковѣ злодѣйскомъ). Я только зритель, но усталъ душею: каково же Государю? Онъ уменъ, твердъ, исполненъ добрыхъ намѣреній; призываемъ на него благословеніе Божіе. Мать, Супруга, Братъ умиляютъ меня своими чувствами. Мои писали къ любезному князю Петру Андреевичу *). Скажи ему (если увидишь его), что я цѣлую его нѣжно и буду писать послѣ. Будь здоровъ, милый другъ! Авось, скоро возвращусь къ своей музѣ-старухѣ!“ [629]). Въ Москвѣ долго не знали о постигшемъ Петербургъ бѣдствіи. „Дни, протекшіе“, повѣствуетъ Филаретъ, „между 30 ноября и 15 декабря 1825 года, конечно ни для кого въ Москвѣ не были такъ тяжки, какъ для архіепископа, которому выпалъ странный жребій быть хранителемъ свѣтильника подъ спудомъ; за то, наконецъ, ему прежде другихъ показался открывающійся свѣтъ. Съ 16 на 17 декабря, вскорѣ послѣ полуночи, онъ разбужденъ былъ священникомъ Троицкой церкви, что близъ Сухаревой башни, пришедшимъ просить разрѣшенія, находящуюся на Сухаревой башнѣ, вѣдомства Морского Министерства команду привести къ присягѣ на вѣрность государю императору Николаю Павловичу. На какомъ основаніи? — спросилъ архіепископъ. Священникъ отвѣчалъ, что у начальника есть печатный манифестъ. Странно было начать провозглашеніе Императора съ Сухаревой башни, особенно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, при обуреваніи умовъ народа разными неблагопріятными и прекословными молвами, но и остановить сіе, значило бы произвесть неблагопріятное впечатлѣніе. Посему архіепископъ, не произнося рѣшенія, и выигрывая время, потребовалъ, чтобы ему для удостовѣренія показанъ былъ манифестъ; и въ то же время послалъ письмо къ Генералъ-Губернатору, спрашивая, не получилъ ли онъ манифеста, и прося его совѣта. Когда принесенъ былъ печатный манифестъ о возшествіи на престолъ Всероссійскій государя императора Николая Павловича, и приложенія къ нему, архіепископъ,

*) Вяземскому.

увлеченный тѣмъ, что дѣло, наконецъ, вышло на чистую дорогу, тотчасъ разрѣшилъ священнику приведеніе къ присягѣ; но вслѣдъ за тѣмъ получилъ отъ Генералъ-Губернатора отвѣтъ, что онъ манифеста не получалъ и что, по его мнѣнію, ничего не должно дѣлать по требованію начальствующаго на Сухаревой башнѣ". Между тѣмъ, присяга на Сухаревой башнѣ была совершена. Утромъ, 17-го дня, Генералъ-Губернаторъ получилъ собственноручный рескриптъ императора Николая Павловича о возшествіи его на Всероссійскій престолъ; но не было получено ни въ Сенатѣ высочайшаго манифеста, ни по духовному вѣдомству сѵнодскаго указа о присягѣ на вѣрноподданство. Новое затрудненіе, потому что Высочайшаго рескрипта нельзя было объявить Сенату, между прочимъ, потому, что въ немъ заключались не подлежавшія, при торжественномъ случаѣ, оглашенію упоминанія о происшествіи 14-го декабря и о судьбѣ графа Милорадовича, „которому, какъ бы за то, что спѣшилъ объявить Москвѣ не существовавшаго императора, не суждено жить при истинномъ императорѣ". Затрудненіе разрѣшилось вечеромъ того же дня полученіемъ Высочайшаго манифеста и прибытіемъ, по Высочайшему повелѣнію, генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, для присутствованія при открытіи копіи манифеста и подлиннаго отреченія Цесаревича, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ. Дабы, послѣ бывшей погрѣшительной присяги, народъ лучше понялъ настоящее дѣло, Архіепископъ просилъ Генералъ-Губернатора въ продолженіе ночи напечатать и доставить потребное число экземпляровъ Высочайшаго манифеста и приложеній къ нему, чтобы они 18-го дня могли быть прочитаны предъ присягою во всѣхъ церквахъ столицы. Сіе исполнено было въ точности. 18-го дня, предъ полуднемъ, по собраніи въ большомъ Успенскомъ соборѣ Правительствующаго Сената, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, Архіепископъ Московскій, въ полномъ облаченіи, въ предшествіи прочаго духовенства вышелъ изъ алтаря, неся надъ головою серебряный ковчегъ, въ которомъ хранятся государственные акты, остановился предъ приготовленнымъ на

предалтарномъ амвонѣ облаченнымъ столомъ, и, имѣя предъ собою ковчегъ, произнесъ:

„Внимайте, Россіяне!

Третій годъ, какъ въ семъ святомъ и освящающемъ царей храмѣ, въ семъ ковчегѣ, который вы видите, хранится великая воля Благословеннаго Александра, назначенная быть послѣднею его волею. Ему благоугодно было закрыть ее покровомъ тайны, и хранители не смѣли прежде времени коснуться сего покрова. Прошла послѣдняя минута Александра; настало время искать его послѣдней воли, но мы долго не знали, что настало сіе время. Внезапно узнаемъ, что Николай, съ наслѣдованною отъ Александра кротостію и смиреніемъ, возводитъ старѣйшаго брата; и въ то же время повелѣваетъ положить новый покровъ тайны на хартію Александра. Что намъ было дѣлать? Можно было предугадывать, какую тайну заключаетъ въ себѣ хартія, присоединенная къ прежнимъ хартіямъ о наслѣдованіи престола. Но нельзя было неусмотрѣть и того, что открыть сію тайну въ то время, значило бы раздрать на двое сердце каждаго россіянина. Что же намъ было дѣлать! Ты видишь, благословенная душа, что мы не были невѣрны тебѣ; но вѣрности нашей не оставалось иного дѣла, какъ стеречь сокровище, которое не время было провозгласить. Надлежало въ семъ ковчегѣ, какъ бы во гробѣ, оставить царственную тайну погребенною и небесамъ предоставить минуту воскресенія. Царь Царствующихъ послалъ сію минуту. Теперь ничто не препятствуетъ намъ сокрушить сію печать, раскрыть сей государственную жизнь сокрывающій гробъ. Великая воля Александра воскреснетъ. Россіяне! Двадцать пять лѣтъ мы находили свое счастіе въ исполненіи державной воли Александра Благословеннаго. Еще разъ вы ее услышите, исполните и найдете въ ней свое счастіе“ [630]).

Умирающій Ростопчинъ, когда узналъ о Петербургскомъ событіи 14 декабря, сказалъ: „обыкновенно сапожники дѣлаютъ

революцію, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками“ [631]).

XXXI.

Въ декабрѣ 1825 года, Погодинъ, ничего не зная о происшедшемъ въ Петербургѣ, собрался ѣхать туда. Къ этому представился и благопріятный случай. Товарищу его, Н. А. Загряжскому, понадобилось ѣхать въ Петербургъ и онъ предложилъ ему сопутствовать. Замѣчательно, что Петръ Александровичъ Мухановъ, узнавъ о намѣреніи Погодина ѣхать въ Петербургъ, посовѣтовалъ ему не сближаться съ Петербургскими литераторами. Въ то же время Мухановъ спросилъ его: „когда вы отправляетесь?“ Въ среду, отвѣчалъ Погодинъ. „Такъ я привезу письмо къ Рылѣеву, и попрошу васъ доставить ему“. Къ счастію Погодина, случилось, что онъ выѣхалъ раньше назначеннаго времени, и письмо не было ему отдано. День отъѣзда былъ назначенъ 17 декабря, именно наканунѣ того дня, когда происходило въ Успенскомъ Соборѣ описанное нами торжество. Въ день отъѣзда, какъ это обыкновенно бываетъ, Погодинъ „скакалъ по всему городу за фраками, часами, отпускомъ, который на-силу далъ Антонскій, съ позволенія Попечителя добраго. Пріятно прощался съ Трубецкими“, и въ тотъ же день узналъ, что „Константинъ отказался, а Николай вступаетъ“. Наконецъ, въ полночь друзья наши выѣхали изъ Москвы [632]). Дорогою они услышали о возмущеніи, въ которомъ убитъ генералъ-губернаторъ Милорадовичъ и еще нѣсколько генераловъ. „Ого!“, восклицаетъ Погодинъ, „ѣхать страшно“. Въ такомъ настроеніи, Погодинъ со своимъ товарищемъ, 20 декабря, пріѣхалъ въ Новгородъ [633]). Въ этомъ городѣ стоялъ съ своимъ полкомъ старшій братъ Загряжскаго, у котораго они и остановились. Продолжать путешествіе было нельзя, и они должны были прожить здѣсь нѣсколько дней. Ту же участь раздѣлилъ съ ними и

И. И. Давыдовъ, ѣхавшій также въ Петербургъ. Древній Великій Новгородъ произвелъ на Погодина удручающее впечатлѣніе. „Боже мой!“, восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „до какого плачевнаго состоянія дожилъ Новгородъ. Мароа! Мароа! Еслибы ты взглянула на него теперь! Сердце у меня замирало, когда я смотрѣлъ на развалившіяся хижины, обрушенныя калитки. Сряду двухъ домовъ нѣтъ цѣлыхъ. Славянская улица вся состоитъ изъ однихъ ветхихъ заборовъ. Три четверти города должны упасть, кажется, скоро. Самые жители кажутся какими-то заѣзжими. Осталось имя только, и жаль, что оно осталось. Видъ съ моста на стѣну прекрасный! Широкій Волховъ съ монастырями по берегамъ. Краска слѣзла съ нѣкоторыхъ кирпичей и вся стѣна сдѣлалась пестрою. Это придаетъ ей видъ какого-то древняго величія. Вотъ и Святая Софія, за которую бились Новгородцы. На Торговой сторонѣ, куда стекались богатства Европы, двѣ три телѣги. Былъ предъ домомъ Мароы посадницы. Очень малъ, но древность несомнѣнна!“ Живя въ Новгородѣ среди военныхъ, онъ замѣтилъ: „какую пустую жизнь ведутъ офицеры“ [634]). Наконецъ, Погодинъ и Загряжскій отправились въ Петербургъ. Тамъ они остановились у родственника Загряжскаго Василія Николаевича Семенова *). Каждый вечеръ къ нимъ приходилъ родственникъ Семеновыхъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ и разсказывалъ имъ о послѣднихъ событіяхъ, о своихъ дѣйствіяхъ, объ извѣстномъ письмѣ своемъ къ Государю. Ростовцовъ былъ веселъ, много шутилъ и часто напѣвалъ:

«Ѣхала, ѣхала, почтовая карета,
Не было, не было въ ней свѣта».

Ростовцовъ казался тогда Погодину „человѣкомъ добрымъ и благонамѣреннымъ“. Между тѣмъ, слухи ходили страшные. Аресты продолжались. Но когда Погодинъ узналъ, что „любезный ему“, Петръ Александровичъ Мухановъ

*) Родной дядя почтенныхъ сенаторовъ Николая и Петра Петровичей Семеновыхъ и Наталіи Петровны Гротъ.

взятъ былъ въ Москвѣ, то на него напалъ страхъ, какъ бы не случилось чего и съ нимъ за повѣсть его *Нищій*, помѣщенной въ *Ураніи*, въ которой Погодинъ старался изобразить „злоупотребленіе крѣпостнаго права". Боялся онъ также и за свою *Уранію*, „чтобы не увидѣли здѣсь согласія съ образомъ мыслей заговорщиковъ и не притянули бы къ допросамъ"; но случившійся въ это время въ Петербургѣ Ѳ. И. Тютчевъ „старался ободрять" своего товарища. Впрочемъ, страхъ Погодина былъ совершенно напрасный. Напротивъ того, пріѣздъ его въ Петербургъ былъ такъ счастливъ, что онъ успѣлъ увидѣть Карамзина лицемъ къ лицу и „получить его благословеніе". На другой день Рождества, Погодинъ отправился къ Карамзину „безъ всякаго явственнаго, какъ замѣчаетъ онъ, чувства, хотя нѣсколько лѣтъ спалъ и видѣлъ о томъ". Вотъ какъ описалъ самъ онъ это посѣщеніе. „Вошелъ на дворъ, принадлежащій къ дому купца Межуева, на Фонтанкѣ,—мнѣ сказали, что Карамзинъ живетъ на другомъ дворѣ, въ верхнемъ этажѣ; я туда, взглянулъ кверху—и сердце у меня забилось: вотъ, гдѣ пишетъ онъ Русскую Исторію! Служитель сказалъ, что Николай Михайловичъ пошелъ прогуливаться и будетъ дома черезъ часъ. Черезъ часъ пришелъ я опять, но онъ еще не возвращался. Я остановился на улицѣ дожидаться; черезъ нѣсколько минутъ, вижу — вдали идетъ по тротуару кто-то въ синей бикешѣ, нѣсколько сгорбленный, похожій, судя по портрету, на Карамзина. Я отошелъ на другую сторону, высматривая, куда онъ пойдетъ. Онъ поворачиваетъ на лѣстницу въ домъ Межуева. Это Карамзинъ! Я переждалъ десять минутъ, и потихоньку, дрожа всѣмъ тѣломъ, взошелъ по лѣстницѣ. Обо мнѣ доложили,—приглашаютъ взойти. Катерина Андреевна, окруженная тремя маленькими сыновьями и двумя молодыми дочерьми, сидѣла за чаемъ около большого круглаго стола. Она пригласила меня сѣсть, и начала спрашивать о Москвѣ, о присягѣ въ Москвѣ, о дорогѣ и проч. Входитъ Николай Михайловичъ.

Честь имѣю представиться вашему превосходительству... Магистръ Московскаго Университета, Погодинъ.

„Отъ васъ имѣлъ я удовольствіе получить книгу?“

— Отъ меня.

„Прошу васъ садиться. Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Давно ли вы пріѣхали въ Петербургъ?“

— Третьяго дня.

„Я очень радъ видѣть васъ такъ молодымъ: вы успѣете сдѣлать много полезнаго къ чести Русской, будете ли писать Исторію, или ограничитесь изысканіями. Пройдя всю эту длинную дорогу, я видѣлъ многое, направо и налѣво, требующее изысканій и поясненій, но долженъ былъ оставлять до времени. Который вамъ годъ?“

— Двадцать пять лѣтъ.

„Такъ вы очень моложавы: по виду вамъ осьмнадцать лѣтъ“.

Между тѣмъ, я представилъ ему двѣ книги, мною переведенныя: о Кириллѣ и Меѳодіѣ, Добровскаго, и Эверсовы изысканія.

Онъ развернулъ сперва первую.

„Это вашъ переводъ?“

Съ моими примѣчаніями и дополненіями.

„Нашъ Канцлеръ очень боленъ“, сказалъ онъ, увидя на заглавномъ листѣ гербъ графа Румянцева.

“А это Эверсъ? Какъ не стыдно Историческому Обществу издавать Эверса? Вотъ то-то, что у насъ вездѣ есть имена, а нѣтъ вещей. Я уважаю Эверса, его познанія; но не понимаю, какимъ образомъ можно намъ повторять его нелѣпое мнѣніе, къ поддержанію котораго онъ клонитъ свою книгу. Это ошибка противъ вкуса“.

Я сидѣлъ какъ на иглахъ, ибо я предложилъ, я и перевелъ Эверса.

Общество имѣло другую цѣль, сказалъ я, оно хотѣло сдѣлать гласною книгу, на которую у насъ опираются многіе, и

и представить, такимъ образомъ, во-очію нелѣпость мнѣнія Эверсова, мною разобраннаго.

„Кто же эти многіе?—Ихъ нѣтъ. По моему, если есть какая-либо историческая истина, такъ такою должно почитать Скандинавское происхожденіе Руссовъ. Это такъ вѣрно, какъ былъ Сципіонъ и проч. Несторъ говорилъ съ правнуками основателей“.

Такъ точно я и старался доказывать въ моемъ разсужденіи.

„Скажите, чѣмъ занимается Московское Общество?“

Члены обрабатываютъ избранные ими предметы. Между прочимъ, Общество намѣревалось издавать лѣтописи, и начать съ Псковской, но до сихъ поръ не могли отыскать списка, принадлежавшаго графу Толстому, для варіантовъ.

„Куда же онъ дѣвался? То же случилось и съ Волынскою лѣтописью: графъ Румянцовъ хотѣлъ ее издать, лѣтъ тому назадъ шесть, я отдалъ ему два списка, одинъ свой, подаренный мнѣ покойнымъ Полторацкимъ, другой, также почти свой, найденный мною въ дефектахъ академическихъ. Для того-то и приводилъ я въ примѣчаніяхъ всѣ важныя мѣста изъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, сгорѣлъ Троицкій списокъ, и сохранился отчасти въ моихъ извлеченіяхъ“.

Карамзинъ говорилъ очень раздраженнымъ тономъ о происшествіи 14 декабря, которое только-что предъ тѣмъ случилось, бранилъ предводителей: „каковы преобразователи Россіи: Рылѣевъ, Корниловичъ, который переписывался съ памятью Петра Великаго!“ Это относится къ посвященію Корниловичемъ его альманаха *Русская Старина*, памяти Петра Великаго.

Карамзинъ спросилъ меня еще о попечителѣ, князѣ А. П. Оболенскомъ, и пригласилъ къ себѣ обѣдать на-дняхъ.

Обѣдалъ я вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Мы пришли, одинъ послѣ другого, прежде, нежели возвратился Николай Михайловичъ съ прогулки, и насъ приняла Катерина Андреевна.

Какъ только воротился Николай Михайловичъ, такъ и

сѣли за столъ. Кромѣ семейства, былъ еще молодой французъ, учитель, вступавшійся въ разговоръ.

Помнится мнѣ еще отзывъ Карамзина о недавней рѣчи Шишкова, въ которой тотъ отозвался, кажется, невыгодно о распространеніи грамотности: „Вотъ у насъ какой министръ! Противъ грамотности! Да и кто же можетъ быть министромъ просвѣщенія! Развѣ Аполлонъ". Потомъ выразилъ свое удивленіе Николай Михайловичъ о какомъ-то господинѣ, встрѣченномъ имъ, въ лентахъ и звѣздахъ: „А кто онъ такой? Никто не знаетъ. И откуда являются такіе выходцы, за какіе подвиги получаютъ они награды!"

Карамзинъ приглашалъ меня бывать у него чаще, сказавъ, что онъ по вечерамъ свободенъ, читая съ дочерьми Вальтеръ-Скотта. Но я собирался уже возвращаться въ Москву, да и боялся, по своей застѣнчивости, этого высокаго общества".

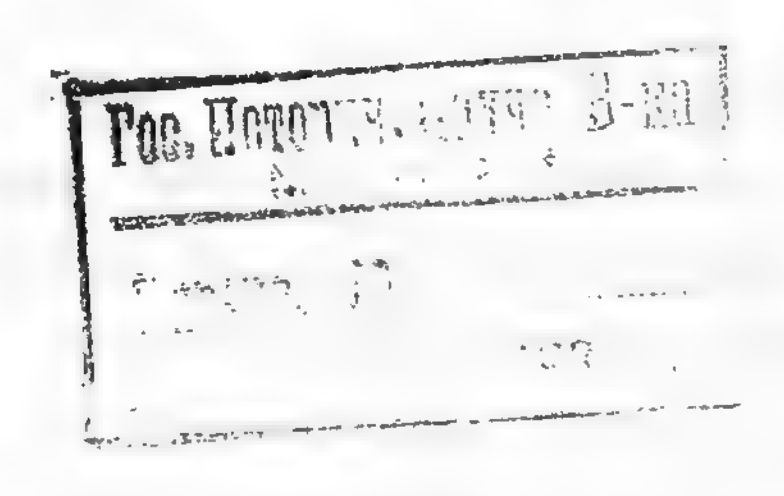
Погодинъ произвелъ на Карамзина пріятное впечатлѣніе. Вотъ что, много лѣтъ спустя послѣ этого свиданія и когда Карамзина давно уже не было въ живыхъ, писалъ ему приближенный къ исторіографу, К. С. Сербиновичъ (отъ 2 января 1835 года), прося о наставникѣ для молодыхъ Карамзиныхъ: „Вѣрю, что вы душевно желаете услужить памяти отца ихъ, который цѣнилъ васъ, говоря, послѣ свиданія съ вами, что находитъ въ васъ болѣе усердія къ Исторіи и способностей къ критикѣ, нежели въ комъ другомъ изъ своихъ тогдашнихъ молодыхъ знакомыхъ. Надѣюсь, что вамъ пріятно будетъ услышать эти слова, пересказанныя мнѣ семействомъ его". Въ 1845 году, старшій сынъ Карамзина, Андрей Николаевичъ, въ Симбирскѣ, подтвердилъ Погодину этотъ драгоцѣнный для него отзывъ, служившій ему подкрѣпленіемъ „на стропотныхъ путяхъ его литературнаго и ученаго поприща" [635]). Въ это же время пріѣхалъ въ Петербургъ и П. М. Строевъ, для личныхъ переговоровъ съ графомъ Ѳ. А. Толстымъ по дѣламъ его библіотеки [636]). Строевъ имѣлъ счастіе пользоваться особою благосклонностью митрополита Кіев-

скаго Евгенія, засѣдавшаго въ то время въ Св. Сунодѣ. Митрополитъ, узнавъ о пребываніи Погодина въ Петербургѣ, поручилъ Строеву привезти его къ нему, и 12 января 1826 г., Погодинъ получилъ отъ Строева слѣдующую записку: „Весьма желательно было мнѣ видѣть васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ; притомъ есть еще порученіе отъ митрополита Евгенія привезти васъ къ нему. Премного обяжете, если пожалуете ко мнѣ сего вечера или завтра, до 10 съ половиною часовъ. Я стою въ Стремянной улицѣ, за Аничковымъ мостомъ, на Казачьемъ подворьѣ, у смотрителя онаго. Вашъ Павелъ Строевъ". Этою запискою Погодинъ, разумѣется, воспользовался и представился Митрополиту. Булгаринъ также отозвался Погодину, но довольно высокомѣрно; по крайней мѣрѣ, вотъ что́ мы читаемъ въ запискѣ его къ нему: „Извѣстившись отъ книгопродавца Смирдина о вашемъ прибытіи въ С.-Петербургъ, я вознамѣрился тотчасъ просить васъ пожаловать ко мнѣ, какъ для переговоровъ въ разсужденіи публикацій вашего альманаха, такъ и по другимъ дѣламъ. Если вы имѣете съ собою какія либо историческія рукописи, то, пожалуйста, привезите ко мнѣ, хоть на показъ: мы можемъ сдѣлаться между собою. Какъ я теперь ужасно занятъ, по причинѣ отъѣзда нѣкоторыхъ моихъ сотрудниковъ, то не могу выѣзжать со двора, когда мнѣ угодно, а потому и прошу покорнѣйше пожаловать сегодня утромъ, до 11 часовъ" [637]). Не пропустилъ Погодина и извѣстный графъ Хвостовъ. Замѣтимъ кстати, что Карамзинъ питалъ нѣкое сочувствіе къ графу Хвостову. „Я смотрю съ умиленіемъ", писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву, „на графа Хвостова и на княгиню Прозоровскую: на перваго за его постоянную любовь къ стихотворству, на другую за такую же любовь ко Двору, ни мало не охлаждаемую преклонными лѣтами. Это рѣдко, и потому драгоцѣнно въ моихъ глазахъ. Смѣйся, если угодно: я уважаю Хвостова, и болѣе многихъ юныхъ стихотворцевъ, которыхъ имена вижу въ журналахъ, и которыхъ *также* не читаю; онъ дѣйствуетъ чѣмъ-то разительно на мою душу, чѣмъ-то

теплымъ и живымъ. Увижу, услышу, что Графъ еще пишетъ стихи, и говорю себѣ съ пріятнымъ чувствомъ: вотъ любовь, достойная таланта! Онъ заслуживаетъ имѣть его, если и не имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ написалъ я нѣкогда въ album своей ближней: „Желаю тебѣ быть достойною счастія еще болѣе, нежели быть счастливою“. Столько строкъ въ письмѣ къ другу посвятить размышленію о графѣ Хвостовѣ, не есть ли доказательство моего особеннаго къ нему уваженія—къ поэту, а не къ человѣку, ибо самъ ставитъ въ себѣ поэта гораздо выше человѣка?“ [638]). Графъ Хвостовъ, провѣдавъ, что Погодинъ, издатель альманаха, находится въ Петербургѣ, обратился къ нему съ слѣдующимъ посланіемъ: „Прошу почтеннаго Михаила Петровича Погодина повидаться съ нижеподписавшимся, который имѣетъ желаніе и нужду васъ видѣть. Онъ живетъ на Сергіевской улицѣ, въ собственномъ домѣ. Не откажите литератору дрѣвняго покроя утешить его вашимъ свиданіемъ, вы его, т. е. меня, много одолжите“ [639]). Въ это пребываніе свое въ Петербургѣ, Погодинъ познакомился и съ столпами Академіи Наукъ, Кругомъ и Френомъ, который подарилъ ему записку Круга съ отзывомъ объ его диссертаціи.

Наконецъ, откланявшись Карамзину и получивъ „отъ него благословеніе“, Погодинъ съ миромъ возвратился въ Москву.

КОНЕЦЪ КНИГИ ПЕРВОЙ.



1) Бантышъ Каменскій. *Біографіи Россійск. Генералиссим. и Генералъ-Фельдмаршаловъ.* Спб. 1840, II, 244—245.

2) Стр. 245—246.

3) Въ бумагахъ М. П. Погодина сохранился *Аттестатъ*, выданный отцу его графомъ П. И. Салтыковымъ, при увольненіи на волю. Изъ этого источника почерпнули мы свѣдѣнія о службѣ отца Погодина у Салтыковыхъ.

4) Бантышъ-Каменскій. *Біографіи*, II, 245.

5) *Бумаги о службѣ П. М. Погодина.*

6) *Русскій Архивъ.* 1878, I, 288.

7) *Автобіографическая Записка*, стр. 1—2.

8) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Изд. Графа С. Д. Шереметева. Спб. 1879, II, 337—339.

9) *Автобіогр. Зап.*, стр. 2—9.

10) *Полн. Собр. Сочин. Князя П. А. Вяземскаго*, II, 337.

11) *Автобіогр. Зап.*, стр. 2—9.

12) *Записки А. З. Зиновьева*, стр. 1 об.—2 об.

13) Лонгиновъ. *Новиковъ и Московскіе Мартинисты.* М. 1867, стр. 282.

14) *Біографіи и Характеристики.* Спб. 1882, стр. 234.

15) *Автобіогр. Зап.*, стр. 5—7, 9—11.

16) *Бумаги* о службѣ П. М. Погодина.

17) *Автобіогр. Зап.*, стр. 11—16.

18) *Бумаги* о службѣ П. М. Погодина.

19) *Автобіогр. Зап.*, стр. 16—17.

20) *Автобіогр. Зап.*, стр. 16—17.

21) *Бумаги* о службѣ П. М. Погодина.

22) *Дневникъ* М. П. Погодина. 1822, подъ 8 мая.

23) *Автобіогр. Зап.*, стр. 23—26. *Московскій Вѣстникъ.* 1827, № 24, стр. 488—492.

24) *Бумаги* о службѣ П. М. Погодина.

25) *Рѣчи*, произнесенныя М. П. Погодинымъ 1830—1872. М. 1872, стр. 175—177.

26) *Вѣстникъ Европы* 1868, IV, 605—630.

27) *Автобіогр. Зап.*, стр. 57.

28) *Записки А. З. Зиновьева*, л. 2 об.

29) *Вѣстникъ Европы.* 1868, IV, 605—630.

30) *Дневникъ*, I, 26. *Русскій Архивъ.* 1866, стр. 1766.

31) *Автобіогр. Зап.*, стр. 58—60.

32) *Біографическій Словарь Имп. Московск. Университета.* М. 1855, II, 237.

33) *Рѣчи*, стр. 308—313.

34) *Біографич. Слов.* II, 494.

35) *Дневникъ* 1821 г., подъ 15 декабря.

36) *Записки А. З. Зиновьева.* л. 7 об. — 8 об. *Вѣстникъ Европы.* 1887, апр., стр. 501—504.

37) *Полное Собраніе Сочиненій*

Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1883, VIII, 164—165.

38) *Плоды Меланхоліи,* питательные для чувствительнаго сердца. М. 1796 in 8°, II, 131—132.

39) *Біогр. Слов.* II, 229.

40) II, 540.

41) I, 111.

42) *Русскій Архивъ.* 1866, стр. 745.

43) *Автобіогр. Зап.*, стр. 70—80. *Русская Старина.* 1885, январь, стр. 49—50.

44) *Русская Старина.* 1885, янв. стр. 50, 53—54.

45) *Записки А. З. Зиновьева,* л. 5 и об., 6; *Русская Старина.* 1885, февраль, стр. 259.

46) Шевыревъ. Истор. *Импер. Моск. Университета.* М. 1855, стр. 430.

47) *Автобіогр. Зап.*, стр. 68—70.

48) *Записки А. З. Зиновьева,* л. 4—5.

49) *Дневникъ.* 1820, подъ 2 окт. 1821, подъ 6 февр.

50) Шлецеръ, *Несторъ,* II, 579—582.

51) *Дневникъ.* 1820, подъ 24 іюля.

52) *Автобіогр. Зап.*, стр. 98.

53) Кн. Долгоруковъ. *Росс. Родословн. Книга,* I, 328.

54) *Автобіогр. Зап.*, стр. 100—101.

55) *Слова и Рѣчи.* М. 1848, II, 207—211.

56) *Автобіогр. Зап.*, стр. 100—106.

57) *Дневникъ,* 1820, подъ 11 окт. 1821, подъ 8 февр., 17, 28 дек.

58) 1820 г., 18 іюля—28 сент.

59) Аксаковъ. *Біографія Ѳ. И. Тютчева.* М. 1886, стр. 14.

60) *Дневникъ.* 1820, іюня 18—сент. 28.

61) *Русскій Архивъ.* 1879, № 6.

62) Аксаковъ. *Біограф. Ѳ. И Тютчева,* стр. 15—16.

63) Смирновъ. *Ист. Моск. Дух. Академіи,* 1879, стр. 385, 390.

64) Давыдовъ. *Труды Общ. Люб. Рос. Словесности,* 1821, ч. XIX, стр. 5—27.

65) *Дневникъ,* 1820, подъ 27 августа.

66) Ѳеоктистовъ. *Матер. для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи.* Спб. 1865, I, 17.

67) *Дневникъ,* 1820, подъ 29 іюля.

68) 1820, подъ 25 іюля.

69) *Біограф. Слов. Московск. Универс.* II, 237.

70) *Дневникъ,* 1821, подъ 21 марта.

71) 1820, подъ 11 октября.

72) 1821, подъ 16 мая.

73) *Письма М. П. Погодина,* л. 1.

74) *Дневникъ,* 1821, подъ 17 сент.

75) 1820 сент.

76) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву.* Спб. 1866, стр. 281, 299.

77) *Дневникъ,* 1820, подъ 11 октября.

78) *Полн. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1879, II, 216—218.

79) *Дневникъ,* 1821, подъ 24 января.

80) 1821, подъ 6 февраля.

81) 1821, подъ 27 февраля.

82) Корфъ. *Жизнь Графа Сперанскаго,* II, 259.

83) *Дневникъ,* 1821, подъ 13 марта.

84) 1821, подъ 19 апрѣля.

85) 1821, подъ 9 апрѣля.

86) 1822, подъ 6 сентября.

87) 1821, подъ 12 января.

88) 1821, подъ 21 января.

89) 1820, подъ 28 августа.

90) 1820, подъ 3 октября.

91) 1821, подъ 2 января.

92) 1821, подъ 16 марта.

93) 1820, подъ 30 октября.

94) 1820, подъ 13 ноября.

95) 1821, подъ 13 марта.

96) 1820, сентябрь.

97) 1820, октябрь.

98) 1820, подъ 15 декабря.

99) 1821, подъ 21 января.

100) 1821, подъ 5 марта.

101) 1820, подъ 10 декабря.

102) 1821, подъ 6 января.

103) 1820, подъ 12 ноября.

104) 1820, подъ 24 іюля.

105) 1820, подъ 1 декабря.

106) 1820, подъ 29 октября.

107) 1820, октябрь.

108) 1820, подъ 27 декабря.
109) 1821, подъ 5 февраля.
110) 1821, подъ 11 февраля.
111) 1820, подъ 12 ноября.
112) 1820, подъ 3 октября.
113) 1820, подъ 30 декабря.
114) 1820, подъ 26 декабря.
115) 1820, подъ 16 ноября.
116) 1820, подъ 20 ноября.
117) 1820, подъ 7 ноября.
118) 1820, подъ 25 декабря.
119) 1820, подъ 25 декабря.
120) 1820, подъ 31 декабря.
121) 1820, подъ 1 ноября.
122) 1821, подъ 1 января.
123) *Русскіе Палеологи.* Спб. 1880, стр. 2.
124) *Дневникъ*, 1821, подъ 5 декабря.
125) 1821, подъ 2 февраля.
126) 1821, подъ 1 марта.
127) 1821, подъ 26 апрѣля.
128) 1821, подъ 1 февраля.
129) 1821, подъ 6 апрѣля.
130) 1821, подъ 6 апрѣля.
131) Зачало 149.
132) *Дневникъ,* 1821, подъ 7, 10 апрѣля.
133) *Русскій Архивъ*, 1868, стр. 1422.
134) *Дневникъ*, 1820, подъ 24 іюля.
135) 1821, подъ 14 апрѣля.
136) 1821, подъ 15 апрѣля.
137) 1821, подъ 13 мая.
138) 1821, подъ 13 мая.
139) *Письма М. П. Погодина*, л. 3 об.—4.
140) *Дневникъ*, 1820, подъ 24 іюля.
141) 1820, подъ 22 ноября.
142) 1821, подъ 22 февраля.
143) 1821, подъ 29 марта.
144) 1821, подъ 12 марта.
145) 1821, подъ 18 апрѣля.
146) 1821, подъ 2 января.
147) 1821, подъ 23 апрѣля.
148) 1821, подъ 18 мая—5 іюня.
149) *Автобіогр. Зап.*, стр. 111—112.
150) *Письмо* отъ 1 іюля 1821 г.
151) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 іюня.
152) *Письмо* отъ 1 іюля 1821 г.
153) *Автобіогр. Зап.*, стр. 113.
154) Письмо отъ 1 іюля 1821 г.
155) Письмо отъ 1 іюля 1821 г.
156) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 авуста.
157) *Письма М. П. Погодина*, л. 2 об.
158) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 іюля.
159) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 іюля.
160) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 іюля.
161) 1821, подъ 26 іюля.
162) Князь П. П. Вяземскій. *Пушкинъ.* Спб. 1880, стр. 61.
163) *Письма М. П. Погодина*, л. 2.
164) *Дневникъ*, 1821, подъ 20 августа.
165) 1821, подъ 27 сентября.
166) 1821, подъ 21 и 22 августа.
167) 1821, подъ 1 августа.
168) 1821, подъ 30 декабря.
169) 1821, подъ 25 іюля.
170) 1821, подъ 9 августа.
171) 1821, подъ 5 августа.
172) 1821, подъ 28 іюля.
173) Аксаковъ. *Біографія Ѳ. И. Тютчева*, стр. 16.
174) *Вѣстникъ Европы*, 1821, № 18 и 19.
175) *Дневникъ*, 1821, подъ 17 іюля.
176) 1821, подъ 19 іюля.
177) 1821, подъ 26 сентября.
178) 1821, подъ 31 іюля.
179) 1821, подъ 15 августа.
180) 1821, подъ 26 августа.
181) *Письма М. П. Погодина*, л. 4 об.
182) *Дневникъ*, 1821, подъ 23 сентября.
183) *Источники Русской Агіографіи.* Спб. 1882, стр. 554.
184) *Описаніе Спасо-Яковлевскаго монастыря.* Спб. 1849, стр. 66.
185) *Путешествіе по Св. Мѣстамъ Русскимъ.* Спб. 1836, стр. 69.
186) *Письма М. П. Погодина*, л. 5.
187) *Дневникъ*, 1821, подъ 16 сентября.
188) 1821, подъ 17 сентября.
189) 1821, подъ 18 сентября.
190) *Біогр. Слов. Моск. Унив.*, II, 257.
191) *Полн. Собр. Сочин. Князя П. А. Вяземскаго*, VIII, 135—136.

192) *Дневникъ,* 1821, подъ 25, 26 сентября.
193) Мой *Дорожный Дневникъ,* 1880, сентябрь.
194) *Дневникъ,* 1821, подъ 29 сент.
195) 1821, подъ 2 октября.
196) *Труды Общества Любителей Россійск. Словесности,* ч. XIX, 1821, стр. 5—27.
197) *Біогр. Слов. Моск. Универс.,* I, 34.
198) *Дневникъ,* 1821, подъ 6 мая.
199) 1821, подъ 12 октября.
200) *Записки* А. З. Зиновьева, л. 9 об.
201) *Дневникъ,* 1821, подъ 30 окт.
202) 1821, подъ 14 ноября.
203) 1821, подъ 6 ноября.
204) 1821, подъ 13 ноября.
205) 1821, подъ 12 ноября.
206) 1821, подъ 19 декабря.
207) 1821, подъ 4 декабря.
208) 1821, подъ 8 октября.
209) 1821, декабрь.
210) 1821, подъ 27 ноября.
211) *Письма М. П. Погодина,* л. 5 об.
212) *Русскій Архивъ,* 1875, III, 386.
213) *Дневникъ,* 1821, подъ 22 октября.
214) 1821, подъ 17 октября.
215) *Письма М. П. Погодина,* л. 6 об.
216) *Дневникъ,* 1821, подъ 19 октября
217) 1821, подъ 23 октября.
218) 1821, подъ 5 декабря.
219) 1821, подъ 6 октября.
220) 1821, подъ 3 октября.
221) 1821, подъ 15 ноября.
222) 1821, подъ 15 декабря.
223) 1821, подъ 15 декабря.
224) 1821, подъ 28 ноября.
225) 1821, подъ 23 ноября.
226) 1821, подъ 29 января, 15 декабря.
227) 1821, подъ 2 декабря.
228) 1821, подъ 11 декабря
229) 1821, подъ 1 ноября.
230) 1821, подъ 30 октября.
231) 1821, подъ 6 октября.
232) 1821, подъ 7 декабря.
233) 1821, подъ 8 декабря.
234) *Біографія Тютчева,* стр. 19—20.
235) *Дневникъ,* подъ 8 декабри.
236) 1821, подъ 11 декабря.
237) 1821, подъ 11 декабря.
238) 1821, подъ 26 декабря.
239) 1821, подъ 26 декабря.
240) 1822, подъ 4 марта.
241) 1822, подъ 28 января, 9 февраля.
242) 1822, подъ 17 февраля.
243) 1822, подъ 19 апрѣля.
244) 1821, подъ 28 ноября.
245) 1821, подъ 22 ноября.
246) 1821, подъ 22 ноября.
247) 1821, подъ 13 декабря.
248) 1822, подъ 22 февраля.
249) 1821, подъ 3 декабря.
250) 1821, подъ 20 декабря
251) 1822, подъ 18 января.
252) 1822, подъ 18 января.
253) 1822, подъ 9 мая.
254) 1822, подъ 15 февраля.
255) 1822, подъ 16 сентября.
256) 1822, подъ 27 марта.
257) 1822, подъ 27 марта.
258) 1822, подъ 22 февраля.
259) 1822, подъ 18 февраля.
260) 1822, подъ 27 февраля.
261) 1822, подъ 28 февраля и 1 марта.
262) 1822, подъ 9 марта.
263) 1822, подъ 28 января.
264) 1822, подъ 4 апрѣля.
265) *Біограф. Слов. Моск. Универ.,* I, 277.
266) *Дневникъ,* 1822, подъ 4 апр.
267) *Чтенія М. О. И. Д.,* 1870, IV, 217.
268) *Дневникъ,* 1822, подъ 26 февр.
269) 1822, подъ 5 марта.
270) 1822, подъ 5 марта.
271) 1822, подъ 20 марта.
272) 1822, подъ 27 марта.
273) 1822, подъ 8 апрѣля.
274) 1822, подъ 14 апрѣля.
275) 1822, подъ 18 апрѣля.
276) 1822, подъ 19—20 апрѣля.
277) 1821, подъ 19 января.

278) 1821, подъ 3 іюня.
279) 1821, подъ 12 іюня.
280) 1821, подъ 10 іюня.
281) 1822, подъ 8 мая.
282) 1822, подъ 15 мая.
283) 1822, подъ 14 мая.
284) *Воспоминанія Вигеля*, I, 173—174.
285) *Дневникъ*, 1822, апрѣля 13.
286) 1822, подъ 14 апрѣля.
287) Безсоновъ, *Калайдовичъ*, стр. 134.
288) *Дневникъ*, 1822, подъ 22 апрѣля.
289) 1822. Май.
290) *Переписка Румянцова*, изд. Е. В. Барсовымъ въ Чтеніяхъ И. О. И. Д., 1882, I, 220.
291) *Переписка А. Х. Востокова*, изд. И. И. Срезневскимъ, стр. 28—29.
292) *Дневникъ*, 1822, подъ 13 іюня.
293) *Письма Карамзина къ Дмитрьеву*, стр. 336.
294) *Дневникъ*, 1822, подъ 19 августа.
295) 1822, подъ 5 апрѣля, 23 и 26 мая.
296) *Біографія Ѳ. И. Тютчева*, стр. 12—13; *Полн. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*, VII, 163.
297) *Дневникъ*, 1822, подъ 23 января.
298) 1822, подъ 11 марта.
299) 1822, подъ 13 и 22 марта.
300) *Письма М. П. Погодина*, л. 8 об.—9.
301) *Дневникъ*, 1822, подъ 30 марта.
302) 1822, подъ 19 февраля.
303) 1822, подъ 16 апрѣля.
304) 1822, подъ 23 февраля.
305) 1822, подъ 26 марта.
306) 1822, подъ 3 апрѣля.
307) 1822, подъ 11 апрѣля.
308) 1822, подъ 19 января.
309) *Слова и Рѣчи*, II, 94.
310) *Дневникъ*, 1822, подъ 10 апр.
311) 1822, подъ 14 апрѣля.
312) 1822, подъ 23 апрѣля.
313) 1822, подъ 5 февраля.
314) 1822, подъ 18 февраля.
315) *Полн. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*, III, стр. 355.
316) *Дневникъ*, 1822, подъ 18 февр.
317) Аксаковъ, *Біографія Ѳ. И. Тютчева*, стр. 17.
318) *Дневникъ*, 1822, подъ 27 мая.
319) 1822, подъ 28 мая.
320) 1822, подъ 29 мая.
321) 1822, подъ 9 іюня.
322) 1822, подъ 10 іюля.
323) 1822, подъ 24 іюня.
324) 1822, подъ 5 іюля.
325) 1822, подъ 3 іюня.
326) 1822, подъ 4 іюня.
327) 1822, подъ 17 августа.
328) 1822, подъ 20 августа.
329) 1822, подъ 9 іюня.
330) 1822, подъ 3 іюля.
331) 1822, подъ 11 іюля.
332) 1822, подъ 23 іюня.
333) *Рѣчи*, М. 1872, стр. 147.
334) *Дневникъ*, 1822, 9—10 іюля.
335) 1822, подъ 27 іюля, 1822.
336) 1822, подъ 13 іюля.
337) 1822, подъ 16 іюля.
338) 1822, подъ 22 іюля.
339) 1822, подъ 12 августа.
340) 1822, подъ 1 августа.
341) *Русскій Архивъ*, 1885, I, 113—131.
342) *Дневникъ*, 1822, подъ 12 іюля.
343) 1822, подъ 24 августа.
344) *Вѣстникъ Европы*, 1822, № 11—12.
345) *Дневникъ*, 1822, подъ 2 сентября.
346) 1822, октябрь.
347) 1822, подъ 28 октября, 14 ноября.
348) 1822, подъ 5 ноября.
349) 1822, подъ 16 октября.
350) 1822, подъ 22 іюля.
351) 1822, подъ 15 ноября.
352) 1822, подъ 20 марта.
353) 1820, подъ 1 ноября.
354) 1822, подъ 29 октября.
355) *Вѣстникъ Европы*, 1823 № 1, январь, стр. 35—57.
356) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 337.
357) *Сочиненія Д. В. Давыдова*. М. 1860, III, 132.

358) *Дневникъ,* 1822, подъ 16 окт.

359) *Полн. Собр. Законовъ,* XXXVIII, № 29, 151.

360) Галичь. *Исторія Философскихъ Системъ.* Спб. 1819, II, 255—257.

361) *Московскій Вѣстникъ,* 1830, ч. I, 111—116.

362) *Сочиненія А. С. Хомякова,* I, 287—288.

363) Пятковскій. *Полн. Собр. Сочиненій Д. В. Веневитинова.* Спб. 1862, стр. 14.

364) *Русскій Архивъ,* 1864, стр. 804—805.

365) *Русскій Архивъ,* 1874, I, 316—318.

366) *Вѣстникъ Европы,* 1823, № 13, стр. 18.

367) Ѳеоктистовъ. *Матеріалы для исторіи Просвѣщенія въ Рсссіи.* Спб. 1865, I, 153—154, 157—158.

368) *Полн. Собр. Сочиненій И. В. Кирѣевскаго.* М. 1861, II, 322—323; *Дневникъ,* 1821, подъ 7 октября.

369) *Дневникъ,* 1822. октябрь.

370) 1822, подъ 16 ноября.

371) 1822, подъ 8 ноября.

372) 1823, подъ 21 янв.—14 февр.

373) 1823, подъ 12 марта.

374) 1823, подъ 2 іюня.

375) 1823, подъ 4 іюня.

376) 1823, подъ 18 февраля.

377) 1223, подъ 25 марта.

378) 1822, подъ 17 декабря.

379) 1823 подъ 1 апрѣля.

380) 1823 подъ 16 апрѣля, 20 мая.

381) Погодинъ. *Воспоминаніе о Шевыревѣ,* стр. 7.

382) *Труды Общества Л. Р. С.,* 1823, III, 281—282.

383) *Дневникъ,* 1823, подъ 24 февр.

384) *Вѣстникъ Европы,* 1823, № 8, стр. 245—263.

385) *Дневникъ,* 1823, подъ 25 марта,

386) 1823, подъ 18 іюня.

387) *Знакомство съ Русскими Поэтами,* стр. 17.

388) *Въ память о Князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ.* М. 1869, стр. 45—47.

389) *Дневникъ,* 1823, подъ 7 декабря.

390) *Русскій Архивъ* 1882, III, 131,

391) Біограф. Слов. Моск. Универс. II, 157—159.

392) *Москвитянинъ,* 1841, № 11, стр. 272—274.

393) *Дневникъ,* 1823, подъ 12 апр.

394) *Русскій Архивъ,* 1874, I, 258.

395) *Воспом. о Шевыревѣ,* стр. 7.

396) *Въ память о Князѣ Одоевскомъ,* стр. 49.

397) *Дневникъ,* 1823, подъ 3 мая.

398) 1823, подъ 8 мая.

399) 1823, подъ 10 мая.

400) *Письма,* I, 1—2.

401) *Дневникъ,* 1823, подъ 2 іюня.

402) 1823, подъ 31 марта.

403) 1823, подъ 19 іюня.

404) 1823, подъ 5 апрѣля.

405) 1823, подъ 18 апрѣля.

406) 1823, подъ 19 апрѣля.

407) 1823, подъ 22 апрѣля.

408) *Моск. Вѣдом.* 1822, № 72, стр. 2277.

409) *Дневникъ* 1823, подъ 23 февр.

410) *Вѣстникъ Европы,* 1823, мартъ № 5, стр. 11—20.

411) *Вѣстникъ Европы,* 1823, мартъ, № 6, стр. 151—153.

412) *Дневникъ,* 1823, подъ 20 мая.

413) *Московск. Вѣдом.* 1823, № 45 іюня 6, стр. 1533.

414) *Вѣстникъ Европы,* 1823.

415) *Дневникъ,* 1823, подъ 14 іюля.

416) *Вѣстникъ Европы,* 1823, № 2, стр. 116—128; № 3—4, стр. 252—261 и № 5, стр. 39—51.

417) *Дневникъ,* 1823, подъ 21 марта.

418) *Дневникъ,* 1823, подъ 1 марта.

419) 1823, подъ 6 мая.

420) 1823, подъ 19 мая.

421) 1823, подъ 30 мая, 21 іюня.

422) *Переписка Востокова,* стр. 47—48.

423) *Труды и Лѣтописи,* ч. III, кн. II. М. 1827, стр. 16, 27—28.

424) *Дневникъ,* 1823, подъ 14 окт.

425) *Труды перваго Археол. Съѣзда* М. 1871, стр. 111.

426) *Дневникъ*, 1823, подъ 14, 21 іюля.
427) 1823, подъ 9, 11 августа.
428) 1823, подъ 9 сентября.
429) 1823, подъ 13—14 сентября.
430) 1823, подъ 18 сентября.
431) 1823, подъ 22 сентября.
432) 1823, подъ 7 и 24 сентября.
433) *Письма*, I, 5—8.
434) *Дневникъ*, 1823, подъ 16 авг.
435) *Біограф. Слов. Моск. Унив.*, II, 554.
436) *Полное Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1882, VII, 269.
437) *Дневникъ*, 1823, подъ 24 сент.
438) 1823, подъ 16 іюля.
439) 1823, подъ 29 іюля.
440) 1823, подъ 16 сентября.
441) 1823, подъ 25 іюля.
442) 1823, подъ 24 іюля.
443) 1823, подъ 13 сентября.
444) 1823, подъ 6 августа.
445) 1823, подъ 27 августа.
446) 1823, подъ 4 августа, 8 сентября.
447) 1823, подъ 22 іюля.
448) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 357.
449) *Московск. Вѣдом.* 1823, № 69.
450) *Дневникъ*, 1823, подъ 21 авг., 6 сентября.
451) *Сочиненія Филарета.* М. 1874, II, 125—126.
452) Корфъ. *Восшествіе на престолъ имп. Николая.* Спб. 1857, стр. 26—28.
453) *Московск. Вѣдом.* 1823, № 70.
454) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 357—358.
455) *Дневникъ*, 1823, подъ 21 авг. 6 сент.
456) 1823, подъ 28 сентября.
457) *Дневникъ*, 1823, подъ 28 сентября.
458) 1823, подъ 27 октября.
459) 1823, подъ 14 ноября.
460) 1823, подъ 25 ноября.
461) 1823, подъ 10 октября.
462) *Біогр. Слов. Моск. Унив.*, II, 530.
463) *Дневникъ*, 1823, подъ 6 ноября. окт. 2.
464) 1823, подъ 16 окт.
465) *Вѣстникъ Европы*, 1823, декабрь № 23—24.
466) *Дневникъ*, 1823, подъ 25 ноябр.
467) 1823, подъ 26 ноября.
468) 1823, сентябрь.
469) 1822, іюль.
470) *Біограф. Слов. Моск. Универ.* II, 537, 538.
471) *Дневникъ*, 1824, подъ 5 марта, 27 мая.
472) *Бесѣды въ Общ. Л. Р. Сл.*, М. 1868. II, отд. 2, стр. 19.
473) *Дневникъ*, 1823, подъ 1 октябр.
474) 1823, подъ, 31 октября.
475) 1823, подъ 15 ноября.
476) 1823, подъ, 20—21 октября.
477) *Полн. Собр. Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, 167—173.
478) *Сочиненія А. С. Пушкина.* Спб. 1887, VII, 74—75.
479) *Дневникъ*, 1824, подъ 28 февраля, 4 марта.
480) 1824, подъ 9 апрѣля.
481) *Вѣстникъ Европы*, 1824, № 5.
482) *Сынъ Отечества*, 1824, № XVIII.
483) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 82.
484) *Переписка Государственнаго Канцлера*, стр. 279, 281.
485) *Дневникъ*, 1824, подъ 8 февраля.
486) *Вѣстникъ Европы*, 1824, № 4 февраль, стр. 260—264; *О происхожденіи Руси*, М. 1825, стр. 111—113.
487) *Вѣстникъ Европы*, февраль № 4, стр. 283—287; *Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи*, М. 1846, III, 47—50.
488) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 342—343.
489) *Вѣстникъ Европы*, 1824, мар. № 5, стр. 19—29. *Изслѣдов., Замѣч. и Лекціи*, III, 50—56.

490) *Дневникъ*, 1823, подъ 27 марта.
491) *Вѣстникъ Европы*, 1824, март. № 6, стр. 127—130.
492) *Вѣстникъ Европы*, 1824, № 7 апр. с., 191—195; *Изсл., Замѣч. и Лекціи*, III, 22—24.
493) *Вѣстникъ Европы*, 1824, май № 9, с. 20—28; № 10, с. 102—114; іюнь № 11, с. 189—198; *О происхожденіи Руси*, стр. 1—24.
494) *Дневникъ*, 1824, подъ 7 мая, 23 марта.
495) 1824, подъ 20 января, 7 мая.
496) 1824, подъ 29 іюня.
497) 1824, подъ 5—17 августа.
498) *Переписка Госуд. Канцлера*, стр. 290, 291, 296.
499) *Письма*, I, 9—13.
500) *Переписка Востокова*, стр. 155.
501) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 303.
502) *Переписка Востокова*, стр. 163.
503) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 307.
504) *Дневникъ*, 1825, подъ 26 янв., 2 и 22 февр.
505) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 311.
506) *Переписка Востокова*, стр. 176, 181.
507) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 313—314.
508) *Дневникъ*, 1825, подъ 15 мар.
509) *Переписка Востокова*, стр. 170, 187, 190.
510) *Дневникъ*, 1825, подъ 8 мая.
511) *Переписка Востокова*, стр. 211—212.
512) *Письма*, I, 45—48.
513) *Дневникъ*, 1825, подъ 15 апр.
514) *Письма*, I, 33; *Переписка Востокова*, стр. 231; *Чтенія И. О. И. и Д.* 1864, Кн. 2-я; *Несторъ*, II, 565—566.
515) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 334.
516) *Дневникъ*, 1824, подъ 25 и 28 января, 25 февраля.
517) *Труды и Лѣтописи*, 1827. Ч. III, кн. II, стр. 56.
518) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, М. 1869, стр. 172.
519) *Дневникъ*, 1824, подъ 31 мая.
520) *Труды и Лѣтописи*, Ч. III, кн. II, стр. 83, 92.
521) *Дневникъ*, 1824, подъ 27 мар., 14 апр. и 15 іюня.
522) 1824, подъ 30 апрѣля.
523) 1824, подъ 23 мая.
524) 1824, подъ 27—29 іюня.
525) 1823, подъ 4 октября.
526) 1824, подъ 28 февраля и 11 апрѣля.
527) 1823, подъ 5, 10 и 14 декабря. 1824, подъ 7, 21 апр. и декабрь.
528) 1824, подъ 13 февраля.
529) 1824, подъ 9 и 17 марта.
530) 1824, подъ 18 февраля.
531) 1824, подъ 13 мая.
532) 1824, подъ 20 апрѣля.
533) 1824, подъ 26 февр. 1825, подъ 16 февр.
534) 1824, подъ 3 и 4 апрѣля.
535) 1824, подъ 6 апрѣля.
536) 1824, подъ 24 ноября.
537) 1824, подъ 23 января.
538) 1824, подъ 28 мая.
539) *Мнемозина*, 1825, IV, 103—104.
540) *Дневникъ*, 1824, подъ 5—6 мая, 7 декабря.
541) 1824, подъ 13 мая.
542) *Записки Шишкова*. Берлинъ, 1870, II, 164—166.
543) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 378, 388.
544) *Сочиненія Филарета*, М. 1874 II, 234—240.
545) *Дневникъ*, 1824, подъ 14 іюня
546) 1824, подъ 28 мая.
547) 1824, подъ 3 августа.
548) 1824, подъ 19 ноября.
549) 1824, подъ 6, 13—26 сентября.
550) 1824, подъ 26 сентября.
551) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 383—384, 386.
552) *Сочиненія Пушкина*, VII, 98—99.

553) *Дневникъ*, 1824. Ноябрь.
554) 1824, подъ 15 декабря.
555) *Словарь достопамятныхъ людей*. Спб., 1847, III, 167—168.
556) *Дневникъ*, 1825, подъ 7 января.
557) 1825, подъ 13 февраля.
558) 1825, подъ 24 января.
559) 1825, подъ 15 февраля.
560) 1825, подъ 21—22 февраля.
561) 1825, подъ 10 марта.
562) *Біограф. Слов. Моск. Универс.* II, 240—241.
563) *Дневникъ*, 1825, подъ 17 апрѣля.
564) 1825, подъ 11 и 12 марта.
565) 1825, подъ 20 и 22 марта.
566) *Русскій*, 1868, № 7.
567) Письма *Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 395.
568) *Біограф. Слов. Моск. Унив.* II, 240.
569) *Дневникъ*, 1825, подъ 28 апр.
570) 1825, подъ 9 мая.
571) *Письма*, I, 21.
572) *Дневникъ*, 1825, подъ 23 апрѣля,
573) *Біограф. Слов. Москов. Унив.*. II, 241.
574) *Переписка Востокова*, стр. 203—204.
575) *Письма*, I, 41.
576) *Дневникъ*, 1825, подъ 8 января, 7, 8, 25, 26 мая.
577) 1825, подъ 1, 9, и 14 февраля, 17 марта, 18 апрѣля, 6 іюля, 26 октября, 10 и 26 ноября.
578) 1825, подъ 8 января и 19 апр.
579) 1825, подъ 16 февраля, подъ 9 и 24 мая.
580) 1825, подъ 23—28 марта.
581) 1825, подъ 5—10 апрѣля, 1 и 28 мая.
582) Веневитиновъ, *Русск. Архивъ*, 1885, I, 113—131.
583) *Дневникъ*, 1825, подъ 9 мая.
584) 1825, подъ 30 января.
585) 1825, подъ 13 февраля.
586) 1825, подъ 30 апрѣля.
587) 1825, подъ 17 мая.
588) 1825, подъ 19—20 мая.
589) 1825, подъ 30 мая, 1—3, 6—10, 12 іюня.
590) 1825, подъ 17 іюня.
591) 1825, подъ 9 августа.
592) 1825, подъ 19—25 іюня.
593) *Повѣсти Михаила Погодина*, М. 1832, I, 1—23.
594) *Дневникъ*, 1825, подъ 27—30 іюня.
595) *Повѣсти Михаила Погодина*, I, 27—52.
596) *Дневникъ*, 1825, подъ 2—4 августа; *Повѣсти Михаила Погодина*, I, 55—77.
597) *Дневникъ*, 1825, подъ 20—25 іюля.
598) 1825, сентябрь.
599) 1825, подъ 20—26 іюня, 17 іюля, 17 сентября.
600) 1825, подъ 1—5 іюля.
601) 1825, подъ 6—13 сентября.
602) *Письма*, I, 49.
603) *Дневникъ*, 1825, подъ 6—13 сентября.
604) 1825, подъ 10 и 31 августа.
605) 1825, подъ 30 сентября.
606) 1825, подъ 1—9 октября.
607) *Труды и Лѣтописи*. Ч. III. кн. II, стр. 103, 112, 117.
608) *Дневникъ*, 1825, подъ 16—17 окт.; Ивановскій *И. М. Снегиревъ*. Спб. 1871, стр. 129.
609) *Дневникъ*, 1825, подъ 18 окт.
610) *Русскій Архивъ*, 1866, стр. 475.
611) *Дневникъ*, 1825, подъ 18 окт.
612) 1825, подъ 25 окт.
613) *Русскій Архивъ*, 1879, II, 477,
614) *Дневникъ*, 1825, подъ 13 нояб.
615) *Сочиненія Пушкина*, VII, 167.
616) *Переписка Востокова*, стр. 239.
617) *Письма*, I, 63—64.
618) Тамъ-же, I, 69.
619) *Дневникъ*, 1825, подъ 19 октяб.
620) *Воспомин. о Шевыревѣ*, стр. 8.
621) *Дневникъ*, 1825, подъ 6—16 декабря. *Письма*, I, 147—148.
622) *Дневникъ*, 1825, подъ 13 ноября.

623) Сушковъ. *Записки о жизни и времени Филарета.* М. 1868, прил. стр. 82.

624) *Дневникъ,* 1825, подъ 29 ноября.

625) 1825, подъ 2 декабря.

626) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву,* стр. 410.

627) *Письма Карамзина Малиновскому,* М. 1860, стр. 81.

628) *Записки о Филаретѣ,* прил., стр. 82—83.

629) *П. Собр. Сочиненій Князя П.* А. *Вяземскаго,* II, 96—97; *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву,* стр. 411—412.

630) *Записки о Филаретѣ,* стр. 84—85.

631) *Русскій Архивъ* 1868, стр. 1675

632) *Дневникъ,* 1825, подъ 17 декабря.

633) 1825, подъ 18—20 декабря.

634) *Дневникъ,* 1825, подъ 21—22 декабря.

635) *Русскй Архивъ,* 1866, стр. 1766—1770.

636) *Жизнь и Труды П. М. Строева* Спб. 1878, стр. 124—125.

637) *Письма,* I, 101.

638) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву,* стр. 379—380.

639) *Письма,* I, 99.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ книги у издателя Александра Дмитріевича Погодина. Спб. Лиговка, д. № 23, кв. 2.